

Морская летопись

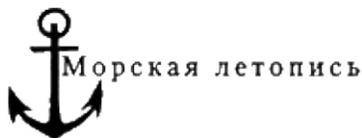
ФЛОТ

ЛЮДОВИКА XV

Эдуард Созаев
Сергей Махов

Annotation

Регентство и царствование Людовика XV было омрачено двумя большими войнами, в которых Франция потерпела поражение на море. Первой из них была Война за австрийское наследство. Основными театрами военных действий ее были — Центральная Европа, Австрийские Нидерланды, Северная Италия. Одновременно, между Англией, с одной стороны, и Францией и Испанией — с другой, шла война на море. В новой книге историков С. Махова и Э. Созаева подробно рассказывается о состоянии французского флота первой половины XVIII в., а также о выдающихся французских адмиралах и самых известных морских операциях и сражениях Войны за австрийское наследство.

-
- [Сергей Махов, Эдуард Созаев](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Словарь морских терминов и выражений](#)
 - [Тактика](#)
 - [Корабли открытого моря](#)
 - [Корабли прибрежных флотов](#)
 - [Ремонт](#)
 - [Вооружение](#)
 - [Стрельба](#)
 - [Звания](#)
 - [Иррегулярные морские силы](#)
- [Приложения](#)
 - [Приложение № 1](#)
 - [Приложение № 2](#)
 - [Приложение № 3](#)
- [Список основной литературы:](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
-
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)

- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)

- [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
 - [139](#)
 - [140](#)
 - [141](#)
 - [142](#)
 - [143](#)
 - [144](#)
 - [145](#)
 - [146](#)
 - [147](#)
 - [148](#)
 - [149](#)
 - [150](#)
 - [151](#)
 - [152](#)
 - [153](#)
 - [154](#)
 - [155](#)
 - [156](#)
 - [157](#)
 - [158](#)
 - [159](#)
 - [160](#)
 - [161](#)
 - [162](#)
 - [163](#)
 - [164](#)
 - [165](#)
 - [166](#)
 - [167](#)
-

Сергей Махов, Эдуард Созаев

ФЛОТ ЛЮДОВИКА XV

Предисловие

1

В своих прошлых книгах мы рассмотрели период расцвета французского флота. При Кольберах удалось создать эффективную систему строительства кораблей, набора экипажей, вскоре во Франции появились грамотные адмиралы и морские офицеры, французский флот смог бросить вызов двум сильнейшим флотам своего времени — английскому и голландскому. Если первый раунд (война Аугсбургской лиги) флот смог свести вничью, то второй — проиграл. Основной причиной этого стала новая политика морского министра Жерома Поншартрена, направленная на поддержку каперства, а также непонятная вертикаль власти в Морском ведомстве. После смерти Турвилля адмиралом Франции (высшее военноморское должностное лицо) стал бастард Людовика XIV, юный граф Тулузский, а его главным советником — граф д'О, никогда в море не бывавший и никакими военными талантами не обладавший. Как следствие — постоянные склоки между вице-адмиралами флотов Океана и Леванта, д'О, Поншартреном и Министерством финансов вылились в полную дезорганизацию флота Франции. К этому прибавилась тяжелая война на суше, которая велась на четырех различных театрах военных действий (в Испании, Фландрии, Германии и Италии), не считая стычек и боев в колониях. С 1707 года финансирование французского флота постоянно урезалось, часть кораблей, притопленных в Тулоне во время его осады, была списана сразу же после ее окончания, другая часть — отдана на откуп арматорам для каперства; а третьи так и остались стоять притопленными в бухте. После инспекции Тулона, проведенной 11 марта 1713 года, из состава флота были исключены следующие корабли: 104-пушечный «Фудроян» 1693 года постройки, прославленный 102-пушечный «Солей Руаяль» (любимый корабль Людовика XIV), 100-пушечный «Террибль», 92-пушечные «Амирабль» и «Сент-Филипп», 88-пушечный «Фье», 86-пушечные «Манифик» и «Оргилье», а также 74-пушечный «Сент-Эсприт» — то есть 9 кораблей I ранга Флота Леванта. С учетом 8 списанных сразу же после осады линкоров французский флот потерял 17 линейных кораблей — больше, чем в любом морском сражении! Согласно спискам от 11 марта 1713 года, на тот момент боеготовыми числились 2 линкора II ранга,

5 линкоров III ранга, один 40-пушечный фрегат, один кайк и два барка^[1]. В Бресте ситуация была не лучше — 17 кораблей и фрегатов. Это все, что осталось от некогда великого флота.

Флотское начальство попыталось принять ряд неотложных мер — к тимберовке подготовили 5 кораблей I ранга, 4 корабля II ранга, 5 кораблей III ранга, а также несколько бомбардирских судов, пару галиотов и брандер, однако финансовый кризис не дал в полном объеме выполнить эти работы.

Мы еще подробно остановимся на этом в книге, сейчас же упомянем о том, что новые правители Франции встали перед той же проблемой, какую решал Кольбер, то есть строительством флота с нуля.

2

Регентство и последовавшее за ним царствование Людовика XV ознаменовалось двумя большими войнами, в которых Франция потерпела поражения на море — это Война за австрийское наследство и Семилетняя война. Мы решили осветить первую часть состязания Англии и Франции — Войну за австрийское наследство, а точнее — историю французского флота с 1713-го по 1749 год. Таким образом, книга эта — логическое продолжение нашего описания операций и состояния французского флота во время Войны за испанское наследство. Что же касается Семилетней войны, мы считаем, что она заслуживает отдельной книги и отдельного описания.

В войне 1739–1748 годов^[2] англичане проявили себя гораздо хуже, чем во время Войны за испанское наследство, но причины этого стоит искать не во французах или испанцах, а в самих британцах. Британское Адмиралтейство к сороковым годам оказалось сонным царством, скопищем доживающих свой век дряхлых адмиралов, которые никак не могли наладить работу и показной жесткостью только вносили сумятицу в действия командующих эскадрами и кэптенов. Потребовались большие реформы в Адмиралтействе в 1746–1747 годах, а также по результатам войны, чтобы Ройял Неви действительно стал полновластным хозяином морей.

Вторая причина невыразительных действий англичан на море в Войну за австрийское наследство (на наш взгляд) — это отставание в технике и технологии. Испанцы и французы имели более крупные и высокобортные

корабли, которые позволяли им вести бой даже при волнении на море. В свою очередь, британские 70- и 64-пушечники — основные корабли флота — по размерам были сопоставимы с французскими и испанскими 50- или 60-пушечниками и в условиях Атлантики с ее постоянными штормами нередко не могли использовать пушки гон-дека, часто оказываясь, по сути, с фрегатским вооружением против линкоров французов и испанцев.

Ошибкой же французов в описываемую эпоху можно считать отказ от строительства 100- и 90-пушечников — ядра сбалансированного флота. Мы еще остановимся на причинах, вызвавших это решение.

В свою очередь, подготовка английских команд (на уровне матросов и унтер-офицеров) в эту войну оказалась на голову выше французской и испанской — британцы сделали правильные выводы из Войны за испанское наследство и смогли создать постоянное ядро флотских команд, которые к сороковым годам оказались отличными профессионалами и громили всех и вся. Также к 1736 году были полностью укомплектованы и обучены шесть полков морской пехоты Его Величества (в 1713 году из-за жесткой экономии они были расформированы). Таким образом, морские солдаты и матросы имели исключительную выучку в отличие от английских кэптенов и адмиралов. Последние раз за разом принимали неверные решения, проявляли некомпетентность, непрофессионализм, а часто — просто трусость. Конечно же, были исключения (к примеру — коммодоры Энсон или Уоррен), но, в основном, уровень британского командования был очень низок.

В Войне за австрийское наследство французская армия под командованием принца Морица Саксонского отлично проявила себя во Фландрии, захватив почти всю территорию Австрийских Нидерландов, однако по мирному договору в Аахене (1748 год) Франция осталась в тех же пределах, что и до войны. Это положение Франции можно объяснить отсутствием у нее внятной морской политики, да и вообще — просто отсутствием внятной политики. При Людовике XV — в отличие от его предшественника — к середине царствования к трону были приближены посредственности, которые чуть позже низвергнули страну в пучину финансового, военного, политического и экономического кризиса. Мы еще подробно расскажем об этом.

Причем самое интересное, что королевство Людовика XV имело в то время гораздо большие доходы, нежели в правление Людовика XIV^[3]. Дело здесь в следующем: 200 из 300 миллионов ливров дохода французскому государству давали вест-индские колонии. На Сан-Доминго, Мартинике, Гваделупе и других островах процветали сахарные плантации французских

колонистов, лангедокские купцы прибыльно торговали с Левантом. По словам современника: *«Старые семена Кольбера пошли в рост с наступлением мира... До 1720 года Франция знала только купцов; сейчас торговля пошла живее — и у нас явились негоцианты»*. При регенте, пользуясь послаблением в налогах и общей слабостью государства, французские коммерсанты развернулись в полную силу. Само собой произошло разделение сфер влияния между крупными торговыми портами Франции, чему немало способствовал утвержденный список королевских портов, откуда *«производить дозволено торговлю с французскими американскими островами»*. Сен-Мало имел прочные позиции в Вест-Индии, согласно отчету контролера финансов *«из 133 французских судов, посетивших Вест-Индию с 1698-го по 1724 год 86 были снаряжены в Сен-Мало»*; Марсель полностью узурпировал торговые связи с Турцией и Испанией; Ла-Рошель традиционно специализировалась на коммерции с Канадой и высылке рыбаков к Ньюфаундленду; Бордо, посылавший корабли к Мартинике, еще в 1700-м году насчитывал всего 40 тысяч жителей, а уже к 1747 году — 60 тысяч. Правительство по мере сил поощряло развитие торговли, и это принесло свои плоды — к 1730 году торговый флот Франции составлял 5364 судна и 41 906 моряков (для сравнения — французский торговый флот во времена Людовика XIV насчитывал 2365 судов^[4], и только около 30 из них — более 600 тонн водоизмещением). К середине царствования Людовика XV колонисты Вест-Индских островов (Сент-Кристофер, Монсеррат, Доминика, Сент-Винсент, Барбуда, Тобаго, Гренада, Гренадины, Мартиника, Сан-Доминго) сумели совершить экономическое чудо — две трети доходов королевства обеспечивалось именно их товаром. Мартиника и Сан-Доминго стали крупнейшими торговыми площадками в Вест-Индии — иногда в портах разгружалось до 80 кораблей одновременно, а сам товарооборот обеспечивался более чем 1200 судами! Однако большая часть этих кораблей не была французскими — чаще всего арматоры фрахтовали голландские торговые суда. Дело в том, что налоги и таможенные сборы в Голландии были гораздо меньше французских, да и сами корабли стоили дешевле. Таким образом, французские купцы финансировали строительство голландского коммерческого флота и в то же время отнимали деньги у своих верфей. В результате возникла беспрецедентная ситуация — выросшая на пустом месте огромная морская торговля обеспечивалась, по сути, кораблями, экипажами и деньгами другого государства и не стимулировала собственную кораблестроительную промышленность! Соответственно, Франция и ее торговля (а равным образом и ее доходы)

попадали в зависимость от Голландии, что заставляло правительство Людовика всегда учитывать этот фактор.

Поскольку размеры собственно французского торгового флота, несмотря на громадный рост морской торговли, остались небольшими, трудно было убедить общество в строительстве крупного военного флота. Поэтому раз за разом Морское министерство Франции при реализации кораблестроительных программ натыкалось на стену непонимания и откровенной вражды не только короля и его фаворитов или фавориток^[5], но и крупных промышленников и предпринимателей, которые совершенно не понимали, зачем нужны эти траты.

Дополнительной проблемой было и то, что само правительство шарахалось из стороны в сторону, иногда в корне меняя концепцию развития флота. Впрочем, это не было бы критично, если бы не очередная эскалация отношений с Англией.

3

После Войны за испанское наследство и Франция, и Англия оказались на грани государственного банкротства. Британия, бюджет которой в то время составлял 4 миллиона фунтов стерлингов, имела внешний долг в 50 миллионов фунтов, то есть проела свой бюджет на 12 лет вперед. К 1710 году истощение от войны достигло предела: в результате цепи политических интриг партия тори во главе с лордом Генри Сент-Джоном, виконтом Болингброком и герцогом Робертом Харли сумела отстранить от власти партию вигов, лидерами которой была чета герцогов Мальборо. После смены правительства Англия предложила Франции подписать мир.

Сразу же по приходу к власти тори выдвинули проект погашения государственного долга страны. Суть состояла в следующем — Харли предлагал включить в мирный договор пункт об *асьенто* (ввозе чернокожих рабов на территорию испанской Америки) для Англии и о праве на торговлю с испанскими колониями. Эту привилегию должна была получить вновь учреждаемая акционерная компания, которая взамен возьмет на себя ответственность по срочным или уже просроченным долгам правительства на сумму 10 миллионов фунтов стерлингов. Правительство, в свою очередь, должно согласится выплачивать компании шесть процентов годовых — итого 600 тысяч фунтов в год (точная цифра — 576 534 фунта).

В апреле 1713 года в Утрехте был подписан мирный договор. Англия

получила *асьенто* на 30 лет и право на заход — *navio de permiso* — одного торгового судна в год на ярмарку в Порто-Белло на побережье Панамы. Ежегодная квота на ввоз рабов составляла 4800 мужчин (единицей исчисления был *pieza de India* — раб-мужчина без физических дефектов ростом не менее 58 дюймов. Женщина обычно засчитывалась как 0,8 *pieza*). Это было далеко от тех радужных перспектив, какие воображались Роберту Харли. Ему к тому же не удалось учредить банк для обслуживания реструктурированного долга — по уставу Банка Англии, он единственный пользовался правом эмиссии. Тем не менее сделка казалась взаимовыгодной. «Компания Южных морей» (так называли новую компанию) выпустила акции, обеспеченные ее соглашением с правительством. К тому же никто не сомневался, что компании удастся наладить контрабандную торговлю: испанская промышленность, особенно в условиях войны, просто не справлялась со снабжением колоний.

Почти сразу же после основания компании, 27 июня 1714 года герцог Харли был вынужден уйти в отставку. 1 августа скончалась королева Анна, трон Англии перешел к ганноверскому курфюрсту Георгу (об этом мы расскажем чуть позже). К власти опять пришли виги, лордом-казначеем страны стал Роберт Уолпол. Болингброк и Харли были объявлены государственными изменниками — их подозревали в сепаратном заключении Утрехтского мира в пользу Франции, а также в тайных сношениях с сыном Якова II — Джеймсом Стюартом, или *Старшим Претендентом*^[6].

Однако детище тори — «Компания Южных морей» — никуда не исчезло. Первое судно с «живым товаром» отправилось в Порто-Белло лишь в 1717 году. Годом позже англо-испанские отношения испортились, но работорговля шла весьма успешно (по сравнению с предыдущими ее обладателями — испанцами и французами). Компания полностью выбирала свою квоту (до этого чаще всего обладатель *асьенто* не справлялся с подобной задачей из-за высокой смертности «живого товара»). Как свидетельствуют документы, за 25 лет невольничьи корабли компании совершили 96 плаваний через Атлантику и доставили в Новый Свет около 30 тысяч рабов (в 1718–1719 и 1726–1727 годах деятельность англичан была приостановлена). Смертность в пути была по тогдашним меркам низкой — 11 процентов. Четверть доходов от работорговли поступала на цивильный лист королевы — эти средства шли на содержание двора. И все же главным бизнесом компании были не реальные торговые операции, а биржевая игра. Как чисто финансовая корпорация компания процветала. Ее бумаги пользовались спросом. Директора искали способ

расширить сферу деятельности. В 1719 году компания предложила правительству взять на себя более половины национального долга Британии (30 981 712 фунтов стерлингов) под 5 процентов годовых до 1727 года и 4 процента в последующие годы.

К этому времени «Компания Южных морей» уже была крупнейшим кредитором правительства: из общей суммы долга в 50 миллионов фунтов на ее долю приходилось 11,7 миллиона, 3,4 — на долю Банка Англии и 3,2 — на долю Британской Ост-Индской компании.

Банк Англии вступил в конкуренцию и внес в парламент равноценный проект. Тогда компания повысила свое предложение на 7,5 миллиона фунтов. Еще миллион и 300 тысяч, как утверждалось, пошли на взятки высоким должностным лицам. Энтузиастом предложения компании был, в частности, канцлер Казначейства Джон Айлэби. Но решающую роль сыграло намерение компании обменять срочные и бессрочные долговые обязательства правительства на свои акции. Компания взяла на себя платежи по 85 процентам срочных и 80 бессрочных рент-аннуитетов. Это было расценено как манна небесная, ведь стоимость просроченных бумаг была практически нулевой!

Дебаты в парламенте в феврале 1720 года окончились словесной дуэлью между Джоном Айлэби и Робертом Уолполом, который поддерживал предложение Банка Англии. Чарльз Маккей в своей книге «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы» излагает речь Уолпола так: *«Господин Уолпол сказал, что этот план поощряет опасную практику биржевых спекуляций и отвлечет нацию от торговли и промышленности. Он вызовет опасный соблазн завлечь и разорить легковерных, принеся их сбережения в жертву перспективе иллюзорного богатства. Основной принцип этого проекта — первостатейное зло; он призван искусственно повысить цену акций за счет возбуждения и поддержания массового слепого ажиотажа, а также за счет обещаний выплат дивидендов от фондов, недостаточных для этого в принципе». С воодушевлением пророка он добавил, что если этот план удастся реализовать, директора компании станут в правительстве хозяевами, сформируют в королевстве новую и самовластную аристократию и возьмут под свой контроль решения законодательной власти. Если же он потерпит фиаско, в чем Уолпол был убежден, страну ожидают массовые беспорядки и разорение».*

Как показало время, Уолпол был полностью прав. Но его трезвый голос потонул в волне эйфории, накрывшей Британские острова. Пока обсуждался закон, председатель правления сэр Джон Блант развернул

мощную рекламную компанию. Лондон наполнился самыми фантастическими слухами о грядущем процветании компании. Говорили о готовящемся соглашении о свободной торговле с испанскими колониями, о том, что компания получает концессию на разработку серебряных копей Потоси в Боливии — самого богатого месторождения мира, о привилегии на торговлю кошенилью, даже о собственной чеканке денег в испанской Америке!

В результате предложение компании было принято, пробил ее звездный час. Акции нового транша стали предметом ажиотажного спроса. 100-фунтовая акция, стоившая в январе 128 фунтов, в феврале продавалась за 175, в марте — за 330, в конце мая — за 550. Рост котировок обеспечивался притоком все новых средств. Это была классическая пирамида.

Но, как и у любой пирамиды, за резким взлетом последовал не менее резкий спад. Все началось с принятия Акта о Королевской бирже, который преследовал цель избавиться от фирм-однодневок путем введения процедуры получения королевского разрешения (хартии) на ведение бизнеса. У «Компании Южных морей» никаких проблем с получением хартии вроде бы не предвиделось — кто же посмеет сомневаться в ликвидности такого столпа фондового рынка? Однако сомневающиеся нашлись. Некоторые парламентарии стали задавать неудобные вопросы: а каково, собственно говоря, обеспечение акций компании, если *асьенто* предусматривает лишь один заход в испанские колонии английского судна водоизмещением не более 500 тонн? Работоторговля? Но ведь ввоз в Америку ограничен 4800 чернокожими в год. Когда стали понемногу разбираться, вышло, что доставка рабов отнюдь не так выгодна, как полагала публика, и даже убыточна^[7]. Это был первый звонок акционерам Компании Южных морей. Оказывается, ее активы были эфемерны и больше строились на слухах. Директора компании взвинтили цены, однако в сентябре 1720 года цена акций упала до 150 фунтов за штуку (хотя еще в августе колебалась между 750 и 1000 фунтов), после чего толпы народа кинулись к отделениям компании обменивать свои акции на деньги. К октябрю наступил крах.

В декабре, собравшись на очередную сессию, парламент начал расследование. Первым делом был принят закон об аресте имущества директоров компании и запрете им покидать пределы королевства в течение года. Однако казначей компании Найт бежал во Францию вместе с бухгалтерскими книгами. Заседания были бурными. Учитывая негодование публики, нетрудно предположить обвинительный уклон. Секретарь Крэггз, возмущенный обвинениями, заявил, что, если инсинуации не прекратятся,

он «готов принять вызов любого или в стенах палаты, или за ее пределами». Члены палаты дружно возмутились, и Крэггзу пришлось дать задний ход — он объяснил, что не имел в виду дуэль. Драматический характер носил допрос Джона Бланта, который вместе с некоторыми другими директорами и клерками компании был заключен под стражу. В Палату лордов его доставили под конвоем. Он отказался свидетельствовать против самого себя и членов кабинета. В конце концов Следственный комитет обнаружил в документах компании различные подделки и подчистки, и на этом основании парламент признал руководителей компании виновными в мошенничестве.

Уголовному наказанию подвергся лишь канцлер Казначейства Джон Айлэби. Он был признан виновным в коррупции и заточен в Тауэр. Трое директоров, включая Крэггза, умерли, не дождавшись вердикта. Остальные не совершили по тогдашним законам никакого уголовного преступления. Однако их имущество было почти полностью конфисковано. Один из членов Палаты лордов внес проект резолюции, в которой предлагал поступить с виновными по-древнеримски: зашить их живьем в мешок со змеями и бросить в Темзу.

Однако нет худа без добра — благодаря «Компании Южных морей» правительство сумело обменять большую часть своих долговых обязательств на обесценившиеся бумажки. К 1721 году долг Англии не превышал полумиллиона фунтов. А поскольку Британия была исправным плательщиком, банкирские дома Европы опять открыли ей неограниченный кредит.

Внешний долг Франции после Войны за испанское наследство достигал астрономической цифры в 3 миллиарда ливров. Из этих денег 1,2 миллиарда (чистый доход за 16 лет) должны были быть выплачены в течение 3 лет. К тому же, поскольку Франция считалась у банков Европы ненадежным партнером, ей давали займы под большие проценты и на небольшие сроки.

Доходы за 1715–1718 годы были израсходованы «на корню» уже в 1713-м, а за 1719–1722 годы — частично израсходованы в 1715-м. Расходы выросли до 146 миллионов ливров, а доходы уменьшились до 69 миллионов ливров. Между тем начинавшаяся война с Испанией требовала 8 миллионов ливров только на армию. Правительство уже не

могло найти кредиторов. Банки повсеместно отказывали Франции в займах. Попытки главы Комитета финансов маршала Ноаля силой вырвать деньги у откупщиков не принесли ощутимых результатов. Откупщики — в большинстве своем евреи — обвинялись в иудаизме и связях с дьяволом, однако умирали во время пыток в страшных мучениях, но не давали денег. Обширному сокращению подверглась и армия — ее численность снизилась с 400 тысяч штыков до 140 тысяч, что позволило сократить расходы более чем в два раза (с 86 до 36 миллионов ливров). Это было государственное банкротство. Не пощадили даже дворянство — были отменены различные льготы и ренты, все должности в королевстве теперь покупались претендентами.

Как и в случае с Англией, во Франции нашелся способ расплатиться с долгами, причем схема оказалась очень похожей. В 1716 году Филипп Орлеанский разрешил шотландскому финансовому авантюристу Джону Лоу (приехавшему в Париж со своей любовницей Кэтрин Сеньер) постепенно вывести из обращения золотые деньги, заменив их государственными казначейскими билетами. Лоу создал Всеобщий банк, который начал выпускать банкноты, по сути, представляющие бессрочные долговые обязательства. Они очень быстро приобрели такую популярность, что, вопреки всякой галльской логике показались скуповатым французам предпочтительнее серебряных и золотых монет. Лоу удалось выкупить чудовищные королевские долги Франции. Секрет билетов Всеобщего банка был прост — поначалу его ценные бумаги обеспечивались золотом и серебром. Если клиенту вдруг хотелось обменять бумаги банка на золотые или серебряные деньги, он мог сделать это в любом отделении банка безо всяких проволочек. Лоу привязал бумажные деньги к золотому стандарту, а обменное на ценные бумаги золото быстро помогло Франции расплатиться с неотложными кредитными обязательствами. Однако вскоре этот принцип был нарушен, деньги начали печатать без обеспечения золотом и серебром, что сделало всю экономическую реформу Лоу авантюрой.

В августе 1717 года во Франции была учреждена Миссисипская компания. Ее главой также был Джон Лоу, а обеспечителем — Всеобщий банк. Компания выпустила 200 тысяч акций, по 500 ливров каждая. При этом покупатели могли оплачивать акции не только монетой и банкнотами, но и государственными обязательствами, которые на рынке котировались ниже номинала. Таким образом, компания становилась кредитором государства. Почти сразу возник лихорадочный спрос на акции Миссисипской компании. На следующий год Лоу от имени руководства

компания обещал очень большие дивиденды. Это заявление спровоцировало рост спроса на акции. Компания объявила подписку на дополнительные 50 тысяч акций, на которые в короткое время было подано 300 тысяч заявок. Курс уже выпущенных акций тем временем неуклонно повышался, и компания решила выпустить еще 300 тысяч акций вместо ранее планировавшихся 50 тысяч и продавать их по рыночному курсу. Курс 500-ливровой акции поднялся до 10–15 тысяч ливров, причем его колебания от одного дня к другому были довольно высоки. При этом деньги, которые собирала компания путем эмиссии ценных бумаг, вкладывались в подавляющей части в облигации государственного долга. Эмиссия ценных бумаг во многом поддерживалась эмиссией банкнот Королевского банка. В первой половине 1720 года вкладчики из числа королевской семьи постепенно начали изымать из банка его ограниченный запас драгоценных металлов. Другие акционеры, глядя на придворных, подумали, что тем известно что-то такое, о чем не известно рядовым акционерам, и также обратились в филиалы компании за золотыми и серебряными деньгами. В феврале 1720 года был издан указ, запрещающий владение монетами на сумму сверх 500 ливров.

Это стало началом конца. Жителям сегодняшней России, знакомым с аферами «МММ» и «Хопер-Инвеста», не надо рассказывать, что сразу же после введения ограничения на получение наличных, отделения компании начали осаждать толпы акционеров. Люди разорялись тысячами, часть обманутых вкладчиков начала охоту на Лоу с целью убийства. У Лувра и на Королевской площади проходили постоянные митинги как в поддержку шотландца, так и против него. Те, кто призывал не трогать Лоу, верили в его финансовый гений и считали, что он выплатит обещанные проценты. К тому же люди не верили, что после конфискации имущества Лоу им что-нибудь перепадет с этого.

Парламент потребовал вздернуть финансиста на виселице или заточить в Бастилию. Однако это никак не устраивало регента. А потому разжалованному финансисту позволили покинуть Францию (только с сыном, но без жены, дочери и брата); его имущество конфисковали. Естественно, деньги Лоу осели в королевской семье. Никто с обманутыми вкладчиками делиться не собирался.

Вместе со Всеобщим банком и Миссисипской компанией ушел в никуда и весь внешний долг Франции. После разорения этих структур держатели внешнего долга королевства имели претензии к компаниям и ее директорам, а не к правительству Франции, что вполне устраивало и герцога Орлеанского, и Людовика XV.

Две эти денежные аферы — Лоу и Харли — при всей их неоднозначности помогли обоим государствам решить проблему внешнего долга и быстро вернуться на мировую арену в качестве полноправных игроков.

Прежде чем приступить к нашему повествованию, рассмотрим географическое положение государств-противников после Войны за испанское наследство. Флот Франции состоял из двух больших эскадр, разделенных Пиренейским полуостровом. Флот Океана (или Атлантический флот) базировался на бретонский Брест, который являлся главной военно-морской базой Франции в Атлантике. В XI веке замок Брест, принадлежавший тогда герцогу Бретонскому, был сильно укреплен; позже городом на долгое время завладели англичане, пока наконец он опять не перешел к герцогам Бретонским. Но значение свое Брест получил лишь с тех пор, как кардинал Ришелье в 1631 году велел расчистить и укрепить гавань и построить арсенал и верфь для военных кораблей. Министр Кольбер, заменивший деревянную верфь каменной, возвел в Бресте военную гавань, которая по приказанию Людовика XIV была в 1680–1688 годах сильно укреплена Вобаном, так что англичанам, которые в 1694-м хотели захватить его, пришлось отступить со значительными потерями. Другие крупные порты Ла-Манша — Дюнкерк, Сен-Мало, Шербур — были отданы на откуп корсарам Его Величества. Эти товарищи сильно досадили англичанам и голландцам в последнюю войну. Имена Дюгэ-Труэна, Форбэна, Сен-Поля, Кассара гремели по Европе, однако к 1709 году англичане сумели стабилизировать ситуацию, а в 1711-м и вовсе вытеснили корсаров из английских вод.

Порты Ла-Рошель, Лориан и Бордо использовались преимущественно только торговыми судами (например, в Лориане была расположена штаб-квартира французской Ост-Индской компании), хотя имели королевские верфи, на которых в прежнее время строились военные корабли.

Средиземноморский флот Франции, или Флот Леванта, базировался на главную военно-морскую базу в Лангедоке — Тулон. Марсель, хотя и обладал королевскими верфями, использовался исключительно как торговый порт. Тулон представлял собой окруженный стенами и рвами треугольник, основание которого образовывало на юге гавань, а с севера располагались сильные форты. В 1707 году город был осажден с суши

войсками Евгения Савойского и принца Виктора Амадея, а с моря — британской эскадрой сэра Клаудисли Шовеля, во избежание возможных атак брандерами почти все корабли Флота Леванта были подзатоплены, французы сумели отбиться, но, как мы указывали выше, множество кораблей после этого было списано.

Ройял Неви имел в своем распоряжении порты западного, южного и восточного побережья Англии — это Торбэй, Даунс, Портсмут, Дувр, устье Темзы, Бристоль, а кроме того — Корк и Дублин на ирландском побережье. Это позволяло англичанам контролировать французский флот в Бресте и движение французских эскадр в Атлантике.

Во время Войны за испанское наследство британцы смогли захватить и удержать порт Гибралтар, расположенный в южной оконечности Пиренейского полуострова, в Альхесирасском заливе, а также остров Менорку в Балеарском архипелаге. Базирование Ройял Неви на эти порты (особенно здесь стоит выделить Менорку, которая имела важное стратегическое положение и являлась передовой относительно французского Тулона базой) позволяло англичанам контролировать передвижения французского Флота Леванта, а также создавало прямую угрозу Тулонской военно-морской базе. Таким образом, Франция и ее флот были окружены военно-морскими базами Британии.

На североамериканском континенте англичане после окончания Войны за испанское наследство владели побережьем от Порт-Ройяля до Чарльстона. Основными портами были Нью-Йорк, Бостон, Балтимор, Филадельфия, Чарльстон. К 1713 году население английской Америки насчитывало более 450 тысяч поселенцев (тогда как количество французов на сопредельных территориях не превышало 23–24 тысяч человек), однако, по образному выражению одного из британских парламентариев, колонии в Северной Америке представляли собой «тело без головы». Провинции Массачусетс, Нью-Хэмпшир, Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Мэрилэнд, Делавэр, Вирджиния, Северная и Южная Каролины были совершенно не связаны общим управлением, имели совершенно разные интересы и никак не могли сформировать общую политику в регионе. Порочная система формирования местной милиции, годившейся только для самообороны, не давала англичанам возможности эффективно бороться с французами и их индейскими союзниками. Французы же, отстоявшие в Войну за испанское наследство устье реки Св. Лаврентия, Канаду и в каком-то смысле Акадию^[8], а также сохранившие рыбные промыслы у Ньюфаундленда, распространяли свое влияние по течению Миссисипи и дошли к 1718 году до Мексиканского

залива. 24 тысячи французских поселенцев располагались на территориях, в 6 раз превышавших английские колонии в Америке! Конечно же, такими силами, без помощи дружественных французам индейцев отстоять огромную территорию от англичан было невозможно.

Новая Франция обладала прекрасными портами Квебек, Монреаль, Луисбург (построенный на острове Кэйп-Бретон после войны), фортами Фронтенак, Торонто, Ниагара, Детруа (Детройт), Прескиль и Лебёф на Великих Озерах. Однако после Войны за испанское наследство остров Ньюфаундленд, находящийся на входе в Гудзонов залив, перешел во владение Британии, что создавало сложности в подборке подкреплений в Канаду в случае войны.

В Вест-Индии англичане владели всего тремя островами — Ямайкой, Антигуа и Барбадосом, однако два из них имели стратегическое положение: Барбадос контролировал подходы к Малым Антильским островам, а Ямайка позволяла британцам держать в постоянном напряжении Пти-Гоав, Сьенфуэгос, Сантьяго де Кубу, Манзанилло, Гавану, Сан-Хосе и другие порты испанцев и французов в этом регионе. Ямайка к концу XVII века была превращена в нерушимый бастион, а основным местом базирования Ямайской эскадры стал Порт-Ройял, который современники называли *«самым грешным городом во всем христианском мире»*, так как туда с острова Тортуга переместилась «столица» морских разбойников. В 1690 году в городе Порт-Ройял было 8 тысяч жителей, из них — полторы тысячи каперов, контрабандистов, пиратов разных мастей.

Пираты и каперы грабили испанские корабли, свозили добычу в Порт-Ройял, и город рос, богател и веселился. Однако 7 июня 1692 года большая часть этого *«развратного Вавилона»* в результате землетрясения исчезла в морской пучине. Обрадованная церковь католической Испании поспешила сообщить, что *«бог покарал нечестивый город за грехи»*. Поэтому 22 июня 1692 года столицей провинции Ямайка, а также основной военно-морской базой стал Кингстон, который раньше был обычным поселком и использовался для выпаса овец. Некоторое время власти не решались покинуть Порт-Ройял, однако после нападения на разрушенный город в 1703 году испанского корсара Ника Катаньи, который дожег все то, что еще не было разрушено стихией, решение перенести все административные функции в Кингстон стало окончательным. К 1716-му Кингстон был самым крупным административным, военным и торговым центром Ямайки.

Англичане крепко обосновались на Ямайке, превратив остров в крупную «сахарную» колонию — на Ямайке интенсивно развивались плантации сахарного тростника. Большая часть плантаций располагалась

на равнинах юга острова. Внутренние районы Ямайки использовались для выпаса скота.

В Индии боролись за место под солнцем английская и французская Ост-Индская компании. Англичане имели свои фактории по всему Индостану, но самыми крупными были представительства в Бомбее^[9], Мадрасе^[10], а также в Калькутте, собственном порту компании, основанном в 1698 году Джобом Чарноком^[11]. Французская компания Индий в 1719 году пережила банкротство из-за реформ Джона Лоу и была объединена с компанией Катая (Китай), однако в 1723 году сумела опять стать отдельной компанией, и очень быстро набирала силу. К 1731 году Франция через ОИК владела факториями в Пондишерри^[12] (которую отобрали у голландцев по итогам Рисвикского мира), Янам, полученный от наваба Масулипатاما, порт Маше (Маясхи) на Малабарском побережье (юго-запад Индии), Шандернагор^[13] в Западной Бенгалии, а также острова, расположенные между Мадагаскаром и Индией — Бурбон (Реюньон) и Иль-де-Франс (Маврикий).

Испания, которой также предстоит играть значительную роль в нашем повествовании, после Войны за испанское наследство была разорена, однако благодаря реформам Филиппа V (внука Людовика XIV) и кардинала Джулио Альберони — последний стал первым министром Испании в 1715 году — смогла оправиться от разрушений многолетней войны. Альберони^[14] — поклонник протекционистской экономической системы Кольбера — полностью реконструировал испанскую экономику, создал регулярное почтовое сообщение с Америкой, реформировал военный флот. Альберони перенес первую в Испании товарную биржу (Дом Контрактов), где ежемесячно проводились государственные тендеры, из Севильи в Кадис, что способствовало развитию торговли с Вест-Индией. Все таможенные сборы внутри Испании были отменены, нация кинулась зарабатывать. Вообще Альберони за три (1714–1717 гг.) года смог сотворить экономическое чудо — Испания, ранее имевшая флот на уровне Венеции или турок, стремительно ворвалась в когорту морских держав, став третьей по силе в мире. Агенты Кастилии, занимавшиеся покупкой кораблей, соперничали в этом с русским царем Петром I, к 1717 году испанцы могли выставить в море до 50 кораблей. В колониях была создана регулярная береговая охрана, которая переловила и перевешала всех пиратов, базировавшихся на Порт-Ройял, Тортугу и Пти-Гоав. Впервые за 150 лет внутренние коммуникации иберийцев стали относительно безопасны, что способствовало резкому экономическому росту и

благосостоянию не только метрополии, но и колоний.

Испания владела гигантскими территориями в Америке, важнейшими из которых были Венесуэла, Гватемала, вице-королевства Новая Гранада, Новая Испания, Перу и Мексика, а также генерал-капитанства Чили и Венесуэла с их серебряными рудниками. Испанцы активно осваивали полуостров Флорида, где их опорным пунктом был город Сан-Августин. В Вест-Индии Испании принадлежали острова Куба (где находилась самая крупная верфь в Вест-Индии), Пуэрто-Рико, восточная часть Сан-Доминго и множество малых островов Антильской гряды. Самыми удобными гаванями в Карибском бассейне были Гавана, Картахена Индийская и Порто-Белло (на территории нынешней Панамы).

В Азии самым крупным и ценным владением Филиппа V были Филиппинские острова, имевшие статус генерал-капитанства, а также часть Новой Гвинеи и остров Гуам.

Основной военно-морской базой испанского флота был Кадис, расположенный на юге Пиренейского полуострова, в Андалузии. Это был великолепный порт, расположенный на полуострове, глубоко вдающемся в океан, с тремя гаванями, прекрасно защищенный системой фортов и артиллерией. В Кадисе находились верфи и Арсенал испанского флота. Помимо Кадиса, испанские корабли базировались на порты Ла-Корунья, Сан-Себастьян, Ферроль, Картахена и Барселона, но это были, в основном, приватиры или гребные суда. Захваченный в 1704 году англичанами Гибралтар, где постоянно базировались английские эскадры, заставлял делить испанцев свой флот на две армады — Атлантическую и Средиземноморскую, поэтому основной целью Испании в любой войне с Англией был захват Гибралтара.

Часть I

Глава 1

Ситуация во Франции и Европе в первой четверти XVIII века

Регентство

1 сентября 1715 года от рака желудка умер Людовик XIV. Перед смертью Король-Солнце потерял сначала своего сына, Великого дофина, умершего в 1711 году от оспы, потом по той же причине — своего внука, Младшего дофина, а потом и своего правнука — герцога Бретонского, назначенного после смерти внука дофином. Эти несчастья подкосили Людовика. Чтобы в этой ситуации надолго сохранить для династии, находившейся под угрозой, наследование трона, король решился на меру, которая являлась нарушением регулирующего престолонаследие «Основного закона» монархии, так называемого Салического закона. В июле 1714 года он издал распоряжение, что родившиеся от связи с маркизой де Монтеспан, т. е. незаконнорожденные сыновья, герцог Мень и граф Тулузский, допускаются к наследованию трона, в случае если больше не останется принцев королевской крови. И хотя этот эдикт, в появлении которого участвовала и мадам де Ментенон, явно нарушал «Основной закон» королевства, Парижский парламент зарегистрировал его 2 августа 1714 года.

Завещание, предоставленное в августе 1714 года Парижскому парламенту, также мало соответствовало «Основному закону». Этим завещанием король хотел урегулировать будущее регентство для своего правнука, дофина, предусмотрев учреждение регентского совета (в который вошли племянник короля герцог Филипп Орлеанский, а также герцог де Бурбон, герцог дю Мэн, граф Тулузский, канцлер, глава Финансового совета, маршалы Вильруа, Виллар, д'Юкселль, Таллар и д'Аркур, четыре государственных секретаря и, наконец, генеральный контролер финансов), зафиксировав его персональный состав и установив, что решения в этом совете будут приниматься большинством голосов. *«На другой день после смерти короля Людовика XIV члены парламента под председательством Жака Антония де Месма собрались в восемь часов утра на заседание. В этом заседании было официальным образом объявлено о кончине Людовика XIV. Королевская власть, за малолетством Людовика XV, перешла к герцогу Орлеанскому, который с этого времени принял титул*

регента Франции. Кроме официального объявления о смерти короля, в заседании парламента было в этот день прочитано и обсуждено духовное завещание Людовика XIV: из всех статей этого завещания две только остались ненарушимыми, а именно — что герцогиня Вантадур примет титул наставницы юного короля Людовика XV, а маршал Вильруа — его наставника.

12-го числа парламент собрался вторично на заседание и издал указ, которым подтверждался первый. В этом втором заседании присутствовал король, на руках своей воспитательницы, и произнес своим тоненьким и писклявым голосом речь, не более как в три строчки, заключавшуюся в следующих словах: «Господа! Я пришел сюда для того, чтобы доказать вам мое благорасположение. Канцлер мой объявит вам мою волю»^[15].

В результате после смерти Короля-Солнца на трон взошел Людовик Анжуйский — сын Младшего дофина и Марии Аделаиды Савойской. Поскольку в год смерти Людовика XIV новому монарху было всего лишь 5 лет, регентом Парижский парламент назначил его двоюродного деда Филиппа Орлеанского (сына младшего брата Людовика XIV — тоже Филиппа), человека развратного, властолюбивого, злопамятного и мелочного. Регент получил в правление Францию полностью разоренной. Нищета во Франции была почти всеобщей: звонкая монета исчезла из обращения и стала редкостью, ее заменили государственные векселя, выпущенные общей стоимостью на 600 миллионов ливров, однако они котировались лишь за четверть стоимости. Герцог Орлеанский, понимая озлобление народа, пытался обуздать произвол откупщиков, часть из них выставили к позорному столбу с табличкой «грабитель народа». Кроме того учредили четырехпроцентную комиссию под председательством братьев Пари для проверки долговых государственных обязательств. Комиссия эта превратила заемные обязательства в 600 миллионов франков в 4 %-ные государственные бумаги на 190 миллионов ливров. Банкротство было отсрочено еще и тем, что уменьшены были проценты с государственных процентных бумаг, понижен размер жалованья и сокращены некоторые должности. Было сделано распоряжение о чеканке новой монеты более низкого внутреннего достоинства. Однако меры эти не дали никакого действия, поскольку окружение регента (так же, как и сам Орлеанский) швырялись деньгами без меры. Распутство и мошенничество, бесстыдное торгашество и полнейшая внутренняя пустота — поведение версальского двора лишь еще больше оттеняло нищету Франции.

Мы уже описывали экономическую аферу, в результате которой

громадные долги королевства были погашены. В политике же герцог Орлеанский придерживался осторожности. 15 сентября 1715 года герцог Орлеанский подписал указ, согласно которому, взамен министерств было учреждено шесть советов: военный (президент маршал де Виллар), морской (президенты граф Тулузский и вице-адмирал д'Эстрэ-младший), финансовый (президенты — Виллеруа и Ноаль), торговый, иностранных (Гюксель) и внутренних (д'Антен) дел. Кроме президентов в состав входили несколько секретарей и советников (например, в военном совете — Сен-Контест и Ле Блан, в финансовом — Фуллье дю Кудрэ и д'Ормессон). Важнейшие вопросы королевства решал Совет регента. Туда входили, кроме принцев крови, президенты советов, а также переменный состав советников, согласно затронутой теме. Однако просуществовали советы недолго — уже 24 сентября 1718 года они были отменены, а первым министром был назначен воспитатель маленького короля, аббат Гийом Дюбуа, верный сторонник регента. Дабы заручиться поддержкой протестантов, новый министр приостановил преследование ясенитов, декларация от 5 июня 1719 года запретила богословам обсуждение буллы Климента XI «**Unigenitus**», и обратился в Рим с просьбой разъяснить некоторые положения буллы. Папа Климент подтвердил основные тезисы буллы, однако препирательства по этому поводу продолжались аж до 1725 года.

4 января 1717 года Франция подписала с Голландией и Англией договоры о дружбе и взаимопомощи. Регент отказался от поддержки «*Старшего претендента*» на трон Великобритании — сына Якова II, Джеймса Стюарта. Правительства Франции и Англии выработали систему сдержек и противовесов, вполне успешно выступая в европейских делах единым фронтом. Такая политика вызывала недовольство в народе, поскольку Англия считалась исконным врагом, постоянно вставляющим палки в колеса. В 1718 году был раскрыт заговор, целью которого была передача власти испанскому королю Филиппу V Бурбону, внуку Людовика XIV. Вообще отношения с Испанией были крайне сложными — брак дочери Филиппа V и Людовика XV распался из-за несовпадения по вопросу буллы Климента XI, и в результате Франция и Испания — две нации под управлением потомков Людовика XIV — оказались по разные стороны баррикад^[16] [16]. Испания начала искать союза с Австрией (злейшей противницей Франции), а Франция, в свою очередь, — с Англией и Пруссией.

Георг I и якобиты

Поскольку значительная часть нашей книги будет связана с

якобитскими мятежами и угрозой высадки в Англии якобитов, придется разобраться, что ж это за звери такие.

Итак, все началось в 1688 году, когда штатгальтер Голландии Вильгельм III Оранский (женатый на старшей дочери английского короля принцессе Марии) высадил свои войска в Торбее и сверг с престола своего шурина Якова II Стюарта. В том, что это было именно вторжение, нет никаких сомнений, достаточно отметить, что голландские войска были расквартированы в Англии еще долгих 4 года. Высадка Вильгельма расколола английское общество пополам, очень важную роль сыграло то, что Оранский исповедовал протестантство, тогда как Яков II был католиком, но все решила позиция высшей знати, приближенных Якова. Сначала к Оранскому перебежал главнокомандующий английской армией Джон Черчилль, герцог Мальборо, потом зять Якова принц Георг Датский, за ним перешла на сторону голландцев младшая дочь Якова, принцесса Анна (ее подзуживала к этому поступку герцогиня Мальборо). В результате английский король сдался без борьбы, Яков бежал во Францию, где стал козырным тузом в рукаве у французского монарха Людовика XIV.

В войне Аугсбургской лиги (1688–1697 гг.) французы активно разыгрывали якобитскую партию, стараниями Якова и его канцлера герцога Мелфорда был создана якобитская тайная полиция, действия которой были достаточно эффективны (например, якобиты пытались, и небезуспешно, перетащить на свою сторону почти все ближайшее окружение Вильгельма), однако основным препятствием для Якова в деле возвращения престола оставалась его вера. Поскольку английский парламент принял резолюцию, согласно которой католик не мог быть монархом Британии, Вильгельм Оранский в 1700 году издал «Акт об устройении». Согласно этому документу, наследницей Оранского на престоле Англии являлась принцесса Анна, а поскольку все ее дети умерли, то далее престол передавался Софии Ганноверской — младшей дочери Елизаветы Пфальцской, вдове ганноверского курфюрста Эрнста Августа. Таким образом, Актом от престола были последовательно отстранены сын Якова II (сам Яков к тому времени умер) Яков III, принцы Савойского дома (потомки Генриетты Орлеанской, дочери Карла I), а также Пфальцский дом (потомки сыновей Елизаветы, дочери Якова I). Это создавало беспрецедентную ситуацию, которая и обусловила столь долгую борьбу за трон Англии. В 1713 году, незадолго до окончания Войны за испанское наследство, к власти пришли тори во главе с виконтом Болингброком и герцогом Харли. Они были сторонниками Стюартов (Болингброк открыто говорил, что королем должен стать Яков III), поэтому всех вигов просто вымели из правительства

и армии. Из флота был выгнан адмирал Бинг, которого Болингброк опасался как очень талантливого и популярного среди матросов флотоводца. Из армии попросили герцога Мальборо и героя штурма Порт-Магона генерала Стэнхоупа. После Войны за испанское наследство ситуация еще больше накалилась — наследница британского престола София Ганноверская умерла, через месяц умерла и сама королева Анна. Парламент быстро принял акт, в котором власть передавалась сыну Софии — Георгу Ганноверскому. Болингброк, Оксфорд, Ормонд, Страффорд и другие представители проякобитской партии были обвинены в государственной измене и смещены со своих постов. Болингброк бежал во Францию, Харли попал в Тауэр, где отсидел два года. Весь состав Адмиралтейства был смещен (пострадали тогда и те тори, которые не принимали активного участия в политической жизни, например, адмирал Лик), первым лордом стал адмирал Рассел, а комиссионерами — репрессированные ранее партией тори Бинг и Дженнингс. На трон был возведен Георг Ганноверский, а премьер-министром (лордом-казначеем) стал только что вышедший из Тауэра Роберт Уолпол. Поскольку вся страна понимала, что новый претендент на трон фактически не имеет никаких законных прав на корону — начались большие волнения. Особенно беспокойно было в Шотландии. Дело в том, что со времен Якова I шотландский король был и английским королем (Стюарты — это древний шотландский род), а согласно новому акту английского парламента, королем Шотландии становился немец. Многие предводители кланов настаивали тогда на разрыве унии с Англией. В Шотландии вспыхнуло восстание якобитов, около 15 тысяч вооруженных сторонников Якова под предводительством графа Мара 27 августа 1715 года взяли за оружие и подняли мятеж.

6 сентября шотландцы провозгласили Якова III королем Шотландии и пригласили возглавить их. 14 сентября якобиты захватили Перт, 10 октября — Эдинбург, 22-го — подступили к Глазго. Шотландия встречала сторонников Якова на «ура». Если бы Яков и Мар ограничились только Шотландией, вполне возможно, они могли бы попытаться удержать ее за собой. Но Якову III нужна была и Англия. На военном совете решили вторгнуться в пределы северных английских графств. Однако горцы, бывшие локомотивом всей армии в Шотландии, неохотно пошли воевать на территорию Англии. Дезертирство росло час от часа, вскоре армия безо всяких боев сократилась с 10 тысяч человек до 4 тысяч. В данной ситуации англичане превосходящими силами атаковали якобитов у Престона и наголову разбили их. 20-тысячная армия англичан вторглась в Нижнюю

Шотландию, 13 ноября у Шерифмура сторонники Георга атаковали войска герцога Мара, но не смогли их победить. Установилось хрупкое равновесие. 22 декабря 1715 года в Шотландию прибыл сам *Старший претендент* — Яков III, он мог повлиять на ситуацию, но болезнь его (высокая температура и лихорадка) не дала повернуть дело вспять. На военном совете больной Яков поддержал предложение об отступлении к побережью (хотя большинство кланов после Шерифмура были готовы на сражение), а сам 4 февраля 1716 года убежал во Францию. Яков написал письмо, где просил предводителей кланов не губить понапрасну людей и признать Георга, чтобы спасти себя^[17]. Это в высшей степени странное письмо внесло глубокий раскол в стане повстанцев, и восстание быстро пошло на убыль.

В Горную Шотландию ввели войска, рассредоточив их по всей территории. Английский парламент принял Закон о кланах, где, помимо всего прочего, шотландцам запрещалось носить оружие. Вместе с тем принятый документ позволял мятежникам вернуться в их дома без страха репрессий, причем за возвращение к мирным занятиям платились немалые суммы (некоторым руководителям кланов — до 20 тысяч фунтов стерлингов).

Все это было похоже на нынешнюю Чечню. Вроде как мир, бравые сводки с мест, но в то же самое время — гибнущие от рук ковенанторов (приверженцев пресвитерианской церкви и противников англиканства) солдаты, сожженные блокпосты, убийства чиновников и офицеров и куча денег, уходящая в Шотландию, как в бездонную яму.

К тому же сам Георг Ганноверский не вызывал уважения — приехавший с двумя матронами предпенсионного возраста (одна — тощая, но очень высокая, вторая — низенькая, но безобразно толстая), новый король так и не смог научиться говорить по-английски. Премьер-министр Роберт Уолпол позже жаловался, что на докладе у Георга он вынужден говорить с ним на латыни, так как сам не знает немецкого, а король совершенно не считает нужным знать английский.

Якобитскую карту активно стали разыгрывать за рубежом. К примеру, Якова горячо поддерживали шведский король Карл XII, английский кэптен Кэммок^[18] (якобит, бежавший в Скандинавию после смещения Болингброка) всерьез предлагал Карлу начать каперскую войну против английской балтийской торговли. Это заставило всерьез обеспокоенных вигов весной 1717 года арестовать по обвинению в якобитстве шведского посла в Англии графа Гюлленборга, а на Балтику, к берегам Швеции

послать сильный флот под командованием адмирала Бинга, который имел указания блокировать шведские порты и атаковать совместно с датчанами шведский флот в Карлскроне. Однако король Дании отказался участвовать в атаке шведов, поскольку это могло заставить Швецию примириться с Россией, последняя уже всю хозяйничала в Мекленбурге и Северной Германии (то есть на границах с самой Данией). Вообще царя Петра датчане и англичане серьезно опасались.

Агенты Якова, в свою очередь, имели несколько встреч с Бингом, Расселом, Дженнингсом, адмиралом Бейкером и другими моряками, поскольку считали, что основной силой в Британии является именно Ройял Невы, поэтому его поддержка должна быть решающей. Встречи эти закончились большей частью безрезультатно, но, как и в былые годы, чаще всего георгианцы не говорили ни «да», ни «нет».

В общем, с одной стороны при успешной политической агитации и сильной руке англичане с удовольствием бы избавились от Георга (который устраивал только парламент, поскольку нужные указы подписывал и не в свои дела не лез), с другой — якобитам, помимо своего претендента, нужна была собственная программа действий после прихода к власти, которая бы смогла перетянуть на сторону Якова сомневающееся большинство. Ситуация эта была крайне хрупкой, что вполне позволяло Франции при случае использовать якобитскую угрозу в своих интересах.

Конфликт с Испанией

В это же самое время испанский король Филипп V (внук Людовика XIV) начал новую смуту в Европе. Испания была оскорблена отторжением от нее итальянских княжеств по итогам Войны за испанское наследство, и вся политика иберийцев строилась на возврате этих земель коронам Кастилии и Арагона. Согласно утрехтским прелиминариям, Филипп V терял герцогство Миланское, Неаполь, Сицилию и Сардинию. Эти области были для Испании житницами, откуда в Испанию завозилось зерно, и их потеря — очень болезненный удар по испанской монархии. Уже в 1714 году Филипп V сделал довольно многообещающий жест — взял в жены герцогиню Пармскую Елизавету (Изабеллу) Фарнезе, единственную дочь и наследницу Одоардо II Фарнезе, показав тем самым свои притязания на Италию. Альберони, ставший премьер-министром в 1715 году, получил от короля карт-бланш — нужно было любой ценой вернуть Испанию на мировую арену.

Отношения с Францией также не ладились — во-первых, Филипп считал, что его право на опеку малолетнего Людовика XV гораздо весомее, чем у герцога Орлеанского. Кроме того, испанский король

требовал, чтобы в случае смерти молодого короля или отсутствия у него потомства трон Франции наследовал сам Филипп или кто-то из его сыновей. Герцог Орлеанский, в свою очередь, начал искать союза с Англией, главной противницей Испании в Европе, поскольку только поддержка Уайт-холла могла обеспечить ему опекунство или даже трон. 4 января 1717 года в Трипеле Англия, Франция и Голландия (последняя опасалась растущей мощи Испании) заключили союз, направленный против иберийцев.

Конфликт, хотя и подогревался давно, начался внезапно — главный инквизитор Италии Хосе Молино, назначенный в эти земли испанским королем, был арестован в Неаполе австрийскими властями по обвинению в террористической, подрывной деятельности на имперских территориях. Австрийцы вполне логично указывали, что, поскольку итальянские территории принадлежат им, они и только они вправе назначать туда руководителей любого ранга. В ответ Филипп V и Альберони, пользуясь тем, что в этот момент Австрия в союзе с Венецией вела войну против турок, в ноябре 1717 года посадили на корабли войска и осуществили высадку в Сардинии. В Барселоне на 80 транспортов было посажено 9000 пехоты, 600 кавалерии, артиллерия и саперы, которые под конвоем 9 линкоров, 6 фрегатов и нескольких мелких судов^[19] были перевезены к Сардинии, которая в то время принадлежала императору. Действительное назначение экспедиции держалось в строжайшем секрете, официально говорилось, что экспедиция направляется в Восточное Средиземноморье против турок и для усиления гарнизона Мальорки. Сардиния была быстро завоевана, там был оставлен гарнизон, а остальные войска вернулись в Барселону.

Власти Англии, Франции и Голландии, крайне напуганные этим воинственным жестом, в течение нескольких месяцев вели дипломатические переговоры с Испанией, предлагался даже возврат Гибралтара испанской короне. К тому же австрийцы, чьи лучшие войска были на Балканах, избрали главным методом своих действий оборонительную тактику. Президент придворного военного совета Евгений Савойский в ответ на испанский десант усилил гарнизоны Неаполя и Милана, и только. Савойский предлагал мобилизовать все силы против турок, а расправившись с ними, взяться за испанцев. В свою очередь, Альберони предложил савойскому герцогу Виктору Амадею объединиться с испанцами и после захвата Италии просто поделить все завоеванное. Виктор Амадей, по привычке, усвоенной еще с войны Аугсбургской лиги, хитрил и изворачивался, наблюдая, чья сторона возьмет верх. Испанцы

также пытались войти в союз со шведским королем Карлом XII и даже с царем Петром I, которые по их мнению, должны были поддержать высадку *Старшего претендента* (Якова III) в Англии. Посланники Мадрида в Константинополе предлагали туркам продолжать войну с Австрией, обещая, что удара с двух сторон (Румынии и Италии) имперцы не выдержат.

Поэтому весной 1718 года Британия приняла решение направить в Средиземное море свои эскадры. 1 мая адмирал Бинг (тот самый, знакомый нашим читателям по предыдущим книгам) прибыл в Нор, где поднял свой флаг на 90-пушечном «Барфлере». Три недели собирали корабли, наконец 1 июня 1718 года 22 корабля, 1 фрегат, 3 брандера, 1 бомбардирское судно и 1 госпитальный корабль взяли курс на Гибралтар. Бинг зашел на остров Уайт, где принял на борт три полка королевских пехотинцев, однако качество этих войск оставляло желать лучшего. *«Среди них множество жалких созданий, — отписывал он в Адмиралтейство, — совершенно не приспособленных к службе. Лучших из них я заберу с собой; из тех, кто будет оставлен здесь, те, что получше, будут отправлены на брандвахты; всех прочих я просто раскассирую».*

Полномочия, данные Бингу Георгом I, были поистине диктаторскими — адмирал получил дипломатический статус чрезвычайного и полномочного посла в Италии, инструкции Бинга разрешали предпринять любые меры, которые бы наилучшим образом способствовали бы устранению противоречий между Испанией и Австрией. Он должен был предотвратить дальнейшие враждебные действия и добиваться заключения мира, но если бы испанцы напали на владения императора в Италии или на Сицилию, он должен был употребить всю свою силу, чтобы препятствовать им в этом и защитить территории, подвергшиеся нападению, используя по необходимости свою эскадру для этой цели.

Во время краткой остановки в Гибралтаре адмирал сообщил о своих целях испанскому двору, на что был получен следующий ответ:

«Его Католическое Величество оказало мне честь сообщить, что кавалер Бинг может выполнять приказы, которые он получил от короля, своего повелителя.

Эскуриал, 15 июля 1718 г.

Кардинал Альберони».

Пробыв с визитом вежливости в Малаге 4 дня, англичане перешли к

Минорке, где высадили часть своих войск и приняли на борт другие полки, после чего отплыли к берегам Южной Италии в надежде встретить там испанский флот.

Меж тем испанцы, соблюдая полную тайну, вышли 8 июня 1718 года из Барселоны с 12 линкорами, 17 фрегатами, 2 брандерами, 7 галерами, 276 транспортами и 123 тартанами — всего с 438 судами, на которых было взято 36 000 войск и 8000 лошадей, а также все необходимое оснащение и припасы^[20]. Новой целью высадки Филипп и Альберони назначили Сицилию. 19 июня огромная армада показалась у Палермо. Войска сицилийского губернатора Маффье эвакуировались из Палермо, оставив цитадели небольшой гарнизон, который почти сразу же сдался испанцам. В гавани идалго захватили новый 64-пушечный корабль. В течение последующих двух недель продолжали прибывать подкрепления и припасы, в Палермо был оставлен сильный гарнизон, армия и флот испанцев перешли в Мессину. Войска тут же вошли в город, корабли встали на якорь на рейде, а отряд из 2 линкоров и 1 фрегата был направлен к Мальте, чтобы заблокировать отступившие туда сицилийские галеры.

Бинг прибыл в Неаполь 21 июля и узнал, что большая часть Сицилии уже в руках испанцев. 25-го он отплыл к берегам Сицилии в надежде найти испанцев. Мысли Бинга были предельно просты: *«Если мои добрые намерения не достигнут цели (поскольку мы можем не успеть вовремя, чтобы предотвратить их высадку, а они не уберут свои войска), я намереваюсь атаковать их флот и не позволить ему прикрывать армию или доставлять ей подкрепления, что, как я уверен, и было целью посылки эскадры под моим флагом в эти моря».*

Тем временем герцог Виктор Амадей Савойский, (который в это же время узнал о потере Сицилии), писал Бингу: *«Ничто не может быть более определено, чем то, что, если позволить испанцам захватить Сицилию и удержать ее, они используют этот остров как трамплин в Южную Италию и Неаполь. В случае взятия Мессины испанцы получают удобную стоянку для своего флота и смогут перевозить войска в Калабрию».*

Вечером 29-го числа англичане подошли к Мессине. Бинг послал своего флаг-капитана Сандерса на берег с письмом к командиру испанцев, маркизу де Леде с демонстрацией добрых намерений английского короля, которые он намерен был употребить для устранения разногласий между испанской и имперской коронами. Также письмо содержало предложение о перемирии. Флот англичан встал в 21.00 в линии баталии в миле от берега, между маяком и Мессиной.

Утром вернулся Сандерс с ответом от де Леде, где говорилось, что маркиз не уполномочен вести переговоры, но имеет приказ Его Католического Величества завоевать Сицилию для испанского короля. Узнав об этом Бинг снялся с якоря, он слышал, что испанская эскадра накануне прошла Мессинским проливом и ушла на Мальту. Адмирал хотел намеренно встать на якорь перед Мессинской бухтой и оставаться там для предотвращения дальнейших действий испанцев.

В свою очередь, испанцы, находящиеся на рейде Палермо, 29 июля узнали о прибытии англичан в Мессину. Был собран совет, на котором обсуждались последующие действия. Уже упоминавшийся нами английский ренегат кэптен Кэммок сообщил, что не испытывает никаких иллюзий по поводу своих соплеменников — они будут атаковать донов. Поэтому он предложил встать на якорь на рейде Палермо, где в случае атаки англичан можно получить помощь от береговых батарей. К тому же сильное течение Мессинского пролива делает любую атаку, кроме абордажа, очень затруднительной. Предложение Кэммока не было принято, хотя время показало, что это был очень хороший план. Со слабой надеждой, что Бинг прибыл с мирными намерениями, испанцы вышли в море в беспорядке, имея корабли в трех отдельных группах.

30 июля в 7.00 эскадра Бинга прошла через пролив, на борт взошел офицер гарнизона Реджио и сообщил, что испанская эскадра была усмотрена у мыса Пассаро. Бинг приказал поставить все паруса. Он прошел мимо рейда Палермо, где находилось огромное количество транспортов, которые отсалютовали ему из всех своих орудий, на что Бинг ответил им 21 выстрелом. В 11.00 60-пушечный «Сюперб» просигналил, что видит испанцев, вскоре был обнаружен весь их флот. Для постоянного контакта за испанцами были выделены линкоры «Графтон» (70 орудий) и «Сюперб», которые шли впереди с яркими огнями всю ночь, а в 4 часа утра 6 английских кораблей авангарда атаковали 6 испанских кораблей, окруженных большим числом мелких судов. Постепенно в бой вступили все суда с обеих сторон. В 7.00 англичане сблизились на дальность выстрела и открыли огонь, а уже к 11 часам испанцы обратились в бегство. За отдельным испанским отрядом, пытавшимся укрыться у берега, Бинг послал кэптана Уолтона на «Кентербери», который потом написал адмиралу записку следующего содержания:

«Мы захватили и уничтожили все испанские же корабли и суда, которые были под берегом. Число их дано в сноске; что касается захваченных — мы приведем их в Сиракузы сегодня.»

Остаюсь, сэръ, Вашим покорным слугой,

Джордж Уолтон».

Корабли в сноске:

Взятые корабли	Сожженные корабли
1 — 60 пушек (контр—адмирал Мари)	1 — 54 пушки
1 — 54 пушек	1 — 40 пушек
1 — 40 пушек	1 — 30 пушек
1 — 24 пушки	1 — брандер
1 — с грузом оружия	1 — бомбардирский
1 — бомбардирский	1 — Saytia (испорченное settee, т.е. тартана)

Бой-преследование продолжался до 18.30, британцы захватили 15 судов всех классов из 29. В плен попали 5400 испанских моряков. Свою атаку Бинг объяснил так: *«Я считал бы непростительным для себя допустить захват Сицилии, видеть перед собой испанский флот в боевых порядках с намерением атаковать флот Его Величества, а потом позволить ему с еще большими силами безнаказанно идти в Италию для выполнения их дальнейших планов, которые они угрожали реализовать. К тому же испанцы уже захватили английские торговые суда для использования их в качестве транспортов, препятствуя нашей торговле и забирая наших матросов с наших судов; с таким флотом, который они планируют иметь к следующему лету^[21], они будут устанавливать свои порядки в Средиземном море даже для нашей торговли».*

У испанцев отличился только Кэммок — он смог увести 3 корабля и 4 фрегата на Мальту, правда, в заливе Таранто один из кораблей (60-пушечный «Сан-Педро») разбился о камни из-за низкой квалификации экипажа.

Хотя Бинг смог рассеять испанский флот, на Сицилии оставалась еще 36-тысячная армия испанцев. Ситуация на острове складывалась следующая — сардинские войска, усиленные 1000 австрийцев, удерживали только цитадель Мессины, сам город уже принадлежал испанцам. Также

сардинские войска еще удерживали Трапани, Сиракузы и Мелаццо. Весь остальной остров принял руку Филиппа V. Основные силы испанцев были расквартированы в Палермо, у Мессины доны сосредоточили 12–14 тысяч пехоты и 3000 конницы. В свою очередь, австрийцы имели в районе Неаполя 7000 штыков, еще 6000 должны были к октябрю собраться в Милане. Таким образом, активные действия на суше откладывались до поздней осени, что Бинг воспринимал с содроганием. Одна мысль о том, что придется зимовать вдали от своих баз, была просто невыносима. Британцы считали, что в случае зимовки в Средиземном море придется постоянно нести крейсерскую и дозорную службу, сопровождать караваны торговых судов и транспортов, а это, в свою очередь, потребует постоянного вывода части кораблей на докование и ремонт, то есть реально сила эскадры уменьшится.

Поэтому Бинг настаивал, чтобы австрийцы сделали вылазку из цитадели Мессины и отбили район порта, иначе крепость может пасть. Он предлагал перевести австрийские полки из Реджио и сосредоточить их в цитадели и вокруг нее при одновременной демонстрации английского флота к северу и востоку от города, чтобы растащить части испанцев по флангам. Однако осторожные австрийцы сочли этот план рискованным, и в результате 28 сентября случилось неизбежное — Мессина капитулировала. Гарнизон крепости получил право на почетный выход и эвакуацию в Реджио.

Английский флот действовал не покладая рук: эскортировал транспорта с войсками и боеприпасами на Сицилию, крейсировал вокруг острова, 5 линкоров Бинг провел к Мальте — выкурить оттуда Кэммока, блокировавшего там сицилийские галеры. В переговорах с испанцами адмирал пригрозил, что если идальго попытаются заблокировать галеры сицилийцев, он просто сожжет все их корабли. Пассарские призы были отправлены в Порт-Магон вместе с 5 кораблями, нуждавшимися в доковании^[22].

Испанцы не осмелились атаковать, и Бинг вместе с сицилийцами взял курс на Неаполь. 1 ноября адмирал вернулся в бухту Байа. Именно здесь требовалось его срочное присутствие. Австрия, согласно кондициям, предложенным Четырехсторонним альянсом, передавала Савоие Сардинию в обмен на Сицилию. Савойцы и имперцы относились друг к другу очень подозрительно и холодно, поэтому Бингу пришлось приложить немало усилий для восстановления согласия в союзе.

Тем временем Кэммок, пользуясь тем, что Бинг ушел, вышел в море и проскользнул в Мессину, которую англичане не блокировали, поскольку

часть их кораблей ремонтировалась в Порт-Магоне. В январе 1719 года он атаковал имперские транспорты с припасами. Только налетевший шквал помешал захвату судов у Тропеа. Бинг, узнав об этом, срочно вышел в море. Кэптену Мэтьюсу был отправлен приказ перехватить Кэммока, однако якобит опять смог ускользнуть. Англичане жестоко страдали от непрерывных зимних крейсерств — 5 кораблей были постоянно в районе Реджио, 4 — у Мелаццо, 2 — у Ривьеры на защите торговли^[23], 5 — ремонтировались в Порт-Магоне, сменив 4, которые вышли оттуда с Мэтьюсом к Реджио.

В компании нового, 1719 года союзники планировали задействовать в Сицилии 14 000 пехоты и 2770 конницы. В феврале австрийцы отбили атаку испанцев на Мелаццо, более того — осада с города была снята. Но Бинг, находившийся в Порт-Магоне с 11 кораблями, требующими ремонта, не смог помешать испанцам доставить подкрепления с Сардинии — 4 батальона пехоты, прорвавшиеся в Палермо.

В январе Мэтьюс (70-пушечные «Кент», «Ройял Оак», «Графтон», «Бурфорд», 60-пушечный «Риппон» и 50-пушечный «Рочестер») сумел перехватить Кэммока (60-пушечные «Санта-Розалия», «Сан-Фернандо», 54-пушечный «Перла», 40-пушечные «Галера», «Толоса», 28-пушечный «Сан-Фернандо эль Чико»), крейсировавшего у Мессины. Кэммок, прикрывавший отряд на «Санта-Розалии» (к тому моменту испанские корабли уже успели войти в Мессинскую бухту), был обстрелян «Графтоном» и прижат к берегу. Видя, что британцы готовят абордажную партию, якобит решил выброситься на берег, что и сделал. Отряд из матросов «Санта-Розалии» сумел пробиться в Мессину, и в конце февраля Кэммок уплыл на «Сан-Фернандо эль Чико» на Мальту, однако недалеко от гавани Маршамукшетто его перехватил крейсировавший там «Ройял Оак». Кэммок все же сумел спастись, сев в последний момент на лодку и переправившись в Ла-Валетту^[24].

В связи с активностью Мэтьюса действия испанского флота были парализованы. В Мессине оставались только «Сан-Фернандо», а также фрегаты «Перла», «Толоса» и «Галера», но проблемой были очень большая смертность в экипажах и невозможность их пополнить. Испанские же войска на Сицилии начали терпеть нужду в провианте, и маркиз де Леде начал предпринимать попытки по эвакуации с острова, но Бинг не собирался давать такой шанс испанцам, пока Филипп V не согласится на предложение Четырехстороннего союза.

Тем временем Альберони пошел ва-банк — он решил организовать

экспедицию в Шотландию, чтобы отвлечь английскую эскадру от Средиземного моря. Смерть шведского короля Карла XII лишила испанцев сильного союзника, к тому же французы сдали всю информацию о вторжении англичанам. 300 испанских морских пехотинцев под командой графа-маршала Шотландии Джорджа Кейта должны были высадиться в Шотландии и объединиться с восставшими. Вторая часть плана предусматривала высадку одновременно в Юго-Западную Англию и Уэльс 7000 солдат Джеймса Батлера, 2-го герцога Ормонда, где к нему тоже должны были присоединиться местные якобиты. Обе армии с севера и запада предполагалось двинуть на Лондон и вернуть трон изгнанному Якову II Стюарту. Но план сработал только в первой части, поскольку Флот Канала адмирала Джона Норриса перекрыл Ла-Манш для армии вторжения.

Высадившись в Шотландии, Кейт присоединил до 700 сторонников свергнутого короля из числа горцев, но вскоре получил известие, что высадка Ормонда провалилась. Тем временем против него были двинуты английские войска, подкрепленные оставшимися лояльными кланами из Лоуленда (120 драгун, 850 пехотинцев и 4 мортиры) под командой генерала Джозефа Уитмана. Сражение произошло на холмах у Глен Шилл. Испанцы заняли возвышенность в центре, а на флангах, укрепленных баррикадами встали горцы. Уитман вначале атаковал правый фланг якобитов, потом — левый, а затем, произведя усердную артподготовку, повел атаку на центр, одновременно охватив его со стороны оставшихся без защиты флангов. Оставшись в одиночестве, испанцы стойко сопротивлялись в течение трех часов, после чего в совершенно безнадежном положении сложили оружие, в память об их доблести холм, где они держали оборону с тех пор получил название Холма испанцев.

Единственное воздействие очередной высадки якобитов на позицию Бинга заключалось в том, что, узнав о предполагаемом вторжении, он тут же отослал 2 полка в Плимут.

На Средиземноморье же союзники смогли наконец договориться, 22 апреля 1719 года была подписана Конвенция о взаимопомощи между Австрией и Савойей. В Неаполе было собрано до 13500 австрийских солдат, которые были готовы к погрузке на корабли. Гарнизон Мелаццо, города в Сицилии, осажденного испанцами, насчитывал 8000 человек. Австрийцы предлагали перевезти войска в Палермо, тогда как Бинг настаивал на высадке в Мессине, поскольку там находились военные корабли испанцев. Британцы беспокоились, что 17 кораблей, собранных в Кадисе, могут соединиться с заблокированными судами в Мессине. Тем

временем французы, также вступившие в войну на стороне альянса, отрядили для действий на севере Испании корпус маршала Бервика (знакового нам по предыдущим книгам), который сжег два 70-пушечных и два 60-пушечных корабля в Порт-Пассахесе и Сантоне.

22 мая Бинг отплыл с транспортами из Неаполя с 12 000 пехоты и 3000 кавалерии. Конвой эскортировали 7 линкоров и 1 пинк^[25]. Испанский флот в Мессине блокировали 4 корабля под командованием Мэтьюса («Кент», «Ройял Оак», «Риппон», «Дредноут»). Остальные силы были распределены следующим образом: 2 линкора в Гибралтаре, 8 — на ремонте в Порт-Магоне.

28 мая австрийские войска начали высадку в Мелаццо. После прибытия десанта испанская армия вышла из лагеря и отступила. Флот перешел к Оливетте, где без помех выгрузил полевые орудия и различные припасы, на следующий день высадили кавалерию. Испанцы, в свою очередь, заняли сильную позицию у Франка Вилья, между Мелаццо и Мессиной.

На Липарские острова, расположенные прямо напротив Мессины, был переброшен небольшой отряд пехоты (2000 штыков) и 120 драгун. Теперь Мессина была под неусыпным наблюдением Мэтьюса. Прорыв испанских кораблей в море был невозможен.

Через три дня начальник австрийских войск де Мерси атаковал испанскую армию около Франка Вилья. Он потеснил донов на 8 или 10 миль, но потерял 2500 человек и не сумел продвинуться дальше из-за сильной испанской позиции; испанские войска хорошо окопались, и их фронт защищала река. Сам Мерси был ранен, коммуникации между Мелаццо и Франка Вилья были перерезаны партизанами; ситуация была критической. Как только Бинг узнал от командира галер у Мессины об этом жестоком бое, он послал своего флаг-капитана к губернатору Мелаццо и попросил его послать два батальона своего гарнизона помочь установить коммуникации между армией и транспортами в Таормине. Генерал тут же послал запрашиваемые войска, а также 1000 только что прибывших рекрутов; Бинг тут же погрузил их на суда и перевез в Таормину, куда уже был направлен генерал Уокендон (Wackendon) с 3000 войск и 500 лошадьми для открытия коммуникаций с армией и доставки продовольствия с транспортов, стоявших на якоре. Доставленные подкрепления имели большое значение; попытка губернатора Мессины отрезать коммуникации путем вылазки гарнизона потерпела неудачу.

В конце июля австрийцы подошли к Мессине и обложили ее с двух сторон. 8 августа гарнизон крепости ушел в цитадель, отдав весь остальной

город союзникам. Теперь конец был близок. Сразу поднялся вопрос, кому будут принадлежать испанские корабли после захвата города. Бинг был неумолим: *«Хотя король по своей великой доброте имел удовольствие передать своим морякам те призы, которые они захватили, и мы полагали, что можем выставить справедливые претензии на них после падения цитадели, однако, посланник короля Сардинии заявил претензии на те, которые принадлежали его королю, а это были 2 лучших корабля; офицеры императора тоже могли считать их своими, поскольку они находились в пределах их порта. Чтобы избежать всех этих споров, я пожелал, чтобы генерал Мерси поставил батарею для уничтожения этих кораблей, и предоставил ему брандскугели, чтобы сжечь их. Он обещал мне, что они будут уничтожены, и я уверен, что теперь в этих морях не будет никаких эскадр, которыми нам бы пришлось заниматься».*

10 августа британский адмирал отплыл для конвоирования войск из Генуи. 28 сентября войска были доставлены под Мессину, здесь же Бинг с удовольствием узнал, что Мерси выполнил его пожелания и 4 самых больших испанских корабля было потоплено. Его прибытие было весьма своевременным: у Мерси осталось так мало пороха, что осада замедлилась и транспорты с порохом, которые Бинг срочно выслал австрийцам, были весьма кстати. Де Леде отступил в Лентини, к югу от Катано, и уже не мешал операциям, которые теперь велись с удвоенной энергией. 18 октября Мессина капитулировала, испанский гарнизон был погружен на транспорты и отвезен на Корсику, в Аугусту. Де Леде отступил и укрепился на грозной позиции в Кастро Джованни.

Хотя Мессину союзники захватили, кампания еще не была закончена. Сицилия была полностью разорена испанцами, поэтому не могла прокормить австрийцев. Испанцы сосредоточили большие запасы зерна в Палермо, и хотя наступление на Палермо было наиболее желательным, оно меж тем представляло бы огромные трудности, поскольку тогда бы с фланга угрожал де Леде. К тому же транспорты не могли перевезти небольшими партиями всю армию, поскольку были непригодны во время зимних штормов для плаваний. Посылать же войска частями означало опасность, что их и разобьют по частям.

Бинг нашел выход из трудного положения. Хотя в Трапани не было продовольствия, зерно можно было закупить в Тунисе, а войска адмирал предложил погрузить на его корабли. Оставалась только одна трудность — у австрийцев и савойцев не было денег. Бинг открыл казну эскадры, и зерно смогли закупить.

Дело стало быстро выполняться. В Тунис были посланы военный

корабль и 2 транспорта, и началась посадка первой половины армии на суда. Они отплыли 11 декабря и были без помех высажены в Трапани; в ответ на это де Леде двинул свою армию к Палермо, оставив гарнизон в Кастро Джованни, и занял позицию между Монреале и Карини для прикрытия Карикатори или маршрутов поставок зерна.

Испанская армия в 12 000 штыков была рассредоточена в траншеях от Альяно до Кастель Витрано, императорская армия в 10 000 солдат занимала позиции между Трапани, Марсало и Маццарой; обе армии были ослаблены тем, что оставили многочисленные гарнизоны, и испанцы, как считалось, потеряли 7000 из-за военных действий и болезней. 12 февраля австрийцы начали наступление. Де Леде, убедившись в том, что у него очень мало шансов на успех, предложил эвакуировать Сицилию на условиях возврата испанской армии в Испанию, и австрийцы были склонны согласиться на это, поскольку это отдавало им Сицилию без всяких затруднений, но Бинг не хотел выпускать на волю такую большую армию, так как ее можно было затем использовать против Англии или Франции; он отказался от предложения де Леде, пока испанский король не согласится со всеми требованиями Четверного альянса. Поэтому после обсуждения испанских предложений наступление продолжалось и дополнительные войска были доставлены морем в Мелаццо.

26 апреля дивизия австрийцев под командованием Нипперга при поддержке огня трех английских кораблей атаковала Монте Пеллегрино, атаки начали вестись на всю линию испанских укреплений. 2 мая австрийцы неожиданно атаковали испанский редут, который занимал командные позиции над укреплениями лагеря, гарнизон его, по словам Корбетта, *«устроил себе сиесту по обычаям этой нации»*, и уже готовился штурм всей испанской линии, когда прибыла фелука из Испании с приказом де Леде о безоговорочной эвакуации Сицилии.

6 мая была подписана конвенция, и начались приготовления по эвакуации армии: 1-й эшелон испанцев, 12 000 пехоты и 600 кавалерии, был готов к отплытию 10 июня, и 2-й эшелон той же численности был увезен в августе, когда Бинг отплыл в Кальяри для организации эвакуации Сардинии и ее передачи герцогу Савойскому. Эскадра вернулась в Англию, и Бинг, завершив *«все, что я должен был сделать на службе Его Величества»*, отплыл в Ливорно, а оттуда отправился в Ганновер с докладом к королю.

Филипп V согласился на все условия союзников, кардинал Альберони был изгнан из Испании, флот, построенный им, был уничтожен. Бинг получил за испанские призы вознаграждение в размере 22 512 фунтов

стерлингов.

Испанская эскадра, вышедшая из Малаги к Сицилии:

В «Feldzugeder prinzen Eugen von Savoyen», t. 18, Wien 1881, *прилож.*
2, с. 358, дан состав эскадры маркиза Мари 1717 г.:

Наименование		Пушки	Моряки	Солдаты
Capitana San Felipe el Real	Капитана Сан-Фелипе эль Реал	80	128	700
Principe de Asturias	Принсипе де Астуриас	72	128	600
Santa Rosa	Санта-Роза	60	88	400
Real Mary	Реал Мари	60	88	400
San Fernando	Сан-Фернандо	60	88	400
Santa Cruz	Санта-Круз	60	88	400
San Pedro	Сан-Педро	60	95	400
Santa Isabel	Сан-Изабель	60	95	400
San Carlos	Сан-Карлос	60	95	400
Perla	Перла	52	74	300
Volante	Воланте	44	56	250
Sorpresa	Сорпресса	48	56	250
Juno	Юнона	38	36	200
Santiago	Сантьяго	30	15	100
Hercules (госпитальное судно)	Херкулес	20	15	40
Leon (брандер)	Леон	10	—	50
Castilla (транспорт)	Кастилья	10	—	50
ИТОГ О		824	1145	5340

Однако, по данным статьи в журнале «*Revista general de marina*», Madrid 1967 (испанские архивы), эскадра хефе ди эскуадра Мари в 1717 г. включала следующие корабли:

Principe de Asturias 70 шеф ди эскуадра Мари

San Luis (Сан-Луис) 60 (этот и следующие 3 корабля новые по 60

пушек и 950 т) хефе ди эскуадра Гевара

San Fernando (Сан-Фернандо) 60

San Pedro (Сан-Педро) 60

San Juan Bautista (Сан-Хуан де Батиста) 60

San Carlos (Сан-Карлос)

Santa Isabel (Сан-Изабель)

Santa Rosa (Санта-Роза)

N.S. de Belen (Нуэстра Сеньора де Белен)

N.S. de Loreto (Нуэстра Сеньора де Лорето)

N.S. de la Cinta (Нуэстра Сеньора де ла Синта)

Esperanza (Эсперанза)

Leon (Леон)

Santa Ana (Санта-Анна)

Был также отряд галер хефе ди эскуадра Франсиско Гримау

San Felipe el Real (Сан-Фелипе эль Реал) был вооружен только в 1718 г.

Глава 2

Испанские страсти

Новые союзы, новые проблемы

Выступление Англии и Франции единым фронтом в конфликте с Испанией не на шутку испугало остальные страны. Сразу же после изгнания Альберони Испания начала сближение с Австрией. Испанские послы также прибыли и в Россию, чтобы склонить императрицу Екатерину I и ее окружение к союзу с идадьго. Испанцы и австрийцы надеялись использовать ухудшение отношений между Россией и Данией.

Дело тут было в следующем — после заключения Ништадтского мира Россия получила от Швеции все, что хотела. Теперь, согласно планам царя Петра, надо было решить южную проблему — выход к торговым площадкам Каспийского моря и налаживание торговых связей с Персией и Турцией. Для этого на Балтике Петру был необходим твердый мир, а также отсутствие сильной власти в самой Швеции, чтобы мысль о возврате Прибалтики не забредала в головы скандинавов. Петр решил — ни больше ни меньше — сделать из Швеции союзное государство, а для этого затеял одну хитроумную интригу. Царь выдал свою старшую дочь, Анну Петровну, за голштинского герцога, который, в свою очередь, имел права на шведский престол. В то же время Голштиния, имевшая сухопутную границу с Данией, была ее врагом (поскольку последняя в 1720 году аннексировала у голштинцев, союзников Швеции, Шлезвиг), и в случае союза Голштинии с Россией и Швецией Дания вполне могла получить сухопутный фронт в дополнение к угрозе с моря.

В 1724 году Петр заключил со Швецией союзный договор, согласно которому Швеция обязалась содействовать любыми методами возвращению герцогу Голштинскому Шлезвига. Встревоженная Дания мобилизовала свой флот, но русский царь и не собирался вторгаться в Данию (хотя имел для этого все возможности: огромный галерный флот и 115-тысячную армию). Ему важнее было, чтобы Швеция разделилась на две партии, одна из которых поддерживала голштинского претендента на трон, а вторая — гессен-кассельского.

После смерти Петра Екатерина I вопреки советам Меншикова решила действовать наступательно — возник проект захвата Дании. Это, в свою очередь, сильно встревожило Англию и Францию. В 1725 году эти страны заключили Ганноверский союз, в который вошла также и Пруссия. В свою

очередь, Венский союз (Австрия и Испания) решил привлечь на свою сторону Россию и Швецию. Испанские дипломаты очень умело использовали стремление России аннексировать Данию, и по дворам Европы поползли слухи, что императрица Екатерина присоединится к Венскому союзу и пришлет в Испанию русский флот и войска. В январе 1726 года *Старший претендент* написал императрице письмо, где просил помощи в реставрации Стюартов на троне Англии. Эта грамотно составленная испанцами провокация оправдалась — Англия прислала на Балтику эскадру из 20 линейных кораблей под командованием коммодора Чарльза Уоджера, однако четких инструкций Уоджеру не дали. Еще две эскадры были посланы к Гибралтару (адмирала Дженнингса) и в Вест-Индию (адмирала Хозайера).

Между тем Швеция, которой Англия и Франция сулили жирные субсидии за вступление в Ганноверский союз, в начале 1726 года дала понять России, что не будет способствовать шлезвигским амбициям герцога. Голштинские министры в ответ стали распускать слухи, что Россия собирается, в случае неисполнения шведами обязательств по Стокгольмскому договору 1724 года отправить на галерах в Швецию 30 тысяч войск. В марте — начале апреля 1726 года эти слухи вызвали дикий переполох в Швеции и привели не к тем результатам, которых ожидали русские. Английский король Георг и его министры стали говорить, что должны теперь спасать и Швецию от России.

Итогом всего этого было ослабление прорусской голштинской партии в Швеции, сторонники Англии и Ганноверского союза одержали верх. Уже в марте 1726 года Швеция заявила, что не будет помогать России в завоевании Шлезвига и не разрешит русскому флоту использовать для этого шведские порты.

Без Швеции ничего сделать было нельзя, и уже в апреле от «шлезвигской экспедиции» Екатерине I пришлось отказаться. Следует отметить, что многие в России были против нее. Адмиралы-датчане (и норвежцы) — Крюйс, Сиверс, коммодор Брант — предлагали Дании срочно выслать в море флот; категорически против был и Меншиков: его столкновения с герцогом голштинским приняли форму оскорбительных скандалов. Меншиков говорил Сиверсу: *«Если бы мы даже были столь глупы поспориться с нашими старыми приятелями англичанами и датчанами из-за принца, интересы которого не имеют ничего общего с нашими, мы постараемся во всяком случае пристроить его в Швецию; пусть он останется там и оставит нас в покое»*.

Русский же Балтийский флот спешно готовился к бою. Ревель,

Роггервик и Нарва ожидали от англичан действий *a la Bing*^[26] в Средиземном море. В Ревеле русские корабли были сконцентрированы у входа в старую гавань, у Пириты стоял отряд в 4 фрегата и несколько легких судов. Гарнизоны данных городов были усилены 6 полками, в Ревеле и Роггервике были поставлены дополнительные батареи из 18-фунтовых орудий.

Состав Ревельской эскадры^[27][27]

Наименование	Тип корабля	Пушки	Примечание
«Астрахань»	ЛК	66	
«Нарва»	ЛК	64	
«Св. Александр»	ЛК	70	Вице-адмирал Фома Гордон
«Пантелеймон- Виктория»	ЛК	66	
«Св. Екатерина»	ЛК	66	Генерал-адмирал Федор Апраксин ²
«Москва»	ЛК	64	
«Исаак-Виктория»	ЛК	66	
«Марльбург»	ЛК	60	
«Ревель»	ЛК	68	
«Леферм»	ЛК	64	
«Дербент»	ЛК	64	
«Рафаил»	ЛК	54	
«Девоншир»	ЛК	54	
«Нептунус»	ЛК	70	Контр-адмирал Наум Сенявин
«Перл»	ЛК	50	
«Армонт»	ЛК	48	
«Арондель»	ЛК	48	
«Амстердам-Галлей»	ФР	32	
«Винд-Хунд»	ФР	32	
«Стор-Феникс»	ФР	30	
«Кронделивде»	ФР	32	
«Св. Яков»	бриг	18	

Наименование	Тип корабля	Пушки	Примечание
«Фаворитка»	шнява	16	
«Дондер»	Мортирный бот	6	
«Юпитер»	Мортирный бот	6	
«Санкт-Михаил»	Плавучая батарея		
«Принц Евгений»	Плавучая батарея		
«Британия»	Плавучая батарея		
«Не тронь меня»	Плавучая батарея		

29 мая Уоджер приблизился к Ревелю. На борт флагмана англичан поднялись русские парламентареры — капитан Алтуфьев и капитан-лейтенант Чаадаев. В рапорте на имя Апраксина Алтуфьев и Чаадаев пишут, что Уоджер принял их ласково и сразу же стал извиняться за то, что английская эскадра подошла к Ревелю. Он говорил, что не собирается атаковать русских, а хочет только узнать, для войны с кем ведутся такие приготовления. Если только не с Англией — Ройял Неви сразу же удалится. Русские парламентареры сказали, что если флот Его Величества только попробует войти в гавань Ревеля, он будет обстрелян всеми видами артиллерии порта. Уоджер заверил парламентареров, что его эскадра заходить на рейд порта не будет, и попросил только лишь отправить письмо Апраксину. Вскоре к англичанам присоединилась датская эскадра шатубенахта Билле в составе 8 линейных кораблей.

Меж тем к Апраксину стекались данные об эскадре Уоджера — фрегат «Самсон» встретил дружественных голландцев и узнал от них о составе эскадры. Фрегаты «Крейсер» и «Яхт-Хунд» постоянно держались вблизи англичан. 24 мая к Кронштадту в сопровождении нашего корабля подошел английский фрегат «Порт-Магон». Не доходя три мили до гавани, фрегат

лег в дрейф, оттуда последовал запрос к Апраксину — может ли он принять письмо для императрицы. Сразу же напротив фрегата стали «в *полной изготовке*» 12 больших галер, фрегату было приказано спустить паруса, что он и исполнил.

Англичанам был передан ответ императрицы Екатерины королю Георгу. В нем, в частности, писалось: *«Ежели мы только когда повелим флоту нашему в море идти, то тогда через сие Вашего Королевского Величества запрещение себя воздерживать не допустим. И как мало мы сами себя возвышаем, так и другим законы свои предписывать не хотим. Мы есть абсолютная и самодержавная государыня, которая ни от кого, кроме единого Бога, не зависит, оная от иного кою принять вознамерены»*.

В это время Ревель готовился к возможному штурму. Был отдан приказ свезти со всех кораблей припасы и все лишнее на берег, кораблям иметь не менее 20 зарядов на орудие. Старый корабль «Британия» был подготовлен к затоплению на фарватере. Прам «Олифант», вооруженный десятью 18-фунтовками, был посажен на мель у мыса Калл и держал под обстрелом восточный вход в гавань.

23 июня адмирал Мишуков на 50-пушечном «Рафаиле» прибыл к Уоджеру с письмом от императрицы. 25 июня стороны сели за стол переговоров. Уоджер послал ответ императрицы королю, и все мучительно ожидали развязки.

Ожидание штурма продолжалось до 1 октября, потом англичане просто ушли домой. Все это время в море постоянно находились корабль «Арондель», фрегаты «Крейсер», «Яхт-Хунд», «Самсон», «Винд-Хунд». Эпизодически — корабль «Рафаил» и «Исаак-Виктория», фрегат «Стор-Феникс», шнява «Фаворитка».

В 1727 году в Копенгаген прибыл адмирал Джон Норрис с 12 кораблями и солидными деньгами. Его задачей было скорейшее присоединение Дании и Швеции к Ганноверскому союзу, которые в обмен на субсидии пообещали вывести в море свои флоты и присоединить их к английскому. Но все обещания новоиспеченных союзников оказались только словами — ни датчане, ни шведы даже не вооружили своих кораблей.

Осада Гибралтара

Тем временем на другом краю Европы испанцы в очередной раз пытались захватить Гибралтар. На военном совете в декабре 1726 года Филипп V заслушал мнение своих ближайших советников. Маркиз Вильярдариас, в 1704 году уже осаждавший Гибралтар, был резко против

атаки крепости. В роли ястреба выступил граф Торрес, наместник в Наварре. Последний сказал, что Испания обладает достаточными сухопутными силами для взятия английского «порто-франко», а испанский флот поможет осаждающим с моря. На тот момент Армада Эспанья номинально включала в себя следующие корабли:.

Корабль		Пушки	Год постройки	Примечания
Concepción	Консепсьон	50	1694	Армада Южных морей (Тихоокеанская эскадра)
Santisimo Sacramento	Сантиссимо Сакраменто	50	1694	Армада Южных морей
Hermione	Эрмионе	52	1716	
Cambi	Камби	66	1718	
Catalán	Каталан	66	1719	
Conquistador	Конкистадор	64	1719	
Rubí	Рюби	54	1719	
Lanfranco	Ланфранко	62	1720	
Estrella de Mar	Эстрелла де Мар	64	1720	

Корабль		Пушки	Год постройки	Примечания
San Luis	Сан-Луис	66	1722	
Gallo Indiano	Гало Индиано	66	1722	
Potencia	Потенсия	58	1723	
San Juan Bautista	Сан-Хуан Батиста	60	1724	Армада Наветренных островов (Вест-Индская эскадра)
San Fernando	Сан-Фернандо	62	1725	
Incendio	Инцендио	58	1725	
San Carlos	Сан-Карлос	66	1725	
El Retiro	Эль Ретиро	54	1726	Армада Наветренных островов
Paloma Indiana	Палома Индиана	52	1726	
Infante	Инфанте	60	1726	
San Antonio	Сан-Антонио	60	1726	
San Esteban	Сан-Эстебан	50	1726	
San Felipe	Сан-Фелипе	80	1726	
San Francisco de Asis	Сан-Франсиско де Асис	52	1726	голландский приз
San Francisco Javier	Сан-Франсиско Хавьер	52	1726	
Santa Rosa	Санта-Роза	56	1726	Армада Наветренных островов

Фрегаты				
Корабль		Пушки	Год постройки	Примечания
Águila Volante	Аквила Воланте	32	1718	Армада Южных морей
Brillante	Бриллианте	32	1718	Армада Южных морей
Peregrina	Перегринна	48	1718	Армада Южных морей
San Jorge	Сан-Хорхе	30	1718	
Fidela	Фидела	30	1719	
San José / Pingüe Volante	Сан-Хосе/ Пинье Воланте	30	1719	
Ntra. Sra. de Begoña	Нуэстра Сеньора де Бегона	30	1720	Армада Наветренных островов
Ntra. Sra. de Atocha	Нуэстра Сеньора де Аточа	30	1723	
La Griega	Ла Грига	30	1724	
Jardín de Tritón	Ярдин де Тритон	20	1725	
Ntra. Sra. del Rosario	Нуэстра Сеньорадель Розарио	40	1725	
Ntra. Sra. de Aranzazu	Нуэстра Сеньора де Аранзазу	30	1726	

Таким образом, в водах Пиренейского полуострова *доны* могли выставить 20 линейных кораблей и 8 фрегатов.

В начале января 1727 года испанский посол де Посо Буэно в Лондоне ознакомил английское правительство с нотой своего короля, где говорилось, что англичане нарушают статью X Утрехтского договора: британские подданные строят укрепление Гибралтара за линией, определенной под полосу отчуждения; кроме того — в Гибралтаре находится большое количество евреев и мусульман, что невозможно на святой католической испанской земле. Георг I 17 января ознакомил парламент с этим письмом и предложил парламентариям объявить войну Испании. После бурных дебатов 251 депутат проголосовал за начало военных действий, а 81 — против. На войну было вотировано 3 миллиона фунтов стерлингов.

К тому моменту в Альхисерасе находилось 18 тысяч испанских штыков, 700 сабель и 100 орудий, командовал испанцами граф Торрес. Но организация у донов хромала — большая часть пушек, которые везли морем, оказалась на судне, севшем на мель в 30 километрах от Кадиса, Торресу не выделили денег, солдаты уже второй месяц не получали жалованья, 3000 рабочих, нанятых для рытья траншей и строительства укреплений, разбежались, так как денег им не выплатили. С руководством также было не все гладко — первенство в делах военных у Торреса оспаривал граф Монтемар, герой захвата Орана. Он был намного опытнее Торреса, но менее родовит. Соперничество двух полководцев превратилось в постоянные склоки на военных советах. Ко всем этим трудностям добавились превратности испанской зимы — с ее постоянными дождями и пронизывающим ветром.

Британские силы в Гибралтаре составляли всего 1500 солдат и 150 орудий, поэтому 19 января 1727 года туда была отправлена эскадра Чарльза Уоджера в составе 6 кораблей и 2 шлюпов («Кент», «Леннокс», «Бервик», «Ройял Оак», «Портленд», «Тигр», шлюпы «Хоук» и «Круйзер») с тремя батальонами морской пехоты под командованием бригадира Кейна и 10 орудиями. 2 февраля подкрепления высадились в крепости и гарнизон увеличился до 3000 штыков и 150 артиллеристов.

Вторая в истории Гибралтара осада оказалась в первую очередь состязанием артиллеристов противоборствующих сторон. Крепость по сравнению с 1704 годом была порядком усилена: на северной оконечности скалы поставлена новая батарея (Гринс Лодж Батарей), а на востоке сооружен Кингз Бастион (King's Bastion), защищавший Гибралтар от десанта со стороны залива. На самой скале расположились еще ряд фортов — батарея Уиллисис, Большая батарея, редут Принцессы (Willis's, Grand Battery, Prinsses Line). Вооружение этих батарей составляли 63 орудия

больших калибров (от 18 фунтов и выше).

Напротив отгороженного рвом и батареями перешейка, в местечке Пунта Малья, располагался испанский гарнизон в 15 000 человек. Защитная линия представляла собой непрерывную линию окопов и укреплений через весь перешеек, упиравшуюся в форты Санта-Барбара и Сан-Феллипе. Испанцы также создали целую сеть батарей — Сан-Изабель, Конде, Молина, Сан-Хосе, Санта-Барбара, Сан-Карлос, всего 97 орудий и 3 мортиры. Но из 100 орудий, предназначенных для этих батарей, часть застряла на потерпевшем аварию судне.

22 февраля 1727 года комендант Гибралтара Гаспар Клейтон приказал открыть огонь по укреплениям на испанской территории в Пунта Малья, что не позволило испанцам дооснастить свои батареи. Под непрерывным огнем противника, в грязи и воде испанская армия за месяц потеряла 500 человек умершими от лихорадки и 5 человек убитыми. Только в начале апреля испанцы открыли ответный огонь по англичанам.

Эскадра Уоджера вместе с отрядом контр-адмирала Хопсона (корабли «Бурфорд», «Йорк», «Винчестер», «Колчестер», «Сваллоу», прам «Дурслей» и бомбардирское судно «Тандер») поддерживала гарнизон с моря. Корабли несколько раз затевали контрбатареиную борьбу с испанцами, которые расположили на пляжах полевые батареи, конвоировали транспорта, доставляли припасы в осажденную крепость. Испанский флот так и не пытался выйти из Кадиса и оспорить господство на море у англичан. Вместо этого испанцы отправили в Ла-Манш небольшую эскадру (4 корабля и 3 фрегата), которая смогла захватить 5 британских купцов и вернуться домой. На сем активные действия Армады Эспанья закончились.

Но вернемся к осаде. Недостаток воды испанские генералы решили заменить вином, что привело к пищевым отравлениям и солнечным ударам среди солдат. Вообще снабжение иберийцев было поставлено очень плохо, идальго явно не рассчитывали на долгую осаду. Тем временем гарнизон Гибралтара увеличился до 5481 человека, что заставило 7 мая испанцев пойти на штурм. В 10 утра 97 испанских орудий открыли ужасный огонь по английским укреплениям. К полудню из 24 орудий батареи Уиллисиса боеспособны были только 2 орудия, крепость Пуэрта де Терра была практически разрушена. Испанцы методично, сантиметр за сантиметром продвигались вперед, пользуясь большими потерями английской артиллерии. На каждом рубеже *доны* окапывались, что было очень на них не похоже, и сразу же готовили позиции для полевых пушек, которые по мере готовности открывали огонь по английским позициям, не позволяя

британскому гарнизону ремонтировать разрушенные тяжелой артиллерией батареи. Это было необходимо для того, чтобы прикрыть подвоз и установку тяжелых осадных орудий, отличавшихся гораздо меньшей транспортабельностью.

В отчаянии англичане начали стрельбу из мортир, чтобы уничтожить полевые пушки, которые испанцы подкатили совсем близко к британским позициям. Такое положение дел сохранялось до 20 мая, должен был наступить перелом либо в одну, либо в другую сторону. Он наступил. Испанцы из-за проблем со снабжением не смогли поддерживать столь высокий темп стрельбы, запасы пороха, ядер и пуль не прибывали с такой быстротой, с какой они убывали. Из-за действий Уоджера и Хопсона была прервано морское снабжения Пунта Мальи, что вызвало голод в лагере иберийцев. В результате все последующие ночи огонь с испанской стороны прекращался, что позволяло британцам ремонтировать свои орудия. Огонь с батарей Гибралтара усилился, и войска были вынуждены уйти назад — за укрепления Пунта Мальи. Прибывший в конце мая к Торресу испанский военный министр граф Кастелар признал, что взять Гибралтар невозможно.

23 июня Торрес и Клейтон получили приказы о прекращении огня от Филиппа V и Георга I, соответственно. Стороны сели за стол переговоров, где определили следующие кондиции — Гибралтар остается английским владением, английские и испанские укрепления в полосе отчуждения должны быть разрушены, стороны сами компенсируют себе все убытки, связанные с военными действиями. Вторая осада Гибралтара продолжалась 17 с половиной недель, потери испанцев составили 3000 человек (из них 2000 — небоевых), потери англичан — 800 человек. В который раз основной проблемой для испанцев стали корабли Ройял Неви, обеспечившие Гибралтар всем необходимым и прервавшие снабжение морем у *донов*.

Что касается французов, они вели себя двусмысленно. Из Бреста вышла эскадра лейтенант-генерала д'О в составе 74-пушечного «Нептюн», 70-пушечного «Эмабль», 64-пушечного «Ашиль», 60-пушечного «Брильянт», 46-пушечных «Аргонот» и «Парфэт», которая посетила с откровенно дружеским визитом Кадис, несмотря на то что его блокировала английская эскадра Уоджера. Попутно была осуществлена демонстрация против алжирских корсаров — отряд Флота Леванта (74-пушечный «Ферме», 70-пушечный «Инвизибль», 62-пушечный «Тулуз», 56-пушечный «Тигр» и 50-пушечный «Альсион») во главе с шефом д'эскадр Монсом отплыл к берегам Алжира (позже к Монсу присоединился д'О) для вызволения плененных христиан и удара по берберским пиратам.

Алжирский бей пошел на мировую, когда 56-пушечный «Тигр» смог взять на бордаж большой, 38-пушечный алжирский фрегат.

В 1728 году для бомбардировки Туниса и Триполи французы вооружили отряд из 5 кораблей, 1 флейта, 3 фрегатов, 3 бомбардирских судов и 2 галер^[28].

Armada de Barlovento^[29]

Как мы уже упоминали, отряд адмирала Хозайера был послан в Вест-Индию. Состав английской эскадры был следующим: 70-пушечные корабли «Бреда», «Бервик», «Ленокс», 64-пушечный «Сюперб», 60-пушечные «Рипон», «Ноттингем», «Дюнкирк», 54-пушечные «Леопард», «Дрэгон», 50-пушечный «Даймонд», 48-пушечный «Портленд», а также 14-пушечный шлюп «Хэппи» и 20-пушечные фрегаты «Грейхаунд» и «Уинчелси» — всего 12 кораблей, 2 фрегата и 1 мелкое судно. 9 апреля 1726 года вице-адмирал Хозайер отплыл из Плимута, а 6 июня прибыл к Бастиментосу у Порто-Белло. Эскадра, изрядно потрепанная штормами, встала чиниться на Ямайке, ремонт затянулся до февраля 1727 года.

Задача Хозайера была банальна — очередной грабеж испанского флота. Англичане были извещены, что в середине лета 1725 года в Вест-Индию была отослана эскадра из 3 кораблей и 15 торговых судов под командованием хефе ди эскуадра Серрано, которая обратно в Кадис должна была привести «флотта де оро» — «Серебряный флот». Серрано прибыл в Вера-Крус 21 сентября 1725 года, кроме того — в качестве береговой охраны к побережью Мексики испанцы отправили *Armada de Barlovento* хефе ди эскуадра Клавихо, который отплыл на 58-пушечном «Потенсия», захватив с собой корабли «Сан-Лоренцо» и «Инсендио», а также 22-пушечный фрегат «Сан-Хосе» и 2 брандера. Задача, поставленная Клавихо, заключалась в патрулировании между Порто-Белло и Картахеной и защите испанских владений в Центральной Америке. Стоит сказать, что эти меры в известной степени обезопасили побережье Новой Испании от разбойников разных мастей и привели к сворачиванию бурной деятельности пиратов и каперов данном регионе. К примеру, 16 марта 1726 года испанский отряд из 3 кораблей атаковал 4 пиратских фрегата (36, 32, 22 и 20 пушек соответственно), захватил один и потопил три из них. Конечно же, такие меры способствовали наведению порядка в данном регионе. Поскольку контрабандой и пиратством промышляли в основном подданные Георга I, в Англию пошла нескончаемая череда петиций и жалоб английских купцов. Они указывали королю и парламенту, что такие меры приведут к застою в

английской торговле и спровоцируют другие страны поступить так же, как и испанцы. Те же союзники — французы, говорилось в одной из петиций, захватили у Санта-Люсии 12 британских купеческих судов по обвинению в контрабанде.

В 1726 году для усиления морских сил в Карибском море была послана эскадра из 4 кораблей лейтенант-генерала Хастаньеты, участника сражения при Пассаро. Будучи к северу от Сан-Доминго, испанцы попали в сильный шторм, что заставило один поврежденный 56-пушечник отправиться в Вера-Крус на ремонт. Сам Хастаньета, пересев на «Ларнанко», прибыл в Гавану, где находилась теперь эскадра из 7 линкоров и 2 фрегатов.

Подошедший в начале февраля 1727 года к Порто-Белло Хозайер столкнулся с довольно большими силами испанцев. В Бастиментосе стояли отряды Серрано и Клавиho, которые защищали готовившийся к выходу «серебряный флот». Английский адмирал обратился к Серрано с просьбой позволить выйти из Порто-Белло английскому судну Компании Южных морей «Ройял Джордж», которое везло груз на 4 миллиона песо. Серрано, желая избежать конфликта, выпустил британский корабль, но Хозайер начал блокаду Порто-Белло, препятствуя выходу галеонов «флота». Разозленные испанцы в качестве компенсации захватили другой корабль Компании Южных морей — «Принц Фредерик» с грузом на 2 миллиона песо, отозвав свое же разрешение на выход этого судна из гавани. Хозайер, еще 14 декабря отправивший в Адмиралтейство отчет о высокой смертности среди его экипажей^[30], побоялся начать в ответ каперскую войну против испанцев и ограничился только лишь дальней блокадой Порто-Белло.

Испанские корабли, вышедшие из Вера-Крус в крейсерство, смогли захватить 2 голландских торговых судна и английский пакетбот, но по пути домой разбились у мыса Пинос из-за ошибки лоцмана. Этим и закончились все активные действия испанцев в регионе.

Получив данные о галеонах с серебром, Хозайер отплыл к Картахене, где их заблокировал, лишив таким образом Испанию ресурсов для полномасштабной войны в Европе. 23 августа адмирал умер от желтой лихорадки, поэтому эскадра, оставшись без командующего, отошла к Ямайке. 29 января 1729 года в Кингстон прибыл новый вице-адмирал — Хопсон, но и он 8 мая умер на флагманском «Леопарде» от лихорадки, обязанности начальника отряда были возложены на кэптана Сент-Лоу. История повторилась — 22 апреля 1729 года лихорадка свалила и его. К этому времени с Испанией был заключен мир.

Эскадра Хастаньеты, улучив момент, пока англичане крейсировали у Картахены, вышла из Гаваны с грузом в 18 миллионов песо в Вера-Крус, где присоединила корабли Серрано, и теперь с общим грузом в 31 миллион песо взяла курс на Испанию. 24 января 1727 года Хастаньета отплыл из Гаваны в Кадис. Ввиду информации о блокирующих отрядах Уоджера и Хопсона этот флот был разделен на три дивизиона под командованием Торреса, Серрано и Хастаньеты. 5 марта отряд Хастаньеты прибыл в Кадис, а три дня спустя и остальные корабли пришли в Корунью.

Так закончились боевые действия в Вест-Индии. Англичане не смогли нанести испанцам сколь-нибудь существенный урон в Карибском море, испанцы также воевали очень неохотно, единственным большим призом для них стал захваченный «Принц Фредерик».

После заключения мира испанцы решили отправить в Вест-Индию эскадру хефе ди эскуадра Пинтадо. Для проводки очередного «серебряного флота». Это говорило только об одном — *доны* не доверяли англичанам, несмотря на перемирие. В 1728 году в Картахене собрались 15 испанских кораблей, что было почти в полтора раза больше, чем у Ямайской эскадры. Эти меры позволили без происшествий привести в Кадис галеоны с серебром (26 торговых судов, оценочная стоимость груза 30 миллионов песо, в том числе — серебра на 18,3 миллиона песо и колониальные товары, такие, как сахар, корица, какао, черное и красное дерево, китайский шелк, кошениль, медь). Получив дополнительные деньги, позволявшие вооружить войска и снарядить корабли, Филипп V ужесточил свои требования к Британии, что вызвало в Англии и Голландии ответную реакцию. К 25 мая 1729 года на Спидхэдском рейде был вооружен большой англо-голландский флот (30 кораблей, 6 фрегатов, 2 бомбардирских судна, 2 брандера), который союзники грозили отправить в Вест-Индию, чтобы возобновить блокаду испанских портов и захватывать испанские торговые суда. Эта угроза возымела действие, губернатор Кубы, жестоко боровшийся с английскими контрабандистами и пиратами, был смещен и брошен в тюрьму, а новому губернатору приказали закрыть глаза на художества британцев.

Испанцы в эту войну потеряли в бою один фрегат — 40-пушечный «Нуэстра Сеньора дель Розарио», еще три корабля разбились в Вест-Индии в результате навигационной ошибки.

Глава 3

Французский флот в 1714–1733 гг.

Да простит нас читатель за то, что мы на время отвлеклись от французского флота, чтобы рассказать о грандиозных событиях, происходивших в данный отрезок времени. После Войны за испанское наследство эскадры наихристианнейшего короля представляли из себя грустное зрелище. Как мы уже упоминали, по спискам от 11 марта 1713 года на тот момент боеготовыми числились 2 линкора II ранга, 5 линкоров III ранга, один 40-пушечный фрегат, один кайк и два барка. В Бресте ситуация была не лучше — 17 кораблей и фрегатов. В 1714 году на осаду Барселоны (сохранившей верность эрцгерцогу Карлу) были высланы 60-пушечные «Энтрепренан» и «Фурье» под командованием дю Касса, причем вооружены они были на испанские деньги, поскольку казна Людовика XIV была пуста.

В 1715 году из-за недостатка денег французы решили построить в Тулоне 2 флейта и 4 маленькие габары, причем строительный материал пришлось взять со сгнивших кораблей. Финансовый кризис вкупе с выводом из-за ветхости большого количества кораблей сыграл злую шутку с французским флотом — количество боеспособных единиц все сокращалось, экипажи переводились на половинное жалование, а частью и просто расформировывались. Теперь ни Флот Океана, ни Флот Леванта не могли бросить вызов Ройял Неви. Бедствие было всеобщим — из-за отсутствия в море военных кораблей стали страдать купцы Марсея и Ниццы, которых грабили алжирские и тунисские пираты. Новый интендант Леванта Окар совместно с шефом д'эскадр Дюкеном-Монье (племянником великого Абрахама Дюкена) с большим трудом смогли отправить два корабля в крейсерство около варварийских берегов, которые все же вышли к Алжиру в ноябре 1717 года, но уже в марте 1718 года корабли были вынуждены вернуться из-за плохого состояния корпуса и рангоута. По приходу их были вынуждены отправить на тимберовку (считай — на консервацию, ибо денег все равно не было). В море под флагом Дюкена-Монье вышли 62-пушечный «Тулуз» и 40-пушечный «Парфэт», однако последний у берегов Кипра налетел на камни и разбился. В начале 1719 года «Тулуз» вернулся в Тулон.

В этом году Франция вступила в войну против Испании (мы уже рассказывали об этом в первой главе), войска маршала Бервика атаковали

порт Росас, где сожгли на верфях несколько испанских кораблей на стапелях. В Тулоне были вооружены 4 линейных корабля и 2 фрегата^[31], из которых 2 линкора предназначались для охраны судов французской Вест-Индской компании. В октябре «Инвизибль» и «Весталь» повели к маршалу Бервику большой конвой с провиантом и снаряжением, однако у Паламоса попали в жестокий шторм, 26 транспортов разбились о камни, корабли раскидало по морю. Лишь через месяц остатки конвоя и эскорт вернулись на базу.

Сразу же после возвращения «Инвизибль» и «Весталь» были поставлены на тимберовку, экипажи перевели на «Анри» и «Тулуз», которые направлялись в Луизиану. В этом же году умер начальник Тулонской эскадры — лейтенант-генерал Бельфонтэн, его сменил шеф д'эскадр Элли, но и тот умер в начале 1720 года. Следующим командующим Флота Леванта стал уже знакомый нам Дюкен-Монье. Все эти события мало отразились на состоянии флота — недостаток денег был столь велик, что решили переплавить в монеты часть медных орудий с флагманов, чтобы расплатиться с матросами.

В 1720 году граф Тулузский подал королю меморию о возрождении флота. В ней он предлагал срочно начать строительство 50 линейных кораблей: четырех 100-пушечных, шести 90-пушечных, двадцати 74-пушечных, двадцати 64-пушечных, причем в Тулоне предлагалось заложить два стопушечника, один девяностопушечник и три корабля рангом поменьше, а остальные построить на верфях Рошфора и Бреста. Этот план был принят к выполнению новым морским министром Жозефом Флёрё д'Армонвилем^[32], однако из-за недостатка средств его так и не смогли выполнить. Тогда же были пересмотрены и ранги кораблей. Теперь, как и в английской системе, кораблем I ранга считались все линкоры, имеющие от 84 до 100 пушек. II ранг составляли 64—74-пушечники. III ранг — корабли от 50 до 62 пушек. Линкоры IV ранга несли от 38 до 52 орудий. V и VI ранги образовывали фрегаты.

В Бресте и Рошфоре в 1721–1723 годах были заложены 64-пушечные «Эклатан», «Элизабет», «Сен-Луи», «Ардан» и 74-пушечные «Сен-Филипп», «Нептюн», «Бурбон» и «Септр». В Тулоне строились 64-пушечный «Солид», а также 74-пушечные «Дюк де Орлеан», «Ферме» и «Феникс». Первый стопушечник — 110-пушечный «Фудроян» — смогли заложить только в 1724 году, на второй — «Руаяль Луи» — банально не хватало средств. Чтобы хоть как-то найти деньги на строительство кораблей, решили продать на слом развалившиеся линкоры, 8 судов,

сидевших с 1707 года в иле Тулонской бухты. Они загромождали акваторию^[33], а денег на подъем и восстановление кораблей не было. Предприимчивые генуэзцы выразили готовность попытаться поднять корабли и забрать себе все ценные их части. Только в сентябре 1727 года были подняты все 8 кораблей. Они были уведены в Геную, там тимберованы и проданы частью Испании, а частью — сицилийцам.

Новая программа возрождения флота была связана с новым морским министром Жаном Фредериком Филипо, графом Морепе, сыном Жерома Поншартрена, назначенным на эту должность 16 августа 1723 года. Удивительно, но он оказался полной противоположностью своему отцу и деду. Именно благодаря Морепе Франция получила совершенно новые корабли третьего ранга, которые оказались на голову лучше английских.

Примерно в это время была введена и новая классификация кораблей по рангам. Теперь корабли I ранга — несли свыше 90 орудий, II ранга — 80–90 пушек, III ранга — 70–80 стволов, IV ранга — от 50 до 68 пушек.

При поддержке кардинала Флери Морепе начал знакомство с состоянием дел во флоте. Результаты инспекций были плачевными — количество кораблей все сокращалось, к тому же эпидемия чумы в Тулоне и Марселе нанесла значительный удар по населению в регионе (численность жителей этих городов сократилась вдвое).

На следующий год была предпринята карательная экспедиция против Алжира. Мусульманские корсары наносили большой ущерб французской торговле и дальше это уже продолжаться не могло. Капитан Бокер с 64-пушечным «Солидом», 62-пушечным «Тулузом» и 40-пушечным «Весталем» отплыл к берегам Северной Африки, около Туниса был захвачен 44-пушечный фрегат местного паши, беи Алжира и Туниса дали клятву не нападать на французские корабли. Удовлетворенный Бокер оставил фрегат у берегов Триполи, а сам с остальными кораблями взял курс на Стамбул — доставить нового французского посла в Турцию. В сентябре с ответным визитом Тулон посетил турецкий капудан-паша Абди-реис с 6 кораблями.

Положение все ухудшалось — в 1726 году на флот было выделено не 12 (как в предыдущие годы), а 8 миллионов ливров, из них 1 миллион 500 тысяч ливров — на содержание галер в Марселе. 17 ноября умер Дюкен-Монье, его сменил шеф д'эскадр Ла Вэрэнн. В Тулоне были пущены на слом совсем обветшавшие 60-пушечный «Орифламм», 70-пушечный «Инвизибль» и 70-пушечный «Бизар», продан 70-пушечный «Парфэт», переведен в блокшивы дюнкеркский 68-пушечник «Анри». Тем не менее в 1727 году в море были снаряжены две эскадры: тулонская (командующий

— шеф д'эскадр Монс) и брестская под командованием лейтенант-генерала д'О. Мы уже упоминали о них — Монс пошел в Алжир, а д'О посетил Кадис и проследовал к Тулону.

В 1728 году король и его министры были взбудоражены — тунисский бей потребовал от Франции сатисфакции за захваченные корсарские корабли. Чтобы французы решили вопрос побыстрее, было захвачено несколько французских купцов у Марселя. Только сейчас правительство резко вспомнило про флот. Деньги на снаряжение и подготовку кораблей были выплачены еще в марте, поэтому к лету смогли снарядить довольно большую эскадру — 74-пушечный «Сен-Эспри», 62-пушечный «Леопард», 50-пушечные «Тигр» и «Альсион», кроме того — 14-пушечный брандер «Нимфе», 8-пушечный флейт «Сьен», бомбардирские суда «Ардан», «Темпит», «Фудруаян», барк «Иммасюлли Консепсьон», 2 галеры. Из Бреста подошел капитан Несмонд (сын знаменитого лейтенант-генерала) с 62-пушечником «Графтон» и фрегатом «Эстре» (30). Командиром экспедиции был назначен шеф д'эскадр Гранпре. В июне 1728 года эскадра подошла к Тунису. Устрашенный бей без боя вернул все захваченное французское имущество, французских пленных и 100 тысяч ливров компенсации. Гранпре взял курс на Триполи. Город и порт бомбардировали 6 дней, в общей сложности было выпущено 2000 бомб, разрушено 800 домов, однако цитадель смогла выдержать бомбардировку. Погода испортилась, и французы вынуждены были вернуться в Тулон. «Леопард» и «Альсион» пошли к Стамбулу, отвезти нового французского посла — маркиза Вильнева, «Графтон» и «Эстре» обогнули Испанию и вернулись в Брест. К Триполи для блокады были высланы 4 фрегата из Тулона и 2 — из Бреста.

В 1730 году морской министр Морепя выдвинул королю предложение о строительстве нового флота. Оно было отклонено из-за нехватки дубовых роц для постройки судов. Взамен король предлагал ремонтировать старые корабли, чтобы поддержать флот хотя бы на том уровне, на котором он есть сейчас. Чтобы не разбежались мастеровые и портовые рабочие, король разрешил использовать их на строительстве и ремонте торговых судов. Тулонские власти с трудом добились у Морепя разрешения достроить заложенный в начале 1730 года корабль «Диаман».

Штаты Флота Леванта к началу 1730 г. сведены в следующую таблицу.

Название		Пушки	Тип корабля	Год постройки
Conquerant	Конкренаан	68	Линкор	1688 (тимберован в 1712-м)
Toulouse	Тулуз	62	Линкор	1715
Duc d'Orleans	Дюк д'Орлеан	74	Линкор	1723
Solide	Солид	64	Линкор	1723
Phenix	Феникс	74	Линкор	1723
Ferme	Ферме	74	Линкор	1724
Esperance	Эсперанс	74	Линкор	"1724
St. Esprit	Сент-Эспри	74	Линкор	1725
Leopard	Леопард	62	Линкор	1727
Tigre	Тигр	50	Фрегат	1724
Alcyon	Альсион	50	Фрегат	1725
Nymphe	Нимф	14	Фрегат	1728

Название		Пушки	Тип корабля	Год постройки
Zephyre	Зефир	30	Фрегат	1728
Flore	Флор	30	Фрегат	1728
Thetis	Тетис	26	Фрегат	1728
Seine	Сьен	8	Флейт	1728
Loire	Лойр	8	Флейт	1728
Ardente	Аран		Бомбардирское судно	1726
Tempete	Темпет		Бомбардирское судно	1726
Foudroyante	Фудроян		Бомбардирское судно	1728
Conception	Консепсьон		Барк	1729
Sibylle	Сибилл		Барк	1729
Legere	Лежер		Барк	1729
Epervier	Эпервье		Бригантина	1727
Vautour	Вотюр		Бригантина	1727
Assur	Ассюр		Бригантина	1727
Inconnu	Инконну		Бригантина	1727

Таким образом, Тулонская эскадра уменьшилась до 9 кораблей и 6 фрегатов, то есть на 2 корабля меньше, чем в 1714 году, но там хотя бы это можно было объяснить тяготами 15-летней войны.

В конце 1730 года в Тулон прибыл лейтенант-генерал Дюгэ-Труэн, который хотел возглавить очередную экспедицию против варварийских пиратов. Пользуясь случаем, интендант тулонского порта Митон спросил его, следует ли строить большие корабли I и II рангов. Ответ Дюгэ-Труэна сохранился для истории: *«Сам Господь создал Брест и Дюнкерк так, чтобы наносить удары по английской и голландской торговле. Нам необходимо сорок или пятьдесят кораблей вооружением в 50–74 пушки, более крупные корабли для крейсерской войны не нужны»*. Митон поведал

эти слова в письме Морепа, и тот запретил строительство нового 80-пушечного корабля для Флота Леванта. Кроме того, авторитет Дюгэ-Труэна не дал построить и второй 100-пушечный корабль для Флота Океана.

Таким образом, Франция из-за слабости своего флота опять вернулась к мыслям о крейсерской войне. Не секрет, что ведение военных действий определяется той техникой, что есть под рукой во время войны. Отказ от строительства кораблей первого и второго ранга в пользу 74-пушечных и 60-пушечных судов еще не раз скажется самым плачевным образом на французском флоте. Если в период с 1690-го по 1694 год в строй вошли 25 кораблей от 84 пушек и выше, то в промежуток с 1714 года по 1749-й — всего один линкор. Соответственно, все результаты французов в следующих войнах определялись отсутствием у них станового хребта сбалансированного флота — мощных кораблей I и II ранга.

В 1731 году Дюгэ-Труэн с «Эсперансом», «Леопардом», «Тулузом» и «Альсионом» отплыл к Алжиру, Тунису и Триполи. Везде требования французов о выдаче христианских рабов и компенсации встречали безоговорочное согласие — одного имени Дюгэ-Труэна было достаточно, чтобы выкинуть подальше все мысли о сопротивлении. 1 ноября эскадра вернулась в Тулон, не сделав ни одного выстрела, к вящему прискорбию Дюгэ-Труэна, который с горя заболел и 16 декабря уехал в Париж.

В 1732 году в строй вошел только 62-пушечный «Морвилль», построенный на частной верфи. Корабль предназначался для работорговли, но к моменту спуска на воду заказчик разорился. Правительство выкупило судно за 81 тысячу ливров (для сравнения — строительство его обошлось в 150 тысяч ливров). Вообще финансирование флота постоянно сокращалось. Если в 1728 году Тулонская военно-морская база получала 1 миллион 200 тысяч ливров, то в 1730-м — 825 тысяч ливров, в 1731-м — 780 тысяч ливров, в 1732-м — 820 тысяч ливров плюс 65 тысяч на экстраординарные расходы.

В этом году Франция влезла в конфликт за польское наследство. Изначально планов было громадье — в Тулон опять прибыл Дюгэ-Труэн, он должен был возглавить эскадру, которую планировали отослать на Балтику — поддерживать Лещинского и пугать русских, однако встревоженные англичане перебросили в Гибралтар большие силы и Дюгэ-Труэн уехал в Париж.

Глава 4

Война за Польское наследство

«Бесполезная эскадра»

К 1730 году Ганноверский (Англия, Франция, Пруссия) и Венский (Испания, Австрия и Россия) союзы распались. Теперь Англия начала сближение с Россией и Австрией, а Франция — с Испанией. В 1733 году оба Бурбонских дома заключили первый семейный договор о дружбе и взаимопомощи.

1 февраля 1733 года в Варшаве скончался Фридрих Август I, курфюрст Саксонии, он же — Август II, король польский. Смерть этого развратника, мота и балагура послужила очередным поводом к войне в Европе.

Людовик XV, женившийся на дочери марионеточного правителя Речи Посполитой Станислава Лещинского^[34], выдвинул на опустевший трон кандидатуру своего тестя. Таким образом, план кардинала Флери^[35] отыскать для молодого короля невесту, которая не смогла бы втянуть Францию в какую-либо войну, не оправдался. В пику Людовику императрица Всероссийская Анна Иоанновна поддержала другого кандидата на престол Польши — сына умершего саксонского курфюрста Фридриха Августа II^[36]. Поскольку власть в Польше была выборной, все интриги русских и французских агентов сосредоточились на агитации партий, поддерживающих разных кандидатов. Этот первый тур выиграли французы — 12 сентября 1733 года варшавский сейм избрал королем Станислава Лещинского. Однако Россия, успевшая ввести войска в восточную часть Речи Посполитой, заставила бежать сторонников Лещинского в Гданьск (Данциг), а 5 октября сторонники русско-саксонской партии провели свой собственный сейм в Варшаве, где избрали королем Августа. Страна раскололась надвое, но решать, кто будет королем, уже должны были не поляки, а державы рангом повыше.

В конце июля 1733 года Россия послала в Литву 20-тысячный корпус генерал-аншефа Петра Ласси, в это же самое время французы готовились вывести в море Флот Океана. В Бресте, Рошфоре и Тулоне заканчивали оснащать корабли к экспедиции на Балтику. Проблем при отправке этой эскадры было довольно много — начать с того, что воды Балтики были малознакомы французам, поэтому по всей стране срочно искали капитанов и лоцманов, которые ходили в этот район. Всех их собрали в Кале, чтобы

посадить потом на корабли. На каждом судне в помощь капитану был выделен моряк, знавший климатические и навигационные условия Балтики и Бельтов, поскольку тот район изобиловал мелями и банками. Состав эскадры был следующий:

Наименование	Тип	Пушки	Примечание
Fleuron (Флерюн)	ЛК	60	Лейтенант-генерал граф ля Люзерн, капитан — Франсуа Корнелис Бар (сын Жана Бара)
Conquérant (Конкренан)	ЛК	70	Шеф-д'эскадр шевалье де Люинь, капитан — д'Орв-Мартиньи
Saint-Louis (Сент-Луи)	ЛК	62	Рошамбо
Toulouse (Тулуз)	ЛК	60	Де Монлор
Mercure (Меркюр)	ЛК	88	Шевалье де Гойон
Heureux (Эрье)	ЛК	60	Маркиз д'Антэн
Triton (Тритон)	ЛК	60	Радуэ
Tigre (Тигр)	ЛК	50	Пиозен
Griffon (Гриффон)	ФР	46	Несмонд
Gloire (Глорье)	ФР	46	Фуилльез
Argonaute (Аргонот)	ФР	44	Феркурт
Astrée (Эстре)	ФР	30	Де Ла Жиль
Méduse (Медюз)	КОРВ	15	Пьер де Сальвер

Всего 8 линейных кораблей, 4 фрегата и 1 корвет.

31 августа эскадра вышла в море. В ночь с 7 на 8 сентября в костюме Лещинского на борт «Флерона» вошел переодетый граф де Трианж, сам претендент отправился в Варшаву сушей. Плавание происходило при

свежем море, 10 сентября начался сильный шторм, который раскидал корабли по Северному морю. 15-го числа 8 потрепанных французских судов вошли на рейд шведского Гётеборга^[37], а на следующий день перешли в датский Хельсингёр. Переговоры с датчанами были трудными и долгими, за это время к эскадре сумел присоединиться отставший «Аргонот», который перед островом Анхольт полностью лишился якорей. В Гётеборг послали корвет «Медюз» с приказом к отставшим кораблям держать курс на Копенгаген.

9 сентября французы вошли на рейд датской столицы. Повреждения у кораблей ля Люзерна были довольно велики — «Конкеран» шел с фальш-мачтой и временным рулем, «Тулуз» также повредил руль. В Копенгагене на борт флагмана поднялся Плело, который сообщил, что Лещинский избран польским королем, экипажи восприняли эту новость с большой радостью. Но дальше эскадра не пошла. 27 сентября ла Люзерн получил приказ возвращаться в Брест. 22 октября, так и не появившись у польских берегов, французы повернули домой. Впрочем — поскольку война шла на суше, Люзерн вряд ли смог бы помочь полякам, ведь десанта на кораблях не было, а шведские войска, на которые так рассчитывали сторонники Лещинского, не стали участвовать в конфликте: парламент Швеции решил не вмешиваться в споры за польский престол.

Дюгэ-Труэн назвал отряд ла Люзерна «бесполезной эскадрой».

Осада Данцига

Почти вся Польша была под контролем русских войск, Лещинский и его сторонники бежали в Данциг, где надеялись на подход французских или шведских войск и на начало войны. Выбор Данцига был закономерен. Во-первых, это был крупный балтийский порт, через который шла польская торговля со странами Европы, и осада его была невыгодна ни Швеции, ни Дании, ни Голландии. Во-вторых, Данциг был сильно укреплен с суши (он вообще считался самым укрепленным городом Речи Посполитой), он имел 12-тысячный отряд, а кроме того — 8-тысячный гарнизон польских ополченцев. Запасов провизии в городе (прежде всего хлеба) было достаточно на несколько лет. Таким образом, для сторонников Лещинского Данциг был именно тем местом, который можно было удерживать достаточно долго, надеясь на помощь извне, не боясь даже долговременной осады.

В свою очередь, для России важнейшей задачей стало скорейшее взятие Данцига, причем — желательно — до прибытия к Лещинскому иностранной помощи, поэтому уже в декабре 1733 года 12 тысяч русских

солдат под командованием генерал-аншефа Петра Ласси были направлены к Данцигу. 23 февраля 1734 года начались осадные работы. Имея 12 тысяч человек в поле против такого же по численности гарнизона^[38] (не считая польских ополченцев), Ласси избрал выжидательную тактику, что очень не понравилось царскому двору. 5 марта под Данциг прибыл фельдмаршал Бурхард Христофор Миних, которому поручалось командование всеми войсками в Польше. Миних рьяно взялся за дело^[39], а атаковав и захватив большинство предместий. 19 марта он захватил бастион Ора с гарнизоном в 400 человек, взял на штык Эльбинг, у границ с Померанией разбил 10-тысячный отряд конфедератов, пытавшихся прорваться к Лещинскому. На берегу Вислы был устроен редут, мешавший сообщению города с морем. Однако даже Миних не решался на штурм Данцига. Сам опытный инженер, он видел мощь городских укреплений и считал более уместным произвести бомбардировки крепости. Но русские практически не имели осадной артиллерии под Данцигом — самыми тяжелыми орудиями были 8-фунтовки, захваченные в Оре. Миних настойчиво требовал прислать осадные орудия, но возникли большие проблемы — прусский король отказывался пропустить русские обозы с пушками через свои земли. Дошло до того, что несколько мортир пришлось тайком везти через Саксонию в закрытых воловьих упряжках под видом багажа герцога Вейсенфельдского. С их прибытием 17 апреля 1734 года первые бомбы упали на Данциг. Но и от этих бомбардировок было мало толку — приехало всего 3 мортиры, тогда как в одном форте Вексельмюнде тяжелых пушек и мортир было 52 штуки.

Реальную помощь Миниху мог оказать русский Балтийский флот: заблокировать Данциг с моря, отсечь его от шведской и французской помощи, а также доставить войскам столь необходимую осадную артиллерию. Но в 1733 году денег на оснащение флота не выделялось, боеготовности никто не повышал, хотя французская эскадра уже побывала в Дании. Лишь 9 января 1734 года генерал-кригс-комиссар Голицын поставил в Адмиралтейств-коллегии вопрос о вооружении флота по штатам военного времени. Решили готовиться к боевым действиям. Были поставлены следующие задачи: загрузить на корабли повышенное количество огнестрельного оружия и кирас^[40], вооружить 2 бомбардирских судна и починить 2 прама. 27 февраля императрица Анна Иоанновна поручила Головину срочно найти за границей 6 опытных капитанов и лейтенантов, и обещать льготы тем из них, кто успеет прибыть в Россию до начала кампании. «*Доморощенным Рюйтерам*» не доверяли.

Вообще из журналов Адмиралтейства создается устойчивое впечатление, что флот надеялся на быстрое взятие Данцига армией. Подготовка флота была успешно проигнорирована, вместо этого весь март решали, какой отряд пошлют к Данцигу. В конце концов определили в поход фрегат «Принцесса Анна» (командир — Ян Дюссен), флейт «Сескар» и галиот «Тонеин». Последний планировалось загрузить осадной артиллерией. Кроме того, из Риги вышло судно, загруженное солдатской обувью и холстом. По пути корабли должны были зайти в Либаву, чтобы там присоединить к себе суда, груженные пушками. Однако проблема была в том, что суда в Либаве еще не были наняты да и само Адмиралтейство сильно сомневалось, что успеют что-то нанять, поэтому приказывали быть готовым к тому, что либавские пушки также придется грузить на «Тонеин».

После неоднократных понуканий из гавани Ревеля 31 марта вышли «Принцесса Анна» и «Сескар». 17 апреля они были в Пиллау, где сгрузили войсковые запасы, а 2 мая вернулись назад. Проведенный затем осмотр «Принцессы Анны» показал, что корабль *«не способен к ходу»*, поэтому он был переведен в брандвахту Ревельской эскадры. Галиот «Тонеин» оказался *«в совершенно гнилом состоянии»*, было решено починить его и погрузить 2400 пудов пороха, после чего отправить к Пиллау с главными силами кронштадтской эскадры. Но — как обычно — мастеровых не прислали, к середине мая комиссары Ревельского порта оценивали состояние галиота как совершенно не годное для плавания, тем более — с грузом на борту. Это заключение не изменило намерения Адмиралтейств-коллегии отправить галиот к Пиллау.

Что же касается Кабинета Ея Императорского Величества — кабинет-министры упорно отказывались верить в возможность боевых действий на море. Было приказано не отменять в 1734 году регулярных рейсов русских пакетботов от Любека до Данцига. Ограничились лишь распоряжением поставить на пакетботах артиллерию и указанием командирам *«содержать себя в твердой опасности»*. Все же в апреле стало очевидно, что осада затягивается, фельдмаршал Миних уже всю требовал помощи флота, поэтому подготовка Балтийской эскадры активизировалась.

Флот, высылаемый к Данцигу, возглавил адмирал Томас Гордон^[41], родственник знаменитого сподвижника Петра I. Младшими флагманами были назначены вице-адмирал Наум Акимович Сенявин^[42] и контр-адмирал Мартын Петрович Госслер^[43]. В Кронштадте оставались контр-адмирал Василий Афанасьевич Дмитриев-Мамонтов и капитан-коммодор Франц Вильбоа. Корабли хотели вывести из Кронштадта до 12 мая, первым

высылался отряд Сенявина. Во исполнение этих планов вышел высочайший указ — «*офицеров морских ни для каких собственных нужд из Кронштадта в Петербург не отпускать*». 28 апреля в трюмы кораблей были загружены осадные орудия для армии Миниха — две 10-пудовых и двенадцать 5-пудовых мортир, сорок 24-фунтовых и двадцать 18-фунтовых пушек. Вместе с артиллерией высылались и канониры, их расписали по разным кораблям сверх штата. Бомбардирские корабли провели пробные стрельбы, 13 мая в присутствии советника Лимана и цейхмейстера Брунца дали по три выстрела из мортир и один — из гаубицы.

8 мая Гордон получил высочайшие инструкции, где повелевалось идти к Пиллау, выгрузить артиллерию для армии, после чего оказывать помощь Миниху у Данцига. В случае прихода французской эскадры на Балтику необходимо было дать бой, поскольку ее «*не иначе, как неприятельскую, почитать можно*».

4 мая вышел в море фрегат «Стор-Феникс», 9-го — линейные корабли «Петр I и Петр II», «Святой Александр», «Выборг», «Леферм», «Рига», «Слава России», «Перль», «Святая Наталия», «Нарва», «Шлиссельбург», фрегаты «Россия», «Эсперанс», «Митау» и «Арондель». 11 мая вышли на рейд корабль «Девоншир» и фрегат «Кискин», а также бомбардирский бот «Юпитер». 13-го числа пакетботы «Почт-Ваген», «Меркуриус» и галиот «Гогланд» отправились в Пиллау, а на рейд вышли «Новая Надежда», «Святой Андрей» и бомбардирский бот «Дондер».

На следующий день отряд Наума Сенявина (корабли «Леферм», «Слава России», «Девоншир», фрегаты «Россия» и «Митау») взял курс на Данциг. Вечером 15 мая в море вышли основные силы Балтийского флота. К ночи Гордон бросил якорь у Красной Горки. Шли медленно и тяжело, неся потери. «Дондер» в первый же день отстал, поскольку имел ветхий такелаж. На «Эсперансе» «Виктории», «Святой Наталии» и «Марльбурге» поломало рангоут, а ведь эскадра еще не дошла до Гогланда! Туманы часто заставляли ложиться в дрейф, командиры кораблей, правда, по указанию Гордона, использовали эти часы для «*пушечных экзерциций*». Лишь в ночь на 20 мая флот миновал Гогланд, 22-го встали на стоянку у Дагерорда. Три дня подходили отставшие корабли — потерявшийся флейт «Соммерс», несчастный «Дондер», получившая течь «Виктория», снесенный на восток «Юпитер».

25 мая Гордон встретил два голландских судна, от которых получили последние новости из Данцига. Оказывается, к городу подошел французский отряд в составе примерно 10 кораблей, который захватил два русских галиота. Флот поспешил к Пиллау. Гордон собрал военный совет,

на котором решили отправить всю артиллерию на флейтах к армии Миниха, а самим *«идти прямо к Данцигу поискати кораблей французских и оных атаковать»*.

Возле Пиллау были оставлены фрегаты «Россия», «Эсперанс» и бомбардирский корабль «Юпитер», а также несколько мелких судов. Сам флот взял курс на Данциг, однако вскоре вернулся к Пиллау *«для защиты транспортов»*. 30 мая состоялся очередной совет, главным вопросом на повестке дня была атака французского флота наличными силами. Эскадру французов, по данным какого-то безымянного английского шкипера, оценили в 8 линейных кораблей (три 74-пушечных и пять 50-пушечных) и 4 фрегата. В то же время Миних (по данным своей разведки) отписывал Гордону, что французы имеют 5 военных и 6 транспортных кораблей. В любом случае отряд Гордона (14 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 бомбардирских корабля и мелкие суда) был гораздо сильнее французской эскадры.

Что же представляла из себя эскадра французов в реальности? Весной 1734 года по указанию Людовика XV начался поиск транспортных судов для перевозки войск к Данцигу. В Гавре к середине марта были готовы 200-тонные «Исаак», «Рейнед Анг» и 300-тонный «Анжелик», а в Дюнкерке — 280-тонный «Галэ дю Детруа». Вышеназванные суда перешли в Кале, где приняли на борт солдат Перигорского полка (768 человек), и, не дождавшись военных кораблей, отплыли к Данцигу. Флот Океана смог выделить для экспедиции всего лишь 2 линейных корабля (62-пушечный «Ашиль», 60-пушечный «Флёрон») и 3 фрегата (46-пушечный «Глорье», а также 30-пушечные «Брильянт» и «Эстре»), на которые загрузили солдат полков Блезуа и Ламарш (всего 1670 человек). Экспедицию держали в тайне, но вскоре все просочилось наружу.

Английский парламент, обеспокоенный выходом французских военных кораблей в море, вотировал на 1734 год вооружение 86 кораблей от 20 до 100 пушек, причем 50 из них — линейных. Были озвучены штаты для флота в 20 тысяч матросов, кроме того, Адмиралтейство объявило, что станет выдавать патенты на каперство против французских кораблей в Канале. Адмиралу Джону Норрису было приказано перейти с 21 кораблем из Даунса в Спитхед. Уолпол принял у себя русского посла Кантемира и в приватной беседе дал понять, что Англия без промедления атакует французский флот в Ла-Манше, если он только попробует выйти в море из Бреста.

Эти меры англичан сорвали отправку еще двух полков к Данцигу. Лейтенант-генерал Рене Дюгэ-Труэн рвался в море, *«с 30 линейными*

кораблями я устрою лимонникам хорошую головомойку», доказывал он Флери, однако кардинал запретил идти на конфликт с Англией. Напрасно Дюгэ-Труэн уговаривал кардинала («Я отдал бы руку, чтобы выйти в море», — приговаривал моряк) — старый политик был непреклонен.

Таким образом, в Польшу попали только три французских полка. Нехватка времени на подготовку экспедиции не позволила полностью вооружить и обмундировать войска, 1600 тонн провианта, оружия и боеприпасов осталось на складе в Кале.

Первые корабли появились в Копенгагене 11 апреля, 23-го числа пришли последние суда с войсками. Французский посол в Дании Плело прилагал все усилия для отправки помощи Данцигу. На свои средства он закупил провизию для солдат, которых в спешке не снабдили сухим пайком, оплатил на копенгагенской верфи замену треснувшей мачты на «Глорье». 27 апреля французы вышли в море и взяли курс на Данциг. 30-го в Вестерплатте была произведена высадка первой части десанта.

Захват «Митау»

До подхода французской эскадры осада коронного Гданьска шла своим чередом. Осажденные ждали французов как манны небесной, осаждающие пытались отрезать Данциг от моря. Между городом и крепостью на правом берегу Вислы находилось еще одно укрепление поляков, защищенное рекой, болотистой местностью и каналом — Зоммершанц. Рядом с Зоммершанцем в Висле стоял прам. Миних приказал построить батарею, установив на ней 3 медных пушки из Ревеля. 24 апреля батарея была построена, и вечером на нее прибыл сам командующий. Он приказал открыть огонь по праму, который девятым выстрелом был «поражен насквозь». Его команда, непрерывно откачивая воду, подняла якорь и с криками о помощи повела поврежденный корабль к Вексельмюнде. Ночью 25 апреля отряд полковника Кермана в 450 человек смелой атакой захватил и сам шанец. Русским достались 6 орудий и 30 пленных. Еще 180 человек из состава гарнизона погибли в бою. Ободренный этим успехом и подгоняемый из Петербурга Миних решился на штурм бастиона Гагельсберг — одного из ключевых укреплений Данцига. Штурм закончился огромными потерями среди наступающих русских частей, и стало ясно, что город до подхода французов взять не удастся. 1 мая в Данцигской бухте показались французские корабли.

В городе царило ликование — поляки приняли сгружающиеся войска за авангард главных сил Людовика XV. Французские солдаты высадились на пляже Вестерплатте, командир десанта — маркиз Ламотт де ля Пейруз

— приказал сразу же приступить к рытью окопов и строительству ретраншементов. Русские не препятствовали высадке.

Военные корабли Ламотт хотел отослать к Пиллау, чтобы препятствовать подвозу оружия и провианта осаждающим, однако моряки сочли этот план слишком рискованным, поскольку опасались русского флота. На военном совете — естественно — прозвучали другие причины: Данциг может сдать, а если корабли будут у Пиллау, то король Станислав может попасть в плен. На наш взгляд, это было просто оправдание и не более. Французы не знали, что Балтийский флот только выходит из Кронштадта.

Страхи, однако, оказались столь велики, что в ночь с 3 на 4 мая высадившиеся войска потихоньку погрузились на корабли и отплыли к Копенгагену, не согласившись даже оставить 200 солдат для гарнизона Вексельмюнде. Отплытие французов вызвало в Данциге настоящую панику — Лещинский и Монти (представитель французского короля при польском претенденте) судорожно посылали гонцов в Копенгаген к Плело и писали письма Людовику XV. Из рапорта Монти Людовику: *«Вся Европа уверилась, что Ваше Величество выслал войска только для видимости, собираясь пожертвовать Данцигом и его бедными горожанами»*. Эти призывы возымели действие и 9 мая из Копенгагена вышел Плело с «Флёроном», «Брильянтом» и «Эстре». Высланный вперед датский фрегат привез радостные новости — Вексельмюнде все еще держится.

В ночь с 13 на 14 мая «с добрым ветром» 11 французских кораблей (2 линкора, 3 фрегата, 4 транспорта и 2 галиота) показали на рейде Гданьска. Из крепости в небо были пущены ракеты, французы вновь высадились на Вестерплатте.

Военные корабли отошли к устью Вислы, они получили приказ крейсировать между Хельской косой и Пиллау. Это крейсерство неожиданно оказалось очень результативным — в период с 14 по 24 мая французы захватили три русских судна — лоц-галиот «Лоцман» (капитан Мартин Говей), галиоты «Гогланд» (лейтенант Иван Спиридов) и «Керс-Макер» (лейтенант Воин Римский-Корсаков), которые были посланы к Пиллау для патрулирования. Призы привели в Вексельмюнде, русские моряки были избиты и ограблены.

24 мая перед Хельской косой появились русские фрегаты «Россия» и «Митау», прибывшие сюда для разведки. Первым фрегатом командовал капитан барон Ганс Сигизмунд фон Шлейниц, вторым — капитан Петр Дефремери. Около полудня русские заметили 4 корабля, которые находились в 3 милях на вест-зюйд-вест от Хельской косы. Пасмурная

погода помешала определить национальность судов. Русские фрегаты сблизилась, и их капитаны обсудили ситуацию. Шлейниц предположил, что замеченные корабли — французские, Дефремери же отказался строить догадки и предложил продолжить крейсерство. Тем временем в 17.00 4 неизвестных корабля сделали поворот фордевинд и устремились вслед за «Россией» и «Митау». Шлейниц и Дефремери благоразумно взяли курс в открытое море.

Ночью «Митау» лег в дрейф, не предупредив, однако, «Россию», поэтому вскоре фрегаты потеряли друг друга. На «России» еще в сумерках заметили потерю товарища, но начать поиски им помешали два неизвестных корабля, появившихся прямо по курсу. В 3 часа ночи корабли подняли французские флаги и боевые вымпелы. Русские же подняли шведские флаги. Противники шли борт о борт в течение двух часов, французы потребовали сообщить название шведского судна и имя капитана. С «России» по-шведски ответили, что корабль их зовется «Зейредор» и велено им здесь крейсировать. Французы потребовали спустить шлюпку и прислать к ним капитана с паспортом, что, разумеется, никто и не собирался делать. В 6 утра корабли лягушатников повернули на норд-вест и скрылись в дымке.

С «Митау» же все случилось гораздо худшее. В 4 часа утра корабль поставил паруса и до полудня крейсировал в районе Пилавской бухты, ожидая «Россию». Так и не дождавшись Шлейница, Дефремери провел военный совет, где решили идти к Данцигу, так как «Россия», скорее всего, держит курс туда же.

В 14.00 Дефремери взял курс на Хельскую косу, в 18.00 увидели берег и ради маскировки подняли шведский флаг и боевой вымпел. В 18.20 в трех милях к западу было замечено 5 судов, выходящих на полных парусах из Данцигской бухты. Через час обнаружили, *«что суда эти военные с французскими флагами»*. «Митау» сделал поворот и стал уходить, выставив все паруса. В этот момент дул крепкий норд-ост, нагнавший небольшое волнение на море.

Французские корабли, заметив неизвестный корабль, начали преследование. Несмотря на то, что «Митау» был новейшим фрегатом (построен в 1731 году корабельных дел мастером Окуневым), французы легко нагнали Дефремери. На «Митау» спустили шведский и подняли русский флаг, в 23.00 французские корабли обошли русский фрегат, через переговорную трубу по-голландски прозвучал приказ спустить паруса и выслать шлюпку с офицером. Был срочно созван военный совет, на котором русские офицеры решали, что делать. Постановили: поскольку Франция не

объявляла войну России, скорее всего, потребуют отдать салюты, на что можно легко согласиться. Спустили шлюпку, на которой отослали на «Флёрон» мичмана Войникова и боцмана, поскольку последний понимал по-французски.

Через полчаса шлюпка вернулась, но без мичмана. Французский офицер объяснил, что, согласно морским обычаям, именно капитан должен подняться на борт французского корабля и засвидетельствовать свое почтение. Дефремери вновь устроил совет, русские не допускали мысли, что французы могут захватить фрегат, поскольку военные действия между Россией и Францией не велись. Поэтому решили удовлетворить требование досматривающих, и послать капитана на флагман французов. Дефремери думал, что он быстро посетит французский корабль, заберет с собой Войникова и сразу же вернется на свой фрегат, поэтому никаких четких инструкций лейтенанту Петру Чихареву (оставленному за старшего) не дал.

На французском корабле у Дефремери потребовали сообщить цели крейсерства, показать инструкции Гордона и капитанский патент, угрожая в противном случае признать капитана пиратом. Дефремери показал патент и заявил, что возвращается на свой корабль, однако в ответ он услышал, что французы задерживают русский фрегат, поскольку в данный момент они служат Станиславу Лещинскому, который ведет военные действия с Россией^[44].

Пока шли переговоры с Дефремери, со всех сторон «Митау» окружили шлюпки и баркасы с абордажными партиями, которые *«российских вооруженных служителей насилием развезли по своим кораблям, обобрава письма и багаж, и фрегат отдали под свой конвой»*.

Конец осады

16 мая французские войска, высаженные в Вестерплатте, попытались пробиться в город. В этом бою десант потерял 160 человек, в том числе графа Плело, участвовавшего в бою. Его опознали среди убитых по оливковому камзолу, расшитому серебром (на остальных убитых были обычные солдатские мундиры). Атака была отбита, французы вернулись к своему лагерю на песчаном островке в устье Вислы. Утром 30 мая мимо захваченного русскими бастиона Зоммершанц попытались прорваться в город реквизированные в Дании прам и галиот. С русских батарей открыли огонь по кораблям, перестрелка продолжалась до вечера, потери русских — 1 убитый, 3 раненых. Потери противника неизвестны, но оба корабля отошли к устью Вислы.

В этот же день русский флот оказался под Пиллау. Мы оставили адмирала Гордона в тот момент, когда он решал, атаковать или не атаковать французов. Для капитанов и адмиралов Балтийской эскадры настоящим шоком стал захват фрегата «Митау». Русские предположительно оценили силы французов в 5 военных и 6 транспортных кораблей, и, хотя значительно превосходили противника в количестве и качестве кораблей, *«все капитаны объявили, что толикое число кораблей французских атаковать опасно»!* Обосновывали это мнение тем, что на русском флоте много рекрутов, «Исаак-Виктория» и «Девоншир» слишком слабы для линейного боя^[45], «Марльбург» и «Леферм» уже имеют течи, которые могут увеличиться при стрельбе. Фельдмаршал Миних, напротив, утверждал, что французская эскадра очень слаба, с учетом благоприятной погоды можно одержать легкую победу над отрядом Пейруза, надо лишь поспешить к Данцигу с главными силами. Но Гордон приказал ночевать на рейде.

Французы, узнав от захваченных в плен членов экипажа «Митау» о скором прибытии к Данцигу сильной русской эскадры, решили уйти домой. 29 мая корабли со всеми призами вышли с рейда Данцига и взяли курс на Копенгаген, куда прибыли 30-го числа. Не повезло только фрегату «Брильянт», который *«стал у речки на мель, бежав от нашего флота».* Гордон отправил 4 линкора к Хельской косе и днем второго июля лег в дрейф напротив входа в Данцигскую бухту. В состав флота входили 100-пушечный корабль «Петр I и Петр II», 66-пушечные «Св. Александр», «Шлиссельбург», «Наталья», «Марльбург», «Леферм», «Нарва», «Слава России», 54-пушечные «Девоншир», «Петр II», «Выборг», «Рига», «Новая Надежда», «Виктория», 44-пушечные «Арондель» и «Армонт» (брандер), 32-пушечные фрегаты «Россия», «Стор-Феникс», «Эсперанс», бомбардирский корабль «Юпитер», шнява «Фаворитка» (всего 1096 орудий).

Миних, дождавшийся флота, попросил у Гордона помощи людьми и артиллерией. 2 июня бомбардирский корабль «Юпитер» вошел на Данцигский рейд и под прикрытием фрегатов «Арондель» и «Эсперанс» атаковал стоящий на мели французский «Брильянт». Первая дуэль русского «Юпитера» и французского фрегата закончилась в пользу французов. Не последнюю роль здесь сыграли польские береговые батареи, который открыли ураганный огонь по русским. «Юпитер» получил опасную пробоину у самой ватерлинии и был вынужден сняться с якоря и отойти в море.

Подошедшие ночью «Арондель» и «Эсперанс» также попытались

обстрелять «Брильянт», но из-за мелей не смогли подойти близко к берегу, и все ядра легли недолетами. Завершился день курьезом — крейсировавший в составе дозорного отряда «Рига» принял показавшийся на берегу лес за мачты кораблей и поднял тревогу сигналом из 8 выстрелов.

4 июня фрегаты «Стор-Феникс» и «Эсперанс» вместе с бомбардирскими судами «Юпитер» и «Дондер» (последний пришел к Данцигу 3-го числа) вошли в Данцигский канал, встали на шпринг и начали обстрел французского лагеря на одном из островов Вислы. В 18.00 бомбардирские суда спустились ниже по каналу и атаковали французский фрегат и крепость Вексельмюнде. Около 21.00 в крепости произошел большой взрыв, скорее всего, одна из бомб попала в пороховой склад. Русские бомбардирские корабли также получили повреждения, поэтому около 22.00 отошли выше по течению.

Тем временем «Эсперанс» и «Стор-Феникс» продолжили обстрел французского лагеря. Первый сделал 60 выстрелов, второй — 37. Французы по мере сил отвечали из полевых орудий, русские получили небольшие повреждения в рангоуте. Тем не менее к полуночи по французскому лагерю было выпущено около 400 ядер.

Бомбардирский корабль «Дондер», выйдя из зоны поражения, возобновил стрельбу по «Брильянт» и вел огонь до полуночи. Вечером 5-го июня русские попытались послать к «Брильянту» шлюпку с гренадерами, чтобы забросать фрегат гранатами, однако, хотя шлюпка смогла подойти довольно близко, ураганный огонь заставил гренадеров повернуть назад. Бомбардирские корабли возобновили стрельбу, но без особых результатов.

Тем временем на очередном военном совете Гордон поднял вопрос, что «по его данным» французы выслали к Данцигу эскадру в 15 линейных кораблей, которые должны соединиться с отрядом в Копенгагене. Адмирал утверждал — артиллерия для войск выгружена, помощь доставлена, надо срочно уводить флот в Кронштадт. Миних, получивший днем письмо от Гордона, был в бешенстве. Он помчался на флагман и в разговоре с командующим эскадрой сообщил, что приказывает эскадре остаться. Опасности, по мнению Миниха, для флота нет никакой. Гордон, ошарашенный напором фельдмаршала, согласился крейсировать у Хельской косы, что давало ему свободу маневра.

В полдень 9 июня бомбардирские корабли под прикрытием фрегатов «Стор-Феникс» и «Эсперанс» бросили якорь в Данцигском канале, готовясь к стрельбе по противнику, однако в 18.00 из Вексельмюнде прибыл парламентар, который попросил не открывать бомбардировку. Он сообщил, что в крепости идут переговоры между представителями русского

командования и сторонниками Лещинского.

10 июня Гордон привел эскадру непосредственно к бухте, расположив корабли полумесяцем, чтобы воспрепятствовать уходу из Данцига кораблей противника. Вечером 11 июня французы покинули Вексельмюнде. Они согласились сложить оружие взамен на обещание доставить их в один из нейтральных портов Балтийского моря. Миних принял капитуляцию французов, польский гарнизон крепости Вексельмюнде присягнул на верность Августу. Русским в качестве трофеев достались фрегат «Брильянт», 14-пушечный гукор и 8-пушечный прам. В крепости были захвачены 8 медных и 43-чугунных пушки калибра от 3 до 48 фунтов, а также 3 русских галиота, взятых французами в начале мая.

Вместо нейтрального порта французов привезли напрямик в Кронштадт. Причина была в боязни Гордона столкнуться с французским флотом. Российская же эскадра 16 июня взяла курс на свою базу. 24 июня были у Гогланда, а 10 июля — в Кронштадте. У Данцига остались лишь бомбардирские суда, которые приняли участие во взятии самого города.

Данциг сдался 28 июня 1734 года. Лещинский бежал из города, переодевшись в крестьянское платье. 17 августа русские подготовили трофейный «Брильянт» к плаванию в Кронштадт, 23 сентября корабль прибыл на рейд Кронштадта.

Фрегат «Митау» позже возвратили русским. Французы, покидая Копенгаген, оставили корабль в Дании. 5 сентября французский посол в Копенгагене де Ля Нуэ передал русскому посланнику Бракелю корабль со 193 членами экипажа. Бракель вспоминал, что *«сами русские были обобраны и плохо трактованы»*. Сжалившись, царский посланник снабдил моряков деньгами. По прибытии в Россию состоялся суд над командой фрегата «Митау». После долгого разбирательства экипаж и офицеры были оправданы.

Что касается французских пленников, увезенных в Кронштадт, их осенью — зимой 1734 года отпустили в Данию, а весной 1735 года они отплыли во Францию.

В ходе франко-польско-русского конфликта французская эскадра из 2 кораблей и 3 фрегатов смогла захватить фрегат «Митау» и три галиота. Сама же потеряла 1 фрегат, уходя от русской эскадры в составе 14 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 бомбардирских кораблей и более мелких судов. Из-за позиции Англии французы не смогли усилить свои эскадру у Данцига, а также не смогли нормально снабжать десант. Слабость Флота Леванта и вражда с Испанией не позволили Дюгэ-Труэну перебросить на Балтику эскадру со Средиземноморья.

Часть II
1739–1748 годы

Глава 5

«Война из-за уха Дженкинса»

Страсти по Картахене

Новое столкновение Англии и Испании в 1739 году получило в истории название «Война из-за уха Дженкинса» — War of Jenkins' Ear. Повод к этой войне в конкурсе самых идиотских «casus belli» претендовал бы на первое место. 9 апреля 1731 года около берегов Флориды капитан испанской береговой охраны Хуан Леон Фандиньо поймал торговый бриг «Ребекка», груженный контрабандным ромом, под командованием англичанина Роберта Дженкинса. Поскольку испанцы устали уже бороться с английской контрабандой, и были очень озлоблены на действия купцов Туманного Альбиона, направленные на вывоз товаров из Мексики и Южной Америки в обход таможни, бравый испанский капитан, недолго думая, отрезал Дженкинсу ухо и отпустил его, сказав: *«Передай своему королю, что я и с ним сделаю то же самое, если он осмелится на подобное»*.

Новоиспеченный инвалид вернулся в Англию и летом 1738 года выступил перед парламентом. Лорды были возмущены, поэтому 10 октября 1739 года правительство Уолпола было вынуждено объявить войну Испании. Сразу же стали готовиться к выходу эскадры Ройял Неви. В Карибское море из вод Метрополии была послана огромная эскадра Чалонера Огя, из 27 линейных кораблей, множества фрегатов, бомбардирских судов, кечей, госпитальных и войсковых транспортов.

Однако еще до выхода соединения Огя 20 июля 1739 года в Карибское море была отправлена эскадра адмирала Эдварда Вернона. Приказ, данный ему, содержал недвусмысленные требования провести диверсии на испанских территориях и захватывать их торговые корабли. Таким образом, понятно, что нападение на территорию испанской Вест-Индии было запланировано англичанами заранее, еще до объявления войны.

Адмирал Вернон на выступлении в Парламенте пообещал захватить один из портов Новой Гранады *«только шестью кораблями»*, поэтому, верный своему слову, 5 ноября 1739 года вышел с Ямайки в следующем составе:

«Бурфорд» (флагман эскадры, флаг адмирала Эдварда Вернона) — 70 орудий, 500 человек, кэптен Томас Ватсон;

«Хэмптон Корт» — 70 орудий, 495 человек, кэптен Дагби Дент;
«Принсесс Луиза» — 60 орудий, 400 человек, кэптен Томас Уотерхауз;
«Страффорд» — 60 орудий, 400 человек, кэптен Томас Трэвор;
«Вустер» — 60 орудий, 400 человек, кэптен Перри Мэйн;
«Норвич» — 50 орудий, 300 человек, кэптен Ричард Герберт.

На корабли был принят десант из 2735 солдат, из которых 240 были рейнджерами с Ямайки.

Вечером 20 ноября эскадра прибыла к городу Порто-Белло, расположенному на побережье Новой Гранады (на панамском перешейке) и встала на якорь приблизительно в 6 лигах от берега. Проводить военные корабли по фарватеру к гавани вызвался Джеймс Рентоун — капитан английского торгового судна, пострадавший в свое время от действий испанской береговой охраны. Подходы к акватории порта были прикрыты фортом Сан-Фелипе, на котором было установлено 100 орудий, гарнизон форта составлял 300 солдат. Испанцы были настолько уверены в этой крепости, что даже послали к соединению Вернона корабли береговой охраны, в надежде заманить англичан к пушкам Сан-Фелипе.

На рассвете 21 ноября 6 британских кораблей, следуя строем фронта, вошли в гавань Порто-Белло. Вернон, перенесший свой флаг на «Хэмптон Корт», шел всего лишь в 500 метрах от испанских батарей. Как только англичане вошли в канал, ветер утих и установился полный штиль. Вернон был вынужден вступить в контрбатарейную борьбу с фортом Сан-Фелипе (он сделал более 400 выстрелов по испанцам), через 25 минут его поддержал «Норвич», еще через полчаса — «Вустер» и «Бурфорд». Англичане развили такой интенсивный огонь, что испанские артиллеристы бросились прочь от орудий, и пушки стали замолкать одна за другой. Пользуясь замешательством противника, Вернон высадил десант из 40 моряков для захвата Нижней Батареи из 22 длинноствольных орудий. С моря высадку поддержал «Бурфорд», открывший шквальный огонь по позициям испанцев. Через полчаса над Нижней батареей взвился «Юнион Джек».

Вскоре подошел «Страффорд» и также принял участие в бомбардировке. Защитники Сан-Фелипе побежали. Комендант форта с 5 офицерами и 35 солдатами попытался запереться в одном из казематов крепости и продолжить сопротивление, однако морские пехотинцы подкатили пушку и просто изрешетили защитников картечью. Прошло всего два часа, и Сан-Фелипе был взят.

Подобная же судьба постигла форт эль Кастильо на другом берегу канала. «Хэмптон Корт» открыл огонь из орудий нижнего дека и удачным

выстрелом сбил флаг на крепости, потопил корабли береговой охраны. Быстро порвавшись к городу, англичане начали бомбардировку жилых кварталов, был разрушен дом губернатора.

На следующее утро форт Сантьяго поднял белый флаг, к эскадре приблизились лодки с испанским губернатором Порто-Белло доном Франсиско Мартинесом де Ретесом и командиром береговой охраны доном Франсиско де Абороа с предложением почетной капитуляции. Вернон принял предложение испанцев и уцелевшие солдаты гарнизона с развернутыми знаменами вышли из города.

Войска англичан вошли в Порто-Белло, и были приняты меры к разрушению всех укреплений. 10 000 песо, предназначенные для жалования солдатам испанского гарнизона, распределили среди моряков эскадры и экспедиционных войск. Было взято 68 пушек и 4 мортиры, кроме того, 80 крупнокалиберных орудий фортов было уничтожено. Через несколько недель Вернон отплыл обратно, к Ямайке.

В феврале 1740 года англичане опять решили совершить набег на Порто-Белло, 22 марта их корабли подошли к городу и начали бомбардировку. К 11.00 над крепостью взвился белый флаг. Войска повторно разрушили укрепления и разграбили Порто-Белло. В городе был оставлен гарнизон из 120 солдат, а Вернон опять вернулся на Ямайку.

Тем временем в Вест-Индии появилась армада Огя. Соединившись с отрядом Вернона, английский флот теперь насчитывал 30 линейных кораблей (из них 8 — трехдечных), 5 фрегатов, 130 транспортов и около десятка мортирных судов.

Состав флота Вернона

Наименование	Капитан	Пушки	Тип корабля	Примечание
Авангард, командующий — адмирал Синего флага сэр Чалонер Огль				
Princess Amelia (Принсесс Амелия)	Хэмминг- тон	80	ЛК	
Windsor (Виндзор)	Беркли	60	ЛК	
York (Йорк)	Котс (Coats)	60	ЛК	
Norfolk (Норфолк)	Грейвз	80	ЛК	

Наименование	Капитан	Пушки	Тип корабля	Примечание
Russel (Рассел)	Норрис	80	ЛК	Флагман Огля
Shrewsbury (Шрусбери)	Таунсенд	80	ЛК	
Rippon (Риппон)	Джоллей (Jolley)	60	ЛК	
Litchfield (Личфилд)	Клевланд	50	ЛК	
Jersey (Джерси)	Лоуренс	60	ЛК	
Tilbury (Тилбери)	Лонг	60	ЛК	
Experiment (Эксперимент)		20	ФР	
Sheerness (Ширнесс)		20	ФР	
Vesuvius (Визави)		8	Брандер	
Terrible (Террибл)		8	Мортир- ный бот	
Phaeton (Фоэтон)		8	Брандер	
Goodley (Гудли)		8	Тендер	
Центр, командующий — адмирал Синего флага Эдвард Вернон				
Orford(Орфорд)	Лей- тенант Август Фицрой	70	ЛК	
Princess Louisa (Принсесс Луиза)	Стэплтон	60	ЛК	

Наименование	Капитан	Пушки	Тип корабля	Примечание
Augusta (Аугуста)	Деннисон	60	ЛК	
Worcester (Вустер)	Перри Мейн	60	ЛК	
Chichester (Чичестер)	Роберт Тревор	80	ЛК	
Princess Caroline (Принсесс Кэролайн)	Ватсон	80	ЛК	Флагман Вернона
Torbay (Торбей)	Гаскойн	80	ЛК	
Strafford (Страффорд)	Теодор Тревор	60	ЛК	
Weymouth (Вэймут)	Ноульс	60	ЛК	
Deptford (Депфорд)	Мойстон	60	ЛК	
Burford (Бурфорд)	Гриффен	70	ЛК	
Squirrel (Скьюрелл)		20	ФР	
Shoreham (Шорхэм)		20	ФР	
Eleanor (Элеанор)		10	Шхуна	
Seahorse (Сихорс)		20	ФР	
Strumbolo (Стромболо)		8	Брандер	
Success (Саксесс)		8	Брандер	

Наименование	Капитан	Пушки	Тип корабля	Примечание
Vulcan (Вулкан)		8	Брандер	
Cumberland (Камберленд)		10	Тендер	
Alderrey Bomb (ОлдереЙ Бомб)		8	Мортир- ный бот	
Pompey (Помпей)		8	Бриг	
Tender (Тендер)		?	Тендер	
Арьергард, командующий — коммодор Ричард Лесток				
Defiance (Дифэнс)	Джон Тревор	60	ЛК	
Dunkirk (Дюнкирк)	Купер	60	ЛК	
Lyon (Лайон)	Коттерель	60	ЛК	
Prince Frederic (Принс Фредерик)	Лорд Бьюклерк	70	ЛК	
Boone (Бойн)	Колби	80	ЛК	Флагман Лестока
Hampton Court (Хэмптон-Корт)	Дент	70	ЛК	
Falmouth (Фалмут)	Дуглас	50	ЛК	
Montague (Монтэгу)	Чамберс	60	ЛК	
Suffolk (Саффолк)	Дейверс	70	ЛК	
Astrea (Эстри)		12	Шхуна	
Wolf (Волф)		12	Шлюп	
Aetna (Этна)		8	Брандер	

Наименование	Капитан	Пушки	Тип корабля	Примечание
Firebrand (Файрбрэнд)		8	Брандер	
Virgin Queen (Вирджин Куин)			Транс-порт	

Экспедиционный корпус насчитывал 9000 солдат, 15 398 морских пехотинцев, 2763 рекрута из Вирджинии под командованием Лоуренса Вашингтона^[46]. Для саперных работ было привлечено 2000 рубщиков сахарного тростника с Ямайки. Следующей целью экспедиции должна была стать Картахена — ворота к серебряным шахтам Южной Америки. Этот орешек был покрепче Порто-Белло, но Вернон надеялся, что все пойдет также гладко.

Картахена, расположенная на вытянутом параллельно материку полуострове, была очень хорошо защищена. Внешняя сторона, обращенная в Карибское море, была прикрыта фортами Санта-Доминго, а перешеек между материком и полуостровом — бастионами Санта-Каталина и Сан-Лукас эн эль Кабреро. Вход в залив контролировали крепостные укрепления на холме Сан-Фелипе (цепь бастионов: 7-пушечный Сан-Фелипе, 15-пушечный Сантьяго, 3-пушечный Чамба и фашинная батарея Баррадера — 15 орудий) и сторожевые башни Сан-Себастиан дель Пастелильо. Город насчитывал 20 тысяч жителей, гарнизон состоял из 3000 солдат, но только 1100 были ветеранами, имевшими боевой опыт, а кроме них — 400 новобранцев, 600 моряков, 300 ополченцев, и 600 индейцев, негров и мулатов. С моря Картахену защищали 6 линейных кораблей — это 80-пушечный «Сан-Фелипе», 66-пушечный «Сан-Карлос», 62-пушечный «Конкистадор», 60-пушечный «Драгон» и 64-пушечный «Африка», а также 70-пушечный «Галисия». Оборону города возглавляли генерал-лейтенант Виррей Себастиан де Эслава, генерал флота дон Блаз де Лезо, губернатор Картахены Мельчор де Наваретте, а также военный инженер полковник Карлос дес Но, руководивший строительством новых укреплений в крепости Сан-Луис на Бока-Чика, перекрывавшей вход в залив Террабомба, и на бастионе Сан-Фелипе.

13 марта 1741 года в Пунта Каноа (недалеко от Санта-Марты) увидели лес мачт — стало ясно, что англичане уже на подходах к Картахене. Вернон решил сначала прорваться через бастионы Сант-Яго и Сан-Луис в залив

Террабомба, захватить крепость Бокагранде, а потом, ударив с моря и с суши, взять Картахену.

Утром 15 марта дивизион Огля с солдатами Вентворта^[47] на борту пошел к определенному на совете месту высадки, тогда как «Норфолк», «Рассел» и «Шрусбери» под началом Вернона завязали перестрелку с фортами. Бомбардировка фортов оказалась достаточно эффективной — через час испанцы покинули Сантьяго, на берег высадились 500 пехотинцев полковника Кохрейна, а чуть позже — 3000 солдат под началом самого бригадира Вентворта и полковника Гайза.

На «Норфолке» и «Расселе» были 6 убитых и 4 раненых, а вот «Шрусбери» не повезло — ему перебили якорный канат и корабль снесло под огонь Баррадеры и бастионов Сан-Хосе и Сан-Луис. Вскоре к обстрелу присоединились и четыре испанских линкора. Вначале команду охватила паника, но Таунсенд смог успокоить своих людей и семь часов вел тяжелый бой с испанцами. К ночи «Шрусбери» лишился всех мачт, получил до 240 попаданий (в том числе — 16 подводных), потерял 20 человек убитыми и 40 — ранеными. С наступлением темноты испанцы прекратили огонь, и Таунсенд смог вывести свое судно из-под обстрела.

До 25 марта свозили на берег припасы и пушки (в том числе — двенадцать 24-фунтовых). Из-за жестокого климата — днем очень жарко, ночью довольно холодно — в войсках было очень много больных.

80-пушечные «Рассел», «Принсесс Кэролайн» и «Бойн» уничтожили беглым огнем испанскую полевую батарею, беспокоившую наземные части. 31 марта полевые пушки и мортиры англичан открыли огонь по форту Сан-Луис. 2 апреля к обстрелу присоединились «Принсесс Амелия», «Принс Фредерик», «Хэмптон Корт», «Саффолк» и «Гилбери». В свою очередь, Блаз де Лезо на входе в залив Террабомба выстроил «Галисия», «Сан-Карлос», «Африка» и «Сан-Фелипе», которые завязали бой с английскими кораблями. К концу дня испанцы смогли комбинированным огнем с моря и суши тяжело повредить «Принс Фредерик» (тут был убит капитан — лорд Обри Бьюклерк) и «Хэмптон Корт», эти два линкора англичане увели на буксире подальше от крепости. Сражение продолжилось, на следующий день сменившие подранков «Принсесс Амелия», «Личфилд» и «Шорхэм» открыли шквальный огонь по испанским укреплениям и кораблям. 4 апреля был высажен десант, который пошел на штурм Сан-Луиса. К этому времени испанские корабли, три дня продолжавшие неравный бой на якоре, были сильно повреждены. Блаз де Лезо решил затопить «Африку» и «Сан-Карлос» на фарватере, на «Сан-Фелипе» же не смогли выбить затычку, позволявшую воде заполнить

корпус корабля, и во избежание захвата англичанами подожгли линкор. Последний из защитников — тонущий «Галисия» — сдрейфовал к судам Вернона и был захвачен, прежде чем покинувшая линкор основная часть команды смогла вернуться к кораблю на шлюпках и вывести его к испанским позициям. Подошедшие «Принсесс Кэролайн» и «Веймут» послали призовые команды на «Галисию» и привели приз к Вернону. На корабле взяли в плен его капитана, лейтенанта морских пехотинцев, а также 60 человек экипажа, которые отвечали за затопление судна. Также был захвачен и контр-адмиральский флаг Блаза де Лезо.

Окрыленный успехом флота, десант практически без боя взял форту Сан-Луис и Сан-Хосе (англичане потеряли всего 1 человека погибшим). Однако в сам залив смогли войти только линкоры с малой осадкой — затопленные «Африка» и «Сан-Карлос» и прижавшийся к берегу догорающий «Сан-Фелипе» очень загромождали и без того узкий проход, поэтому надо было искать обходные пути.

6 апреля «Бурфорд» и «Орфорд» подошли к Кастильо Гранде — сильному квадратному форту на входе в Байя де Картахена (Картахенскую бухту). Там англичане смогли обнаружить источник пресной воды, что позволило немного выправить ситуацию с болезнями на эскадре (к этому моменту уже 500 человек погибло от лихорадки, а 1500 были больны). Испанцы взорвали Кастильо Гранде, заклепали там пушки и отошли без боя. На входе в гавань между Кастильо Гранде и Манзанилло были затоплены «Конкистадор», «Драгон» и семь галеонов. Не зная об этом Огль начал обстрел форта и практически полдня мешал с землей совершенно пустой бастион. Вскоре стало понятно, что огонь ведется по миражу, высадившиеся морские пехотинцы обнаружили, что в форте никого нет.

На входе в бухту торчали мачты затопленных кораблей. Лесток отослал к затопленным кораблям матросов на шлюпках с приказом срубить на «утопленниках» мачты, которые загромождали вход в бухту. Вернон решил использовать это обстоятельство, у Бока-Чика забрали десант и перевезли его к Картахенской бухте. В гавань вошли мортирные боты и два фрегата, которые открыли огонь по самому городу.

17 апреля началась высадка главных сил. В теснине перед фортом Святого Лазаря (расположенном в лагуне Сан-Лазаро за бастионом Сан Себастиан дель Пастелильо) столкнулись два отряда: английский (1000 гренадер под началом полковника Гранта, 200 североамериканских рейнджеров и 100 негров — рубщиков тростника) и испанский (700 солдат). Грант повел своих людей в атаку, сумел прорвать испанский строй (доны по привычке выстроили всего две шеренги стрелков) и

опрокинуть противника. Британцы отделили небольшой отряд, который без боя захватил монастырь Нуэстра Сеньора де ла Попа, теперь Картахена была полностью обложена с моря и с суши.

Атака же форта Святого Лазаря задержалась — англичане не успели выгрузить тяжелые орудия. Пользуясь передышкой, испанцы разместили на бастионе дополнительные пушки. 18 апреля англичане смогли усилить наступающие войска двумя 12-фунтовками и тремя 3-фунтовками, а также доставить по 55 зарядов на орудие. Конечно, этой артиллерии было совершенно недостаточно для взятия сильного форта, но хотя бы можно было вести беспокоящий огонь. Негры и североамериканцы начали рыть траншеи, болотистый грунт рядом с лагуной спровоцировал новую вспышку лихорадки.

К тому же Вернон и Вентворт разругались по поводу дальнейших действий. Адмирал считал, что надо идти на штурм форта Святого Лазаря немедленно, пока испанцы еще не успели достаточно укрепиться. В свою очередь, бригадир требовал огневой поддержки от флота: *«Я категорически настаивал бы оказать поддержку атаке силами бомбардирских судов флота, а также произвести обстрел бастиона хотя бы одним линкором»*. Кроме того, Вентворт предлагал перевести шлюпы и брандеры в лагуну, что позволяло бы осуществлять быструю перегруппировку сил при атаке.

Эти весьма разумные меры были отвергнуты Верноном. Эдвард «Старый Капюшон» (Edward «Old Grog») был очень властолюбивым и не терпящим возражений человеком. Своей неуживчивостью еще в Англии он нажил себе много врагов, и вот в самый ответственный момент он позволил своему характеру взять верх над благоразумием. На военном совете Вернон сухо отметил, что десант численностью в 4350 человек должен легко взять этот старый форт с низенькими деревянными стенами, если, конечно, *«у армии хватит на это мужества»*. Взбешенный Вентворт назначил атаку на 20-е число.

В два часа ночи три колонны гренадеров под командованием полковника Гранта и бригадира Гайза бесстрашно пошли на стены, в авангарде были ямайские рубщики тростника, нагруженные лестницами и фашинами. Испанские часовые, заметившие англичан, открыли огонь, и через минуту к ним присоединились ружья всех 600 защитников форта Святого Лазаря. Часть ямайцев не выдержала стрельбы и разбежалась, солдаты остановились у стены, которую они не смогли преодолеть, поражаемые со всех сторон пулями и картечью, ранение получил Грант. Наконец, не выдержав огня, гренадеры побежали. Потери были очень

высокими — 179 человек убиты, 459 — ранены, 16 англичан взяты в плен, в числе последних и три офицера.

Неудача со штурмом еще больше рассорила Вернона и Вентворта. Несмотря на то что на следующий день обстрел форта Святого Лазаря был очень эффективен (испанцы подумывали об экстренном отходе), бригадир отказался атаковать бастион без поддержки флота.

24 апреля на «Принсесс Кэролайн» состоялся очередной совет. Первым взял слово начальник саперов, который сообщил, что для обустройства осадных батарей надо как минимум две недели и 1500 человек. Вернон, у которого с каждым словом армейских сильно краснело лицо, не выдержал и на полуслове оборвал сапера. Обвинив солдат и их командование в трусости, он быстро вышел из каюты. Далее советом руководил Огль. Вентворт, поверивший, что в отсутствие Вернона возможно будет договориться с моряками, сильно ошибался. На просьбу сформировать сводный отряд морской пехоты Огль ответил, что он резко против этого предложения, мол, моряки только и ждут, как очутиться на берегу и убежать в джунгли^[48].

В разгар препирательств на совет вернулся Вернон и сухо сообщил, что надо прекращать осаду. Согласно докладу Вентворта осталось 3569 солдат (из 4350 высадившихся) и 1400 североамериканских рейнджеров (причем 600 из них использовались как рабочие, для рытья траншей). Для успеха, считал адмирал, надо не менее 5000 хорошо обученных солдат.

Напоследок Вернон решил разрушить Картахену. 25 апреля батареи 10-дюймовых мортир, установленных капитаном Ноульсом у лагуны Сан-Лазаро, начали бомбардировку города и крепости. 27-го к форту Святого Лазаря подвели «Галисию», переоборудованную в плавучую батарею — корабль вооружили шестнадцатью 18-фунтовками и шестнадцатью 12-фунтовками, вокруг пушек сложили брустверы из мешков с землей и песком^[49]. С 5 утра до 12 дня судно с очень близкой дистанции вело огонь по испанским укреплениям. В свою очередь, испанцы под руководством Карлоса дес. Но отвечали, и вскоре «Галисия» превратилась в горящий плавучий остров. Уцелевшие члены экипажа выбросили плавучую батарею на берег недалеко от английских позиций, что спасло ее, ибо она уже тонула.

1 мая англичане начали демонтаж батарей и погрузку уцелевших войск на суда. Моряки сняли мачты с утонувших испанских кораблей, полностью ограбили монастырь Нуэстра Сеньора де ла Попа. 19 мая британские

корабли ушли на Ямайку.

Победа Испании была полной, омрачила ее только смерть генерала флота Блаза де Лезо. В очередной раз тяжело раненый во время осады города, он был свезен в одну из больниц Картахены, где и умер сентябре 1741 года. Это была двадцать третья и последняя кампания для храброго адмирала.

Бой линейного корабля «Принсесса»

Тем временем в ноябре 1739 года из Буэнос-Айреса в Кадис направились два испанских линейных корабля — «Принсипе» и «Принсесса» — с товарами из Южной Америки. Англичане, получив 25 марта 1740 года информацию о выходе этих линкоров, срочно послали к побережью Испании блокирующую эскадру в составе 70-пушечных «Леннокс», «Кент» и «Орфорд» под командованием кэптана Ковилля Мэйна. Вскоре к ним должны были присоединиться фрегаты «Риппон» и «Сент-Элбанс» из состава отряда Джона Болчена, однако к бою они подойти не успели. 19 апреля в 9 часов утра в 120 милях к западу от мыса Финистерре на «Ленноксе» обнаружили паруса довольно большого корабля. Отряд тотчас же взял курс на сближение и вскоре британцы определили, что это испанское судно^[50]. «Леннокс» и «Кент» рванули вперед, «Орфорд» чуть приотстал. К 11.00 англичане смогли атаковать испанца с двух бортов, однако 70-пушечный линейный корабль «Принсесса»^[51], выглядевший из-за высокого борта и большой длины как стопушечник, активно отвечал, а ядра англичан, как казалось, не причиняли ему никакого вреда. «Леннокс» атаковал «Принсессу» с наветренного борта, «Кент» — с подветренного, а «Орфорд» вел погонными орудиями огонь по корме. К концу дня англичанам удалось сбить фок— и бизань-мачту на испанце, однако 18-фунтовые ретирадные пушки «Принсессы», в свою очередь, нанесли существенные повреждения такелажу и рангоуту «Орфорда» (в частности, была отстрелена грот-стенга), корабль приотстал, чтобы произвести текущий ремонт.

Лишь утром присоединившийся к своим товарищам «Орфорд» смог принудить «Принсессу» к капитуляции. На этот момент испанцы потеряли 70 человек убитыми и 80 — ранеными, тогда как у британцев только 4 матроса были убиты, а 40 — ранены (в числе последних — командир «Кента» Даррелл). 8 мая 1740 года приз привели в Портсмут.

По результатам этого боя были проведены слушания в Адмиралтействе. Лорды недоумевали, как три 70-пушечника могли так

долго принуждать к капитуляции испанский корабль такого же класса! Причем, по показаниям капитанов, испанцы стреляли довольно плохо, в актив им можно было занести только повреждения «Орфорда». В оправдание Мэйн сообщил, что испанский корабль был гораздо крупнее, чем английские линкоры (2400 тонн водоизмещения против 1500–1600 тонн) и имел очень высокий борт, что позволяло ему даже при волнении на море спокойно использовать пушки нижнего дека.

Осмотр приза привел к пересмотру размерений английских 70-пушечников. Теперь Адмиралтейство просило комиссионеров верфей строить корабли, похожие на испанца. Из минусов «Принсессы» отмечали малый размер пушечных портов, что, хотя и защищало орудийные расчеты от картечи, позволяло вести огонь лишь по траверзу.

Уже в 1741 году у нескольких 70-пушечников были увеличены высота борта и размеры (например, при тимберовке в 1743 году 70-пушечного «Нортумберленда» был сильно удлинен его корпус и увеличена высота борта). Но только в 1755 году англичане смогли построить подобные «Принсессе» корабли. Что касается самого испанца, его отремонтировали в Вулвиче за 36 тысяч фунтов и включили в состав Ройял Неви. Корабль служил в английском флоте еще долгих 45 лет — до 30 декабря 1784 года, когда в результате шторма разбился о камни в Портсмуте.

Чуть позже англичане столкнутся с еще одним подобным кораблем — испанским «Глориосо» — и испытают такие же трудности в нейтрализации сильного испанского 70-пушечника.

«Стояние» у Кубы

Но вернемся в Вест-Индию. Что касается флота Вернона — корабли вернулись на Ямайку. Генералы и адмиралы провели военный совет, на котором решили атаковать Сантьяго-де-Куба.

В описываемое время Сантьяго-де-Куба представлял собой настоящую крепость, расположенную на берегу залива Сан-Фелипе на юго-востоке острова. После нападений многочисленных корсаров его сильно укрепили, порт и гавань защищала мощнейшая крепость Сан-Педро-де-ла-Рока-дель-Морро, полностью простреливающая вход в залив. Сооружение этого укрепления стоило испанской короне 3 миллиона песо, но построенная в 1638 году крепость надежно закрыла пиратам и каперам вход в Сантьяго.

В 1692 году крепость была повреждена землетрясением, но в 1740 году капитально перестроена и улучшена испанским архитектором Антонио де Арредондо и на 1741 год имела 230 орудий и 1500 человек гарнизона.

Вернон, ничему не научившийся под Картахеной, полагал, что более ему страшны испанские корабли, стоящие в Гаване. Сантьяго он рассчитывал захватить достаточно легко, однако после получения распоряжения Адмиралтейства отослать 11 кораблей в метрополию исполнение новой операции находилось под угрозой. Все же Вернон решил, что оставшихся после отсылки Лестока 19 кораблей будет достаточно для атаки Кубы.

8 июня эскадра англичан появилась в заливе Гуантанамо, в 40 милях от Сантьяго-де-Куба. До 20 числа проводили разведку и решали, как будут брать Сантьяго. Согласно донесениям отряда скаутов кэптана Рентона, крейсировавших у входа в бухту Сан-Фелипе, узкий вход (400 ярдов) в гавань Сантьяго был защищен сильной крепостью, расположенной на возвышенности. У берега ветер был порывистый, сменялся кратковременным безветрием, что не позволяло кораблям быстро миновать крепость и достичь гавани города.

Вернон, удивленный таким докладом, сам провел рекогносцировку, но обнаружил, что Рентон абсолютно прав — атаковать Сантьяго с моря чрезвычайно рискованно. Импровизируя, английский адмирал решил взять город с суши. Для этого предполагалось высадить войска в заливе Гуантанамо, выгрузить пушки, сделать форсированный марш-бросок под стены Сантьяго и штурмовать крепость с суши. Сначала все шло согласно плану — войска были успешно десантированы, быстрым шагом достигли деревни Катилина, но вдруг Вернон дал стоп-приказ. Это было обусловлено не какой-то технической необходимостью, а идущей еще с Картахены враждой с Вентвортом. Оказывается, на очередном военном совете Вентворт обвинил Вернона и Огля в трусости, сказав, что адмиралы опять свалили всю работу на армию, меж тем как атака силами флота крепости Сан-Педро-де-ла-Рока-дель-Морро быстро решала вопрос по взятию Сантьяго.

По мнению генерала, высадка произведена слишком далеко от цели атаки, марш-бросок в 40 миль по пресеченной местности просто измотает войска, испанцы могут атаковать солдат на марше, когда те не ждут нападения. Никакие аргументы Вернона и Огля не возымели действия. В отчаянии Вернон еще раз с отрядом скаутов подошел к Сантьяго-де-Куба и еще раз произвел тщательную рекогносцировку. Результаты подтвердили предыдущие выводы — с моря штурм города обречен на провал.

Меж тем в войсках продолжалась эпидемия лихорадки, численность войск из-за болезней быстро уменьшалась, что еще более усилило конфликт между генералом и адмиралами. К середине сентября Вернон

отписался Вентворту, что теперь он будет с ним общаться только в письменной форме. Тучи сгущались — к октябрю лихорадка унесла жизни 706 солдат, меж тем, по данным шпионов, испанская эскадра из 16 судов^[52] в Гаване пока не проявляла какой-либо активности, но само ее наличие изрядно нервировало Вернона. А вот испанские корсары активизировались — с Ямайки приходили депеши, в которых сообщалось, что приватиры противника развили бурную деятельность, нанося большой вред английской колониальной торговле. Таким образом, дальнейшее стояние эскадры в Гуантанамо могло быть расценено как пассивность, что повлекло бы за собой разбирательство в трибунале. 31 октября на очередном военном совете обсуждали дальнейшие действия. Атаку Гаваны отклонили как нереальную; на Картахене уже обожглись, и более рисковать не хотелось; очередной рейд на Порто-Белло представлялся бессмысленным; Сантьяго с моря не взять, а с суши — был против Вентворт. Было решено подождать подкреплений с Ямайки и завершить взятие Сантьяго с суши. Это оказалось ошибочным решением — к середине ноября испанцы стянули в город значительные силы, теперь гарнизон насчитывал 3000 отборных солдат, получил достаточное количество провианта и боеприпасов.

К 26 ноября потери от лихорадки составили 2260 человек, на очередном совещании было решено отказаться от базирования в Гуантанамо и вернуться на Ямайку.

15 января прибыло подкрепление из Англии (3000 солдат) и англичане в очередной раз решили напасть на многострадальный Порто-Белло. 6 марта корабли достигли Панамы, к концу месяца ожидался подход Огля с транспортами. Однако 28-го числа пришло очень непонятное письмо от ямайского губернатора, который требовал эскадре вернуться назад.

В мае 1742 года Вернон получил приказ вернуться в Англию. Перед переходом, прознав о смерти де Лезо, он еще раз подошел к Картахене, но как только получил информацию, что оборону города возглавляет Виррей Себастиан де Эслава, поспешно удалился из этих вод. Пользуясь отсутствием сведений в метрополии о его действиях в Вест-Индии, Вернон объявил о громкой победе, заявив, что полностью разрушил все укрепления Картахены. О действиях у Сантьяго-де-Куба и Вентворт, и Вернон благоразумно умолчали. На слушаниях в парламенте он сообщил, что все погибшие в экспедиции — результат только лишь плохого климата и болезней. Таким образом, на некоторое время правда была скрыта от глаз общественности.

Первые сведения о действительном положении дел при осаде

Картахены раскрыл английский романист Тобиас Смоллетт. Выступивший в парламенте в 1743 году богатый ямайский плантатор Джон Пемброк сообщил следующее:

«Если быть честными перед собой, то мы потеряли около 18 тысяч человек, причем испанцы, под командой своего одноногого адмирала, убили приблизительно 9000 из них. В то же время сами испанцы, по их данным, потеряли не более 200 солдат.

Я вспоминаю гавань Картахены — ее поверхность была серой, с гниющими телами наших солдат, которые умирали настолько быстро, что мы не успевали хоронить их. Из наших североамериканских рейнджеров вернулась домой только пятая часть».

Испуганный подобным поворотом дел, король Англии Георг II запретил публиковать любую информацию по штурму Картахены. Испанские же источники того времени были чрезвычайно горды действиями своей армии и флота в Вест-Индии и вовсю потешались над англичанами: например, статья Педро Мурильо Веларде, напечатанная в географическом сборнике в 1752 году, сообщает, что все медали с коленопреклоненным де Лезо, присланные Вернону еще до взятия Картахены, попали в руки к испанцам, которые наградили ими всех защитников Картахены.

В итоге Испания сохранила за собой влияние в Южной и Центральной Америке, которое было утрачено только в XIX веке, во время национально-освободительных войн.

Глава 6

Кругосветный вояж Джорджа Энсона

В конце лета 1739 года английское правительство, помимо эскадр Вернона и Огя, направлявшихся в Карибское море, решило снарядить экспедицию к тихоокеанскому берегу Южной Америки. Задачей экспедиции был грабеж испанских колоний (прежде всего Лимы — «серебряных ворот» в Тихом океане). Командующим назначили кэптана Джорджа Энсона, которому дали звание коммодора^[53]. Состав отряда был следующим: 60-пушечный «Центурион» (флагман, коммодор Джордж Энсон, эсквайр), 50-пушечные «Глостер» (кэптен Ричард Норрис) и «Северн» (кэптен Эдвард Легг), фрегаты «Перл» (40 орудий, кэптен Мэттью Митчелл) и «Уоджер» (24 орудия, кэптен Денди Кидд), а также шлюп «Трайал» (8 орудий, 200 тонн, лейтенант Джон Мюррей). С собой взяли два транспорта с припасами и провизией — пинк «Энн» и шхуну «Индастри». Согласно правительственному указанию Энсон должен был взять с собой 500 солдат, но армейские словно в насмешку, предложили ему набрать стариков, раненых, больных и инвалидов^[54], доживающих свой век в пансионе Челси. В результате отобрали всего 259 солдат, причем некоторые прибыли на корабли на носилках. Недостающих решили заместить морпехами, которые — наоборот — были еще зелеными юнцами, не знающими даже, как заряжается пушка. Начальником сухопутного отряда, который Энсон язвительно охарактеризовал, как «*сплав молодости и опыта*», назначили подполковника Крекерода. Коммодор понимал, что времени на обучение у него нет, но плавание обещало быть долгим, там можно было заняться и боевой подготовкой.

В середине августа 1740 года эскадра была готова к выходу, но ее задержали сильные ветра, поэтому смогли выйти только в начале сентября. Согласно указаниям Адмиралтейства Энсон должен был сопровождать из Дувра с Спитхед большой конвой из 152 транспортов, что и было сделано к 18-му числу. Экспедиция взяла курс на португальскую Мадейру (Португалия тогда оставалась нейтральной), куда прибыли 26 октября. Энсон посетил губернатора острова, который сообщил ему, что три дня назад в направлении Вест-Индии проследовали семь или восемь линейных кораблей, принадлежащих Испании, которыми, по слухам, командовал хефе ди эскуадра^[55] дон Хосеф Писарро^[56]. Как оказалось, испанцы,

извещенные французами о выходе отряда Энсона, послали вдогонку блокирующую эскадру, однако Писарро посчитал, что англичане перебрасывают дополнительные силы в Карибское море, поэтому на всех парусах проследовал к Кубе. Энсон выслал на разведку «Трайал», шлюп выдвинулся на 8 лиг к западу, но не смог никого обнаружить. Успокоенный сообщением от Мюррея, коммодор направил корабли к португальскому острову Санта-Катарина у побережья Бразилии (недалеко от границы с Уругваем).

21 декабря английская эскадра имела справа по траверзу город Флорианополис, и к полудню бросила якорь у португальского островка. К этому моменту на английской эскадре находилось большое количество больных (с одного только «Центуриона» было передано на берег 80 человек). Корабли сразу же встали на полную чистку, палубы мыли уксусом, чтобы предотвратить заразные болезни в убийственном бразильском климате. Загрузили большое количество провизии, так как, по плану Энсона, это был последний дружественный порт на пути к тихоокеанскому побережью Южной Америки. Губернатор Санта-Катарины, имея под боком обширные испанские колонии, и опасаясь недружественного отношения испанцев, сразу же сообщил *донам* об отряде Энсона. Эта весть долетела до Писарро. Более того — дон Хосеф узнал, что настоящей целью английской экспедиции являются Южные моря (так в Испании называли атлантическое и тихоокеанское побережья Южной Америки), поэтому, даже не успев загрузиться провизией после долгого перехода, взял курс на уругвайский порт Мальдонадо. Однако Энсон имел очень большую фору, а Писарро опоздал — англичане еще четыре дня назад миновал бухту Мальдонадо и направился к мысу Горн. Хефе ди эскадра, также не заходя в порт, пустился в погоню.

В районе Огненной Земли (со стороны Атлантики) обе эскадры, находящиеся к тому времени в двух лигах друг от друга, попали в полосу штормов (для англичан все началось с того, что шлюп «Трайал» потерял грот-мачту; в результате «Глостер» был вынужден взять его на буксир). Отнесенный ветрами к северу 10 февраля 1741 года фрегат «Перл»^[57] в темноте принял корабли Писарро за свои и присоединился к ним, но ошибка быстро раскрылась и английский фрегат был взят на абордаж командой испанского флагмана «Азия». Однако 17 февраля «Перл» потерялся в дождевом шквале, английская команда связала испанскую абордажную партию, и, миновав пролив ле Мера^[58], корабль сумел вернуться к своим. Так Энсон узнал, что испанцы в курсе его планов и

послали за ним погоню. Поэтому, несмотря на непрекращающиеся шторма, он попытался обогнуть мыс Горн, что ему и удалось.

Противные ветра помешали испанцам догнать английскую эскадру и навязать ей бой (они так и лавировали у мыса Горн, пытаясь выйти в Тихий океан), причем эти же ветра помогли английскому коммодору — он укрылся от штормов в проливе Бигля^[59], за островом Хосте (один из островов архипелага Огненная Земля). Поставив фальшмачты на «Трайал» и «Глостер» Энсон вылавировал к острову Санта-Инес^[60], где, пользуясь установившейся прекрасной солнечной погодой, закончил ремонт своих судов.

24 февраля был проведен военный совет, где коммодор предложил атаковать один из городов испанского побережья Чили — Вальдивию, откуда идти к островам Хуана Фернандеса, а потом — к побережью Колумбии и Панамы. Однако в дело опять вмешалась погода — оказалось, что отличные летние^[61] солнечные дни — это всего лишь затишье перед очередным штормом. Он начался неожиданно — 7 марта 1741 года (как раз в это время с другой стороны южноамериканского континента эскадра Писарро пыталась обогнуть мыс Горн). В 10 часов утра «Перл» и «Трайал» находились у входа в пролив Магеллана с западной стороны, как вдруг небо очень быстро потемнело и начался шквалистый ветер и дождь. Море взбунтовалось, появились гигантские волны, корабли разбросало по округе. Ветер^[62] сменился с юго-восточного на юго-западный, а потом и на западный. Линкоры сумели зарифить, а потом и полностью убрать паруса, экипажи же «Уоджера» и «Энн» замешкались и их понесло в направлении острова Эрмитэ^[63]. Вскоре две несчастных судна исчезли в пелене дождя и тумана.

Энсон направил оставшиеся корабли к Магелланову проливу, чтобы укрыться там от непогоды. С большими сложностями, потеряв почти весь рангоут, суда укрылись в проливе за островом Исла Риско. Англичанам повезло, а вот испанцы, пытавшиеся в это время обогнуть мыс Горн, получили тяжелые повреждения.

Они не смогли справиться с плохой погодой: в ночь на 7 марта от Писарро отбились «Эрмиона», «Гипускоа» и «Эсперанса». Ветер сменился на западный и корабли поволокло по направлению к Африке. Писарро успел флажным сигналом указать своим судам точку рандеву в устье Ла-Платы, где можно было бы переждать шторма. Сам он был отброшен штормом к побережью Анголы и достиг указанного места только в середине мая, спустя несколько дней на рейде появились «Эсперанса» и

«Сен-Эстефан». От остальных не было никаких вестей. Лишь в октябре неподалеку от Рио-Гранде были обнаружены обломки «Гипускоа», «Эрмиона» же сгинул в море бесследно. Несколько раз Писарро пытался выйти из устья Ла-Платы и пойти в погоню за Энсоном, но плохая погода, помноженная на ужасную подготовку испанских экипажей, препятствовала этому. В конце концов, только «Азия» смогла вернуться в Испанию, все остальные корабли погибли в результате навигационных аварий.

Англичане оставались в проливе до 23 марта — все это время дул пронзительный ветер, гигантские волны разбивались о скалы, дождь чередовался со снегом. Швы на корпусах кораблей от сильной качки разошлись, Энсон был вынужден назначить часть команд на помпы, которые работали круглосуточно, выкачивая воду из трюмов. На военном совете было принято решение, пользуясь улучшением погоды, покинуть столь негостеприимные места и направиться на север, к экватору. Однако стоило кораблям выйти из пролива, опять поднялся шквалистый ветер, который разом переломил грот-марсель на «Центурионе», и эскадра срочно вернулась на свою стоянку. Послали наверх плотников закрепить фальш-мачту, заново поставили паруса и снова попытались выйти в море, но тут налетел шквал сильнее прежнего. Энсон, понимая, что эта погода может длиться на Огненной Земле очень долгое время (а провизия и вода к этому времени у британцев уже были на исходе), все же решил выйти в океан и двигаться на север. Пользуясь юго-западным ветром, корабли покидали негостеприимное побережье и с убранными парусами дрейфовали на север. В эти мартовские дни Тихий океан сполна показал, что «тихим» Магеллан назвал его по ошибке. Снег вперемешку с дождем, волны «высотой до облаков», свинцовое небо, туман. Тем не менее, Энсон из-за действия непогоды потерял только одного человека, который не удержался на мачте и улетел в бурлящее море. К сожалению, он сразу скрылся в волнах и никто не успел кинуть ему даже обломок дерева. 30 марта ветер утих, волнение на море достигало 3–4 баллов, что, в общем-то, было терпимо. Но только коммодор приказал поднять паруса, снова засвежело. 1 апреля вновь поднялся сильный шторм, что заставило англичан убрать паруса и снова отдаться на волю волн. Три дня неистовый норд носил корабли у побережья Южной Америки, когда буря немного утихла, корабли снова подняли паруса и легли на прежний курс. Если в конце марта с относительно попутным юго-западным ветром корабли почти достигли Пуэрто-Мотт, то 13 апреля они оказались в той же точке, откуда начали свой поход — у Магелланова пролива.

Эти 40 дней стоили экспедиции четырехсот с лишком матросов и

солдат. Люди умирали, каждое утро, торопливо выслушав молитву пастора, с кораблей в море скидывали трупы в парусине. К тому же один из штормов раскидал корабли по морю, «Северн» и «Перл» отнесло аж к самому мысу Горн, корабли получили существенные повреждения и решили идти обратно в Англию. Теперь у Энсона остались только линейные корабли «Центурион», «Глостер», шлюп «Трайал» и шхуна «Индастри».

25-го числа море немного успокоилось, задул южный ветер, что позволило коммодору дрейфовать на север. Движение в нужном направлении продолжалось до начала мая, когда вновь задули крепкие северные ветра, начались один за другим шторма, пошел снег и дождь. Коммодор, наученный недавним горьким опытом, предусмотрительно укрылся у острова Мадре-де-Диос. Помимо штормов, на англичан вскоре свалилась и другая напасть — цинга. Плохое питание, холод и голод сделали свое черное дело — у людей распухали и чернели десны, они покрывались красными пятнами, еле ползали, как сонные мухи. На военном совете высказывались мысли причалить к берегу и попытаться купить, захватить или выменять апельсины или лимоны, способные побороть скорбут. Однако тихоокеанское побережье, отделенное от континента мощной стеной Анд, очень неприветливо — тонкая полоска песчаного берега и громадные скалы и горы, прячущиеся верхушками в небе. В штормах потеряли шлюп «Трайал» и корабль «Глостер».

8 мая «Центурион» и «Индастри» достигли островов Хуана Фернандеса, но из-за противных ветров никак не могли войти в бухту. Еще в марте Энсон на одном из военных советов указал один из островов Хуана Фернандеса — Сокорро (ныне остров Робинзона Крузо^[64]) — как место встречи для отставших и потерявшихся кораблей. На Сокорро водились одичавшие козы и курицы^[65], а растущие на склонах гор деревья позволяли произвести хоть какой-то ремонт совсем расшатанным кораблям.

Лишь в ночь с 9 на 10 июня 1741 года корабли Энсона смогли войти в бухту острова Сокорро. Хотя эти острова тогда были необитаемы из-за не очень хорошего климата, для добравшихся сюда британцев они показались раем. 18-го числа в бухту Сокорро, к великой радости Энсона, вошел шлюп «Трайал».

26 июня у острова бросил якорь еле дошедший до него из-за убыли в экипаже «Глостер»^[66], однако налетевшим шквалом его сорвало с якоря и вытащило в открытое море. Только 23 июля корабль смог вернуться в бухту.

Время стоянки было употреблено на чистку корпуса, мытье корабля с уксусом (дабы избежать заразы) и лечение больных. В море постоянно дежурил «Трайал» во избежание внезапной атаки испанцев, ведь от рыбаков англичане узнали, что идадьго вооружили в Консепсьоне несколько приватиоров (50-пушечный «Консепсьон», 40-пушечные «Сан-Фермино» и «Сакраменто», а также 24-пушечный «Сокорро» под общим командованием капитана Сегуролы). 16 августа дозорными был замечен корабль, идущий к острову. Тотчас же была объявлена тревога, «Центурион» поднял паруса и вышел из бухты. Оказалось, что это был пинк «Энн», который Энсон потерял еще в проливе Дрейка. С помощью капитана пинка удалось восстановить картину гибели «Уоджера», после того как корабль раскидало у острова Нуар.

Оказывается на фрегате после смерти Кидда исполняющим обязанности кэптена стал первый лейтенант Чип. Моряк это был умелый, знающий. Благодаря Чипу «Уоджер» и «Энн» не разбились о скалы острова Эрмитэ, а смогли отдрейфовать к острову Санта-Инес. Несмотря на шторма, маленький отряд упорно двигался к островам Хуана Фернандеса и уже 14 мая достиг Сокорро. Но далее произошла череда неприятных неожиданностей. Чип оступися и упал с лестницы, вывихнув руку и сильно ударившись головой, и теперь не мог командовать. За власть на корабле разгорелась нешуточная борьба, заводилой оказался гардемарин Козенс. Чип, пытавшийся утихомирить спорщиков, был ранен из пистолета, главари мятежа захватили власть на корабле, сторонников капитана и его самого посадили на лодку и отпустили в чистое море. Благодаря умению Чипа и мастерству господ офицеров (лейтенанты Бирон и Кэмпбелл, гардемарин Элиот) бедняги достигли острова Чилоэ, где были подобраны индейцами и переправлены на континент. Там добрались до португальской Бразилии и на французском пакетботе отплыли в Англию.

Что касается «Уоджера», то первый же его выход в море оказался и последним — корабль из-за невежества Козенса разбило о скалы острова Санта-Клара, находящегося в двух километрах от Сокорро. Несколько человек спаслись, было обнаружено «Энн» и поднято на борт. Именно от них и узнали подробности гибели «Уоджера».

Вечером 21 августа был созван военный совет, на котором решали, что делать. Слово взял Энсон, который говорил очень долго. Положение выглядело следующим образом: из 961 члена экипажей остались лишь 335 человек, что едва хватило бы для комплектования команды одного «Центуриона», поэтому предполагалось полностью укомплектовать флагман и шлюп «Трайал», полезный для разведки, а остальные корабли

сжечь (но этого не успели сделать до ниже описываемых событий). С учетом того, что Писарро вряд ли отступился от погони (коммодор не знал о том, что испанцы надолго застряли в Ла-Плате), ни о какой атаке Лимы не стоит даже и думать, ведь из 500 солдат здоровы только 4 самых крепких инвалида; оставшиеся в живых очень больны и еще не оправились от цинги. Кроме того, власти Чили и Перу наверняка предупреждены об английской эскадре, по морям уже рыщут приватиры испанцев. Дело — табак. В сложившейся ситуации цели экспедиции недостижимы, следовательно, надо ставить новые цели. Энсон предложил плыть к берегам Панамы, где попытаться перехватить какое-нибудь богатое испанское судно и плыть домой через Тихий и Индийский океаны.

Утром 8 сентября «Центурион» готов был к выходу в море, как вдруг дозорные сообщили, что видят к северо-востоку от острова паруса нескольких кораблей. Подозревая, что по морю крейсируют испанские корабли в поисках англичан, Энсон срочно приказал вернуться на стоянку.

12-го числа была сделана вторая попытка выхода в море. Дул сильный зюйд-вест, «Центурион» лавировал с целью обогнуть Сокорро с запада, когда в 4 или 5 лигах к северо-западу было обнаружено одинокое судно, судя по виду, испанский торговец. Коммодор приказал убрать с палуб все лишнее и бить тревогу. Англичане пустились в погоню. Около 9 часов утра налетел шквал, начался дождь и туман, *донам* удалось скрыться, но не надолго. В 12.30 Энсон смог сблизиться с купцом на дальность пушечного выстрела и дал залп из всех орудий правого борта. После четвертого залпа испанец убрал паруса и лег в дрейф. Энсон отослал на борт старомодной каракки абордажную партию во главе с лейтенантом Джоном Самарцем. Самарец приказал испанскому капитану дону Мануэлю Заморе принести накладные на груз. Но вскоре даже у лейтенанта брови неудержимо полезли вверх от удивления — оказывается в качестве груза на 600-тонном галеоне «Нуэстра Сеньора дель Монте Кармельо» числились синий японский шелк, сахар, хлопок, табак, чилийский перец, а главное — 450 фунтов серебряных слитков! Вот уж называется — повезло так повезло!

Допрос Заморы показал, что капитан был совершенно уверен в безопасности вод вокруг Хуан-Фернандеса, ведь несколько дней назад этот район обследовала эскадра Сегуролы. Кроме того, зловключения Писарро сыграли с испанцами плохую шутку — по возвращении к Ла-Плате хефе ди эскуадра сообщил о жесточайшем шторме, разыгравшемся вокруг мыса Горн. По мнению Писарро, англичане просто разбились о скалы Огненной Земли. Мысли эти излагались так убедительно, что испанцы поверили в

слова дона Хосефа. Поэтому «Центурион», появившийся недалеко от Вальпараисо, стал для них совершеннейшей неожиданностью.

Особый интерес вызвали у Энсона сведения, что после вооружения отряда Сегуролы три его корабля базировались на остров Хуан-Фернандес (ныне остров Александра Селкирка, или Самый Дальний), однако снялись с рейда 6 июня, решив, что англичане сгинули в «ревущих сороковых».

Радость от захвата приза быстро прошла и уступила место страху — как довести захваченный корабль с сокровищами до Англии? Энсон решил сжечь шлюп, а всю команду в полном составе перевести на приз. Испанцев заперли в трюме (53 матроса, капитан и 25 пассажиров), остатки провизии и мелкокалиберные пушки (6- и 4-фунтовые, на вертлюгах) перенесли на «Нуэстра Сеньора дель Монте Кармелью».

Однако перед сожжением 8-пушечный «Трайал», текущий как решето (в трюме постоянно было до 3 футов воды), сослужил хорошую службу — 24 сентября после 36-часовой погони шлюп захватил 600-тонный галеон «Арраназу» с грузом серебра на 5000 фунтов стерлингов^[67] и привел приз к Сокорро. Энсон поменял планы — кэптену Саундерсу (сменившему умершего Мюррея) он приказал всей командой перейти на «Арраназу», которая теперь именовалась фрегатом Его Величества «Трайал». Также были перенесены все ремкомплекты и тяжелые пушки, после чего корпус шлюпа был сожжен. Поскольку матросов катастрофически не хватало, наняли часть из пленных испанцев, индейцев и мулатов. Энсон, так легко захвативший два богатых приза, строил теперь далеко идущие планы, что он устроит крейсерскую войну у Вальпараисо и Кальяо, но испанцы, обеспокоенные пропажей двух больших кораблей послали к островам Хуана Фернандеса свою эскадру. Все же до 5 ноября коммодор сумел захватить еще одно судно — 300-тонный «Санта-Тереза-де-Иезус» (капитан Бартоломью Уррунага) с грузом табака, перца, кокосового ореха, воска и красного дерева. Наличных денег на корабле было очень немного — всего около 170 фунтов стерлингов.

10 ноября 1741 года «Глостер», крейсировавший у острова Лобос (6°27' южной широты), атаковал и захватил 270-тонный «Нуэстра Сеньора дель Кармен» со сборным грузом перца, панамского кедра, корицы, железных чушек, воска, и другого малопригодного для англичан товара, однако в Панаме данный товар можно было продать за 40 тысяч песо. Среди пленных был обнаружен ирландец-католик, который добродетельными испанскими монахами был обобран догола. Увидев среди команды «Глостера» своих соотечественников, он сразу воспылал большой любовью к предприятию коммодора Энсона и сообщил командующему

«Глостером» первому лейтенанту Брэтту (Норриса похоронили на Сокорро), что из перуанского порта Паита вскорости выходит судно, доверху груженое серебром. Он выказал желание провести корабли до порта и скромно просил (если информация окажется верной и господа англичане захватят-таки сокровища проклятых донов) только лишь возместить ему потери, что-то около четырех-пяти тысяч песо.

Узнавший об этом Энсон решил организовать нападение на Паиту. 12 ноября около 10 часов вечера 60 человек с 3 пушками под командованием Брэтта высадились в 5 лигах южнее города. Городок Паита представлял собой обыкновенное поселение с одноэтажными глиняными бараками, где жило примерно 200 испанских семей, и примерно столько же индейцев и негров. Прodelав быстрый марш англичане атаковали город, однако испанцы открыли огонь из пушки, находящейся на бруствере, окружавшем город, и матросы залегли в лощине.

Одновременно с Брэттом к берегу двинулся и Энсон с двумя кораблями («Центурионом» и «Глостером»), правда, количество канониров позволяло вести огонь только паре десятков орудий, все свободные были вооружены для участия в десанте. Испанцы заметили корабли и открыли огонь с прибрежного форта, однако не успели они произвести пару залпов, как шлюпки с «Центуриона» причалили к берегу и оттуда выскочили первые морпехи. Отряд из 40 человек быстро отогнал испанских канониров от пушек и корабли вошли в гавань. Тем временем подчиненные Брэтта, разделившись на два отряда, атаковали с суши дом губернатора и форт. Одновременная атака с суши и с моря вызвала в городе панику, губернатор сумел бежать, войска же сдавались англичанам целыми пачками.

У мола Брэтт обнаружил человек 50 негров, которые не оказывали сопротивления и сидели в сторонке, уныло жуя табак. За небольшую плату они согласились снести все сокровища из таможенного склада к прибрежному форту и далее — на корабли. Серебро на сумму в 6000 фунтов стерлингов грузили на «Трайал», который из-за своей небольшой осадки мог подойти близко к пирсу, а потом перегружали на корабли, дрейфовавшие примерно в 10 фатмах^[68] к югу от города. Погрузка длилась три дня, 15 ноября Энсон приказал Брэтту перед уходом поджечь город, что и было сделано. Но вот закоулки английской души — в Паите решили сгрузить всех испанских пленных, поскольку охранять их было, по большому, счету некому. Общая сумма призов к этому времени достигла 57 тысяч песо.

Ночью к «Центуриону» подошел «Глостер», производивший рейд к северу. С собой он привел два маленьких нао (от лат. слова «нау» —

судно. — *Примеч. ред.*) с грузом хлопка. Энсон все же приказал внимательно проверить груз, и оказалось, что под наваленным сверху хлопком были спрятаны серебряные слитки и монеты на сумму около 12 000 фунтов. Кроме того, испанские капитаны, напуганные пронизательностью коммодора, рассказали ему, что вскоре из Акапулько (Мексика) к Филиппинам выходит так называемый манильский галеон — большое, 1200-тонное судно, доверху груженное серебром и колониальными товарами для торговли в Китае и Индии^[69]. Этот корабль обычно делал в год два рейса: в январе — феврале он, забитый песо под завязку, отплывал из Акапулько в Манилу, а в июле с Филиппин возвращался с колониальными товарами в Новую Испанию. Чаще всего испанские моряки после выхода из Акапулько (16 градусов 51 минута северной широты), спускались вдоль центральноамериканского побережья до широты в 13–14 градусов, где дули пассаты и плыли по маршруту: остров Коиба — остров Гуам — Манила. Энсон, как и все британские моряки, знал об этом, поэтому сполна оценил уникальную возможность атаковать и при удаче захватить большой галеон из Акапулько с трюмами, полными серебра.

Сразу же был взят курс к побережью Панамы, к острову Коиба. 3 декабря впередсмотрящие увидели берег, а 5-го числа корабли бросили якорь у Коибы. На острове англичане пополнили запасы свежей воды и очистили днища своих кораблей, а также произвели неотложный ремонт. Энсон устроил своим командам небольшой отдых — матросы нежились на золотых песчаных пляжах, охотились за черепахами, опивались кокосовым молоком, в общем — расслаблялись, как могли.

12 декабря англичане крейсировали у мыса Корриентес в ожидании «манильского галеона», но ни в этот день, ни в последующие так и не смогли его обнаружить. Коммодор начал беспокоиться, что испанцев все-таки упустили, ибо надвигалось время штормов. К концу месяца беспокойство достигло такой степени, что в Акапулько послали небольшой бот, выкрасив паруса в черный цвет, чтобы разведать, стоит ли еще на якоре «манильский галеон». Бот так и не смог пробиться к гавани, но призовая команда сумела захватить рыбацкий баркас с тремя рыбаками на борту, которые были допрошены и рассказали, что вице-король Новой Испании отложил выход галеона до 14 марта.

Весь февраль и начало марта британцы провели в ожидании. Очень не хватало воды и рабочих рук. 7 апреля Энсон решил сжечь фрегат «Трайал» (испанский приз), а команду перевести на «Глостер», который испытывал большие проблемы с численностью экипажа. Тем временем слухи об

английской эскадре дошли до вице-короля Новой Испании, и выход манильского галеона был в очередной раз отложен. Издерганный коммодор решил спускаться до 13 градусов северной широты и идти к Китаю, надеясь, что там он все же сможет перехватить испанский корабль. Во время этого перехода из-за порывистых ветров «Глостер» потерял грот-мачту, что сильно замедлило скорость движения отряда. 20 мая эскадра поймала пассат и пошла курсом на юго-запад. 26 июля, в 300 лигах от острова Ладронес (Марианские острова) на «Глостере» открылась большая течь. Корабль полностью исчерпал свои ресурсы. Героические усилия команды помогли протянуть ему еще почти месяц, и все же 15 августа, свежая все самое ценное на «Центурион», англичане затопили корабль.

23-го числа Энсон достиг Марианских островов. Через три дня на Тиниане англичане закупили провизию и пополнили запасы питьевой воды. Коммодор решил дать измученной команде передышку (только на берег сгрузили 128 человек больных, в том числе и самого Энсона), моряки отдыхали на островах до середины сентября 1742 года. В это же время произвели и ремонт «Центуриона».

18 сентября корабль вышел в море, но тут начался жестокий шторм, который снес судно на 20 лиг к югу. Энсон с упорством повернул назад, на север и 9 октября подошел к Гуаму. В поисках «манильского галеона» коммодор пошел к Формозе (Тайвань), а потом в португальский порт Макао на побережье Китая. Португальцы приняли англичан холодно — губернатор впрямую заявил британцам, что расценивает их вояж как пиратский, поскольку не только испанские, но и португальские, китайские, японские, голландские торговцы с нетерпением ждут галеона из Акапулько. Торговля в результате совсем заглохла, и он не видит в этом ничего хорошего.

Все же португальцы разрешили Энсону воспользоваться ремонтными мощностями Макао, к середине марта 1743 года корабль был полностью отремонтирован и готов к выходу в море. 5 апреля коммодор вышел в море и стал крейсировать у Батавии, ожидая «манильский галеон». По расчетам Энсона, выходило, что в этом году будет два подобных корабля, поскольку отправку первого он сорвал осенью прошлого года. Мысли, как захватить 50-пушечный большой галеон, который наверняка имел 500–600 человек экипажа (тогда как у англичан осталось всего 227 человек, из которых 30 — юнги), не заботили командующего экспедицией.

«Центурион» бороздил океан в треугольнике Батавия — Формоза — Макао. Энсон был уверен в успехе. Наконец 20 июня 1743 года около полудня у мыса Эспиро-Санту (остров Самар) был обнаружен «манильский

галеон». Увидев незнакомое судно, испанцы подняли все паруса и взяли курс на сближение. Как позже признавался капитан галеона дон Жерониму де Монтеру (португалец по происхождению, перешедший на испанскую службу), никто не ожидал увидеть здесь англичан. На расстоянии между кораблями около лиги британцы открыли частый ружейный огонь (Энсон специально разместил на марсах 30 отборных стрелков) и дали два выстрела из носового орудия. Испанцы начали неумело разворачиваться оверштаг и открыли огонь из орудий левого борта, тогда как «Центурион» повернул на два румба и давал залп за залпом из пушек опердека. Подойдя к галеону вплотную, британцы из пушек на вертлюгах палили холостыми зарядами, вылетающие пыжи зажгли у галеона паруса на бизани, и корабль почти лишился хода. Команда «Нуэстра Сеньора де Ковадонга»^[70] (так называлось судно, которое неожиданно оказалось сильно меньше «обещанного 1200-тонника») быстро справилась с пожаром, поставила дополнительные паруса, на палубу выскакивали солдаты, готовясь к отражению абордажа. В этот момент Энсон приказал пройтись по верхней палубе неприятеля картечью. Двумя залпами англичане буквально залили кровью верхнюю палубу испанца, но галеон вырвался вперед и меткими залпами из ретиральных орудий повредил «Центуриону» бушприт. Жерониму де Монтеру взял курс на филиппинский порт Яллапай, находящийся в семи лигах к северу. Энсон же, предугадав эти действия испанца поставил все паруса и начал прижимать судно к берегу. Англичане нагнали галеон и вновь зазвучали частые залпы картечи, а также раскаленных на жаровне ядер. Такое положение оставалось в течение часа, испанцы по мере сил отвечали, но решило дело одно британское ядро, сбившее брамсель. На грот-мачте галеона взвился белый флаг и Энсон спустил шлюпки с призовой партией.

Прибывшие на борт «Нуэстра Сеньора де Ковадонга» англичане обнаружили, что из команды в 550 человек потери испанцев составили 36 человек убитыми и 83 — ранеными. Галеон обладал тринадцатью орудиями крупного калибра, а также двадцатью восемью пушками калибром от 4 фунтов и меньше^[71]. В трюмах было загружено серебро на сумму 1 313 843 испанских песо, а, кроме того, серебряные слитки общим весом в 35 682 унций, кошениль и другие колониальные товары. От пленных англичане узнали, что второй галеон (тот самый, который они блокировали в Акапулько) неделю назад удачно дошел до Манилы.

Потери англичан в этом бою составили 2 человека убитыми и 16 — ранеными. Но радость победы чуть не затмилась горечью поражения —

на «Центурионе» (который, как мы помним, вел огонь раскаленными ядрами) начался пожар в непосредственной близости от кюйт-камеры. Благодаря грамотным действиям экипажа пожар удалось локализовать, а позже и потушить.

На приз Энсон отправил лейтенанта Джона Самареца с 18 матросами, назначив его капитаном «Нуэстра Сеньора де Ковадонга». 30 июня англичане были у Кантона (Гуанчжоу), где взяли на борт двух китайских шкиперов, а 11 июля бросили якорь в гавани Макао. Там были отпущены все испанские военнопленные и продан призовой корабль (за очень низкую цену — 6000 песо), британцы вернулись в Кантон, где был отремонтирован «Центурион». Китайцы, извещенные о захваченном судне, безбожно задрали цены на провиант и ремонтные работы, англичанам приходилось платить фунт стерлингов за фунт мяса, и коммодору пришлось вести долгие и сложные переговоры с правителем Гуанчжоу. Лишь 15 декабря 1743 года «Центурион», наполнив трюмы всем необходимым и отремонтировавшись, поднял паруса и взял курс на мыс Доброй Надежды. 11 марта 1744 года он достиг Кейптауна, где бросил якорь. Здесь Энсон нанял 40 голландских матросов, пополнил запасы воды и провизии и 3 апреля взял курс домой. 19-го числа «Центурион» миновал остров Святой Елены, 10 июня был недалеко у входа в Канал. От встреченного голландского судна англичане узнали, что между Францией, Испанией и Англией вовсю идет война и что англичане постоянно блокируют Флот Океана в гавани Бреста, однако французские крейсера довольно часто орудуют в Ла-Манше. «Центурион» осторожно пошел вдоль берега Южной Англии и 15-го июня прибыл в Спитхед.

Из 1900 человек, отплывших из Англии, в живых обратно прибыло, совершив кругосветное плавание, только 188 человек, всего оставшихся в живых вместе с командами вернувшихся ранее «Северн» и «Перл» 500 человек. За время вояжа были потеряны три корабля, отбились от эскадры и вернулись домой ранее окончания плавания — два.

Добыча, захваченная Энсоном, была выставлена на всеобщее обозрение на улицах Лондона^[72]. Сумма ее, включая колониальные товары, исчислялась суммой в 400 тысяч фунтов стерлингов, из них серебра — на 242 тысячи фунтов.

В призовом же суде разгорелся крепкий скандал — дело в том, что коммодор решил исключить из раздела добычи матросов и офицеров с погибших «Глостера» и «Трайала» на том основании, что главные призы захватил «Центурион», но те резонно возражали, что без их участия захват «Нуэстра Сеньора де Ковадонга» и других призов был вряд ли возможен.

Сначала суд принял их сторону, но вскоре под давлением Адмиралтейства, их доля была уменьшена, на всех выделили 500 фунтов (вместо положенных по справедливости 6000 фунтов). Сам Энсон получил 91 тысячу фунтов стерлингов (для сравнения — его зарплата за четырехлетнее плавание составила 719 фунтов стерлингов), а матросы «Центуриона» — по 300 фунтов (это сравнимо с их зарплатой за 20 лет).

Глава 7

Австрийское наследство

Начало войны

Тем временем в Европе начался новый конфликт, в который были вовлечены и Англия, и Франция, и Испания. 20 октября 1740 года умер австрийский император Карл VI (читатели, конечно же, помнят эрцгерцога Карла, претендовавшего на испанский трон в Войне за испанское наследство). Поскольку у него не было наследников мужского пола, еще 19 апреля 1713 года была оглашена Прагматическая санкция, согласно которой, престол в случае отсутствия у императора сыновей переходил к его будущим дочерям (в случае прекращения их потомства — к дочерям его уже умершего старшего брата императора Иосифа I и их мужскому и женскому потомству по праву первородства). Санкция отдельно оговаривала, что дочери императора Иосифа I (брата Карла, правившего Австрией до 1711 года) выдаются замуж и теряют преимущество права наследования престола. Главной наследницей признавалась дочь Карла — Мария-Терезия.

Уложение было признано Испанией, Россией, Бранденбургом, Англией, Саксонией и Францией в период с 1725 по 1735 годы. Бавария отказалась признать санкцию, так как баварский курфюрст настаивал на том, что жена принца Карла-Альбрехта Мария-Амалия Австрийская (дочь Иосифа I) имеет права на имперский трон.

После смерти Карла VI права Марии-Терезии на престол стали оспариваться с разных сторон. Бавария потребовала пересмотра санкции в пользу Марии-Амалии по праву первородства младшей дочери Иосифа I относительно старшей дочери Карла VI. Однако вскоре Карл-Альбрехт немного исправил свою «заявку на участие» в гонке за троном — теперь он в качестве потомка дочери императора Фердинанда I, Анны, опираясь на наследственный договор 1546 года, заявлял притязания на все габсбургское наследие.

Прусский король и курфюрст Бранденбургский Фридрих II, циник до мозга костей, заявил свои права на силезские герцогства Лигниц, Глогау, Бриг и Егерндорф, но это был всего лишь предлог для захвата всей Силезии^[73]. Прусскому королю было совершенно все равно, кому достанется наследие австрийского дома Габсбургов. Самое главное — его

Бранденбургская марка могла в результате неразберихи опять прирасти новыми землями.

Филипп V Бурбон, король Испании, основываясь на старинных договорах между испанскими и австрийскими Габсбургами, считал, что имперский трон должен быть передан одному из его сыновей.

Король Польский Август III (которого русские возвели на престол Польши в результате Войны за польское наследство) отстаивал права своей жены, старшей дочери Иосифа I Марии Жозефы.

11 декабря 1740 года прусский король Фридрих II предъявил ультиматум Марии-Терезии, а уже 16 декабря вторгся в Силезию, которая была завоевана в рекордно короткие сроки — всего за две недели, исключая только крепости Бриг, Глогау и Нейссе, в которых заперлись австрийские гарнизоны. Глогау был взят во время лихой ночной атаки 9 марта 1741 года, Мария-Терезия послала для деблокады Брига и Нейссе 20-тысячную армию Рейнхарда фон Нейперга, но в тяжелой битве при Мольвице 10 апреля Фридрих^[74] смог разгромить австрияков.

Вторжение пруссаков в Силезию вызвало ответную реакцию — с молниеносной быстротой Англия, Россия, Саксония (переметнувшаяся в лагерь Марии-Терезии) и Соединенные провинции выступили в поддержку Австрии и Прагматической санкции. Франция же, усмотрев в австро-прусском противостоянии великолепную возможность ослабить давнего врага в лице Священной Римской империи, приняла сторону Баварии, Испании и Пруссии.

Вскоре в войну вступила Бавария — ее войска (усиленные французскими «добровольцами») под командованием французского маршала Шарля Луи Фуке де Бель-Иля (внука суперинтенданта Николя Фуке, брошенного в тюрьму при Людовике XIV) вторглись в Богемию и к ноябрю 1741 года дошли до Праги, которую и взяли в конце ноября. 9 декабря богемские представители в торжественной обстановке в соборе Святого Витта признали Карла-Альбрехта Баварского императором Священной Римской империи Карлом VII и присягнули ему на верность.

Австрияки, разрываясь меж двух фронтов, стягивали войска из Италии и Венгрии, тем более что баварцы и французы уже взяли Брюнн и уверенно двигались к Вене. 28-тысячная австрийская армия Карла Лотарингского двигалась из Моравии к Праге, но у чешского Котузица (Хотузице) была встречена 23-тысячным корпусом пруссаков, которые в упорном бою победили и обратили в бегство австрияков. Хотя пруссаки потеряли около 3000 человек, потери австрияков оценивались в два раза больше. После Котузица с Фридрихом II при посредничестве Англии было заключено

перемирие, а 28 июля 1742 года — мир, согласно которому Пруссия получала Силезию и Глац. Теперь Мария-Терезия могла срочно перекинуть войска из Силезии в Богемию.

Баварцев и французов под командованием французского герцога де Брольи оттеснили к Влтаве, но штурм Праги оказался неудачным, столица Богемии осталась за баварско-французскими войсками. Но не было бы счастья, да несчастье помогло — французский и баварский командующий разругались вдрызг, как извозчики, теперь отряды Брольи действовали отдельно от армии Секендорфа. В результате имперцы получили редкую возможность бить своих врагов по частям.

Австрийцы, угрожая Брольи превосходящими силами, постоянно заставляли его отступать, Людовик XV срочно заменил командующего на престарелого маршала Ноаля, ветерана войны Аугсбургской лиги, тогда как к австрийцам присоединились англо-ганноверские войска (16 000 штыков) сэра Джона Дарлимпла, 2-го лорда Старского, Англия вступила в войну на стороне Австрии. Некоторые историки считают, что произошло это из-за амбиций короля Великобритании Георга II, сильно завидовавшего военной славе своего племянника — прусского короля Фридриха II.

27 июля 1743 года под Деттингеном 45-тысячная армия Ноаля встретила с 44-тысячной армией союзников под общим руководством короля Англии Георга II. Началось все с ошибки командующего французским левым флангом: граф де Граммон, поставленный с 23-тысячным отрядом в крепкую оборону, нарушил приказ и атаковал 9 британских и 5 австрийских полков. Союзники смогли отбить атаку, а Георг II с кавалерийскими эскадронами кинулся в контрнаступление, в результате Граммон был вынужден бежать со своих позиций (которые вряд ли смогли бы взломать союзники, выполняй граф указания Ноаля) и обнажил центр, поэтому французы спешно ушли на другую сторону Рейна. Потери французской армии составили 4000 человек, потери союзников — 1000 солдат.

Испанский же король Филипп V Бурбон, вернее, его жена — Елизавета Фарнезе, которая фактически управляла Испанией после 1734 года, увидела в начавшейся заварухе прекрасный повод снова заявить свои права на территории Италии (а заодно немного расширить свое наследственное герцогство Пармское), так безбожно отнятые у *донов* в Войне за испанское наследство. Неаполитанский герцог выступил союзником испанцев в новой войне.

В середине февраля 1742 года испанские войска высадились в Специи. Шли медленно, постоянно ожидая подвоха и не особо надеясь на

неаполитанцев. К январю 1743 года 13-тысячный испанский отряд под командованием графа де Гагеса смог достигнуть Болоньи, где у местечка Кампо Санто дал бой 11-тысячной сардинской армии графа Трауна. Сражение началось 3 февраля 1743 года в 16.00 и было очень упорным. Потери испанцев составили 4000 человек, потери сардинцев и австрийков — 2000 солдат. Де Гагес отступил к Римини, а потом и к Анконе. Северная Италия была спасена Трауном для Марии-Терезии. Шесть месяцев стороны просто бездействовали. Эскадра Хэддока вскоре блокировала Неаполь, угрожая герцогству десантом, и герцог был вынужден отозвать войска и стянуть их к столице.

Французское кораблестроение

К Войне за австрийское наследство французский флот совершенно изменился по сравнению со временем Людовика XIV. Основным типом корабля стали классические двухдечники в 74, 80 и 64 орудий.

74-пушечный корабль чаще всего имел следующие размерения: длина по килю — 150–160 футов, ширина — 46 футов, осадка — 23 фута. Водоизмещение — 2500–2700 тонн. Вооружение: нижний дек — двадцать восемь 36-фунтовых орудий^[75], опердек — тридцать 18-фунтовок, квартердек — десять 9-фунтовых пушек, форкасл — шесть 9-фунтовок. Экипаж — 650 человек. Таким образом, новые 74-пушечные корабли были сравнимы по весу залпа и вооружению с 80—100-пушечниками времен Людовика XIV (для сравнения — 104-пушечный «Солей Руаяль» 1692 года постройки нес двадцать восемь 36-фунтовых орудий на гон-деке, тридцать 18-фунтовок на средней палубе и двадцать 6-фунтовок на верхней палубе), однако превосходили их в скорости и маневренности. Французские кораблестроители сделали новые корабли высокобортными, нижняя батареинная палуба располагалась высоко от уровня воды, что позволяло французам вести стрельбу из тяжелых орудий даже в непогоду.

Эти линкоры, ставшие прорывом в кораблестроении, были разработаны корабельных дел мастером Франсуа Куломбом (*Francois Coulomb*), первый из них — «Террибль» — был спущен на воду в 1739 году.

80-пушечники (а вернее — 80-пушечник, ибо он был один — спущенный на воду в 1740 году «Тоннан») представляли собой корабли с увеличенными размерами относительно 74-пушечников, и имели тридцать 36-фунтовок на гон-деке и тридцать две 18-фунтовки на опердеке. На надстройках (квартердек и форкасл) из восемнадцати орудий часть была 8-фунтовыми, а часть — 6-фунтовыми.

Что касается 64-пушечников, то это были построенные в 30—40-х

годах корабли для колониальной службы с ослабленным вооружением (обычно двадцать четыре 24-фунтовки на нижнем деке, двадцать восемь 12-фунтовок на опердеке и десять 6-фунтовок на верхней палубе), однако они превосходили по вооружению, а главное — по мореходности равноценные им английские 60-пушечники, а также могли противостоять на равных даже британским 70-пушечникам.

Также в период с 1715-го по 1740 год французы смогли разработать новую концепцию фрегатов, которая стала основой для дальнейшего развития мирового кораблестроения.

После Войны за испанское наследство обе противоборствующие стороны имели в строю 20- и 40-пушечные фрегаты — первые использовались для конвойной и посыльной службы, вторые — для крейсерских операций. Это были плохо приспособленные для боя суденышки с низко расположенным гон-деком. При малейшем волнении или при плавании на полных парусах стрельба из пушек закрытой палубы была практически невозможна — вода попадала в пушечные порты. Недаром Жан Бар и Дюгэ-Труэн в прошлых войнах основным своим военным приемом сделали абордаж — их малые крейсерские суда просто не могли на равных сражаться даже с кораблями III–IV рангов. Поскольку в 1730-е годы у руля флота стоял как раз Рене Дюгэ-Труэн, корабельных дел мастерам была поставлена задача — разработать корабль, пригодный как для сопровождения караванов, так и для рейдерства.

В 1741 году в Бресте был заложен первый «истинный» фрегат — 26-пушечный «Медей», имевший на вооружении длинные 8-фунтовки. Проект французского кораблестроителя Блеза Оливье (*Blaise Olivier*) оказался действительно удачным — он создал быстрый и достаточно вооруженный как для крейсерства, так и для конвоирования корабль, который мог вести бой даже при волнении на море. Конструктивное решение Оливье было до гениальности простым — он под главной артиллерийской палубой разместил еще одну закрытую палубу, где расположил помещения для команды. Это, в свою очередь, подняло над водой нижний дек, что позволило фрегатам вести огонь главным калибром даже при плохой погоде. Кроме того, фрегаты данной конструкции несли пушки на шканцах и баке.

Конструкция этих судов оказалась настолько удачной, что фрегаты данного типа были поставлены в серию во французском флоте. Их называли — по калибру вооружения — 8-фунтовыми фрегатами.

Ничего похожего на французские 74-пушечники и «истинные» фрегаты в Ройял Неви не было, кроме разве 76-пушечного двухдечного

«Ройял Оак», построенного в далеком 1674 году. Этот корабль имел длинноствольные тяжелые пушки на нижнем и среднем деке, а также удлиненный корпус, но в 1713 году и он был перестроен по стандартам английского 70-пушечника. Все линкоры, построенные англичанами после Войны за испанское наследство, были хронически перегружены — из-за этого ни один английский 70-пушечник не имел на гон-деке 32-фунтовых орудий, а на опердеке — 18-фунтовок. Британцы располагали на 70-пушечных кораблях, соответственно, 24-фунтовки и 12-фунтовки, в результате эти суда сильно проигрывали французским «однокашникам» в весе залпа. Только 80-пушечники островитян имели на гон-деке 32-фунтовые пушки, но из-за конструктивного перегруза они были очень тихоходны и маломаневренны.

Что касается английских фрегатов, за время войны Аугсбургской лиги и сражений за испанское наследство они постепенно деградировали — задачи разведки и дозора взяли на себя тендеры и брандеры, конвоями и спецоперациями занимались, в основном, суда IV ранга — 40–50 пушечные корабли. Отрыв, произведенный англичанами, когда-то создавшими лучший рейдерский корабль в мире — речь, конечно же, о «Констант Уорвике», — постепенно сошел на нет. К началу Войны за австрийское наследство английские фрегаты имели очень низкий борт, мешавший им вести бой при малейшем волнении, и слабое вооружение.

Флот Леванта

Как мы показали выше, Франция заняла в новой войне антиавстрийскую позицию, поддержав Баварию и Испанию. В Тулоне в 1741 году были вооружены и отремонтированы следующие суда.

Наименование	Пушки	Год постройки
Duc d'Orleans (Дюк д'Орлеан)	74	1723
Ferme (Ферм)	74	1724
Esperance (Эспиранс)	74	1724
St. Esprit (Сент-Эспри)	74	1725
Terrible (Террибль)	74	1739
Conquerant (Конкренан)	64	1712

Наименование	Пушки	Год постройки
Toulouse (Тулуз)	64	1715
Solide (Солид)	64	1723
Heureux (Эрье)	64	1723
Leopard (Леопард)	64	1727
Eole (Эол)	64	1733
Boree (Боре)	64	1734
Tigre (Тигр)	50	1724
Diamant (Дьяман)	50	1733
Alcyon (Альсион)	50	1725
Aquilon (Аквилон)	46	1733
Zephyre (Зафир)	30	1728
Flore (Флор)	30	1728
Gaillarde (Джальяр) — тартана		

Итого, 12 линейных кораблей, 6 фрегатов и одна тартана. В феврале в Тулон пришли вести о первом за 30 лет бое между бывшими союзниками — французскими и английскими кораблями.

18 января того же года в Вест-Индии у острова Сан-Доминго (бывшая испанская Эспаньола) английский патруль кэптена Обри Бьюклерка (4 линейных корабля — «Принц Фредерик», «Орфорд», «Лайон» и «Веймут») неожиданно атаковал французский отряд в составе 4 кораблей капитана Антэна, который конвоировал два испанских галеона. Французы утверждали, что англичане напали неожиданно. В свою очередь, британцы парировали, что дали сигнал лечь в дрейф и всего лишь хотели осмотреть суда на предмет контрабанды, однако, мол, гнусные лягушатники ответили огнем.

Бой был нерешительным, велся на большой дистанции (800 метров), и закончился ничем. Англичане имели сильные повреждения в рангоуте, потеряли 13 человек убитыми и 23 — ранеными. Потери французов были примерно такими же.

Что же касается британцев — Адмиралтейство еще в начале 1738 года решило усилить эскадру в Порт-Магоне. 13 мая к Балеарским островам отплыл отряд контр-адмирала Хэддока в следующем составе — 80-

пушечный «Сомерсет», 70-пушечные «Эдинборо», «Бервик», «Ипсвич», 60-пушечные «Дрэгон», «Ланкастер», «Плимут» и «Кентербери», а также 20-пушечные брандеры — «Солебей» и «Альбрут», всего 8 линейных кораблей и 2 брандера. К апрелю 1739 года Менорка была усилена еще 5 кораблями — «Принс оф Оранж», «Лайон», «Сюперб», «Сандерленд» и «Варвик». Это заставило испанцев опасаться Хэддока и сорвало переброску кораблей в Вест-Индию, на помощь Порто-Белло и Картахене. Между тем англичане опасались атаки испанцев на Порт-Магон, поэтому главная задача, поставленная Хэддоку, состояла в срыве возможного десанта *донов* на Балеарские острова.

К концу 1740 года количество кораблей на Менорке увеличилось до 29-ти, но 17 боевых единиц выполняла задачи по блокированию Кадиса. Англичане были всерьез встревожены приготовлениями испанцев и предполагали, что они готовятся произвести высадку на Менорке или попытаться взять Гибралтар с моря. Возможную войну в Италии никто всерьез не рассматривал, Тулону также уделялось мало внимания. Кроме того — представлялось немыслимым, что французский и испанский флоты могут объединиться, поэтому Адмиралтейство считало, что у Хэддока вполне достаточно сил для противодействия иберийцам.

6 августа 1741 года произошел новый инцидент: возвращавшийся из Мартиники в Тулон французский отряд Кайлюса — «Боре» (64 орудия), «Аквилон» (48 орудий) и «Флор» (30 орудий) — у Гибралтара атаковали 4 английских корабля кэптана Барнетта (60-пушечный «Дрэгон», 40-пушечные «Фолькстоун», «Фэверсхэм» и 20-пушечный прам «Мэри Галлей»). Французы смогли отбиться (потери Кайлюса — 25 убитых и 75 раненых, потери англичан — 11 убито, 22 ранено). Позднее британцы заявляли, что спутали французов с испанцами^[76]. В отчете Барнетта говорится об одном линейном корабле и «*каких-то двух галеонах*». Якобы «Дрэгон» и «Фолькстоун» «*мирно решили*» («*have peacefully solved*») осмотреть суда, а французы (про которых думали, что они испанцы) им «*невежливо ответили*». Такая отговорка выглядела издевательством.

Было понятно, что дело идет к неминуемой войне с англичанами.

В июле 1741 года французы вооружили эскадру лейтенант-генерала де Кура: 74-пушечный «Террибль», 64-пушечные «Сен-Эспри», «Дюк д'Орлеан», «Ферм», «Эсперанс», «Серье», 50-пушечные «Эоль», «Солид», «Эрье», «Леопард», «Диаман» и «Тигр», а также 2 тартаны и 30-пушечный фрегат «Вояж», пришедший из Рошфора. С огромным трудом удалось набрать экипажи, Флот Леванта получил приказ выйти в море для поддержки испанской эскадры, прикрывавшей конвой с войсками.

Тем временем 5 ноября 1741 года в Барселоне погрузились на транспорты 19 батальонов испанской пехоты и 6 эскадронов кавалерии под командованием капитана-генерала Монтемара (всего 13 620 человек и 1168 лошадей). Суда в сопровождении кораблей «Констант», «Эркулес» и «Америка» отплыли к Специи. Корабли отошли к Тулону, где готовилась к выходу эскадра де Кура. Через две недели из Барселоны вышел второй эшелон десанта — 11 752 солдат и 173 лошади на 43 транспортах, в охранении конвоя шли 14 линейных кораблей под командованием хефе ди эскуадра Наварро. Около Йерских островов к испанцам присоединились французы — 12 кораблей под командованием де Кура. Английская эскадра вице-адмирала Хэддока (поскольку часть была отправлена в Гибралтар, а часть разметало штормом, у англичан на Менорке был всего 21 корабль) не могла помешать испанцам, так как чинилась в Порт-Магоне после жестокого шторма. Кроме того, Хэддок опасался, что объединенная испано-французская эскадра гораздо сильнее его отряда.

19 января 1742 года испано-французский отряд вернулся к Йерским островам и вместе с еще 3 испанскими кораблями повели в Специю вторую часть войск. Сопровождение десанта прошло без происшествий.

Испанцы, опасаясь Хэддока, решили отстояться на рейде Тулона, куда 22 февраля вошло 16 испанских кораблей (еще один — «Сан-Исидоре» — потерял у Корсики мачты. В Аяччо французы сняли его команду, а сам корабль бросили, поскольку он *«набрал много воды и не мог плавать»*). Следует отметить, что Наварро изначально всего лишь хотел произвести текущий ремонт в Тулоне и сразу же взять курс на Барселону или Картахену, но получилось так, что испанская эскадра застряла в Тулоне на два года.

События начали развиваться стремительно. В начале 1742 года Хэддока сменил на посту командующего Средиземноморским флотом вице-адмирал красного флага Томас Мэтьюс. В Порт-Магон из Гибралтара и метрополии было переведено еще 17 кораблей, и 27 апреля Мэтьюс начал блокаду Тулона, имея в строю 28 линкоров.

В Тулоне же испанцы не смогли быстро починиться, так как французы имели практически пустые склады. Не было строевого леса, обшивной доски, канатов, парусины, пороха. Тулон испытывал большие проблемы с провиантом. Увидев такую разруху в главной военно-морской базе своего союзника, Наварро был вынужден запросить необходимые материалы со складов в Картахене и Барселоне. Опасаясь атаки Средиземноморской эскадры англичан, все эти припасы везли в Тулон не морским, а сухопутным путем, что, в свою очередь, позволило Мэтьюсу неторопливо

подойти к Йерским островам и заблокировать Тулон.

Получилось, что главная французская военно-морская база в Средиземном море оказалась ловушкой для испанского флота. Мэтьюс, пользуясь возможностью, отправил несколько отрядов к берегам Италии и Испании. В июне 1742 года кэптен Мэттью Норрис (сын адмирала Норриса) во главе небольшого отряда атаковал и потопил у Сан-Тропе 5 испанских галер, шедших с провиантом к испанскому командующему, дону Донато Домасу. В августе коммодор Уильям Роули с 5 кораблями и 4 бомбардирскими судами вошел в гавань Неаполя и, угрожая бомбардировкой, потребовал у неаполитанского короля держаться нейтралитета. В случае поддержки испанцев Роули пообещал не оставить от столицы королевства камня на камне.

В Сан-Ремо коммодор Роули сжег магазины испанской армии, то же самое ждало и склады в Аяччо. 2 марта 1743 года Роули обнаружил и несчастный «Сан-Исидоре», который, как мы уже говорили, оставили на Корсике после шторма. Командир «Сан-Исидоре», французский капитан дю вассау мессир Жиль-Фернан де Лаж де Кюилльи (кавалер ордена Святого Людовика, находившийся до 1745 года на испанской службе) дал несколько залпов по приближающемуся врагу и был вынужден поджечь неисправный испанский корабль, чтобы он не достался англичанам в качестве приза.

У берегов Испании британцами были проведены бомбардировки Паламоса и Матаро, британские фрегаты установили блокаду, перехватывая каботажники, пытающиеся прорваться в Тулон.

Экипажи Наварро в Тулоне голодали, испанские матросы попрошайничали на улицах, воровали провиант и деньги у французов, что, конечно же, не способствовало развитию союзнических отношений между французами и испанцами. Де Кур был вынужден организовать охрану порта. Дело осложнялось тем, что корабли Наварро, опасаясь атаки англичан, жались ближе к берегу, и на кораблях испанцев было множество дезертиров. Чтобы хоть как-то выправить ситуацию, *доны* решили прислать в Тулон экипажи 5 сожженных в Сан-Тропе галер и какое-то число рекрутов из Каталонии, что составило порядка 900 человек. Эти пополнения помогли хоть как-то поддержать боеспособность испанцев.

У самих французов ситуация была не лучше — из 1200 человек, отпущенных домой на побывку, обратно не вернулись 800. Каждый день с кораблей пытались бежать матросы и сержантский состав. Дезертирство процветало.

Присутствие испанцев в Тулоне, безусловно, тяготило де Кура. По

одному испанские корабли становились в Арсенал, где их ремонтировали бригады тулонских рабочих. Состояние их было плачевным — флагман Наварро, 114-пушечный «Реал Филиппе» сильно тек, по отчетам его капитана, «помпы на корабле работали непрерывно, без работы помп за ночь уровень воды в трюмах повышался на 10 дюймов». Здесь же хотелось бы остановиться и на еще одном факте, который уже долгое время является предметом спора для историков. Испанские исследователи (Мартинес-Вальверде) сообщают, что, согласно воспоминаниям Наварро, испанцы, беря пример с французов, упражнялись в стрельбе на рейде Тулона. Это косвенно подтверждают и некоторые английские источники (Ричмонд в «*The Navy in the War of 1739–1748*», 2009 г. и Дженкинс в «*Histoire de la marine française*», 1977 г.), которые говорят об испанских *styled gunmen*^[77] [77] развивших «адский огонь» в сражении при Тулоне.

Мемуары и донесения французских моряков напрочь опровергают это заявление. Нищие, голодные команды, содержавшиеся на кораблях в полутюремном режиме, оцепленные армейскими кордонами (чтобы не разбежались), но постоянно таявшие из-за гигантского дезертирства и болезней, — о какой подготовке тут можно говорить! Тем более, говорят французы, учения подобного рода должны были согласовываться с портовым капитаном, а начальство порта такого разрешения не давало. Нам кажется, что французская точка зрения более правдоподобна, однако мы не можем исключать полностью как-либо учений испанского флота на рейде Тулона.

Но вернемся к нашему повествованию.

29 января 1743 года умер кардинал Андрэ Эркюль де Флери. Со смертью этого человека уходила в прошлое осторожная и взвешенная французская политика, Людовик XV, дорвавшийся до власти, решил втянуть королевство в войну, так как мечтал о славе и почестях. Но война против Австрии на суше означала и войну против Англии на море.

Поэтому, начиная с лета 1743 года, на флот начинают выделяться большие средства. Ремонт испанцев в Тулоне и подготовка к выходу Флота Леванта резко форсируются. С помощью насильственной вербовки удалось набрать 5000 человек Провансе и Лангедоке (часть из них сняли с 30 торговых судов в Марселе), а также 10 000 рекрутов из внутренних областей Франции. Вербовщики не брезговали никем — в этом плане наш читатель вправе вспомнить великолепный фильм «Фан-Фан Тюльпан», где показана процедура вербовки солдат. В экипажах оказались много бродяг, воров, убийц, насильников, для которых армия была местом, где можно было избежать правосудия. Часть новобранцев полнила испанские

экипажи, которые продолжали таять естественным образом — если в мае количество испанских матросов составляло 7000 человек, то к ноябрю — уже 6084 человека, дезертировало около 1000 матросов.

К январю 1744 года французы вооружили 21 корабль и имели 7956 матросов. 26 января де Кур вышел на внешний рейд Тулона. Мэтьюс, Роули и Лесток (начальники английских эскадр) отсалютовали французам одиннадцатью залпами, но блокады не сняли.

В это время на английской эскадре дела также шли неважно. Корабли, находившиеся в море без малого год, уже текли, большая смертность экипажей и дезертирство заставили британцев пополнять свои команды в Италии, и даже в Испании и Франции, причем методы английских вербовочных команд мало отличались от методов их коллег из королевства Людовика XV.

7 февраля в Тулон прибыло 1000 испанских солдат (из 2000 вышедших из Барселоны, остальные по пути дезертировали), которые должны были пополнить экипажи Наварро. Уже неделю спустя после прибытия 150 человек из них пустилось в бег, еще 300 матросов было госпитализировано, что заставило де Кура разоружить 4 самых слабых испанских корабля и перевести их команды на остальные линкоры. 19 февраля 1744 года де Кур встал на якорь около острова Сент-Маргарит. Вечером к нему присоединились испанцы. Мэтьюс, видя это, приказал в случае выхода эскадр с рейда игнорировать французозов и атаковать испанцев. Ситуация осложнялась тем, что Франция и Англия официально не были в состоянии войны, поэтому Мэтьюс разрешил своим кораблям открывать огонь по французам только в ответ на их стрельбу.

Глава 8

Сражение у Тулона

Бой

20 февраля 1744 года вперёдсмотрящие английской эскадры увидели союзный флот, вышедший из Тулона к Йерским островам. Эскадра Мэтьюса в это время дрейфовала в беспорядке у южного прохода между Йерами и материком (так как англичане ожидали, что французы и испанцы поведут корабли к Италии), имея слабый ветер с востока. Обнаружив союзников, шедших Северным проходом (по направлению к берегам Испании), британцы устремились в погоню, которой, однако, мешали слабый ветер и обросшие днища кораблей. У французов и испанцев днища, наоборот, были «чистые», поэтому, по признанию участников боя, на каждый узел англичан французы легко могли дать три.

В 13.00 наступил штиль, и британцы встали на якорь. Также поступили и союзники. В 18.00 Мэтьюс приказал лечь в дрейф на левом галсе, между эскадрами противников расположились фрегаты и легкие суда, следившие за маневрами противника.

Вечером на борт флагманского «Намюр» прибыл командующий авангардом вице-адмирал Лесток и спросил, будут ли какое-либо распоряжения по поводу предстоящего сражения, но Мэтьюс в ответ заметил, что погода холодная, и посоветовал ему возвратиться на свой корабль. Лесток был оскорблен — в ответе Мэтьюса ему увиделось пренебрежение к нему, Ричарду Лестоку, заслуженному офицеру флота, и со стороны кого? Со стороны выскочки-адмирала, согласившегося командовать Средиземноморской эскадрой, чтобы поправить свои финансовые дела!

Эта невинная с виду сцена привела к тулонскому судилищу. Возможно, Мэтьюс и не имел намерений оскорбить Лестока, поскольку вице-адмирал был тяжело болен (у него был рак желудка, и о недомогании командующего авангардом Мэтьюс не раз писал лордам Адмиралтейства), но Лесток воспринял эти слова именно как оскорбление.

Утром 21 февраля Мэтьюс поднял приказ держать кораблям строй фронта, а второму (Лестоку) и третьему (Роули) дивизионам прибавить парусов. Следует отметить, что англичане были разбросаны, выполнить приказ адмирала мешали слабый ветер и тяжелая зыбь. На тот момент англичане имели следующие корабли:

– Авангард в составе 13 линейных кораблей, 2 фрегатов, 1 брандера и 1 бригантины под командованием вице-адмирала Ричарда Лестока, держащего флаг на 80-пушечном «Нептун».

— Центр — 10 линейных кораблей, 1 фрегат, 1 брандер. Командующий — адмирал Томас Мэтьюс, флагман — 90-пушечный «Намюр».

— Арьергард под флагом контр-адмирала Уильяма Роули. 9 линейных кораблей, 2 бригантины, 1 брандер. Роули располагался на 90-пушечном «Барфлере».

Всего — 32 линейных корабля, 3 фрегата, 3 брандера и 3 бригантины.

Им противостоял флот союзников в следующем составе:

– Авангард из 7 линейных кораблей под командованием шефа д'эскадр Пьера де Габарэ, державшего флаг на замыкающем 74-пушечном «Эсперансе».

— Центр под командованием адмирала Жана де Ла Бриера де Кура — 9 линейных кораблей, 3 фрегата, 2 брандера, флагман — 74-пушечный «Террибль».

— Арьергард из испанской эскадры хефе ди эскуадра Хуана Хосе Наварро — 12 линейных кораблей, 1 брандер, 1 госпитальное судно, флаг на 114-пушечном «левиафане» «Реал Филиппе».

Всего 28 линейных кораблей, 3 фрегата, 3 брандера, 1 госпитальное судно^[78].

К этому следует добавить, что у испанцев из двенадцати кораблей шесть были «королевскими», то есть боевыми полноценными кораблями (это 114-пушечный «Реал Филиппе», 80-пушечный «Санта-Изабель», 70-пушечный «Констант» и 64-пушечные «Америка», «Эркулес» и «Сан-Фернандо»), а остальные представляли собой либо зафрахтованные Морским министерством суда, либо привлеченные к боевым действиям корабли береговой стражи. «Брильянте», «Собербио», «Орьенте», «Подер», «Алькон» и «Нептуно» хотя и числись в испанской эскадре 60-пушечными, несли по 52–54 пушки, причем калибры орудий у них были не более 18 фунтов.

Таким образом, французы и испанцы имели 1806 пушек против 2280 орудий у англичан, причем вес бортового залпа, учитывая разницу в калибрах, обусловленную вышеописанными причинами, у англичан был намного больше.

Что касается экипажей, союзники имели 19 100 человек против

16 585 у британцев. Однако, как справедливо отмечает испанский историк Карлос Мартинес-Вальверде в своей статье «Кампания дона Хуана Хосе Наварро в Средиземном море, 1742–1744 годы»: «Меньшее количество моряков требует и меньшее количество провианта и воды, что является важным фактором при длительной блокаде. В ходе сражения значимость имеют только артиллеристы и те, кто находятся при снастях и при подносе боеприпасов вместе с разумным резервом для восполнения потерь; излишнее количество прочих на корабле, скорее, приносят вред, так как они только мешают и умножают потери», поэтому не стоит считать превосходство союзников в людях большим плюсом франко-испанского флота. Скорее, это минус.

Итак, мы оставили Мэтьюса утром 21 февраля, когда он решил атаковать союзников. К сожалению, во время ночного дрейфа арьергард и авангард англичан оказались разбросаны относительно кордебаталии^[79], причем Роули оказался впереди, а Лесток — сзади^[80], поэтому было принято решение атаковать французов и испанцев не совершая перестроения в соответствии с ордером. Мэтьюс поднял сигнал, приказывающий кораблям контр-адмирала идти с попутным ветром и преследовать арьергард противника. В 9.30 на «Намюре» просигналили обоим дивизионам о построении в кильватерную колонну. В 10.00 Мэтьюс приказал открыть огонь, этот сигнал был отрететован Роули, но почему-то не повторен Лестоком.

Погоня продолжилась, но французские корабли шли гораздо быстрее, нежели британские и испанские, они то прибавляли паруса и вырывались вперед, то уменьшали их, поджидая отставших испанцев. Впечатление было такое, что де Кур стремился увести союзников дальше на запад. Между тем Мэтьюса стали волновать две проблемы: накануне, на совещании с австрийцами и сардинцами он обещал своим союзникам не допустить десанта испанцев у Генуи (Мэтьюс был также посланником в Тоскане); далее он получил от Адмиралтейства сообщение, что вышел французский флот из Бреста и, вполне возможно, что он пойдет в Левант. Было подозрение, что де Кур стремится с ним соединиться. Что-то надо было делать, и Мэтьюс окликнул капитана своего заднего мателота «Мальборо».

– Как дела? — ответил через рупор кэптен Кэмпбелл^[81].

– Дела? — вспыхнул Мэтьюс. — Что я могу сделать! Посмотрите на вице-адмирала! Вы мне поможете при атаке?

— Да.

Как говорил на суде Мэтьюс два года спустя: «В этой ситуации я поднял сигнал начать бой и атаковал «Реал Филиппе»».

Кордебаталия около 13.00 спустилась на линию испанцев, находившихся в беспорядке, первыми в бой вступили 90-пушечные «Намюр», «Мальборо» и 80-пушечный «Норфолк». Им противостояли 114-пушечный «Реал Филиппе», а также 70-пушечный «Констант» и 60-пушечные (номинально!) приватиры «Эркулес», «Подер», «Нептуно». Другие испанские корабли на тот момент оказались расположены следующим образом: «Орьенте» и «Америка», идущие головными, были ближе к концевым кораблям де Кура, поскольку пытались исполнить приказ француза об увеличении скорости; отстали от центра «Брильянте», «Сан-Фернандо», «Алькон», «Собербио» и «Санта-Изабель». Таким образом Роули атаковал арьергард французов и два головных испанских корабля, расположенных ближе к де Куру (причем, поскольку авангард французов был впереди, три головных корабля Роули держали очень большую дистанцию, чтобы не дать обойти дивизион остальным французским кораблям), Мэтьюс — центр Наварро (5 линкоров), а Лесток должен был атаковать оставшихся испанцев.

Мэтьюс достаточно быстро сблизился с Наварро. По воспоминаниям очевидцев, сражение велось практически вплотную, корабли касались реями друг друга. Первым открыл огонь по «Эркулесу» (мателоту «Реал Филиппе») «Мальборо», однако его встретил не менее плотный огонь. Даже 32-фунтовые ядра «Мальборо» и «Намюра» в близком бою не могли пробить 37-дюймовые (94 сантиметра в толщину) борта испанского флагмана. Вокруг Мэтьюса было убито 8 человек, шканцы «Намюра» были залиты кровью, кэптену «Намюра» Расселу оторвало руку ядром.

«Мальборо», выбив из линии «Эркулес», смог прорезать линию противника, однако при этом он получил сильные повреждения, потерял грот— и бизань-мачту, а позже, не справившись с управлением, корабль чуть не сцепился бортами с «Намюром». Флагман Мэтьюса был вынужден пройти вперед, а резко обстенившего паруса «Мальборо» развернуло кормой к «Реал Филиппе», который получил несколько болезненных продольных залпов и потерял бизань и грот-мачту. Шканцы корабля превратились в решето, был убит кэптен Кэмпбелл, испанцы сбили с лафетов 12 пушек. «Намюр» пытался помочь товарищу, временами даже стреляя через «Мальборо». Мэтьюс решил спустить на испанцев брандер, а всем кораблям центра приказал прислать к «Мальборо» шлюпки и баркасы, чтобы срочно постараться вывести корабль с линии огня. В этот момент «Реал Филиппе» остался один, ибо «Норфолк», атаковавший «Эркулес», за

два часа перестрелки смог выбить испанца из линии, его сменил «Констант», который сбил на «Норфолке» фок-мачту и заставил выйти того из боя. Тотчас же к испанцу подошли еще два корабля англичан и сразу атаковали «Констант», испанский капитан Августин де Итурьягга еще три часа продолжал неравный бой, но все же вынужден был удалиться от флагмана.

На «Реал Филиппе» Наварро еще в начале боя, ссылаясь на небольшую рану, удалился в свою каюту. По воспоминаниям участников боя сержант у капитанской каюты не хотел сначала пропускать Наварро, повторяя: *«Адмирал, но вы не ранены!»* Шефе ди эскуадра просто устранился от руководства сражением, далее боем командовал флаг-капитан Николас Херальдино. Около 15.00 он был убит, и в командование флагманом вступил французский капитан на испанской службе — де Лаж. Дезорганизация с обеих сторон стала всеобщей. Легкой победы — как при Пассаро — не получилось.

Было 16.30, когда спущенный Мэтьюсом брандер «Энн-Галлей» на всех парусах шел к «Реал Филиппе». Два или три отставших испанских корабля в это время спешили на помощь флагману, но они были еще далеко. На «Реале» могли действовать всего несколько орудий, но они вели столь точный огонь, что капитан брандера, державший наготове факел, оставил с собой только 5 человек, остальные 12 были пересажены в ялик у борта брандера, готовые принять оставшихся пятерых после поджога брандера. Все же испанский флагман сумел дать несколько точных выстрелов из 24-фунтовых пушек, одновременно испанский баркас с большим числом солдат был направлен к брандеру. Брандер, получив попадания, начал быстро тонуть. В этих условиях капитан «Энн-Галлея» был вынужден поджечь судно, хотя до «испанца» было не так близко, как ему бы хотелось. Предварительно он выстрелил по испанскому баркасу из своих пушек. Возможно, этот выстрел стал причиной возгорания и взрыва брандера, все пятеро, кто на нем был, погибли. В яле взрывом был убит юнга. Испанский баркас чуть было не захватил ял, но тут очень кстати подоспел адмиральский катер с «Намюра», прогнал испанцев и взял поврежденный ял на буксир. Возможно, исход с брандером для англичан был не очень плохим, ведь испанцы могли его захватить и направить на стоявший неподвижно «Мальборо», полностью выведенный из строя.

«Подер», находившийся впереди «Константа», под всеми парусами пошел вперед, обмениваясь выстрелами с «Принсесс», «Бедфордом», «Дрэгоном» и «Кингстоном», но бой шел на большом расстоянии. То же было и с кораблями, шедшими за «Мальборо», они оставались на своих

местах, 80-пушечный «Дорсетшир», следовавший недалеко от «Мальборо», долгое время не оказывал ему никакой помощи, и потребовался приказ Мэтьюса, посланный на шлюпке (не было сигнала о ближнем бое!), чтобы его кэптен Берриш, сорок лет прослуживший на флоте, подошел к «Мальборо». Пять отставших концевых испанских кораблей под всеми парусами спешили на помощь «Реалу».

Единственным исключением был капитан «Бервика» Эдвард Хок в дивизионе Роули (8-й в линии). Он сблизился с линией противника и атаковал «Серье», но француз прибавил парусов и ушел вперед. Затем Хок пытался начать бой с «Орьенте», но тот спустился под ветер, увеличив дистанцию и уклонившись от боя. Союзники хорошо знали о пункте 21 «Боевых инструкций» Королевского флота: *«Никакой корабль флота не может преследовать меньшую часть флота противника, пока не будет разбита или обращена в бегство его основная часть»*.

В час тридцать подошел «Нептуно», Хок поставил все паруса, чтобы не дать ему уйти. Испанцы растерялись — это было нечто неожиданное, в этом бою большинство англичан так не действовали. «Нептуно» спустился под ветер и на всех парусах пошел вперед, под ветер от «Террибля». Хок хотел бы броситься за ним, но этому препятствовал пункт 13 «Боевых инструкций», запрещающий выходить из линии баталии при наличии такого сигнала^[82]. А пока приходилось ждать, когда подойдет кто-либо еще. И наконец в 15.00 появился «Подер», уже несколько потрепанный в бою, он хотел спуститься под ветер за французскую линию. Хок немедленно пошел на него, расстояние сократилось до мушкетного выстрела, и «Бервик» атаковал испанца с подветренной стороны. Первый же залп английского корабля отправил на тот свет 27 испанских моряков и уничтожил 7 пушек с нижнего дека^[83]. Через 20 минут с «Подера» была сбита грот-мачта, на бизани отстрелены все стеньги, затем упала и фок-мачта. Хок еще больше сблизился и в упор расстреливал «Подер» с дистанции прямого выстрела, пока тот не сдался. У «Бервика» были повреждения такелажа, но все мелкие, и всего 6 раненых. На «Подере» были не менее 200 убитых и искалеченных (из экипажа в 330–350 человек).

Хок послал на «Подер» своего старшего лейтенанта Ллойда, с ним — четвертого лейтенанта и 22 матроса. Но в этот момент (16.30) де Кур начал поворачивать назад, на помощь испанцам. Мэтьюс тоже стал поворачивать на обратный курс; Хок оказался в опасном положении, он в рупор приказал Ллойду возвращаться, тут к «Бервику» подошла шлюпка с испанскими офицерами и трофеями с «Подера», но, не дойдя до корабля считанных

метров, вдруг утонула. Ллойд сумел вернуться (на «Ройял Оаке»), но лейтенант и 22 матроса остались на «Подере» (двое из них позже сумели бежать и вернуться на «Бервик»).

«Нептуно», следовавший в линии за «Подером», вел бой с 4 линкорами и 1 фрегатом англичан. Британцам почти удалось окружить испанский корабль, однако обе стороны получили существенные повреждения, и отвернувшего «Нептуна» никто не преследовал.

Следует также отметить, что часть дивизиона Мэтьюса почти не принимала участия в атаке — это касается кораблей «Дорсетшир» (кэптен Берриш), «Руперт» (кэптен Эмброуз) и «Ройял Оак» (кэптен Уильямс).

Авангард под командованием Роули атаковал часть французского дивизиона и два присоединившихся к нему испанских корабля, причем три его головных корабля («Стирлинг Кастрл», «Нассау» и «Варвик») не пошли на сближение, удерживая большую дистанцию. Это следует признать правильным решением, так как авангард французской кордебаталии находился впереди дивизиона Роули и легко мог обойти его. Большая дистанция позволяла головным вовремя среагировать на эту угрозу и не дать французам поставить англичан в два огня.

Роули с «Барфлер», «Принсесс Кэролайн», «Бервик», «Бойн» и «Чичестер» сблизился с французской линией, причем оказавшийся головным «Барфлер» вышел на флагман де Кура, 74-пушечный «Террибль», и вел с ним перестрелку на расстоянии пистолетного выстрела, остальные английские корабли авангарда избрали себе противников, следующих за кораблем де Кура.

К 15.00 англичанам удалось силами Роули и Мэтьюса выстроить подобие кильватерной колонны, но арьергард Лестока (13 кораблей) не спешил сблизиться с противником и помочь своим товарищам. Позже командир арьергарда объяснял это тем, что Мэтьюс держал на мачтах два взаимоисключающих сигнала — *«Вступить в бой по способности»* и *«Выстроиться в линию баталии»*. Однако на вопрос, почему вверенные ему корабли не подняли все паруса, чтобы быстрее войти в бой, Лесток так и не ответил.

«Дорсетшир», «Эссекс», «Ройял Оак» и «Руперт» находились в выгодной позиции, чтобы поставить испанцев в два огня и сломить их сопротивление, но не торопились сражаться. Мэтьюс, потеряв терпение, послал к этим кораблям шлюпку с приказом *«форсировать парусами и вступить в бой»*, однако и теперь капитаны не исполнили приказа адмирала.

В 16.30 де Кур приказал развернуть корабли на помощь Наварро. К

этому времени «Реал Филиппе» и «Эркулес» были сильно повреждены, а «Подер» захвачен «Бервиком». Концевые Роули — корабли «Стирлинг Кастл», «Саммерсет» и «Принсесс Кэролайн» — пытались помещать французам сделать разворот, но им это не удалось. «Реал Филиппе» развернуло кормой к «Намюру», и Мэтьюс вел неторопливую стрельбу по испанцу. В свою очередь, корабль Наварро взял на буксир 80-пушечный «Санта-Изабель», куда сразу же перешел сам хефе ди эскуадра. К 20.00 бой закончился. Мэтьюс поднял сигнал повернуть на другой галс.

В 6.00 22 февраля с «Намюра» увидели мачты удалявшегося в направлении Испании противника. Тогда же обнаружили, что «Саммерсет» ведет бой с каким-то из кораблей противника на дальнем расстоянии (по данным испанцев, это был «Санта-Изабель», ведущий на буксире «Реал Филиппе»). После нескольких залпов корабли разошлись.

В 9.00 Мэтьюс дал сигнал общей погони, в 11.00 — *«дивизионам идти строем фронта»*. В этот же день Мэтьюс послал Лестоку письмо следующего содержания:

*«С борта ЕВК «Рассел»
22 февраля 1743 года.*

Сэр, я в высшей степени сожалею, что вы не сочли необходимым, когда я поднял сигнал вступить в бой с противником, спуститься на противника или по крайней мере просигналить достаточно количеству кораблей вашей эскадры отрезать пять испанских линейных кораблей, следовавших за испанским адмиралом. Таковые ваши экстраординарные действия весьма удивили меня, и я надеюсь, что вы сможете дать мне весьма веские объяснения вашего поведения.

В случае, если мы увидим неприятеля, когда я подниму сигнал строиться в линию баталии в кильватер, вы вместе с вашей эскадрой должны вести флот, независимо от того, на левом галсе мы будем или на правом, поскольку мачты «Барфлера» сильно повреждены, равно как «Принсесс Кэролайн» и «Чичестер».

Остаюсь, сэр, ваш самый покорный слуга, Томас Мэтьюс».

Лесток ответил в том духе, что сигналы адмирала были

неразборчивыми и непонятными, поэтому, дескать, Лесток не знал, как их исполнить. Таким образом, адмирал обвинил командующего арьергардом в трусости, а, в свою очередь, вице-адмирал командующего — в некомпетентности. Свара грозила перерасти в большой скандал.

К 13.00 расстояние между противниками сократилось до 9 миль, и французы, чтобы оторваться от преследования, были вынуждены бросить «Подер». Роули приказал Хоку захватить его, Хок послал к нему Ллойда, но Мэтьюс велел Норрису («Эссекс») сжечь «Подер». Норрис послал на испанца лейтенанта Пеллисера, который опередил Ллойда. Пеллисер от имени Норриса запретил Ллойдю подниматься на «Подер», несмотря на возражения последнего, что «Подер» — это законный приз «Бервика». Матросы с «Эссекса» разграбили Подер и подожгли его, в 9 вечера он взорвался. Пеллисер сожалел об этом, он говорил, что на «Подере» оставались исправными бушприт и часть такелажа, которые можно было снять.

В 2 часа ночи 23 февраля погоня была продолжена, однако Мэтьюс получил сведения, что на подмогу де Куру и Наварро идет брестская эскадра Флота Океана. Ветер с норд-норд-веста усилился, англичане приспустили паруса. Наутро Мэтьюс отказался от погони и просигналил кораблям лечь в дрейф. Позже на суде он объяснял, что во время погони часть кораблей отстала, часть — вырвалась вперед, поэтому приказ *«Лечь в дрейф!»* позволял собрать суда. Адмирал утверждал, что на тот момент он ожидал появления брестского флота и боя с превосходящими силами.

В заключение хотелось бы процитировать шканечный журнал «Норфолка»: *«Таким образом, рок, неисполнение обязанностей и медлительность способствовали легкому спасению противника; расследование позволит выяснить больше обстоятельств. Относительно конкретных потерь я не имею точных сведений; могу только сказать, что после «Мальборо» наибольшие потери имел флагман Роули. На следующий день, исправив повреждения, мы поставили паруса и пошли искать неприятеля, но не обнаружили никаких его следов. 17-го мы пошли на Менорку и отправили госпитальный «Соуферлэнд» с ранеными в Порт-Магон».*

В результате сражения англичане потеряли около 250 человек убитыми и ранеными, союзники — 1 корабль и 1000–1100 человек. Самые большие потери со стороны англичан были на «Мальборо» — 43 убитых и 120 раненых. У испанцев были убиты капитаны «Реал Филиппе», «Нептуна» и «Константа».

Сразу же по прибытии на Минорку Лесток написал письмо своему

покровителю — Генри Пелэму, герцогу Ньюкаслу, главе партии вигов и премьер-министру, в котором обвинял Мэтьюса в некомпетентности, трусости и предательстве^[84]. В свою очередь, Мэтьюс своей властью отстранил Лестока от командования и выслал в Англию, посоветовав подготовиться к трибуналу.

Этому судилищу мы решили посветить всю следующую главу, а здесь отметим, что де Кур и Наварро прибыли в Аликанте, а потом в Картахену. Французы смогли захватить 4 богатых английских купца и отконвоировали их в Тулон.

Испанский король Филипп V был восхищен боем у Тулона. Наварро получил титул маркиза де ла Викториа, де Лаж — следующий чин и орден, а тело капитана Херальдино, главного героя боя «Реал Филиппе» с англичанами, 23 февраля тайком выкинули багром за борт. Позже де Лаж написал мемуары, в которых разругал всех — и Наварро, и Херальдино. По мнению де Лажа «Реал Филиппе» воевал так хорошо только потому, что им руководил великий герой — сам де Лаж. Но эти данные сильно противоречат показаниям лейтенантов испанского флагмана.

Наварро после прихода в Картахену ушел в отставку, командование принял хефе ди эскуадра Дауттевиль.

Пользуясь уходом англичан в Порт-Магон, интендант тулонского порта упрашивал де Кура сопроводить транспорта с войсками и припасами в Италию, но тот отказался. Это и стало основной причиной его отставки. В бою у Тулона де Кур проявил себя неплохо, но в свои 80 лет он был просто неспособен к управлению таким флотом, поэтому решение Придворного совета следует признать правильным.

Несмотря на видимый благополучный результат, Тулонское сражение, по существу, было разгромом флота союзников. Их эскадры больше не представляли организованной силы. Корабли Наварро до конца войны простояли в Картахене, опасаясь идти в Кадис, где их можно было бы починить (в Картахене условия ремонта были плохие). Исключение составил только «Собербио», возвращенный владельцам и ушедший на Мадейру весной 1748 года, а затем — в Вера-Крус.

«Тулонские трибуналы»

Вернувшись в Англию в 1744 году, Лесток столкнулся со всеобщим негодованием, его открыто обвиняли в проигрыше Тулонского сражения. Поняв, что общественное мнение настроено резко против него, Лесток поднял старые связи и потребовал от герцога Ньюкасла проведения суда. Его Светлость предоставил королю все бумаги, в ответе Его Величество

сказал: «Я понимаю, как много зависит от сохранения надлежащей дисциплины во флоте и как важно отдать в руки правосудия всех, кто не исполнил своего долга в этом важном событии», и в июле Адмиралтейство инициировало разбирательство по поводу Тулонского боя. 29 августа было оглашено о начале следственных действий. Мэтьюс, передав командование Роули, 19 сентября выехал в Англию.

12 марта 1745 года Палата общин инициировала запрос в Адмиралтейство по поводу поведения в бою у Тулона кэптенов и адмиралов, первый трибунал собрался на борту ЕВК «Лондон» 23 сентября под председательством адмирала синего флага Чалонера Огля. Стоит сказать, что состав трибунала был выбран неудачно. Огль, только что вернувшийся из Вест-Индии, где вместе с адмиралом Верноном получил несколько болезненных ударов от испанцев (о действиях у Картахены и Сантьяго-де-Куба мы уже рассказывали), рвал и метал, надеясь беспощадностью и строгостью заретушировать свои неудачи в Карибском море.

Характерно, что Адмиралтейство отказалось отдать под суд хотя бы одного капитана Лестока: под суд попали 11 капитанов — все из авангарда и центра.

Первым разбирали дело лейтенантов с «Дорсетшира». Их обвинили в том, что они советовали кэптену Берришу не атаковать противника. Слушания были жаркими, но все же обвинение с лейтенантов сняли, вместо этого выдвинули обвинение уже против кэптена Берриша, решив, что он намеренно не оказал помощи «Мальборо» в бою против «Реал Филиппе». 9 октября было зачитано постановление трибунала: «В связи с тем, что капитан Берриш оставался в бездействии в течение получаса, когда он мог бы помочь «Мальборо», и не был в одной линии со своим Адмиралом, когда тот первый раз привел свой корабль к ветру и начал спускаться на противника, он частично подпадает под обвинение, выдвинутое против него, в том, что он не сделал всего от него зависящего, чтобы сжечь, потопить или уничтожить противника^[85], а также не оказал должной поддержки «Мальборо», пока не получил соответствующего сигнала от Адмирала; таким образом, он подпадает под статьи 12 и 13 Боевых инструкций, и, соответственно, суд постановляет, что он должен быть уволен за недостойное поведение и должен навсегда считаться непригодным для того, чтобы быть офицером флота Его Величества».

Следующим судили кэптена Эдмунда Уильямса с «Ройял Оака». Ему предъявили обвинения по четырем пунктам:

- 1) не держался в одной линии с адмиралом,
- 2) во время сражения держался в стороне от боя,
- 3) не реагировал на сигналы адмирала сблизиться с противником и атаковать,
- 4) большую часть сражения не стрелял по испанцам.

Его признали виновным по двум пунктам, но, учитывая прошлые заслуги Уильямса, а также приняв во внимание его плохое зрение, трибунал решил строго не наказывать командира «Ройял Оака». Суд постановил, что Уильямса нельзя более использовать на море, но рекомендовали Адмиралтейству оставить его в списке половинного оклада в соответствии со старшинством. Их Лордства приняли эти рекомендации^[86].

18 октября на ковер вызвали командира «Руперта» Джона Эмброуза. Суд счел, что он не исполнил своего долга, избегая сражения на более близкой дистанции, тогда как это было в его силах, но, учитывая, что и до, и после сражения он проявил себя как энергичный офицер, и его неудача в бою проистекала из ошибочного суждения, суд приговорил его только к увольнению за недостойное поведение (в зависимости от милости Его Величества, *т. е. с ходатайством о королевском прощении*) и штрафу в размере годового оклада в пользу чатамского казначейства^[87].

Кэптен «Чичестер» Уильям Дилкс был обвинен в том, что не спустился на противника и не атаковал с ближней дистанции, хотя мог это сделать. Суд счел обвинение доказанным и лишил его звания кэптана, но позже он также был восстановлен в своем чине, хотя и оставался в списке с половинным окладом (умер в 1756 году). Кэптен Фрогмор (командир «Бойна») не дождался конца разбирательства по своему делу и умер 8 ноября 1744 года в Леванте.

Кэптен Ричард Норрис («Эссекс») был обвинен своими же офицерами в недостойном поведении во время сражения, его дело рассматривалось в Порт-Магоне но, поскольку он уже оставил командование своим кораблем и получал половинный оклад, трибунал после долгих дебатов решил, что это не подлежит юрисдикции. Подробности этого дела и протест в сильных выражениях офицерами-обвинителями после этого были направлены в Англию, и Адмиралтейство приказало Норрису прибыть домой и предстать перед судом, но на пути домой он, пользуясь удобным случаем, бежал из Гибралтара (в Испанию), таким образом, признавая, очевидно, свою вину. Он умер в неизвестности, которую он заслужил.

В свою очередь, Лесток выдвинул обвинения против кэптанов Роберта Пэтта («Принсесс Кэролайн»), Джорджа Склейтера («Саммерсет»), Тэмпла

Уэста («Варвик»), Томаса Купера («Стирлинг Кастрл») и Джеймса Ллойда («Нассау»). Он обвинил их в неподчинении своим приказам. Два кэптена были оправданы, а три — уволены со службы с формулировкой «за недостойное поведение», но, поскольку обвинения против них не затрагивали их профессиональной чести и способности, их дело было сочтено сложным (*difficult*)^[88], и король тут же восстановил их в их звании, поскольку даже он понимал, что действия вышеупомянутых командиров авангарда были абсолютно правильными.

После перерыва возобновился суд над Лестоком. Огль, сославшись на недомогание, оставил пост председателя трибунала и был заменен контр-адмиралами Перри Мейном (ярким вигом) и Джоном Бингом (сыном Джорджа Бинга, членом парламента от партии вигов). На суде Лесток настаивал, что он не мог сражаться, не нарушив при этом линии; он не имел такой возможности, поскольку, хотя сигнал сражаться и был поднят, но также все еще развевался сигнал держаться в линии баталии. Он был единогласно оправдан. Истина же заключалась в том, что он нашел убежище за чисто техническими извинениями, которые и выручили его, хотя он действовал противоположно духу своей прежней корреспонденции с капитаном Барнеттом, что подчиненный должен выйти из линии, даже без приказа, ради соединения с главными силами и оказания им помощи в бою. Короче говоря, ради собственных интересов, а их было нетрудно сформулировать, он забыл о своем долге перед своей страной и своими товарищами по оружию и не стал отступить от буквы инструкций.

Во время суда над Лестоком произошло весьма знаменательное событие. 15 мая 1746 года Лордом — Главным Судьей (*Lord Chief Justice*)^[89] суда по общегражданским искам Джоном Виллисом был арестован председатель данного трибунала — контр-адмирал Перри Мейн. Лорд — Главный Судья выдвинул против адмирала Огля и контр-адмирала Мейна обвинение в несправедливом лишении свободы во время похода на Картахену лейтенанта морских пехотинцев Джорджа Фрая и плохом с ним обращении. Причиной заключения и пыток был незаконный приговор, вынесенный военным трибуналом под председательством данных господ. Обвинение было ратифицировано судом присяжных.

Арест председателя настолько вывел из себя членов трибунала, что, несмотря на тот явный факт, что гражданский закон всегда имеет приоритет над военным, они приняли резолюцию, в которой говорилось о Лорде — Главном Судье с грубым неуважением. Эти резолюции они направили Лордам Адмиралтейства, которые представили их Королю. Его

Величество несколько поспешно выразил свое недовольство тем оскорблением, которое было нанесено трибуналу, но он, как и Лорды Адмиралтейства, имели явно смутное представление о той огромной власти, которой был наделен Лорд — Главный Судья суда по общегражданским искам, который, узнав о таких резолюциях трибунала, немедленно приказал взять под стражу всех членов трибунала. Он стал предпринимать и другие меры, чтобы защитить свою должность, когда этому эпизоду был положен счастливый конец, члены трибунала извинились и полностью ему подчинились.

Решение по делу Лестока было следующим:

«Накануне сражения ночь была светлая, и Адмирал хорошо видел Вице-адмирала, а тот — видел Адмирала; и если Адмирал считал, что дивизион Вице-адмирала был слишком далеко на ветре, то он должен был послать ему шлюпку, либо каким-либо иным образом сообщить ему о своем приказе, а не судить об этом на другой день, когда уже решили сражаться; поскольку это не было использовано, то это означает, что Адмирал полагал, что дивизион Вице-адмирала не был далеко от него на ветре и, следовательно, не нарушил приказ Адмирала. Нет оснований полагать, что порядок дивизиона Вице-адмирала был нарушен, когда он лег в дрейф, наоборот, его дивизион имел наилучший строй во всем флоте Его Величества; днища его кораблей были очищены, корабли были готовы к бою, построены в линию баталии, относительно чего он делал и репетовал сигналы, равно, как и другие, сделанные в этот день.

Если бы Вице-адмирал поставил паруса ночью без приказа своего командующего, это было бы неоправданным нарушением дисциплины; точно также Инструкции не содержат приказа, предписывающего какому-либо дивизиону ставить паруса после того, как флот лег в дрейф.

Указание в обвинении относительно того, что следующим утром был поднят сигнал о линии баталии, служит доказательством того, что он был спущен на ночь; и на основе ряда свидетельских показаний Вице-адмирал поставил паруса на рассвете, отрепетовал и исполнил этот сигнал и предпринял все от него зависящее, чтобы занять свое место и подойти к центру.

Многие свидетели как обвинения, так и обвиняемого утверждают, что последний поставил паруса раньше Адмирала с тем, чтобы сократить разницу в дистанции, которая образовалась ночью из-за разницы в дрейфе.

Большинство свидетелей обвинения и все свидетели обвиняемого

заявили, что Вице-адмиралу было невозможно присоединиться к Адмиралу и примкнуть к линии, прежде чем был вечером спущен сигнал погони, даже многие из остальных свидетелей признали это фактом.

Адмирал, спустившись на арьергард союзного флота, исключил Вице-адмирала из сражения, даже если бы он смог подойти; поскольку, если обе линии флотов сблизились, когда Адмирал вступил в бой с «Реал Филиппе», Вице-адмиралу и его дивизиону достался бы для боя только один корабль флота противника.

Депеши, направленные Вице-адмиралу Адмиралом с двумя лейтенантами, включали приказы поставить все возможные паруса для того, чтобы он примкнул к линии баталии; не было поднято никакого сигнала для него и его дивизиона относительно погони или же сигнала — направить корабли его дивизиона в погоню, без которых, при наличии поднятого сигнала держаться в линии баталии, и особенно после депеш, доставленных ему двумя лейтенантами, он не мог, не нарушая своих обязанностей, начать погоню или послать в погоню свои корабли, нарушив линию баталии. Он также не получал таких приказов, чтобы он смог сблизиться с 4 кораблями противника, о чем говорится в обвинении, прежде чем они подошли к Адмиралу, поскольку все согласны с тем, что они шли гораздо лучше, чем флагманский корабль Лестока «Нептун».

Обвинения в пункте б не доказаны: хотя «Мальборо» и был в трудном положении, но это не касалось «Намюра», да и «Мальборо» потребовалась помощь только после того, как отошел «Намюр»; «Намюр» и «Мальборо» были равны по силам испанским «Реал Филиппе» и «Эркулес». Вице-адмирал не мог послать какие-либо корабли из своего дивизиона им на помощь без того, чтобы не нарушить линию баталии; между «Мальборо» и дивизионом Вице-адмирала было 4 корабля, которые могли помочь «Мальборо»; невозможно, чтобы какие-либо корабли из дивизиона Вице-адмирала смогли бы прийти на помощь «Мальборо» и «Намюр» (если бы тот отдал такой приказ) до того, как был спущен сигнал погони, принимая во внимание слабый ветер и сильное волнение, имевшие место с начала боя Адмирала и до этого времени.

Ничто не говорит о том, что Вице-адмирал был главной или частичной причиной неудачи флота Его Величества в Средиземноморье; вступление в общее сражение, в соответствии со Статьей 19, и обеспечение должных диспозиций флота утром для спуска на противника с целью обеспечения наибольшего преимущества не зависели от него.

Если бы вообще весь дивизион Вице-адмирала отсутствовал и если исключить 4 концевых корабля, которые оказали не большие помощи своему

флоту, чем дивизион Вице-адмирала флоту Его Величества, оставшиеся корабли флота Его Величества все равно превосходили оставшиеся силы союзного флота.

Вице-адмирал оставался на своем командном посту в течение всего февраля, и после всех предъявленных ему обвинений ему было оказано доверие (приказом Адмирала) возглавить флот в случае нового сражения, причем независимо от того, на каком галсе был бы флот. Отсюда следует, что Адмирал в то время не считал его виновным в нарушении им его обязанностей.

Ни одно из представленных свидетельств не подтверждают обвинения в том, что Вице-адмирал нарушил свои обязанности.

Последнее, информация, на которой построены обвинения, представляется поверхностной, абсурдной и неверной; свидетельства, представленные для ее поддержки, недостаточны, и большое число свидетелей, как со стороны обвинения, так и со стороны подсудимого опровергли ее, полностью и по отдельным частям.

Поэтому суд единогласно оправдывает подсудимого и он таким образом почетно оправдан».

Слушание дела Мэтьюса началось 16 июня 1746 года. Лесток подал обвинения по 15 пунктам, и здесь, правда, после бурных дебатов, сторонники расширенного толкования «Инструкций по походу и бою» потерпели поражение от сторонников их буквальной трактовки. Возможно, это и имело смысл в те дни, поскольку в предыдущие годы дисциплина была на низком уровне. Мэтьюс, рвение которого сделать все от него зависящее для разгрома противников его страны нельзя было бы отрицать, услышал приговор 22 октября:

«Суд опросил представленных свидетелей как со стороны обвинения, так и от обвиняемого и, тщательно рассмотрев их показания, единогласно принял решение о том, что Томас Мэтьюс, допустив различные нарушения своего долга, был главной причиной неудачи флота Его Величества в Средиземном море в феврале месяце 1744 г., что он подпадает под действие Статьи 14 Акта 13-го Карла II по установлению статей и приказов для лучшего управления флотом Его Величества, военными кораблями и силами на море, и суд единогласно решил, что упомянутый Томас Мэтьюс^[90] должен быть уволен со службы за недостойное поведение и быть признанным неспособным к какому-то ни было использованию на службе его Величества»^[91].

Несомненно, с чисто юридической точки зрения Мэтьюс заслужил

такое наказание, но также несомненно, что все поведение Лестока было гораздо более предосудительным, чем его начальника. Мэтьюс допустил просчет, но его намерения были положительными; Лесток цепко придерживался буквы закона, но его намерения были достойны презрения; он как будто сказал себе: *«Мой начальник попал в беду в этом деле; я же буду придерживать только инструкций, и пусть и он, и даже наш флот, и наша страна потерпят поражение; я и пальцем не пошевелю, чтобы помочь ему. Тогда я буду в безопасности, а он, которого я считаю моим личным врагом, понесет наказание»*.

Победа в суде не принесла счастья Лестоку. В том же 1746 году он был восстановлен в звании и даже стал адмиралом синего флага, тогда же его назначили командиров экспедиции против французского порта Лориан, которая с треском провалилась (подробнее мы расскажем об этом чуть позже).

Глава 9

Десант в Шотландию

Меж тем в портах Канала готовилась армия вторжения в Англию.

Еще в 1743 году сменивший умершего Флери кардинал Пьер-Поль Герен де Тенсен («государственный министр без портфеля») от имени короля Франции заключил секретную конвенцию с Яковом III (*Старшим Претендентом*) и Испанией. Суть ее была в следующем: сын Якова — Карл Эдуард Стюарт («Bonnie Prince Charlie» — «красавчик принц Чарли» или Молодой Претендент) от имени своего отца возглавит 25-тысячный контингент французских войск, который высадится в Англии. В случае успешной высадки Испания обещала прислать еще 10 тысяч солдат. С этими силами, как считали Бурбоны, «красавчик Чарли» легко свергнет Ганноверскую династию и вернет себе трон.

Чтобы перетянуть на свою сторону побольше якобитов из шотландцев, предложили участвовать в десанте и герцогу Ормонду, но тот отказался. 29 декабря *Молодой Претендент* втайне выехал из Рима, где долго жил со своим отцом и всего с одним слугой под видом испанского курьера (испанский кардинал Аквавива выдал ему соответствующий паспорт); проехав Тоскану, он 13 января прибыл в Геную, оттуда — в Савону, 17-го высадился в Антибе и 30-го прибыл в Париж, где он получил частную аудиенцию у Короля, после чего инкогнито отправился в Брест.

Известие о появлении Карла Эдуарда во Франции вызвало в Англии шквал эмоций. Министры уже не сомневались в целях собранных в Бретани армии и флота. 3 февраля 1744 года герцог Ньюкасл направил депешу британскому послу в Париже — сообщить французскому министру иностранных дел Жану Жаку Амело де Шалу о том, что Его Величеству известно о прибытии во Францию старшего сына *Претендента*, и он настаивает на том, чтобы, в соответствии с договорами, он был немедленно выслан из Франции. 7 февраля посол Томпсон передал эту ноту Амело, но тот сказал, что должен сперва ознакомить с ней Людовика XV; только 14-го Томпсон получил ответ. Там говорилось, что на эти договоры ссылаться нельзя, так как Англия их никогда не выполняла, а только лишь постоянно нарушала, поэтому не может требовать их соблюдения.

В Англии, предвидя подобное развитие событий, парламент еще 9 декабря 1743 года вотировал 10 миллионов фунтов — просто чудовищная сумма в то время! — на вербовку и довольствие для 40 тысяч моряков,

21 358 солдат во Фландрии, 19 028 бойцов (в т. ч. 1815 отставных ветеранов) — для гарнизонной службы и 11 550 солдат морской пехоты. Однако французы опередили англичан в развертывании.

Осенью в глубокой тайне в Дюнкерке, Кале и Булони были сосредоточены много транспортов, а также реквизированы все торговые суда. В Пикардии и Фландрии разместили готовый к погрузке 15-тысячный корпус под командованием принца Морица Саксонского (незаконнорожденного сына саксонского курфюрста Августа II Сильного от Авроры фон Кенигсмарк). Непосредственно армия вторжения насчитывала 334 офицера и 9695 солдат (в том числе 1200 солдат располагались на военных кораблях) — всего 16 полков и 4 эскадрона драгун, которых планировалось перевезти на 37–38 транспортах в 70—400 тонн (общим тоннажем 7755 т). В Бресте был вооружен флот, задачей которого было охранение десанта.

Состав французской эскадры — 13 линейных кораблей, 1 тяжелый и 2 легких фрегата.

Наименование	Командиры	Пушки	Экипаж
Первый дивизион			
Superbe	Лейтенант-генерал Рокфей (Roquefeuil)	76	600
Neptune	Шеф д'эскадр Камильи	74	600
Juste	Несмон де Бри (Brie)	74	580

Наименование	Командиры	Пушки	Экипаж
Lis	Эспинье	70	560
Fleuron	Де Но	64	500
Elizabeth	Фуйез (Fouilleuse)	64	500
St. Louis	Фолиньи	60	480
Triton	Де Гэ (De Guay)	54	400
Mercure	Дю Буа де ла Мотт	56	400
Venus	Шастеложе (Chasteloger)	26	200
Второй дивизион			
Dauphin-Royal	Шеф д'эскадр Барейль (Barrailh)	76	600
St. Michel	Эстурмель	64	500
Content	Конфлан	60	480
Mars	Перье (Perier)	68	580
Parfaite	Мезонфор (Maisonfort)	46	340
Medee	Окар (Hocquart)	26	200

Командовал соединением лейтенант-генерал Флота Океана 78-летний Жак Эмар де Рокфейль де Буске. Во время Войны за испанское наследство Рокфейль служил под началом лихого корсара Сен-Поля, где на своем «Проте» участвовал в крейсерских операциях в Канале и Северном море. В двадцатые годы капитан служит в водах Ньюфаундленда, искореняя разбой и пиратство в данном регионе. 1 мая 1741 года Жак Эмар получил звание лейтенант-генерала и стал командиром Брестской эскадры. В 1744 году его назначили командующим высадкой в Англии, в случае удачи Людовик XV лично пообещал Рокфейлю маршальский жезл и звание адмирала Франции.

3 февраля Флот Океана, усиленный пятью кораблями из Рошфора, вошел в Канал. Там французов обнаружили 20-пушечный «Байдфорд» и 44-пушечный «Кинсейл», которые конвоировали Ямайский конвой. Кэптен Янг («Кинсейл»), оставив конвой с «Байдфордом», срочно вернулся в Плимут и сообщил о появлении грозного противника у ворот Англии. Адмиралтейство, куда депеша поступила ночью 5 февраля, было в панике. Дополнительную озабоченность внесло то, что ямайский конвой оказался практически беззащитен перед Флотом Океана. Однако англичанам повезло

— французский 60-пушечник обнаружил и остановил только одно торговое судно — «Атлас». Лягушатник приказал купцу следовать за собой, но, пользуясь темнотой, англичанин отстал и пришел в Плимут.

Адмиралтейство приказало адмиралу Джону Норрису срочно вывести Флот Канала в море из Спитхеда, а несколько полков морской пехоты было отправлено в прибрежные крепости Южной Англии. Норрис смог выйти достаточно быстро благодаря распорядительности лейтенантов 16 тендеров, которые снимали со всех проходящих мимо торговых судов гражданских моряков и тут же насильно вербовали их на службу в военный флот. Уже 6 февраля Флот Канала вышел в море, имея полностью укомплектованными три 100-пушечника, четыре 90-пушечника, шесть 70-пушечников, шесть 50-пушечников, а также четыре тяжелых 40-пушечных и шесть легких 20-пушечных фрегатов. Чтобы еще более усилить свою эскадру, Норрис отправился к Даунсу, туда же спешили корабли, вооруженные в Чатэме.

Меж тем Рокфейль с трудом двигался по бурному морю. Противный северо-западный ветер создавал большие трудности в переходе, лишь 17 февраля Флот Океана достиг острова Уайт. Французский адмирал отослал фрегат к Спитхеду, чтобы выяснить силы англичан, однако, к удивлению Рокфейля, вернувшийся разведчик сообщил, что на рейде Спитхеда нет английских кораблей. Предположив, что Норрис отошел к Портсмуту, лейтенант-генерал отослал дивизион (5 кораблей) шефа д'эскадр Барейля к Дюнкерку, чтобы поторопить выход транспортов с войсками. Сам же Рокфейль с оставшимися судами крейсировал у острова Уайт в течение трех дней. Погода все это время была ужасная, сильный ветер, приливные волны, дождь... На «Сюперб» треснул грота-рей (самый нижний рей на грот-мачте), часть парусов было разорвано в клочья. 22 февраля измученные штормом французы бросили якорь у мыса Данджнесс, расположенного на побережье английского графства Кент, примерно в 18 милях к юго-западу от Дувра и в 8 милях к востоку от мыса Рай, где был расположен маяк. Здесь их и застали объединенные силы адмиралов Норриса, Харди и Мартина. Состав английской эскадры был следующим:

Наименование	Пушки	Примечания
VICTORY (Виктори)	100	адмирал Норрис
Duke (Дюк)	90	Контр-адмирал Харди
Sandwich (Сэндвич)	90	Контр-адмирал Мартин
St. George (Сент-Джордж)	90	Кэптен Бинг
Princess Royal (Принсесс Роял)	90	
Princess Amelia (Принсесс Амелия)	80	Кэптен Сент-Лю
Comwall (Корнуолл)	80	
Shrewsbury (Шрусбери)	80	Контр-адмирал Дейверс
Suffolk (Саффолк)	70	
Northumberland (Нортумберленд)	70	
Prince Frederick (Принс Фредерик)	70	

Наименование	Пушки	Примечания
Captain (Кэптен)	70	
Worcester (Вустер)	60	
Deptford (Депфорд)	60	
Augusta (Аугуста)	60	
Dreadnought (Дредноут)	60	Кэптен Боскауэн
Jersey (Джерси)	60	Кэптен Гарри Норрис
Medway (Медуэй)	60	
Princess Mary (Принсесс Мери)	60	
Preston (Престон)	50	
Anglsea	44	
Kinsale	44	
Gibraltar	20	
Dolphin	20	
Phoenix	24	Кэптен Бродерик
Scipio	8	Брандер
Aetna	8	Брандер
Terror	8	Мортирный бот
Lightning	8	Мортирный бот
Portsmouth	20	Шлюп

Таким образом против 9 оставшихся у Рокфейля кораблей вышли 19 линкоров и 5 фрегатов англичан, причем гораздо более сильных и

избежавших повреждений от шторма (некоторые историки отмечают, что именно тогда французские адмиралы всерьез пожалели об отказе от строительства кораблей I ранга). Британцы обогнули мыс Саут Форленд и быстро сближались с французами, однако вскоре прилив сменился отливом, и Ройял Неви был вынужден бросить якорь в 2 лигах от Флота Океана, прижавшегося к мысу Данджнесс.

Французы оказались в жалком положении, на военном совете, срочно созванным Рокфейлем, было решено *«на рассвете сняться с якоря, дождаться начала прилива в 7 часов вечера и затем выйти из бухты на запад, поставить все имеющиеся паруса, выйти из Канала и возвратиться в Брест без соблюдения боевого порядка»*. Но, когда они снимались с якорей, задул свежий ветер от ост-норд-ост, который быстро перерос в шторм и понес Флот Океана со скоростью 4 лиги в час на восток. Французы могли нести только паруса на бизань-мачтах, и к рассвету следующего дня они были к разбросаны к северу и югу от Портленда и мыса Барфлёр, после чего их разделил густой туман. В панике корабли взяли курс на запад и вернулись в Брест в полном беспорядке, с большими повреждениями.

Британская эскадра была сильно повреждена этим же штормом. Увидев, что французы малодушно бежали, Норрис вернулся к Даунсу 27 февраля, прежде отослав Чарльза Харди со всеми трехдечниками в Портсмут, где они были бы в большей безопасности.

Тем временем Барейль прибыл в Дюнкерк и начал погрузку войск на транспорта. Солдаты шли на корабли неохотно, пришлось даже казнить одного из них, чтобы устроить остальных и закончить погрузку десанта. Уже 7000 солдат были погружены вместе с оружием и припасами, когда тот же шторм, который раскидал флот Рокфёйля у Портленда, разбил в Дюнкерке несколько транспортов. Некоторые из них погибли^[92], другие были выброшены на берег. Большая часть транспортов после шторма оказалась негодной для плавания, погибло и значительное количество солдат. Это несчастье заставило отложить проект высадки в Англии, войска вернулись в Кале, генералы — в Париж, а *Младший претендент* — в Версаль.

Флот Океана прибыл в Брест в начале марта; вместо Рокфейля, умершего от подагры, командующим был назначен шеф д'эскадр Камильи. Морепла призывал нового командующего действовать активно, выйти в море, однако 78-летний Камильи (сменивший, кстати, 79-летнего Рокфейля) выходить из Бреста отказался, хотя имел 13 линкоров и 2 фрегата, а в случае соединения с Барейлем — и все 17 кораблей и

4 фрегата. Разъяренный министр флота отправил Камиллы в отставку и разделил Брестскую эскадру на малые отряды по подобию Тулонской. В апреле вышли к берегам Ирландии «Марс», «Венус» и «Контэн», которые смогли захватить у Фастнета «Нортумберленд» (об этом подробный рассказ впереди). 31 мая шеф д'эскадр Рошамбо вышел из Лорьяна с 76-пушечными «Сюперб» и «Дофин-Руаяль» в качестве прикрытия конвоя из 22 транспортов, шедших в Канаду. Примечательно, что Рошамбо чуть не перехватил Энсона, возвращавшегося в Англию с серебром на 400 тысяч фунтов (мы уже рассказывали об этом).

В это же время в устье Тахо вошел британский конвой с провиантом для Гибралтара, и Морепя срочно приказал Рошамбо заблокировать его. Соединение шефа д'эскадр срочно усилили, и вскоре 6 французских кораблей появились у Лиссабона, за ними должен был подойти и Несмонд с 6 линкорами. Однако раньше всех к устью Тахо подошел адмирал Болчен (*Balchen*) с 25 кораблями, и Рошамбо был вынужден бежать. Морепя, недолго думая, уволил Рошамбо из флота. Эти действия морского министра следует признать необдуманными и поспешными — 69-летний шеф д'эскадр показал себя энергичным руководителем, только благодаря его энергии (Рошамбо, кстати, к этому времени перенес два апоплексических удара) в Рошфоре смогли довооружить и укомплектовать экипажами еще 4 линкора, которые присоединились к отряду уже 2 июня.

Подошедший же к побережью Португалии Несмонд смог захватить английский фрегат «Соулбэй» и 7 торговых судов. И все же главные потери англичанам нанесла природа: 100-пушечный «Виктори» перевернулся и погиб 4 октября 1744 года в бурном Олдернейском проливе. Утонул коммодор Джон Болчен и 1150 моряков.

Так и закончилась попытка высадки *Младшего претендента* весной 1744 года. В очередной раз малое количество сил и полная несогласованность действий между армией и флотом позволили англичанам сравнительно легко отбить все попытки высадки на территории Англии.

Глава 10

Война во Фландрии и восстание якобитов

Фонтенуа

Провал высадки в феврале 1744 года не остановил якобитов. Уже в январе 1745 года анонимный автор подал во французское Военное ведомство новый план, где предлагал собрать в Бресте крейсерские суда, которые отвлекут на себя силы Ройял Неви, а армия вторжения в 5000–8000 человек тем временем будет передислоцирована в Остенде и неожиданно переправлена в Англию. План этот отвергли, но англичане очень нервно восприняли успешные действия французской армии в австрийских Нидерландах.

Еще в 1744 году маршал Ноаль и король, командуя войсками, взяли приграничные бельгийские крепости Ипр, Мэнен, Фурнэ и другие. Чтобы остановить стремительное наступление французов, австрийцы послали большую, 70-тысячную армию под началом Карла Лотарингского в Эльзас, и французы вынуждены были перегруппировать часть сил на новое направление.

В апреле 1745 года Мориц Саксонский двинулся в Бельгию с 90-тысячной армией (69 000 пехоты и 25 600 конницы), имея намерение занять устье Шельды и отсечь австрийцев от английской помощи. Саксонскому противостояли англо-ганноверские и голландские войска под командованием генерала Джорджа Вейда и принца Морица Нассауского, в январе 1745 года для пущей важности командующим союзными войсками поставили третьего сына Георга II — 24-летнего Уильяма Августа, герцога Камберленда. Молодой начальник рвался в бой, на бесконечных военных советах он повторял, что нынешнюю кампанию союзники закончат в Париже. Напрасно приставленный к герцогу пехотный генерал Лигоньер убеждал Камберленда, что французы имеют численное преимущество, что армия Саксонского хорошо вымуштрована, что действия во Фландрии — это прежде всего борьба за крепости, в результате был принят наступательный план действий.

Однако первыми начали действовать французы. Д'Эстрэ с конницей подходил к Монсу, туда же двигался и дю Шэла с 20-тысячным отрядом пехоты. Камберленд, спешно реагируя на угрозу, двинул свои войска к Монсу, однако оказалось, что Мориц Саксонский просто произвел отвлекающий маневр. Главной его целью был расположенный севернее

город Турне. В результате войска союзников отделились от береговой линии, тогда как между ними и побережьем вклинились французские отряды, к тому же теперь Мориц угрожал Генту, Лиллю и Ауденарду.

Скорым маршем Камберленд повел все наличные силы к Турне, и 9 мая полностью обессиленные солдаты союзников увидели французские полки. Начиналась главная битва войны за австрийские Нидерланды. Обе стороны имели примерно по 50 тысяч солдат и чуть более 100 орудий. Позиция Саксонского была сильной — правый его фланг упирался в Антуанский замок^[93], расположенный на реке Шельда; выдвинутый вперед центр защищали укрепления деревни Фонтенуа, а слева обходной маневр союзникам не дал бы совершить лес Барри, причем весь французский центр был выстроен на краю оврага, усиленного окопами и ретраншементами. Поэтому при атаке в лоб англичане, ганноверцы и голландцы вынуждены были бы сначала спуститься в этот естественный ров, а потом идти на штурм снизу вверх под огнем французов.

В два часа ночи 11 мая Камберленд предпринял атаку. Ганноверцы составили правый фланг, голландцы и австрийцы — левый. Англичане шли по центру. План был следующим: голландские и австрийские части атакуют правый фланг Саксонского между Антуанским замком и Фонтенуа и попытаются сковать центр и опрокинуть правый фланг. Как только Мориц начнет перебрасывать резервы, по левому его флангу ударят англичане и немцы.

Голландцы и австрийцы начали форсировать овраг стройными рядами и попали под шквальный огонь картечи с двух сторон. В 6.00 на помощь голландцам к Антуанскому замку, где стойко держали оборону егеря и драгуны французов, подошел английский корпус Ингольсби, но плотный огонь французов вселил в бригадира неуверенность и тот промедлил с атакой. В этот же момент на другом фланге основные силы ганноверцев и англичан готовились к главной атаке между Барри и Фонтенуа. Первой пошла вперед конница Кэмпбелла, однако в овраге она скучилась, и поражаемая выстрелами со всех сторон, повернула назад.

В это время голландцы предприняли новую попытку атаки, переместив ее ближе к Фонтенуа. Нидерландские полки стройными рядами пошли на приступ, но ситуация повторилась — заговорили пушки и мушкеты, и опрокинутые нидерландцы снова бежали.

В 10.30 англичане и ганноверцы были готовы атаковать, к этому же моменту голландцы и австрийцы были полностью деморализованы, поэтому Саксонский вполне смог усилить левый фланг. Чтобы этого не случилось Камберленд уговорил Вальдека произвести новую атаку, на что

голландцы согласились, введя в бой последние резервы. Камберленд выстроил англо-ганноверские войска в две линии и сам повел в бой 20 батальонов пехоты (около 15 тыс. человек). Чтобы с наименьшими потерями форсировать овраг, герцог приказал рассредоточить по линии легкие трехфунтовые орудия, которые помогли бы пехоте в борьбе с французской артиллерией. Кроме того, к краю оврага была подвинута батарея 26-фунтовых орудий для контрбатарейной стрельбы.

Четко, словно на параде, англичане двинулись на смерть. Согласно легенде, командир 1-го гвардейского английского полка лорд Гэй, достав флягу с вином и сняв шляпу, воскликнул: *«Господа французские гвардейцы, огонь!»*. Граф д'Отрош, лейтенант французских гренадер, отвечал: *«Господа, мы никогда не стреляем первыми, стреляйте сами!»* И сразу же за этими словами последовал залп английских солдат. Огонь англичан смел разом около 700–800 французов^[94]. Британцы сражались яростно, потеснив противника, но все решил фланговый огонь французских пушек и атаки кавалерии с флангов. Около 13.00 британцы и ганноверцы медленно и неохотно начали отступление.

Мориц ввел в бой резерв — элитные полки «серых» и «черных» королевских мушкетеров. Мушкетеры пустили лошадей в галоп, офицеру де Монтестье пришла в голову счастливая мысль атаковать отступающих англичан сомкнутыми рядами, а не врассыпную, как бывало прежде. Общий штурм длился не больше восьми минут, но за это время погибли 73 французских офицера, в том числе 5 полковников и 5 гвардейских капитанов, 55 человек были тяжело ранены, 464 получили легкие ранения, однако неприятель обратился в бегство. К часу дня все было кончено. Потери врага составили около 14 000 убитыми и ранеными, а французов — 7000. *«Смотрите, какова цена торжества, — горько изрек король, идя по полю, усеянному трупами, — кровь наших врагов — кровь человеческая; подлинная слава — избежать ее пролития»*.

После битвы старый маршал Саксонский говорил королю, стоя на коленях: *«Сир, я много прожил; сегодня я желал бы жить лишь для того, чтобы увидеть победу вашего величества. Вы видите, от чего зависят сражения»*.

«Сорок пятый»^[95]

Поражение про Фонтенуа застало англичан врасплох. Адмирал Вернон говорил: *«Судьба Англии и войск Камберленда теперь зависит от того, как долго удержится Остенде»*. В начале июля 1745 года к коменданту

Остенде графу Чандосу был послан фрегат «Перл» под командованием кэптана Томаса Смита. Задача, поставленная ему Адмиралтейством, была проста — сделать рекогносцировку и определить, чем Ройял Неви может помочь в обороне города. В своем отчете Смит писал, что корабли мало помогут австрийцам удержать Остенде — французские пушки располагались на высотах за пределами дальности корабельной артиллерии. Все же с «Перла» сгрузили все 24-фунтовые орудия и поставили к ним корабельных пушкарей. Батарея англичан вела эффективную контрбатареиную борьбу с французами, однако частные успехи не могли изменить общую ситуацию, и 23 августа 1745 года город капитулировал.

Адмиралтейство срочно стягивало корабли в Спитхед и Даунс. 27 июля, еще до падения Остенде, лорды пишут письмо сменившему Мэтьюса на Средиземном море контр-адмиралу Уильяму Роули с приказом отправить все корабли с чистыми днищами в метрополию для усиления Флота Канала, командовать которым назначили нашего старого знакомца по Картахене — Эдварда Вернона.

Надо сказать, что для предотвращения переправы *«красавчика принца Чарли»* на острова из Плимута к Лизарду вышла небольшая эскадра вице-адмирала Мартина в составе трех 70-пушечных и одного 64-пушечного кораблей. Диспозиция остальных сил Флота Канала выглядела следующим образом:

- у Сен-Мало — три 50-пушечника и один брандер;
- в Плимуте — четыре 70-пушечника и один 58-пушечник;
- в проливе Св. Георга — три линкора в 60, 50 и 55 пушек, а также один 18-пушечный фрегат;
- в Даунсе — адмирал Вернон с пятью 90-пушечными, одним 60-пушечным, одним 50-пушечным кораблями и с одним фрегатом. Кроме того, в скором времени к нему спешили присоединиться голландские корабли под началом лейтенант-адмирала Зеландии т'Хоофта — четыре фрегата в 40 пушек, три фрегата в 20 пушек и два прама в 10 пушек^[96].

В инструкциях Мартину предписывалось крейсировать между Лизардом и побережьем Франции, англичане очень опасались выхода из Бреста Флота Океана. Вот выдержка из приказа Адмиралтейства Мартину от 19 июля: *«Ваша задача — по возможности защитить нашу торговлю, поскольку сейчас ожидается очень много торговых караванов из Америки и Индии, а также перехватить все вражеские торговые и военные корабли, которые вы обнаружите. В свою очередь, мы постараемся присылать вам для усиления линкоры и фрегаты по мере их готовности к*

выходу». В результате вице-адмирал ограничил свои передвижения районом Бреста и островов Силли, роковая уверенность британцев, что, если *Молодой претендент* и выйдет, то только из главной базы Флота Океана и в сопровождении французских кораблей, сыграла с островитянами плохую шутку.

Тем временем 12 августа 1745 года, «красавчик принц Чарли» высадился со своими сторонниками в Шотландии. Его высадка была экспромтом, который неожиданно удался — сын Якова III занял 40 тысяч ливров у парижского банкира Георга Вальтерса и нанял на них 16-пушечный капер «Дутель» («Doutelle»). В свою очередь, ирландские судовладельцы, обосновавшиеся во французском Нанте, предоставили наследнику захваченный английский 64-пушечный корабль «Элизабет». На линкор погрузили 700 ирландцев — добровольцев из Ирландской бригады, 1500 мушкетеров и 1800 всадников (в основном — шотландцев).

7 июля из Нанта вышел «Дутель» с *Молодым претендентом* на борту. Около Бель-Иля его взял под охрану 64-пушечный «Элизабет», и маленький отряд взял курс на Ирландию. 9 июля в 4 утра на траверзе Лизарда их обнаружил 58-пушечный «Лайон» под командованием кэптана Перси Брэтта и тотчас же пустился в погоню за французами. Из доклада Брэтта: «Бой начался в 5 часов утра, я вел огонь по корпусу французского 64-пушечника, а он — по мачтам. Огонь противника оказался неожиданно точным, и уже через час я потерял грот-стенгу, к 8 утра — были отстрелены часть бизань-мачты, грота-марсель и грот-рей. В 9 утра мы лишились грот-мачты полностью. Противник, пользуясь преимуществом хода, скрылся в тумане. У меня погибли 45 и ранены 107 человек». Согласно данным шканечного журнала «Элизабет», французские потери составляли 64 человека убитыми и 140 — ранеными. *Молодого претендента* спасло предположение Брэтта, что французские корабли, встреченные им, идут с войсками в Канаду.

«Красавчик Чарли» 25 июля высадился в ирландском Мойдарте (недалеко от Дублина), а в начале августа переправился в Шотландию. 19 августа Чарльз при поддержке вождей из клана МакДональдов въехал в Гленфиннэн, там к нему присоединились другие кланы хайлендеров, в торжественной обстановке была зачитана «Декларация короля Якова III», где Чарльз утверждал, что пришел бороться в Шотландию за трон своего отца. Также по всей Шотландии был распространен манифест, получивший название Гленфиннэнского, где Чарльз сообщал, что якобиты будут бороться:

– за свободу совести, причем не только за восстановление в правах

католиков, но за свободу совести вообще — в том числе для представителей нехристианских религий и атеистов;

— за превращение Великобритании в конфедерацию с правом добровольного выхода как для Англии с Уэльсом, так и для Шотландии с Ирландией;

— за разрыв унии 1707 года между Англией и Шотландией как коррупционной и насильственной и за создание унии на добровольной основе;

— за запрет на принудительные приводы на протестантские церковные службы и за прекращение преследования непротестантов.

В общем, манифест этот составил бы честь даже любой нынешней партии, тогда же его восприняли, как идеал просвещенной монархии.

Что касается Вернона, он крейсировал у Дюнкерка и Остенде до 13 сентября 1745 года.

Англичане, с опозданием узнавшие о высадке *Претендента*, 3 августа издали в «Лондон Гэзет» сообщение, где обещали 30 тысяч фунтов за поимку Чарльза Джеймса Стюарта, в ответ на это «красавчик Чарли» издал прокламацию, где точно такую же сумму предлагал за Георга II Ганноверского, живого или мертвого. В общем, стороны обменялись любезностями и начали готовиться к военным действиям. *Молодой претендент* взял быка за рога — уже 13 августа пали Данди и Перт. 27-го якобиты практически без сопротивления вошли в Эдинбург. Верные Георгу шотландцы в панике бежали из Хайленда, вся Шотландия восстала. Парламент срочно отрядил на усмирение восстания сэра Джона Коупа с 1500 солдат, однако он еще грузился на суда в Данбаре (город, расположенный в 20 милях от столицы Шотландии), когда до него дошла весть о падении Эдинбурга. Коуп все же решил дать бой повстанцам — со своим отрядом, усиленным артиллерией, он двинулся к Эдинбургу. Однако 21 сентября георгианцы были наголову разбиты у Престонпанса (бой, по свидетельствам современников, длился всего 15 минут) и позорно бежали.

Всего англичане имели в Шотландии 29 пехотных батальонов (из которых 8 были голландскими), и 16 эскадронов драгунов и кавалерии, то есть около 10 тысяч штыков и сабель. Однако это количество к середине сентября посчитали недостаточным и послали предписание во Фландрию перевезти оттуда еще 6 батальонов и 9 эскадронов.

Тем временем «красавчик Чарли» обладал совокупными силами около 15 тысяч человек, но лишь 3–4 тысячи из них представляли регулярные формирования. Чарльз очень надеялся на подкрепления из Франции, тем более что король Людовик, получивший известия о взятии Эдинбурга,

приказал Морепа подготовить погрузку 6000 штыков на французские корабли для высадки в Шотландии. Войска, согласно плану, должны были быть загружены в Остенде на 30 или 40 линкоров, вооруженных «эн флюйт»^[97], которые должны были без конвоя отплыть к берегам Шотландии. Предполагалось, что разоруженные таким образом суда смогут довольно легко отбиться от британских шлюпов и фрегатов, крейсирующих перед Остенде. План этот не был реализован, хотя он сулил кое-какие шансы на успех. С одной стороны — французы, по-видимому, ничего не знали об эскадре Вернона, крейсирующей в Ла-Манше (а в ее составе были линейные корабли), с другой — при юго-восточном ветре Вернон никак не мог помешать движению каравана.

Вскоре план высадки был скорректирован, теперь хотели десантировать 10 000 солдат в устье Темзы, причем войска загрузить на транспортные суда, а в охранение по примеру 1744 года вывести весь Флот Океана. Этот план был раскритикован де Бюсси, который утверждал, что в устье Темзы довольно много английских кораблей и это сделает высадку невозможной. Даже в случае успешного десантирования англичане могут прервать снабжение войск вторжения и экспедиционный корпус просто будет взят измором. Тем не менее Людовик приказал начать реализацию данного проекта. Командующим экспедиционным корпусом назначили маршала Ришелье; в Гавр, Булонь, Кале, Дюнкерк и Остенде французы начали стягивать большое количество кораблей 4—5-го рангов (от 30 до 50 орудий), в связи с чем 2 октября Вернон был срочно усилен. Поскольку англичане не знали, где французы планируют высадку, было принято решение сформировать летучий отряд из всех 50- и 40-пушечных судов эскадры Канала. Задачей этого соединения был перехват французского конвоя, если он выйдет в море.

Подобные же действия произвел адмирал Бинг, отвечавший за побережье Шотландии. Вернон позже писал: *«Я всегда считал, что близкая блокада Дюнкерка зимой гораздо более действенна, чем погоня за уже вышедшими каперами и разбазаривание собственных сил и средств. Поэтому я приказал своим крейсерам держаться по возможности вместе, чтобы, в случае столкновения с врагом поразить его морально и подавить своей численностью, а также обязательно нейтрализовать»*.

Конечно, удача может сопутствовать некоторым каперам, они могут счастливо обойти патрули и высадить войска в какой-либо из мелких бухточек Шотландии. Для противодействия этому необходимо создать сеть дозорных постов и патрулей у побережья Хайленда, которые сразу же отрежут высадившихся и от подвоза припасов, и от

повстанцев».

Тем временем «красавчик Чарли», окрыленный победой у Престонпанса, решил двинуть свои войска в Англию. Однако для того, чтобы противостоять регулярной английской армии, очень нужны были французские войска, которые никак не могли высадиться на Острове. И все же *Молодой претендент* был уверен, что французы без проблем перекинут армию Морица Саксонского из Фландрии в Британию, поэтому двинулся на юг. 25 ноября Чарльз был под Престоном (в Ланкашире), к 3 декабря пришла информация, что к погрузке готовы 15 тысяч солдат Людовика. Вернону было послано срочное указание выйти в море и противодействовать десанту любыми способами, не исключая атаки и на рейдах Остенде и Дюнкерка. По инициативе кэптенов Боскауэна и Смита у берегов Кента и Суссекса срочно формируется флотилия маленьких прибрежных фрегатов (10–12 пушек на корабле и возможность ходить под веслами). Основная задача нового формирования — дозорная служба у побережья и атака возможного десанта в прибрежной зоне.

15 декабря Вернон получил сведения, что большой французский караван отплыл из Остенде в неизвестном направлении. Тотчас же были разосланы крейсера, особое внимание было уделено Дюнкерку, однако вернувшийся оттуда скаут сообщил, что французы там в прежней численности. Наконец около Булони два английских приватира перехватили конвой из 60 мелких французских судов, груженых провизией, пушками, ремкомплектами для боевых кораблей. 19 судов были сожжены, остальным удалось укрыться на отмелях, но каперы пустили брандеры и смогли спалить еще 17 транспортов, а остальные сдались на милость победителя. 25 декабря, под Рождество, длинная вереница захваченных французских судов вошла в Дувр под несмолкаемые залпы пушек. После этого события французы решили отказаться от высадки большого количества французских войск в Англии, решив подбрасывать Чарльзу подкрепления челночными рейдами фрегатов.

2 января 1746 года Вернон из-за конфликта с лордами Адмиралтейства и членами парламента (которые отказались дать ему звание «адмирал флота») ушел в отставку, его место занял адмирал Мартин.

Что же касается «красавчика Чарли» — с 13 тысячами пехоты и 3000 конницы он 9 ноября осадил Карлайл, который после недельного сопротивления сдался, а далее якобиты проследовали к Манчестеру. Лорд Дерби — глава георгианцев — отказался от обороны Манчестера и покинул его. 4 декабря *Молодой претендент* был у Дерби, туда же подтягивались и главные силы парламента. Утром 5 декабря в Эксетере

собрались главы восстания для определения последующих действий. На совете Чарльз настаивал на дальнейшем наступлении. Конец уже близок, говорил он. Осталось последнее усилие — и узурпатор будет сброшен с трона. Ему возражал Джордж Мюррей — один из шотландских лендлордов. Он обращал внимание принца на то, что англичане стягивают к Ланкаширу уже три свои армии и что горцы не могут разбить три армии подряд, скорее, их разобьют. В ответ Чарльз сказал, что со дня на день в Кенте и Эссексе высадятся французы и, в свою очередь, англичане окажутся зажаты в тиски, а не шотландцы.

Мнения разделились, однако *Претендент* решил идти вперед, но вскоре войска мятежников спешно повернули обратно, в Шотландию. Связано это было вот с чем: 30 января 1746 года главнокомандующим английской армии в метрополии назначили Вильгельма Августа, герцога Камберлендского. До этого Камберленд командовал одной из двух правительственных армий, другой руководил генерал Джордж Уэйд. Сразу после своего назначения главнокомандующим сын Георга прибыл в Глазго, где находилась штаб-квартира Уэйда. Это был очень важный пункт, ибо он находился в тылу у якобитов. Чарльз, вполне понимая значение Глазго, попытался его штурмовать. 25 декабря 1745 года приверженцы Стюартов одержали победу при Фолкирке и смогли потеснить Уэйда, однако этого оказалось недостаточно. Вильгельм Август организовал пополнение и снабжение северной армии морем, что сильно беспокоило «красавчика Чарли». Он, прекратив осаду Стирлинг-Кастла и Форт-Уильяма, повернул на север и совершил скорый марш к Эдинбургу. В свою очередь, герцог Камберлендский с помощью поддерживающих правительство кланов и регулярных сил прошелся по Хайленду и был уже в районе Абердина. Туда же поспешил и *Претендент*.

14 апреля 1746 года обе армии выстроились друг напротив друга в местечке Каллоден-Мур на северо-востоке Шотландии. Англичане имели 8000 солдат (15 пехотных батальонов и 3 драгунских эскадрона), а также 16 пушек, из которых добрая половина — больших калибров. В составе корпуса Камберленда присутствовали и 5000 гессенцев, переброшенных из Европы. В свою очередь, Чарльз имел 7000 человек (из которых только Ирландский полк и 5 полков Джона Стюарта с натяжкой можно было считать регулярными), а также 12 пушек мелких калибров. Остальные силы составляло шотландское ополчение — абсолютно не обстрелянное, морально неустойчивое и плохо вооруженное^[98]. Кроме того, большая проблема была с грамотными офицерами.

На следующий день — то был день рождения герцога

Камберлендского — правительственным солдатам выдали по два галлона бренди на полк. В 20.00 повстанцы решили произвести атаку на англичан. Мюррей правым флангом начал наступление, решив форсировать речку Нэрн и атаковать левый фланг Камберленда. Движение в сумерках по пересеченной местности смешало ряды шотландцев, в результате часть повстанцев просто потерялись. Достигнув Ивернесса, Мюррей приказал разбить лагерь и прекратить движение.

На следующее утро, 16 апреля, в 5 утра войска левого фланга Камберленда ударили во фланг по выдвинувшемуся Мюррею. Повстанцы, опасаясь быть отрезанными, начали отходить, когда с правого фланга их атаковали драгуны Кингстона и Кобхэма. Подвезенная артиллерия георгианцев закончила дело — Камберленд приказал снести линии шотландцев картечью. Дело мог бы поправить «красавчик Чарли», командовавший левым флангом, но он недопустимо промедлил. В результате весь правый край повстанцев обратился в бегство.

Только Ирландский полк, во главе которого стояли французские офицеры, показал себя с лучшей стороны — ирландцы бросились в штыковую на 4-й пехотный батальон Барейля и просто опрокинули его, нанеся правительственным войскам ощутимые потери, но вскоре были окружены с трех сторон и безжалостно расстреляны.

Мюррей, пытаясь спасти положение, кинул в бой эскадроны Килмарнока, однако артиллерия Камберленда в этот день творила чудеса — кавалерия горцев была обескровлена и обратилась в бегство. Всего в этот день кланы потеряли от 1500 до 2000 убитыми и ранеными, а также 376 человек пленными (из них 222 — француз). Потери же правительственных войск составили 50 убитыми и 259 — ранеными. После поражения армия *Молодого претендента* мгновенно растаяла — уже к 18 апреля под его началом остались только французы, которые на следующий же день сдались англичанам.

30 апреля в бухте Лохабер французские фрегаты «Марс» и «Белонна» начали выгрузку войск, привезенных на помощь Чарльзу, однако они были атакованы шлюпами берегового патруля Его Величества — «Грейхаунд», «Террор» и «Балтимор». С трудом, лягушатники, смогли отбиться и завершили десантирование.

Бои разрозненных отрядов повстанцев еще продолжались, когда *Молодой претендент*, переодевшись в горничную жены эрла Макдональда — Флоры Макдональд, добрался до бухты Эрсэг и переплыл на Гебриды. Оттуда он после долгих приключений попал в Лохабер, где 19 сентября был подобран французами и увезен во Францию.

Грозный «сорок пятый» закончился полным поражением якобитов.

Глава 11

Борьба за Канаду

Осада Луисбурга

Стоит отметить, что если в Индии английская и французская Ост-Индские компании поддерживали относительный нейтралитет до 1746 года (года взятия Мадраса), то в Канаде боевые действия начались уже в 1744 году.

3 мая в Луисбург (крепость на острове Кейп-Бретон, заложена в 1713 году, после заключения Утрехтского мира, а окончательно достроена в 1720 году^[99]) пришло известие о том, что Франция вступила в Войну за австрийское наследство.

Луисбург был построен по прямому указанию Людовика XIV. По замыслу короля после падения Акадии и французских станций на Ньюфаундленде Новая Франция и Канада, так зависящие от поставок продовольствия и материалов из метрополии, стали уязвимыми. Пути подвоза перекрыли английские станции на Ньюфаундленде и в Новой Шотландии, а устье реки Святого Лаврентия стало совершенно беззащитным. Чтобы исправить это положение, и была построена крепость Луисбург.

Однако — парадокс! — эта крепость также зависела от подвоза продовольствия из Франции и акадских поселений (сохранивших в силу своего французского населения торговые связи с соотечественниками). Именно из Акадии приходили мясо и зерно, рыба и овощи. Все это доставлялось морским путем, который так легко могли прервать британцы, в случае войны либо послав крейсера к Новой Шотландии, либо сделав вылазку из фортов Аннаполис-Ройял и Кенсо и просто оккупировав всю Акадию.

Учитывая эти соображения, а также получив письмо Морепя, в котором морской министр советовал не ждать у моря погоды и самим начать активные действия, комендант Луисбурга Жан Батист Луи Прево Дюкенель решил сделать вылазку в Новую Шотландию и разгромить один из английских фортов — Кенсо.

Выбор именно этого английского поселения не был случаен — во-первых, Кенсо находился всего в 60 милях от Луисбурга и располагался на побережье, то есть легко брался десантом с моря. Кроме того, согласно

данным разведки, форт охраняли всего 87 английских солдат 40-го полка, а мобилизационный ресурс поселения был очень маленьким. Несмотря на то что Кенсо был крупным перевалочным пунктом рыбаков (250 шхун и 3000 моряков появлялись там в сезон лова трески), самих поселенцев было не более 50 человек. Большую роль также сыграло и то, что в Аннаполис-Ройял недавно отремонтировали укрепления, тогда как в Кенсо единственным препятствием для атаки был низенький, покосившийся, насквозь прогнивший частокол.

Если бы англичане решили начать блокаду Луисбурга, Кенсо был бы идеальным местом для базирования блокирующей эскадры. Как отмечал губернатор Массачусетса Уильям Ширли, этот форт *«имеет самую удобную гавань для любого судна, имеющего задачу перехвата торговых судов на входе в Луисбург; используя гавань Кенсо, можно было в самое скорое время довести французскую крепость до большого бедствия»*.

Ну и на сладкое — в Кенсо были большие запасы трески, которая так полюбилась парижским беднякам, и Дюкенель хотел бы поправить свое благосостояние, выгодно продав рыбу, захваченные товары и суда.

23 мая 1744 года из гавани Луисбурга вышли 2 приватира, 1 шлюп и 14 рыбацких судов с десантом из 351 человека (139 морских пехотинцев и 212 канадских милиционеров). Командовал отрядом капитан корпуса морских пехотинцев Новой Франции Франсуа дю Пон Дювивье. На следующий день, на рассвете, приблизившиеся к берегу приватиры начали обстрел деревянного блокгауза у кромки воды. При первых же выстрелах из блокгауза выбежал командир гарнизона Кенсо Патрик Херон с белым флагом в руках. Позже он оправдывался, что *«сдаваться в таких случаях надо вовремя, чтобы требования капитуляции были не слишком жестокими»*.

В это же время лейтенант английского флота Джордж Ридалл открыл огонь своей четырехпушечной батареей по французскому шлюпу, однако французы подошли поближе и дали несколько бортовых залпов по противнику, в результате был убит один и ранено четыре милиционера. Сразу же после этого ополченцы начали разбегаться, а над батареей взвился белый флаг.

На опустевший берег был высажен десант во главе с Дювивье, который обозначил условия сдачи форта. Уже к 12.00 Кенсо перешел под французскую юрисдикцию. Были захвачены большие запасы трески, рыбьего жира, ворвани, а также несколько рыбацких шхун и инвентарь для ловли рыбы. Все остальное предали огню. Дювивье ожидал помощи от двух приватиоров — «Карибу» и «Ардан», — стоявших на рейде Луисбурга,

чтобы молниеносно атаковать и Аннаполис-Ройял, однако корабли не подошли. Французский экспедиционный отряд ретировался обратно на Кейп-Бретон.

Этот полупиратский рейд всерьез встревожил губернатора Массачусетса Уильяма Ширли, а также правящие круги Новой Англии. Последние получали основной доход от рыбной ловли у берегов Ньюфаундленда и Новой Шотландии, поэтому их коммерческие интересы оказались под непосредственной угрозой. В связи с такой активностью французов местные плантаторы и торговцы ожидали сильной атаки на Аннаполис-Ройял уже следующей весной, а представителям Его Величества Георга II мерещилась атака «сахарных» островов Вест-Индии с помощью канадских поселенцев. Интересы короны и колоний совпали, поэтому Ширли дали карт-бланш — надо было атаковать Луисбург, чтобы сковать французские отряды в данном регионе. Но надо сказать, что англичане не надеялись взять Луисбург, в метрополии были уверены — Ширли отвлечет французские силы к Кейп-Бретону и тем самым просто обезопасит от нападений Акадию и Новую Шотландию.

В январе 1745 года решение о нападении было принято окончательно. 25-го числа Ширли пишет письма с просьбой подсобить кораблями и транспортом командующему Ямайской эскадрой Чалонеру Оглю и главе Барбадосского отряда коммодору Питеру Уоррену. Губернатор Массачусетса обещает к марту поставить под ружье 3000 человек, нанять большое транспортное судно, водоизмещением не менее 400 тонн, а также несколько каперов поменьше. И все же, писал Ширли, успех экспедиции зависит от того, сможет ли его поддержать Ройял Неви. Огль получил данное послание лишь 14 марта, его ответ оказался столь же емко, сколь и лаконичен: *«Я думаю, что не имею полномочий для исполнения пожеланий мистера Ширли»*.

Спас губернатора его закадычный дружок — коммодор Питер Уоррен. Уоррен, помимо приятельских отношений с Ширли, принимал близко к сердцу все колониальные дела, поскольку имел большие поместья в провинции Нью-Йорк и был женат на Саре Джонсон, дочери известных бостонских Джонсонов, влиятельных колониальных торговцев и политиков. Горацио Уолпол писал о коммодоре позже как о *«богаче энсоновского размаха с диктаторскими, как у Вернона, замашками»*.

Письмо Ширли попало к Уоррену 22 февраля 1745 года. Сразу же был проведен военный совет, на котором решили запросить инструкции у Адмиралтейства. Уоррен взял на себя смелость написать своему другу — коммодору Джорджу Энсону письмо, где просил оказать содействие в

исполнении просьбы Ширли и помочь ему кораблями, поскольку Луисбург — «это ворота в Канаду». Пока же Уоррен ограничился посылкой в Бостон двух кораблей — 40-пушечных фрегатов «Ланчестон» и «Мермейд», хотя вскоре послал к ним еще и 60-пушечный «Веймут»^[100] с 40-пушечным «Гастингсом». 8 марта, не дожидаясь ответа из Адмиралтейства, коммодор решил пойти к Бостону сам с 60-пушечным флагманом эскадры «Сюперб».

Эти действия встретили крайнее озлобление английских капитанов — дело в том, что Барбадосский отряд уже три месяца крейсировал у Антигуа, перехватывая французские корабли с сахаром, а тут Уоррен без приказа свыше решил перевести отряд к бедной и нищей Северной Америке, где совершенно невозможно захватить сколь-нибудь значимые призы! Заводилой бунта оказался коммодор Чарльз Ноульс, переведенный Оглем с Ямайки на «Сюперб». Протеже Огля уже захватил 63 французских приза и был не прочь еще поживиться в этих водах.

Официально, конечно же, был озвучен другой повод — в своем рапорте Ноульс писал, что вскоре к Мартинике должна подойти французская эскадра и уход большей части кораблей к Северной Америке оголит Вест-Индию^[101]. Уоррен не испугался, а сделал Ноульсу выговор, сообщив, что, пока он является командующим отрядом, он не позволит нарушать дисциплину даже самым заслуженным офицерам эскадры.

Ноульс был переведен на 40-пушечный «Вулвич» и вместе с 20-пушечным «Лим» послан к берегам Новой Шотландии. На посту командира «Сюперба» Ноульса сменил Ричард Тэддиман. Перед уходом кэптен и лейтенанты «Сюперба» имели откровенный разговор с Уорреном, после которого подписали совместное прошение к коммодору не держать на них зла и выразили готовность служить и дальше под его командованием.

Вскоре против решения Уоррена помочь Ширли выступил совет колонии Антигуа — губернатор и Ассамблея писали в Адмиралтейство, что дерзкий коммодор хочет оставить остров беззащитным, а сам ради своих коммерческих интересов увести эскадру к черту на рога. Однако Уоррен и здесь проявил чудеса дипломатичности — он показал письмо от лордов Адмиралтейства, прочитал приказ охранять торговлю «у Вест-Индских островов и всего североамериканского побережья», особенно упирая на вторую часть этого предложения. Сейчас, говорил Питер, необходимо помочь Массачусетсу, ибо его торговле угрожает опасность, тогда как воды вокруг Антигуа и Ямайки свободны от французских корсаров. И все же

основным доводом оказалось обещание быстрого возвращения кораблей к Наветренным Островам.

13 марта в гавань Бостона вошли «Ланчестон», «Руби» и «Мермейд». 15-го было получено письмо от Уоррена вести все войска к Кенсо, куда он планировал прибыть с остальными кораблями. Туда же коммодор указывал прибыть и приватирам^[102] (самые крупные корабли — «Элам» и «Байн Эйм»). На следующий день более 4000 солдат под командованием генерала Уильяма Пепперелла, торговца из Бостона, члена Совета колонии Массачусетс, были погружены на транспорты. Войска в Кенсо решили перевести морем, однако в апреле большой караван с войсками попал в шторм у берегов Новой Шотландии и непогода рассеяла суда. Солдаты страдали морской болезнью, по воспоминаниям, один из них сообщил, что его транспорты были превращены в *«очень большие госпитали, где все хворали в большей или меньшей степени»*.

Даже после того, как силы Новой Англии собрались в Кенсо, Пепперелл вынужден был ждать, пока сойдет дрейфующий весенний лед в заливе Габарус, предназначенном для стоянки флота. Колонисты использовали время в Кенсо для столь необходимой военной подготовки и постарались восстановить разрушенную французами оборону порта.

3 мая к Кенсо подошел приватир «Элам» и сообщил, что главные силы Уоррена скоро придут. Пока же англичане разорили несколько французских поселений на Кейп-Бретоне — Пор-Тулуз и Нигониш.

Что же касается французов, они совершенно не догадывались о масштабе приготовлений британцев. Вообще недооценка англичан, основанная на опыте прошлых войн, оказалась роковой — губернатор Луисбурга Луи дю Пон Дюшамбон считал, что без поддержки метрополии колонисты не могут даже и подумать атаковать французскую крепость. В апреле пришли вести, что довольно большой контингент англичан собирается у Кенсо, но французы не придали этому значения. 7 мая корсары из Луисбурга проникли в гавань Кенсо и самолично увидели гигантские приготовления к десанту, о чем сразу же сообщили Дюшамбону. Большое количество британских кораблей, обнаруженных корсарами, сыграло с защитниками Луисбурга плохую шутку — было решено перебросить все свободные орудия на прибрежные батареи, в результате три из четырех батарей порта оказались уязвимы для обстрела их с близлежащих возвышенностей.

В этот момент в Луисбурге были сосредоточены 8 рот морской пехоты, чьи боевые качества после недавних бунтов были сомнительны. 11 мая английский флот с десантом появился в заливе Габарус. В течение

нескольких часов британцы грузились в лодки и высаживались на берег в трех милях от города. Отряд французских морпехов (около 100 человек) под командованием Пьера Морпэна тщетно пытался помешать англичанам, французы сделали несколько залпов и отступили к крепости. Потери британцев в этой стычке ограничились 5 солдатами, которые получили ранения.

В свою очередь, отряды Новой Англии начали свое беспорядочное выдвижение к Луисбургу; как отмечал один из участников рейда, *«каждый делал то, что считал нужным, не заморачиваясь общей стратегией»*. Однако вскоре артиллерийский обстрел французов убедил нападавших остановиться на невысоких холмах ввиду города.

Луисбург и его укрепления показали английской колониальной милиции неприступными. Построенные на широком, низком полуострове в юго-западной оконечности гавани, бастионы Короля и Королевы, каждый на небольшом холме, располагались в центре тридцатифутовых земляных укреплений, которые заканчивались бастионом Дофина на стороне гавани и бастионом Принцессы Деми на стороне моря. Наклонный гласис защищал стены от огня прямой наводкой. За исключением нескольких участков с возвышенностями, местность перед крепостью представляла собой непроходимое болото, которое, казалось, служило естественной защитой для крепостных стен.

Строители Луисбурга обратили особое внимание на охрану входа в гавань, постаравшись заблокировать его огнём тяжёлых орудий с Островной батареи (расположенной в устье гавани), с Королевской батареи (построенной на северном берегу, в стенах города), а также батареей ля Граве в восточной части набережной города и Циркулярной батареей в промежутке между бастионами Дофина и Принцессы Деми. Однако, помимо того, что укрепления находились в довольно плохом состоянии, они обладали рядом довольно слабых мест. Особенно большое беспокойство вызывал перепад высот от бастиона Короля к гавани, что подставляло этот бастион и низменный бастион Принцессы Деми под артиллерийский огонь с близлежащих холмов. Кроме того, большой пруд между бастионами Короля и Дофина ликвидировал защитные возможности гласиса.

12 мая англичане приступили к строительству лагеря и выгрузке припасов. Колонисты сразу показали свою недисциплинированность — у северо-восточной оконечности гавани был разграблен и сожжен французский провиантский склад. В свою очередь, французы, опасаясь, что изолированная Королевская батарея станет легкой добычей

многочисленного врага, решили эвакуировать ее защитников в город, захватив с собой запасы продовольствия и военного имущества, однако оставив на месте сами пушки, порох и ядра (только заклепав орудия).

Памятуя о затратах на строительство этой батареи и о ключевой роли, которую она играла в защите гавани, французы не стали разрушать ее, так что она могла быть легко включена в защиту города. Через два дня после высадки Уильям Воган и около десятка человек, вместе с ним копавших ров недалеко от Королевской батареи, заметили отсутствие столбов дыма над французскими позициями. Воган и его партия вошли на брошенные укрепления; вскоре они отразили несколько попыток французов подойти на лодках, видимо, с целью вернуться за оставшимися припасами. Этот легкий захват важной наблюдательной батареи поднял моральный дух англичан и предоставил неожиданный подарок для артиллеристов Новой Англии и их осадной линии, которая представляла собой нерегулярную серию батарей, окопов и дозоров. Главный лагерь британцев располагался у устья ручья, известного как Фрешуотер (Пресноводный).

Вскоре кузнецы смогли расклепать французские пушки и на Луисбург посыпались ядра, в ответ осажденные отвечали с Островной батареи и с городских стен. Перекинуть часть пушек через болото на другую сторону помог кораблестроитель из Нью-Хэмпшира лейтенант-колонель Натаниэль Месерв. Он соорудил большие сани с широкими полозьями, на которые клали по три орудийных ствола. Вес пушек оказался распределен на большую площадь и орудия смогли перетащить на другую сторону. Французы, которые считали, что установка пушек на другой стороне болота *«сопряжена с невероятными трудностями, так как не было никакой возможности использования лошадей или быков»* были очень неприятно удивлены. Они убедились, что невозможное — редко, но возможно; город стал обстреливаться с двух сторон.

К концу месяца стороны настолько сблизились, что стала возможной перестрелка из мушкетов и пистолей. Бомбардировка стала повседневностью: *«пушечные ядра мелкокалиберных переносных мортир с рёвом падали на Лодочной стороне... Женщины и дети слышали их свист и кричали... когда наши бомбы рвались среди них»*. Спасало французов до поры до времени лишь то, неопытные артиллеристы Новой Англии совершенно не представляли, как и сколько отмерять пороха для прицельной стрельбы. Именно из-за этой же причины, не менее девяти пушек и одна большая мортира взорвались при перестрелке с французами.

31 мая бойцы Новой Англии открыли пятую батарею напротив западной части города, где они установили 42-фунтовые орудия,

доставленные с Королевской батареи. Ее огонь по юго-западной части гавани оказался наиболее эффективным в отношении бастионов Дофина, Принцессы Деми и прилегающей Циркулярной батареи. От ответного огня французов жертв практически не было, а вот болезни сыграли свою роль. Причины этого оказались простыми: *«Здесь земля холодная и сырая... Вода здесь... красновато-угольная и стоячая... Нет кроватей для лежания и нет палаток, чтобы укрыться от росы и туманов... Наша провизия представлена главным образом плесневелым хлебом без соуса»*. Многие свалились с дизентерией, известной как «кровавый понос», хотя мало кто умер от нее в итоге. Пока бомбардировки со стороны армии Новой Англии продолжались, Луисбург с отчаянием смотрел на море, ожидая помощи.

Еще в апреле 30-пушечный французский фрегат «Реноме» пытался прорваться в гавань Луисбурга, но блокирующие эскадры не пустили его в гавань Габарус. За первые две недели британцы взяли 10 призов — в основном акадские габары с провиантом. Только два француза смогли с помощью тумана пробиться в гавань и разгрузиться там.

19 мая у берегов Кейп-Бретон появился 64-пушечный «Вижилан» под командованием Александра Буадекура, маркиза де Мезонфора. Корабль этот был построен в Бресте в 1744 году и имел следующее вооружение — на нижней палубе двадцать четыре 24-фунтовых орудия, на средней — двадцать шесть 12-фунтовок, а на квартердеке и форкасле — четырнадцать 6-фунтовок. 30 мая французский корабль проследовал к Луисбургу, где обнаружил «Мермейд» и пустился в погоню за фрегатом, ведя огонь из погонных орудий. Вскоре появился «Ширли-Галлей», который присоединился к бою, потом из тумана на всех парусах появились «Сюперб» и «Элам». Француз сделал поворот оверштаг, и, отстреливаясь, взял курс на Старый Свет. Несмотря на абсолютную неожиданность нападения, бой с превосходящими силами длился целых два часа. В результате англичане, потеряв 30 человек убитыми и большое количество ранеными, все же смогли захватить француза. На утро «Вижилан» был в качестве военного трофея проведен мимо французских батарей, причем его буксировали два английских шлюпа. Успех был полным. Корабль включили в эскадру Уоррена.

Вместе с «Вижиланом» к англичанам попали 1000 бочек пороха, а также 22 бронзовые мортиры и запас провианта на полгода, так необходимые гарнизону Луисбурга. Кроме того — на французском корабле перевозились 300 солдат французской морской пехоты — пополнение гарнизона крепости.

На следующий день Уоррен получил подкрепления — 60-пушечные

«Принсесс Мэри», «Кентербери», «Сандерленд», 50-пушечный «Честер», а также 40-пушечные «Гектор» и «Ларк». Преимущество в силах у англичан стало подавляющим. Теперь коммодор имел в водах у Ньюфаундленда 11 линейных кораблей (считая и захваченный «Вижилан») и 6 фрегатов, а также мелкие приватирские суда.

Узнав об усилении Уоррена, Дюшамбон послал парламентариев обсудить условия капитуляции. К ярости английских ополченцев, которые ждали грабежа как манны небесной, военный гарнизон французов получил право выйти из крепости с воинскими почестями, а жители Луисбурга должны были быть репатриированы во Францию со всем их движимым имуществом. Состоялось небольшое неприятное объяснение между Уорреном и Пеппереллом по поводу условий капитуляции. Но в конце концов, по воспоминаниям Ширли, *«наша армия вступила в Луисбург, осыпанная цветами, под барабанный бой и звучание труб, в сочетании с пением флейт»*. Таким образом, войска колонистов прославили себя *«величайшим завоеванием, которое когда-либо было совершено парнями из Новой Англии»*, а *«французские мужчины, женщины и дети, глядя на этот парад, выглядели потрясенными»*.

Париж был шокирован тем, что его сильнейшая североамериканская крепость была взята неподготовленной армией провинциалов. Бостон же отметил вести радостным торжеством. Лондон, в свою очередь, очень обрадовался словам о захвате Луисбурга. Чествования и награды обрушились на победителей. Уоррену было присвоено звание контр-адмирала. Пеппереллу было предоставлено звание баронета, и ему же наряду с Ширли была предоставлена честь создания полков, численность и условия оплаты в которых устанавливались пропорционально их статусу.

Экспедиция д'Анвилля

Уоррен не испытывал иллюзий: если не снабдить захваченный город сильным гарнизоном — французы смогут отбить Луисбург. Срочно в Гибралтаре были погружены на суда два полка морских пехотинцев (для быстрейшего их прибытия солдат погрузили на военные корабли, фрахтовать транспорта не стали), кроме того — 600 человек из состава армии Новой Англии были оставлены в крепости в качестве временного гарнизона.

3 октября 1745 года в гавани Кроу (побережье Ньюфаундленда) «Ларк» обнаружил сильное французское соединение в составе четырех линейных кораблей (командир Перье де Сальвер). Уоррен, получивший эти сведения, сразу же отослал на поиск и атаку Сальвера четыре своих

корабля, однако французы ушли в неизвестном направлении и обнаружить их так и не смогли.

Уоррен оставил в Луисбурге «Сюперб», «Вижилан», «Сандерленд», «Кентербери», «Честер» и пять шлюпов. Еще четыре корабля ушли вместе с торговыми в метрополию. Фрегаты же «Принсесс Мари», «Гектор» и «Ларк» остались на защите побережья Ньюфаундленда.

Только в апреле 1746 года первые полки достигли Луисбурга. В гавань вошли 60-пушечные «Кингстон», «Пемброк» и 44-пушечный «Кинсейл» под командованием адмирала Айзека Тауншенда. Высадив солдат, отряд отошел к Антигуа, где вскоре к нему присоединился коммодор Ноульс, который после ухода Уоррена и Огля стал командиром Ямайской станции. Ноульс имел «Норридж» и «Кентербери» с 300 морпехами на борту.

В новом, 1746 году Адмиралтейство планировало покончить наконец с Французской Америкой и для атаки Квебека и Монреаля выделить не менее 10 линкоров и 8 фрегатов. Специальное предписание рекомендовало Ноульсу сократить в этом году свою активность в Вест-Индии до минимума, а большую часть сил выделить Тауншенду, задачей которому ставился перехват всех судов в заливе Св. Лаврентия.

Планам активного наступления в Северной Америке помешала высадка в Англии *Младшего претендента*. Якобитское восстание поставило Великобританию на грань катастрофы, и все планы по завоеванию Канады были забыты. Эскадра вице-адмирала Мартина (мы уже говорили о ней), которую сначала планировалось отправить к Луисбургу, была переориентирована на блокаду Бреста и Рошфора. Это предоставило французам возможность сделать передышку, перегруппировать силы и нанести ответный удар. Начиная с июня канадцы вместе с союзниками-индейцами готовят вылазку к Олбани, но им как воздух нужны были припасы — порох, провиант, оружие, без которого французы не смогли бы начать активные действия. Поэтому Морепла для отсылки в Северную Америку формирует довольно большой экспедиционный отряд под командованием Жана Батиста Луи Бертрана де Ля Рошфуко, герцога д'Анвилля с приказом отбить Луисбург и разорить английские владения в Акадии и Новой Англии. Состав конвоя был следующим: 64-пушечные «Боре» и «Леопард», 50-пушечные «Диаман» и «Тигр», фрегаты «Реноме» и «Межер», два флейта, на последние загрузили 281 штыков из батальона Понтие и батальон милиции из Фонтэнэ-ле-Комт. В качестве войсковых и вспомогательных транспортов также использовались оснащенные «эн флюйт» корабли «Парфэт» и «Тридан», приватир «Тигр», а также торговые «Фор-Луи» (320 тонн), «Андромед»

(300 тонн), «Султан» (380 тонн), «Вьерж де Грас» (180 тонн) и много малых судов^[103]. Ответственным за формирование каравана и снабжение его припасами и войсками назначили Бижо де ла Мотта, командира рошфорского порта и по совместительству главного контролера финансов Канады. Надо сказать, что он с этим поручением справился. Конвой, сформированный сразу в пяти разных портах (Нант, Сен-Мало, Брест, Бордо и Ла-Рошель), насчитывал 10 линкоров, 3 фрегата, 2 корвета, 2 брандера, 2 флейта, 1 госпитальное судно, 15 войсковых транспортов или использующихся в этом качестве, а также 19 торговых судов и 18 зафрахтованных купцов — всего 72 корабля (часть из торговых около Финистерре должна была взять курс в Левант), которые загрузили войсками, товарами, провиантом, порохом и вооружением, так необходимым для канадских поселенцев. На кораблях находились 2861 французский солдат (командир сухопутных сил полковник де Мерик) — в реалиях Канады это была беспрецедентная помощь от метрополии.

Наименование	Пушки по штату	Пушки реально	Примечания
Northumberland (Нортумберленд)	70	64	Приз
Trident (Тридан)	64		Мессир д'Эстурмель
Ardent (Ардан)	64		
Mars (Марс)	64		
Alcide (Альсид)	64		

Наименование	Пушки по штату	Пушки реально	Примечания
Borée ¹ (Боре)	64		
Tigre (Тигр)	50	14	
Léopard (Леопард)	64		
Caribou (Карибу)	50	14	
Diamant (Дьяман)	56	10	
Renommée (Реноме)	30		Фрегат
Mégère (Мегер)	30		Фрегат
Mutine (Мютин)	24		Фрегат
Palme (Палм)	10		Флейт
Perle (Перль)	8		Флейт
Argonaute (Аргонот)	8		Брандер
Parfaite (Парфьят)	8		Брандер
Mercure (Меркюр)	24		Госпитальное судно

1 Этот корабль доверху загрузили личными вещами Бижо де ла Мотта. Французские моряки были просто поражены и шокированы количеством дорогой мебели, белья, кружев, дорогой посуды, которое погрузили на корабль. Коррупция в Канаде делала для метрополии эти колонии убыточными. В отличие от Индии.

В 4 часа утра 22 июня 1746 года караван тронулся в путь от острова д'Э. 23 июля прошли Азоры. 10 сентября эскадра д'Анвилля усмотрела акадийское побережье. За время перехода многие матросы заболели, часть кораблей и транспортов потеряли. Так, например, из 300 членов экипажа 50-пушечного «Карибу» только 40 человек к началу сентября могли исполнять свои обязанности, остальные были больны тифом. Это было связано с порочной практикой, еще со времен Ришелье принятой на французских кораблях — во французском флоте полагался один гамак на двух матросов (один спит, один несет службу, потом меняются). Также

матросам разрешалось отправлять потребности на палубе. Обе эти «традиции» приводили к быстрому распространению заболеваний в экипаже, иногда моровое поветрие уносило на тот свет экипажи целых эскадр.

Что касается Ройял Неви — на одного матроса полагалось два гамака (один в стирке, другой — «в работе») и, кроме того, испражнения в местах, не предназначенных для этого, жесточайшим образом карались. Удивительно, но эта мера сильно сократила количество эпидемий в английском флоте. Во многом из-за этого факта англичане могли быть в море годами.

Самое смешное — французы знали об этом. Мемуары взятых в плен французских офицеров пестрят подробностями быта на английских кораблях и отмечают его положительные стороны, однако во флоте Франции все оставалось по-прежнему. Традиции были возведены в ранг догмы.

Но вернемся к д'Анвиллю. 10 сентября 44 французских корабля бросили якорь в бухте Чебукту^[104], а 13 сентября налетел жесточайший шторм, в результате которого французские корабли и суда оказались раскиданными вдоль всего побережья Акадии и Новой Шотландии. «Нортумберленд» вылетел на мели острова Сэйбл (Песчаный остров, представляет собой длинную вытянутую с запада на восток дугу из песка, недалеко от побережья Новой Шотландии). «Ардан» потерял 50 человек, еще 400 были больны, поэтому капитан корабля мессир де Коломбьер решил идти обратно, во Францию. «Карибу», бедственное состояние которого мы уже описывали, также взял курс на Брест, через 4 дня он смог соединиться с «Арданом». «Марс» был довольно сильно поврежден, однако он смог соединиться с «Триданом», в отсутствие д'Анвилля, имевшего флагманом «Ардан», мессир д'Эстурмель взял на себя функции старшего. «Тридан» уже смог найти «Альсид» и приватир «Рафаэль», включив в команду «Марс» французы отплыли к острову Сэйбл, где к ним присоединились сильно поврежденные «Леопард», «Тигр» и 30 торговых судов. 27 сентября отряд вошел в бухту Чебукту, и 28-го была перехвачена акадская галера, которая сообщила, что на подходе корабли Вест-Индской французской эскадры Конфлана. Вскоре смогли отыскать «Нортумберленд», тот все же смог сняться с мели и отремонтировал днище. Д'Эстурмель поднялся на борт флагмана, где узнал, что герцог д'Анвилль умер, по одной из версий — от апоплексического удара, по другой — от истощения. Теперь Эстурмель становился главным. Тотчас же был созван военный совет, где решили атаковать и взять на штык с помощью

уцелевших солдат Пор-Рояль (Аннаполис-Ройял), а четыре корабля с транспортами направить в Квебек.

Множество провианта было затоплено и пропало, поэтому команды начали испытывать настоящий голод. Сам Эстурмель писал позже: *«В 19.00 офицеры пригласили меня на праздничный ужин. На каждого приходилось по два яблока, одна пресная лепешка и стакан вина, разбавленный напополам водой»*. 1 октября произошло непонятное. Описания сильно разнятся, но Эстурмель, раздавленный событиями последних дней, сильно заболел и впал в горячку. Спешно собранный военный совет избрал новым командиром отряда Жака Пьера де Таффанеля де ла Жонкье. К этому времени около половины экипажей были больны и истощены до последней крайности. Из двух тысяч восьмисот солдат только около тысячи были более-менее здоровы, однако сильно недоедали. Скорбут и дизентерия косили людей.

В свою очередь, из Квебека на семи судах вышли 700 французских ополченцев, морпехов и союзников-индейцев, задачей которых было соединиться у Аннаполис-Ройяла с экспедицией д'Анвилля. Командовал рейдом Жан-Батист-Николя-Рош де Рамезье. 11 октября Рамезье достиг пункта назначения. К своему большому удивлению он никого не обнаружил, а опрос местных жителей показал, что французскую эскадру разметало недавним штормом и где она — никто не знает. Атака Аннаполис-Ройяла малыми силами не принесла бы ничего хорошего, поэтому Жан-Батист только блокировал крепость и разослал разведчиков по всем направлениям.

Тем временем с эскадрой Жонкье произошло новое несчастье. 11 октября 1746 году у Кейп Клир (Новая Шотландия) «Марс», отбившийся от основных сил, был атакован недавно построенным^[105] 60-пушечным кораблем Его Величества «Ноттингем» (кэптен Филипп Сомарез). Команда английского корабля составляла 365 человек, тогда как на 64-пушечном «Марсе» были 550 матросов (из них около четырехсот — больны). После двух часов безнаказанного обстрела (пользуясь тем, что у француза была сломана грот-мачта, англичане били продольным огнем с носовых и кормовых углов) «лягушатники» подняли белый флаг. Потери на «Ноттингеме» составили ранеными три или четыре человека, потери французов — 40 матросов убитыми.

На эскадре же продолжали гибнуть люди. Бижо де ла Мотт своей властью приказал 14 транспортных судов переклассифицировать в госпитальные, но лучше от этого не стало. Только лишь собрали всех больных на отдельных кораблях, где они медленно погибали, ибо врачей не

было. 24 октября было решено основными силами идти во Францию. Перед уходом Жонкье планировал высадить французские войска (всего на тот момент насчитывались 94 офицера и 1410 солдат) у Аннаполис-Ройяла и откомандировать им в помощь 13 судов. Однако через два дня, будучи на траверзе мыса Кабо Негро, французы решили не испытывать судьбу и отменили приказ о высадке. Экспедиция повернула во французский Брест.

Что касается де Рамезье, 8 ноября он, не дождавшись эскадры, отошел от Аннаполис-Ройяла и занял оборонительную позицию между крепостью и французскими поселениями. Обеспокоенный губернатор Новой Англии Ширли послал в Новую Шотландию отряд полковника Артура Нобля (100 королевских солдат). По дороге Нобль присоединил пару сотен союзных индейцев и около сотни английских рейнджеров (добровольцев, охотников за скальпами). Дружественно настроенные к французам абенаки ^[106] вовремя донесли об английском отряде, и Рамезье послал на разведку боем своего капитана Николя-Анутана Кулона де Вилье с 240 канадскими ополченцами и 20 индейцами. Утром 10 февраля 1747 года отряд достиг реки Гасперо, к югу от деревни Гран-Пре, где расположились на постой солдаты Нобля. Произведя разведку, де Вилье узнал, что англичане расположились на постой в 10 домах деревни Гран-Пре, и решил атаковать ночью. Погода не подкачала — к вечеру разыгралась метель и французам совершенно незаметно удалось подкрасться к лагерю. Индейцы бесшумно сняли часовых, и отряд, разделенный на десять групп по 24 человека в каждой, атаковал дома, где расположились на постой английские солдаты. Вилье был ранен в начале сражения, и его заместил капитан де ла Корн. Англичане понесли очень большие потери, погиб и сам Нобль, но части британцев, разбуженных выстрелами, удалось вырваться из ловушки и укрепиться в каменном доме на окраине Гран-Пре.

На следующий день англичане подписали почетную капитуляцию. С развешивающимися знаменами и оружием они отошли в Аннаполис-Ройял, французы же, согласно договору, сохранили статус-кво в Акадии. Британцы потеряли 130 человек убитыми, 34 — ранеными и 53 — пленными. Французские потери были гораздо меньше — 6 ополченцев были убиты и 14 — ранены.

Этот рейд вкупе с атакой Саратоги в колонии Нью-Йорк полностью сбил с английских колонистов всю спесь, развившуюся у них после взятия Луисбурга. Французские ополченцы в который раз доказали свою эффективность и способность малыми силами решать стратегические задачи.

Однако французы не обольщались — было совершенно понятно, что

Канада существует до тех пор, пока у британцев царит бардак и пока не перекрыто морское снабжение с Вест-Индских островов и Франции. Как только противник догадается перерезать снабжение или проведет скоординированную атаку, Канада, безусловно, падет.

Что же касается несчастной экспедиции д'Анвилля — возвращение также не прошло без эксцессов. Около Азор эскадру настиг очередной шторм, который разметал по океану корабли. Ушедшие раньше всех в метрополию «Карибу» и «Аргонот» пришли в Брест 10 октября, 12-го числа того же месяца бросил якорь у Бель-Иля «Ардан». 13 ноября пришел в Лориан «Реноме». 3 декабря в Бресте пришвартовались «Дьяман» и «Тридан». 7 декабря к Бель-Илю пришли главные силы Жонкье — «Нортумберленд», «Боре», «Жиронда», «Межер», «Ёрьёз-Мари» и «Сан-Жозеф». 11-го числа «Леопард» вошел в гавань острова д'Э. 16 декабря пришли в Брест последние торговые корабли. Пропал без вести госпитальный «Меркюр» с 21 транспортом. Потери в людях также оказались громадными — только в экипажах они составили погибшими и умершими от болезней более 3000 человек.

Глава 12

Политические экзерсисы

Франция

В феврале 1745 года Людовик XV, потерявший недавно свою старую пассию, мадам де Шатору, давал бал-маскарад по случаю помолвки молодого дофина Людовика Фердинанда (старшего сына Людовика XV) с Марией Терезией Испанской, дочерью Филиппа V Испанского. На это празднество среди прочих была приглашена 23-летняя Жанна Антуанетта де Пуассон, более известная нам как маркиза де Помпадур (хотя титул этот она получила чуть позже). Король всерьез увлекся девицей, и вскоре она стала признанной фавориткой Людовика.

После смерти кардинала Флери знакомство короля с Жанной де Пуассон стало вторым крупным несчастьем для бедной Франции. Уже в сентябре 1745 года мадам де Помпадур начала активно вмешиваться в политику и приближать к трону верных себе людей, причем часть из этих приближенных дублировали деятельность действующих министров.

Началось все с денежных вопросов. Осенью 1745 года слетел со своего поста генеральный контролер финансов Филибер Орри, уже пятнадцать лет занимавший данный пост. Вместе с ним попросили освободить место королевского комиссара Ост-Индской компании брата Филибера — Жана Анри Луи де Орри, сеньора Фюльви. Естественно, что верных людей семейства Орри без жалости выкинули с руководящих постов, например, сводного брата Жана Анри — мессира де Ла Бурдонэ — освободили от должности генерал-губернатора Французских Индийских островов (Реюньон и Иль-де-Франс).

Место Филибера занял Жан Батист Машо де Арнувилль, в Индию, где в это время кипели нешуточные страсти, послали эскадру Дордолена с задачей арестовать ла Бурдонэ (об этом речь впереди).

К 1746 году Франция уже была в состоянии прогрессирующего финансового кризиса. На войну были потрачены очень большие средства, меж тем английские эскадры в Вест- и Ост-Индии мешали проводить в метрополию конвои с товарами. Расходы возросли до 450, а потом и до 600 миллионов ливров в год, а доходы упали до 100 миллионов ливров. Европейские банкиры повсеместно отказывали Франции в займах, главы финансовых корпораций ехидно спрашивали: а что Франция может предложить в залог? Торговлю сахаром? Ну, так англичане без проблем

через год или два отберут и Мартинику, и Гваделупу, и Сан-Доминго с Гвианой. Иль-де-Франс и Реюньон? Они находятся очень далеко от метрополии, так же как и колонии на Коромандельском берегу.

В результате — парадоксально, но факт! — финансовыми кругами Европы и Франции захваченная Морицем Саксонским Фландрия рассматривалась не как завоевание армии Людовика, а как разменная монета во время заключения мира. Падение Луисбурга и значительное усиление англичанами североамериканских колоний поставили под угрозу Канаду. Если король и его фаворитка считали, что Французская Америка метрополии не нужна, то Морское ведомство, для которого рыбаки, промышленяющие на мелях Ньюфаундленда, были естественным мобилизационным резервом, настаивали на помощи администрации Квебека. Меж тем ухудшение дел в Новой Франции пугало — теперь англичане могут приняться и за колонии Карибского моря, и за Луизиану, и за фактории в Индии.

На этой почве Помпадур испортила отношения с Морепой, последний пренебрежительно относился к новой фаворитке. Конфликт нарастал. Двор и окружение Людовика XV теперь делилось на два лагеря — приверженцев Помпадур и ее противников. И это — в условиях жесточайшего финансового кризиса и продолжающейся войны. Войны без денег и приобретений.

Англия

В 1742 году Уолпол, критикуемый со всех сторон, был вынужден уйти в отставку. Место государственного секретаря (министра иностранных дел) занял Джон Картерет, граф Гранвиль, единственным достоинством которого были хорошие отношения с Георгом II (король уважал Картерета за отличное знание немецкого языка, граф был один из немногих, с кем Георг мог отвести душу, когда они, уединившись, мило поболтали по-немецки). Новый госсекретарь вел откровенно проганноверскую политику, Британия заключила соглашения с Австрией и Пруссией, в 1743 году он сопровождал Георга II на континент и даже участвовал вместе с королем в битве у Деттингена. Однако Картерет совершенно игнорировал интересы купцов Сити, которые не понимали, почему Англия должна залезать в сухопутную войну в Европе, когда для этого есть Австрия и Пруссия, которые за английские субсидии вполне могут отвлечь сухопутные силы французов и испанцев в Старом Свете.

Именно по причине разногласия с парламентом в ноябре 1744 года Картерет покинул кресло министра иностранных дел, а его место занял

Томас Пэллэм-Холлс, герцог Ньюкасл, премьер-министром и одновременно Первым Лордом-Казначеем стал его брат — достопочтенный Генри Пэллэм, лорд Вилмингтон.

Правительственный кризис совпал с военным, только чудо спасло Англию во время первой попытки высадки *Младшего претендента* в 1744-м, с очень большим трудом подавили восстание якобитов в 1745-м. После этих событий интересы австрийцев были резко забыты, правительство начало наращивать и улучшать военно-морские силы в ущерб сухопутным.

В 1744 году Первым Лордом Адмиралтейства стал Джон Рассел, четвертый герцог Бедфорд, сменивший Дэниэла Финча, лорда Уинчелси, которому к тому времени уже стукнуло 55 лет. Тогда же первым помощником Бедфорда назначили только что вернувшегося из кругосветного путешествия Джорджа Энсона. Именно благодаря Энсону Англия смогла закончить Войну за австрийское наследство довольно быстро. Бывший коммодор, только что сам полной ложкой хлебнувший горя от бюрократии Морского министерства (вспомним, как в кругосветку выделяли солдат из пансиона Челси), был настроен решительно — с 1746 года в британском Адмиралтействе начались реформы.

Начали с техники. К 1747 году уже стало ясно, что английские корабли строятся по устаревшим и плохим проектам, французские и испанские корабли несомненно превосходят британских «одноклассников» как по вооружению, так и по размерам корпуса. Энсон не постеснялся ввести в Англии новую стандартизацию кораблей третьего ранга — теперь 70- и 60-пушечные корабли уступили место 64- и 74-пушечным. Первый из 74-пушечников — «Каллоден» — был заложен как раз в 1747 году. Этот корабль нес на нижнем деке двадцать восемь 32-фунтовых пушек, на среднем деке — двадцать восемь 18-фунтовок, на верхней палубе — четырнадцать коротких и четыре длинных 9-фунтовки. Это вооружение стало типичным для британского 74-пушечника до появления на флоте карронад, то есть до 70-х годов XVIII века.

Энсон способствовал введению в Ройял Неви новых «Боевых инструкций» 1747 года, разработанных адмиралом Эдвардом Верноном^[107]. Королевский флот получил новую систему флажных сигналов и расширил список задач, решаемых с помощью стандартных приказов (наконец-таки, к примеру, появился сигнал ближнего боя).

В этом же году серьезно взялись и за реорганизацию морской пехоты. Энсон сменил канареечный цвет «цыплят» (как презрительно звали за желтые жакеты морпехов на флоте) на стандартные красные мундиры королевской армии. Был утвержден статут подразделений морской пехоты,

к 1755 году (уже после Войны за австрийское наследство) были созданы корпус морской пехоты Его Величества и несколько колониальных полков морской пехоты Его Величества.

Также занялись и униформой всего флота. 10 февраля 1747 года была утверждена форма одежды, которую теперь должны были носить адмиралы, кэптены, гардемарины, матросы и юнги. До этого момента команды Ройял Неви, по признанию самих адмиралов, *«более походили на пиратов, чем на регулярное войско»*, одеваясь кто во что горазд. По воспоминаниям современника: *«На борту корабля меня встретил один из гардемарин, Том Перд. На голове его был с длинный парик, сверху которого щегольски была одета высокая шляпа с короткими краями, украшенная золотым шнурком. Пальто с белыми отворотами, белый жилет, на котором отсвечивали светло-голубые пуговицы. На ногах были огромные стоптанные ботинки с отворотами. Следом за ним появились и другие гардемарины, в камзолах разного цвета. Единственным общим предметом одежды у них, скорее всего, были только шпага с левого бока и кортик в зеленых ножнах с правого»*.

По предложению Энсона всем офицерам надлежало иметь два комплекта формы: парадный костюм и повседневную форму одежды, последнюю изначально именовали «сюртуком». Именно тогда в английском флоте были унифицированы синие мундиры и треуголки кэптенов, лейтенантов и гардемарин. Эта форма с минимальными изменениями сохранилась до конца XVIII века.

Далее перед Энсоном встала самая большая проблема Ройял Неви — кадровая. С 1702 года в Англии официально существовало всего три эскадры — Белая, Синяя и Красная. В свою очередь, каждая из них делилась на авангард, арьергард и центр^[108], поэтому на флоте существовало **всего девять (!!!)** вакансий адмиралов — три контр-адмирала, три адмирала и три вице-адмирала, которые различались по цветам флага. Соответственно, «бутылочное горлышко», через которое мог проскочить кэптен или коммодор, чтобы стать адмиралом, было чрезвычайно узким. Дополнительную сложность вносило то обстоятельство, что человека, получившего адмиральское звание, просто не могли уволить из флота. В результате дряхлые старики, впавшие в маразм, не давали продвигаться вверх по карьерной лестнице способным кэптенам.

У Энсона не хватило духа замахнуться на эту традицию, однако он поступил довольно хитро — дряхлые адмиралы, не хотевшие увольняться, получали пышные должности без реального влияния на дела флота, а в высшее командование пришли молодые способные люди. Именно

благодаря Энсону получили адмиральские звания Хок, Боскауэн, Ноульс, Тауншенд, Худ. В итоге к 1748 году в Британии уже были 8 адмиралов, 10 вице-адмиралов и 9 контр-адмиралов. Это помогло англичанам переломить ситуацию в свою пользу, и к концу Войны за австрийское наследство англичане смогли реализовать свое численное преимущество в военное.

Самые талантливые выдвиженцы были привлечены в «Западную эскадру» (о ней речь впереди) и нанесли стратегические поражения французскому флоту, а также поставили под угрозу связь королевства Людовика XV с «сахарными островами».

Наконец, еще одна проблема, стоявшая на 1744 год перед Ройял Неви, — это система насильственной вербовки экипажей во время войны (пресловутый *pressing*). Понимая, что подобная мера провоцирует сильное озлобление негоциантов и парламента (как выразителей интересов крупного торгового капитала), Энсон попытался упорядочить «прессинг», просто подняв на щит правила, введенные еще Георгом Датским в 1707 году (на которые после смерти принца смело наплевали и забыли). Теперь кэптен военного корабля не мог забрать с купца больше определенного количества людей, по прибытии в порт эти люди имели право перейти на свой корабль, им полностью выплачивались все причитающиеся суммы, которые должны были выплатить им негоцианты.

Благодаря реформам Энсона уже в 1747 году в командование Королевского флота пришли способные адмиралы, которые смогли переломить ситуацию. Сам же первый помощник Первого Лорда был кем-то вроде «играющего тренера» — в 1746–1747 годах он командовал различными соединениями Ройял Неви и даже одержал довольно громкую победу над французами у мыса Финистерре.

Испания

Последние 11 лет своей жизни Филипп V Испанский страдал глубокой меланхолией и манией преследования, жена короля — Елизавета Фарнезе — полностью захватила власть и управляла Испанией от имени Филиппа. Король лежал на кровати совершенно неподвижно, и только арии кастрата Фаринелли заставляли Филиппа подняться из кровати и пойти, поставить подписи под королевскими указами и эдиктами, которые за него готовили ставленники его жены.

9 июля 1746 года Филипп V Испанский умер от сердечного приступа. К власти пришел принц Астурийский — второй сын Филиппа, который был провозглашен королем Фердинандом VI. Первым делом новый правитель

отстранил от власти свою мачеху — Елизавету Фарнезе, которую ненавидел всей душой, а также ее итальянских ставленников. Фердинанд был совершенно беспомощным в политике, из-за плохого отношения к нему жены Филиппа V его не обучали искусству государственного управления и держали вдали от двора. Естественно, такой человек должен был найти себе верных советников, на мнение которых он мог бы опереться. Такими людьми стали дон Зенон де Сомодевилля, маркиз Энсенада и Хосе де Карвахаль и Ланкастер. Первый, имея должности министра финансов, а также военного и военно-морского министра, стал практически премьер-министром Испании, второй был назначен государственным секретарем (министром иностранных дел) королевства.

Если Энсенада был приверженцем Бурбонского договора, то Карвахаль продвигал идею нейтралитета Испании в отношениях с Англией и Францией. Новый король, также имевший склонность к Англии, поддержал Ланкастера, но войну было решено пока продолжить. Испания имела определенную цель — снова получить свои владения в Италии, поскольку она была связана с последней родственными и экономическими узами. Но Фердинанд начал с англичанами робкий диалог о мире, правда, переговоры были тайными, чтобы кабинет Людовика XV не узнал об этом раньше времени.

Основными задачами на ближайшие годы Фердинанд провозгласил наведение порядка в колониальных делах. Прежде всего нужно модернизировать флот. Начиная с 1747 года, Испания начинает разрабатывать новые проекты кораблей (еще более увеличив в размерах свои 70-пушечники, испанцы перешли к строительству 74-пушечников) и наращивает в своем флоте долю кораблей I и II рангов. Энсенада финансирует перестройку и расширение верфей в Кадисе, Картахене, Ферроле и Гаване.

В 1748 году испанский король отменил государственную монополию торговли с американскими колониями, теперь купцам и торговым предприятиям разрешалось самочинно вести торговлю с Новым Светом. Это решение сразу же сильно уменьшило коррупцию и контрабандную торговлю в Вест-Индии, а также дало толчок экономическому развитию колоний. В Кадисе был создан реестр торговых судов, куда вносились все данные о государственных и частных кораблях королевства и их владельцах.

В ближайшие годы решено было разобраться с португальцами в Бразилии (контрабанда испанских товаров, подпитываемая английским золотом, на реке Уругвай достигла гигантских размеров), а также решить

вопрос с иезуитским анклавом Парагвай (последний получил автономию в рамках испанского вице-королевства Перу в 1617 году). Поскольку Испания с 1730 годов конфликтовала с римским папой, Парагвай, принадлежащий ордену иезуитов, рассматривался как враждебное государственное образование.

Были описаны все земли Испании и создан земельный реестр, Энсенада настаивал на резком сокращении финансирования армии и дворянства, а также на отмене привилегий дворянства. Эти меры встретили бешеное противодействие родовитых, и в конце концов от этих мер пришлось отказаться.

Но прежде надо было закончить войну, которая шла уже седьмой год. Действия английских блокирующих эскадр и приватиоров наносили большой ущерб экономике Испании, вся тяжесть сопровождения конвоев легла на военные корабли, находящиеся в колониях. Однако отказ от борьбы за территории в Италии расценивался как большое зло. Поэтому было решено продолжать сражаться.

Глава 13

Крейсерские и конвойные операции флотов

Франция

Взятие «Нортумберленд»

После разгрома якобитов в начале 1746 года Англия могла вздохнуть спокойно. Морепла, разочарованный результатами якобитского восстания и ролью в нем французского флота, решил использовать корабли только для рейдерских операций и сопровождения торговых караванов.

Однако здесь следует кое-что объяснить. Хотя французы и продекларировали переход к крейсерской войне, все же более они были озабочены охраной своей торговли. Удивительно, но в Войне за австрийское наследство уже не было таких знаменитых корсаров, как Жан Бар (отличившийся в войне Аугсбургской лиги), или Дюгэ-Труэн, Форбэн, Сен-Поль, Заус (столь насоливших британцам во времена борьбы за испанское наследство)^[109]. Объяснить это можно просто — у французов наконец-таки появилось, что защищать на море. «Сахарные» острова, колонии Карибского моря и фактории в Индии и Индийском океане приносили в казну 2/3 бюджета, поэтому министры Людовика XV очень болезненно переживали захват любого конвоя или атаку любого острова. Во главу угла было поставлено не нападение на вражескую торговлю (как это было во времена Людовика XIV, когда морская торговля Франции была полумертвой), а защита своей заморской коммерции.

Англичане избрали ту же стратегию, что и французы. Для островитян большое значение имели колонии в Индии, земли в Северной Америке (оттуда они получали до 70 % провианта, который потребляла метрополия), а также Ямайка и Барбадос, где были расположены плантации сахарного тростника. Конечно, обе стороны выделяли силы для атак на вражеские караваны, но делали это с неохотой и без прежнего размаха.

Естественно, что в экстремальных ситуациях военные корабли бросали все конвои и стягивались в горячие точки (как это было, к примеру, во время угрозы высадки *Младшего претендента*), однако сразу же после стабилизации ситуации все возвращалось на круги своя.

Но вернемся к нашему повествованию. Пожалуй, первой большой конвойной баталией стало взятие английского линейного корабля «Нортумберленд» в мае 1744 года.

Развивались события так: в апреле 1744 года большой Смирнский конвой возвращался из Средиземного моря в Англию. Его сопровождал небольшой отряд коммодора Томаса Харди. Утром 8 мая на севере были усмотрены три паруса, и Харди послал 64-пушечный «Нортумберленд»^[110] на разведку, выяснить, кто идет и с какими намерениями.

Около 16 часов дня 8 мая англичанами были обнаружены и опознаны следующие корабли — 64-пушечные французский «Контэн», «Конфлан» и «Марс». Это французское соединение под командованием Юбера де Бриана, маркиза де Конфлана вышло в свободное крейсерство к Уэссану для атаки английских торговых караванов. Британские офицеры советовали командиру «Нортумберленда» кэптену Томасу Ватсону повернуть обратно на соединение с Харди, однако Ватсон решил атаковать французский отряд. Во многих источниках это решение описывается как безрассудство английского кэптена, хотя — вполне возможно — его решение было вызвано заботой о конвое, который французы, несомненно, могли обнаружить и атаковать.

Так или иначе, «Нортумберленд» сблизился с «Контэн» почти вплотную и открыл огонь. После трехчасового боя француз был сильно поврежден, тогда как англичанин понес потери только в такелаже, и то небольшие. Вскоре с другого борта на «Нортумберленд» зашел «Марс», и британцы попали в два огня. Ожесточенное сражение длилось до темноты, примерно в 21.00 французы задрейфовали поблизости. Это дало англичанам небольшую передышку.

За время боя получил ранение в голову штурман, погибли шесть из одиннадцати офицеров, а также 18 матросов. Еще 30–40 человек были ранены, в том числе и Ватсон, бессильно прислонившийся к обломкам сбитой бизань-мачты. Кэптен приказал коку принести бутылку рома, а потом вызвал корабельного плотника и спросил о состоянии корпуса. Тот сообщил, что состояние корпуса отличное и что корабль может продолжать бой. Ватсон с помощью матросов спустился в лазарет и увидел залитые кровью столы и пол, повсюду валялись обрубки человеческих тел и ревущие раненые. Юнги быстро зашивали в парусиновые мешки мертвых. Там он встретил запаниковавшего штурмана, который сказал, что все верхние палубы залиты кровью, матросов не осталось и корабль более не может сопротивляться.

Несмотря на то что французы в этот день стреляли исключительно плохо («Нортумберленд» не получил ни одной пробоины и имел очень маленькие для такого боя потери), кэптен под действием раны и принятой «на грудь» пинты рома (которую он выпил, чтобы заглушить сильную боль

от раны) согласился со штурманом. На следующее утро британский корабль поднял белый флаг. «Нортумберленд» был отбуксирован в Брест, отремонтирован и включен в состав Флота Океана. Ватсон умер через несколько дней после прихода во французскую гавань, 4 июня 1744 года. Офицеры «Нортумберленда» были выкуплены и предстали перед судом. 31 января 1745 года на борту корабля Его Величества «Леннокс» было начато слушание дела о сдаче «Нортумберленда». Лорды оправдали первого лейтенанта, который был против капитуляции корабля, а штурман, поддержавший решение кэптана Ватсона, был лишен всех званий и заключен в тюрьму Маршэлси.

В заключение следует отметить, что французы, захватив «Нортумберленд», проморгали Смирнский конвой, который имел гораздо более важное значение для Англии, чем потеря старого 64-пушечника. Таким образом, можно сказать, что Ватсон выполнил свой долг и прикрыл вверенные ему корабли от атаки сильного французского отряда.

В свою очередь, долгий бой «Нортумберленда» с тремя французскими кораблями такого же ранга показал, что боевая подготовка английских команд на голову превосходит французскую. Но французы ощутят это позже — в следующую войну, где их победы можно будет пересчитать по пальцам.

Флот Океана в крейсерских и конвойных операциях

В конце 1744 года из Бреста в Вест-Индию вышел капитан Шарль де Тюбиер де Леви де Пестель де Гримуар, маркиз де Кайлюс с 4 линкорами и 1 фрегатом^[111]. Он должен был прибыть на Мартинику и сменить тамошнего губернатора, а его соединению предписывалось сопровождать во Францию богатый конвой с сахаром. Зимой 1745 года отряд благополучно прибыл на Мартинику, Кайлюс принял под свою руку французские Наветренные острова, бешеным темпом началось строительство укреплений. Также бизнес призывали формировать приватирские эскадры. Уже в июне 1745 года два фрегата (36- и 30-пушечный) под командованием капитана Фуше атаковали около Антигуа трех английских приватиров. Британцы смогли укрыться в одной из бухт острова, потери их неизвестны, сами же французы потеряли 35 человек убитыми и 65 — ранеными.

Что касается кораблей, 12 июня 1745 года отряд вышел из Фор-де-Франс, сопровождая 34 торговых судна с грузом сахара, патоки и серебра. Теперь соединением командовал маркиз де Конфлан (командир захваченного им в прошлом году «Нортумберленда»). По пути следования конвой не встретил вражеских судов и уже 30 июля прибыл в Брест.

В середине июня 1746 года Конфлан повел в Вест-Индию огромный торговый караван в 214 судов. Для сопровождения были выделены 74-пушечный «Террибль» (флагман), 58-пушечный «Нептюн», 50-пушечный «Альсион», а также 46-пушечный фрегат «Глуар». Несмотря на блокаду французских островов соединением британского коммодора Эдварда Ли, Конфлан успешно привел корабли в Вест-Индию. 1 августа у Сан-Доминго его обнаружили английские корабли — 4 линкора, фрегат и шлюп^[112]. Конфлан, связанный по рукам огромным караваном, три дня искусно уклонялся от атак англичан, наконец, они потеряли его в грозовом шквале, а французы без потерь вошли на рейд Пти-Гоав.

15 октября Конфлан взял курс на Францию, имея под охраной 90 купцов, шедших с богатым товаром. 29-го у мыса Кап-Франсуа (Сан-Доминго) столкнулись нос к носу два конвоя — французский Конфлана и английский Митчелла (50-пушечный «Северн», шлюп «Дрейк» и 26 купеческих кораблей). Французы пошли в атаку, вскоре «Террибль» и «Нептюн», зайдя с двух бортов, атаковали британский 50-пушечник и заставили его поднять белый флаг. «Глуар» и «Альсион» тем временем ринулись в погоню за торговыми судами и смогли захватить 6 транспортов.

6 декабря 1746 года французский конвой без приключений прибыл в Брест. Конфлан, ставший после захвата «Нортумберленда» и вест-индских призов самым результативным капером в этой войне, получил звание шефа д'эскадр и был назначен губернатором Сан-Доминго и Наветренных островов.

1 марта 1746 года капитан Дюгэ-Ламбер (родственник знаменитого Дюгэ-Труэна) с 74-пушечным «Маньяним» и 50-пушечным «Рюби» сопровождал 50 купцов из Мартиники в Брест. Плавание произошло без происшествий — в конце апреля конвой счастливо вошел в бухту Камарэ.

5 апреля 1747 года французский капитан Дюбуа де ла Мотт с 74-пушечным «Маньяним» и 48-пушечным «Этоле» сопровождал караван (55 транспортов) на Сан-Доминго. Еще два корабля де ла Мотта чуть приотстали. Между Кап-Франсуа^[113] и мысом Ортегаль он обнаружил большой торговый караван британцев под охраной приватиров «Саффолк», «Дредноут», 50-пушечника «Сандерленд», а также 44-пушечного «Госпорт» и 16-пушечного «Ренуара». Французы пошли в атаку, «Этоле» (им командовал Дюгэ-Ламбер) без раздумий налетел на «Ренуар» и в течение 20 минут взял шлюп на абордаж. Англичане совсем растерялись, никак не могли сладить с парусами, чем сполна воспользовались французы, которые смогли захватить 8 английских призов. В конце концов англичане

смогли выстроить линию и атаковать отряд де ла Мотта, причем появившиеся в отдалении французские «Альсид» и «Арк-эн-Сиэль» не пришли на помощь «Маньяниму» и «Этоле». Бой шел целые сутки. Французы умело отбивались от атак из ретирадных орудий, защищая свои торговые суда. В результате «Маньяним» привел в Пти-Гоав 40 судов, а отдалившийся во время боя «Этоле» — 24, среди них английские призы.

1 марта 1747 де ла Мотт вышел из Бреста с «Арк-эн-Сиэль», «Альсид» и фрегатом «Зефир» в Вест-Индию. У Кап-Франсуа он встретил богатый французский конвой, который взял под защиту. 5 апреля де ла Мотт натолкнулся на Митчелла, который крейсировал у Сан-Доминго с тремя сильными линкорами. Англичане пошли в атаку, французы отбивались. Хотя де ла Мотт приложил все усилия, чтобы отразить нападение, все же французы потеряли 9 из 163 купцов. Остальные без помех были отконвоированы в Пти-Гоав. Это было последнее крупное столкновение между французами и англичанами в Вест-Индии.

Флот Леванта в крейсерских операциях

29 мая 1744 года Морепа прибыл в Тулон. Он тут же снял с командования де Кура и назначил ему на замену Габарэ, который вскоре умер, однако замену ему так и не назначили (фактическим начальником Тулонской эскадры после смерти Габарэ стал шеф д'эскадр Винсан д'Орв Мартини, опытный моряк «с твердым характером»). Тулонскую эскадру раздробили на несколько отрядов, каждый из которых получил совершенно самостоятельные указания. 6 июля к Кефалонии вышел капитан Водрёй с кораблем «Эрье» и фрегатами «Флор» и «Ирондель», имея приказ защищать свои торговые суда (в основном — марсельские) и атаковать английских приватиоров.

18 июля у Йерских островов встала корсарская эскадра капитана Пьозэна (80-пушечный «Тоннан», 74-пушечный «Сент-Эспри», 64-пушечный «Эол», 50-пушечный «Тигр» и 30-пушечный «Зефир»). Она имела задачей диверсии против англичан, блокировавших испанское побережье, а также атаку английских конвоев, направленных к Гибралтару и в Порт-Магон. Однако подготовка набранных в спешке экипажей была просто отвратительной, людей вербовали насильно, множество из них море никогда и не видели, очень боялись англичан, которые представлялись профессионалами. Дезертирство с кораблей Пьозэна было просто ужасающим, к тому же в командах свирепствовала лихорадка. 22 августа с грехом пополам дошли до мыса Спартель, где крейсировали в надежде перехватить какие-нибудь английские торговые суда или корабли Мэтьюса,

идущие домой. Несмотря на трехмесячное рейдерство, никаких результатов так и не достигли, 19 ноября вернулись обратно в Тулон, при входе в бухту из-за некомпетентности вахтенного офицера «Тоннана» в виду родной базы сел на мель у мыса Эгуитт.

Капитан Кайлюс вышел в море с 74-пушечным «Эсперансом», 64-пушечными «Тридан», «Серье», 54-пушечным «Диаманом» и 42-пушечным «Аквилоном». 28 августа отряд направился к Мальте для атак английских приватиоров, около мыса Бон он встретил французский торговый конвой из Смирны и сопровождал его в Кадис. Недалеко от Картахены узнали, что к Мэтьюсу идет подкрепление: три 50-пушечника — «Нонсач», «Леопард», «Антилоуп», а также 3 бомбардирских судна и три тендера под общим командованием коммодора Лонка. Этот отряд, по мысли англичан, должен был содействовать австрийцам против испанских войск, высаженных в Италии. Кайлюс отделился от торговых и пошел на поиски англичан, но безуспешно.

Капитан ла Жонкье вышел из Тулона с 74-пушечным «Терриблем», 64-пушечными «Боре», «Леопардом», 50-пушечным «Альсионом» и 30-пушечным «Аталанте» 6 октября. Он имел следующие инструкции — принять конвой у Кайлюса, от Спартеля до Мальты, там отделиться и пойти к берегам Италии в крейсерство против английских и австрийских торговых судов. 19 октября Жонкье был у берегов Туниса, затем пошел в Левант, там он соединился с Водреем и Кайлюсом, однако у Ионических островов развернулся и взял курс на Тулон, где взял провианта на 6 месяцев и 6 декабря отплыл к Кадису, где его ожидали Водрей и Кайлюс. Там французские эскадры соединились, но ненадолго, уже в марте часть кораблей ушла в Брест^[114], а часть — в Рошфор^[115], они конца войны действовали в Атлантике. Пьозэн с оставшимися вернулся в Тулон.

В начале 1745 года из Тулона с конвоями в Марсель и затем в Смирну и Александрию (и обратно) ходили «Тулуз» (Водрей), «Эрье», «Флор» и «Ирондель», причем первые два вышли еще в январе, но попали в страшный шторм. «Эрье» — старый корабль, к тому же плохой ходок, получил повреждения и вернулся в Тулон, где был разоружен. Что касается еще более старого «Тулуза» — он оказался крепче, избежав повреждений в январский шторм, он уже 8 марта вышел в море с двумя фрегатами, дошел до Марселя, где взял под охрану свои торговые суда. 2 мая корабли вернулись обратно, имея на борту до 200 человек больными.

Это была единственная эскадра, вышедшая в море весной. 1 апреля к Тулону подошел английский отряд под командованием Роули (16 кораблей и 4 бомбардирских судна). Французы всерьез опасались атаки их военно-

морской базы, поэтому с кораблей в срочном порядке было снято и направлено на крепостные батареи до 1500 матросов, а также укомплектованы четыре галеры. Но оказалось, что англичане и не помышляли о штурме, их задачей была блокада Тулона.

Весной 1745 года вернулся на французскую службу обласканный испанцами де Лаж. Он получил должность «портового капитана»^[116] Тулона. Де Лаж сразу же засыпал Морепу предложениями по крейсерской войне против англичан в Средиземном море и в конце концов получил небольшую эскадру. Для крейсерской войны вооружили «Ферм», «Орифламм», «Диаман» и «Волаж». Де Лаж возглавил соединение и вышел с ним в апреле к Сицилии. Матросы, набранные с бору по сосенке, дезертировали сотнями, «Ферм» разоружили уже у Сардинии, остальные отошли к Мессине, а потом к Мальте. В августе соединение вернулось в Тулон и сразу же было разоружено.

В январе 1746 года де Лаж опять вышел в море, на этот раз с «Орифламмом» (43 пушки), «Дианом» и «Волаже» (по 30 пушек каждый). 21 марта у Картахены отбившийся от основного отряда «Волаж» (командир — лейтенант Фалькенгрэн, волонтер на французской службе, сын шведского адмирала) встретил 70-пушечный «Стерлинг Кастл» (командир — кэптен Джон Фоулер). Англичанин сразу же атаковал французский фрегат и после перестрелки захватил его, однако вскоре были усмотрены корабли де Лажа, разыскивающие «Волаж». Фоулер, опасаясь атаки французов, бросил приз и отошел к Менорке.

В этом же году фрегат «Флор» и тартана «Дилижан» были проданы частным арматорам для каперства. В первый выход в море участников сопровождали «Ферм» и «Фье» под началом капитана Массьяка, который чуть позже обнаружил и захватил английский 32-пушечный приватиер «Перл».

Призов крейсерские эскадры Средиземноморья почти не сыскали, в 1747 году из порта выходил только фрегат «Флор», а летом в Тулон прибыл с инспекцией генерал галер^[117] герцог Орлеанский. Французы всерьез опасались, что австрийская армия, начавшая наступление в Италии, может прорваться к Тулону, поэтому туда был откомандирован энергичный генерал Шевьер, который лихорадочно начал укреплять оборону города. Срочно была сформирована гребная флотилия под командованием Бомпара — 4 галеры, 2 гребных галиота, 2 барка, 1 тартана, 1 фелюка, 2 брандера, 12 шлюпов, а также до 20 вооруженных китобойцев^[118]. Однако австрийское наступление выдохлось гораздо раньше, и эти меры оказались

лишними.

В 1748 году был списан 74-пушечный «Дюк д'Орлеан», корабль весь прогнил и был обращен в блокшив. За время войны на тулонских верфях были заложены 8 кораблей и 1 фрегат, однако к 1746 году сумели спустить на воду только 74-пушечный «Конкеран».

Наверное, на этом можно и закончить описание крейсерских действий Флота Леванта. Никаких значимых успехов в каперстве корабли Тулонской эскадры не достигли, в зачет им можно поставить только хорошо выполненную работу по охране своих конвоев.

Глава 14

Набег на Лориан

Уже в 1745 году представители директоров британской ОИК в парламенте настаивали на атаке французского порта Лориан, являвшегося штаб-квартирой их конкурентов. После падения Луисбурга решено было провести акцию против Лориана. Возглавить экспедицию должен был только что выигравший судебную тяжбу с адмиралом Мэтьюсом Ричард Лесток.

Состав эскадры был следующим:

Наименование		Пушки	Командир, примечания
Princessa (приз)	Принцесс	70	Кэптен Джон Кокборн, флаг адмирала Ричарда Лестока
Edinburgh	Эдинборо	70	Кэптен Джеймс Пирс, флаг коммодора Томаса Коутса
Devonshire	Девоншир	66	Кэптен Джон Притчард
Exeter	Эксетер	60	Кэптен Томас Лик (Leke)
Superb	Сюперб	60	Кэптен Форб Фоук (Thorbe Fowke)
Tilbury	Тилбери	60	Кэптен Роберт Гарланд
York	Йорк	60	Кэптен Тимоти Нукелла
Ruby	Руби	50	Кэптен Жоффрей Найт
Hastings фрегат	Гастингс	44	Кэптен distinguished Арчибальд Стюарт

Наименование		Пушки	Командир, примечания
Pool фрегат	Пуль	44	Кэптен Ормонд Томпсон
Sapphire фрегат	Саппайр	44	Кэптен Сэмьюэл Мастерсон
Fly брандер	Флай	8	Лейтенант Патрик Бирд
Tavystock брандер	Тависток	10	Лейтенант Жоффрей Маккензи
Morton брандер	Мортон	6	Лейтенант Чарльз Аптон
Vulkan мортирный бот	Вулкан	6	Лейтенант Уильям Петтигрю
Scipio мортирный бот	Сципио	6	Лейтенант Уоррен Белита (Belitha)

15 сентября 1746 года отряд вышел из Портсмута, имея на борту 8000 солдат под командованием генерала Уильяма де Сент-Клэра (среди них 1100 шотландцев 43-го полка Джорджа Мюррея^[119]) и взял курс на Уэссан. 20 сентября эскадра была у Лориана.

В то время главная штаб-квартира французской Ост-Индской компании не имела сколь-нибудь значимых укреплений. Город и порт Лориан располагался в заливе Лармор. Вход в бухту защищали форт Пор-Луи и бастион на острове Гавр. Склады компании и сам город располагались внутри залива, на западном берегу.

Бастионы Пор-Луи и острова Гавр не ремонтировались со времен Ришелье и совершенно пришли в упадок. Однако Лесток, опасаясь, что французы нанесут ему большие потери во время прохода в бухту, решил высадить войска в заливе Кергулуэ, расположенном в 20 километрах к западу от города. Это позволяло взять Лориан атакой с суши, где он совсем не имел укреплений.

Вечером 20 сентября началась высадка войск. Однако место высадки оказалось крайне неудачным — солончаки, пески-пльвуны. Англичане вязли в болотистой низменности, артиллерию выгрузить было практически невозможно. Сильно опасались атак французов. Лишь 23-го числа высадка закончилась. На берег сумели переправить только четыре 3-фунтовых орудия и около десятка кугурновских мортирок.

24-го числа, совершив стремительный марш-бросок, Сент-Клэр появился у Лориана. Французы, совершенно не ожидавшие атаки, были в панике. Городской совет экстренно решал, будет ли город сдаваться немедленно, или для проформы посопротивляется один-два дня. Бомбардировка, начатая англичанами, заставила городской совет настаивать на капитуляции. Бургомистр все же приказал гарнизонным орудиям сделать пару-тройку залпов в сторону англичан.

25 сентября делегация знатных горожан Лориана подошла к западным высотам, окаймлявшим город, неся на бархатной подушке городские ключи. Однако... они никаких войск там не обнаружили, вокруг были одни догорающие костры и не выкопанные до конца окопы.

Оказывается, огонь английских пушек был признан неэффективным, на военном совете Сент-Клэр попросил канониров правильно расположить пушки и мортиры, чтобы сделать пролом в городской стене. В ответ артиллеристы ответили, что это невозможно с теми орудиями, которые есть у десанта. В середине совещания Сент-Клэр получил разведданные, что ему в тыл направляется французский 15-тысячный отряд с намерением отрезать десант от кораблей. Не проверив этих новостей, генерал дал команду к отступлению, которое вскоре превратилось в постыдное бегство. Уже к середине дня 25-го все войска погрузились на корабли.

Ошалев от прыти армейских, Лесток пытался выяснить, в чем причина столь поспешного бегства, однако Сент-Клэр настаивал на немедленном отплытии, говоря, что к Лориану идет весь Флот Леванта в полном составе.

Лесток, ничего не понимая, отплыл к бухте Киберон, 4 октября на островах Киберон и Уа были высажены небольшие десанты, которые разрушили там укрепления и захватили 18 пушек. Там же был захвачен и 64-пушечный «Ардан» из эскадры д'Анвилля. Это была единственная удача экспедиции. 17 октября корабли вернулись в Портсмут ^[120].

В Англии уже знали о провале рейда на Лориан. Как ни странно, расследование по этому поводу не проводилось, но во флоте начались пересуды: вот он какой, Ричард Лесток, победитель на суде. В обычных делах он, судя по всему, менее искусен, чем в сутяжных. Взбешенный Лесток, до которого дошли эти слухи, потребовал суда над собой, но в

Адмиралтействе, не желая продолжать «охоту на ведьм», просто от него отмахнулись. В результате сильнейшего нервного расстройства Лесток умер в том же, 1746 году.

Глава 15

Крейсерские и конвойные операции

Британия

Успехи частных британских приватиоров в крейсерской войне

В 1745-м английские арматоры и торговцы снарядили несколько больших приватиоров, задачей которых были атаки на французскую и испанскую торговлю. Первым отличился корабль «Принс Фредерик» (28 орудий, 250 человек, капитан Джон Тальбот) — в районе Западных подходов^[121] капер атаковал корабли французской ОИК, возвращавшиеся из Индии. После упорного сражения были захвачены «Маркиз д'Атэн» (400 тонн, 24 пушки, 68 матросов) и «Люис Эразмус» (500 тонн, 28 пушек, 66 человек). Груз кораблей — 45 сундуков с драгоценными камнями, шеффилдской платиной^[122], золотом, парчой, мускатом. Добыча была столь богатой (оценивалась в 400 тысяч фунтов), что каждому матросу в качестве призовых досталось по 850 фунтов, доля же офицеров исчислялась тысячами фунтов.

В этом же году капитан Редмонд захватил еще один корабль французской ОИК, ценность захваченного оказалась равна 150 тысячам фунтов стерлингов.

В 1746 году недалеко от побережья Южной Каролины британский капитан Томас Фрэнкленд на 20-пушечном приватире «Роуз» атаковал и после тяжелого боя захватил испанский мобилизованный 20-пушечный капер «Консепсьон». Особую пикантность столкновению придавало то обстоятельство, что команда англичанина составляла 125 человек, а команда испанца — 326 человек. При этом Фрэнкленд три раза заходил на бордаж, был отбит, но на четвертый все же захватил неприятеля. Потери на «Консепсьоне» — 116 убитых, 40 раненых, потери на «Роуз» — 5 убитых, 13 раненых. Призовые оказались потрясающими — 800 фунтов какао, 68 сундуков с серебром, золотой монетой, драгоценностями, алмазами, жемчугом. Кроме того, в потайном шкафу капитана было обнаружено 30 тысяч пистолей — жалование чиновникам испанской колонии Сан-Августин. Фрэнкленд от широты души подарил тысячу пистолей испанскому капитану, но на этом разбазаривание захваченного и закончилось. Корабль привели на Ямайку, а вскоре «Роуз» смог перехватить еще одного испанца с грузом на 20 тысяч пистолей.

Также стоило бы упомянуть и бриг^[123] «Фэйм» (150 матросов, капитан Фортунатус Райт), ливерпульского капера в 20 пушек. Началось все в 1744 году, когда недалеко от Ливорно французский корсар «Бегония» захватил и разграбил купеческий бриг компании Ливерпуля «Сваллоу». Разозленные убытками купцы решили снарядить и отправить к Италии свое приватирское судно. Именно этим кораблем и был «Фэйм». Уже в ноябре 1746-го Райт захватил два французских торговых судна, а к концу декабря «Фэйм» взял 16 призов. С законностью ливерпульский приватир не заморачивался — на Райта писали жалобы неаполитанцы, сицилийцы и даже турки. Последние пеняли на то, что на захваченном англичанами французском корабле «Гермиона» (порт приписки — Марсель) находились турецкие товары, причем француз вез их не во Францию, а в Тосканское герцогство, в Ливорно^[124]. Согласно обычаям того времени, товар, перевозимый из одной нейтральной страны в другую нейтральную страну, также считался нейтральным, даже если он перевозился кораблем одной из воюющих сторон, поэтому жалобы турок вызвали реакцию в Адмиралтействе, которое приказало Райту вернуть турецкую собственность их хозяевам, но Фортунатус отказался. В результате Райт попал в тюрьму города Ливорно, где просидел 6 месяцев и был выпущен, чтобы предстать перед судом в Англии. Однако, поскольку на дворе был уже конец 1747 года и война заканчивалась, дело спустили на тормозах. Англичане смогли договориться с австрийскими властями, Райт был выпущен, о денежной компенсации туркам мило «забыли».

Начиная с 1746 года, активизировались крейсерские действия кораблей регулярного флота Британии, но об этом мы расскажем чуть позже.

Действия регулярного флота в Вест-Индии

Захват Энсоном в 1743 году манильского галеона полностью разложил Ройял Неви. Теперь каждый кэптен или коммодор, не говоря уж об адмиралах разных флагов, мечтал пожить на испанцах или французах, которые, как считалось, «чудовищно богаты». Довольно часто одиночные корабли, а то и целые эскадры бросали важные крейсерства или патрулирования и рвались на большую дорогу, за длинным рублем. Еще во время войны «из-за уха Дженкинса» англичане устроили настоящую охоту на испанские корабли. К примеру, в 1743 году британцы захватили в общей сложности 146 испанских судов общей стоимостью в 754 тысячи песо.

Мы уже немного описали положение в Вест-Индии в 1744 году и знаем, что коммодором Уорреном было принято принципиальное решение

поставить на колени Канаду, для чего большую часть сил он перевел в Новую Англию. Мы помним, какое недовольство данным решением выказали некоторые кэптены и к каким мерам пришлось прибегнуть Уоррену, чтобы восстановить дисциплину. Теперь же рассмотрим, чем занимались оставшиеся в Вест-Индии корабли Ямайской и Барбадосской эскадр.

10 сентября 1745 года соединение 60-летнего ветерана Войны за испанское наследство Айзека Тауншенда в составе 80-пушечного «Дорсетшира», 70-пушечных «Леннокс», «Ипсвич», «Принсес»^[125], 60-пушечных «Кингстон», «Пемброк», «Уорчестер» и 50-пушечного «Хемпшир» покинуло Барбадос и вышло к Антигуа. Согласно плану, на Антигуа Тауншенд должен был погрузить на корабли войска, которые надо было высадить на Гваделупе и Мартинике, однако когда отряд прибыл к месту назначения, оказалось, что этих войск не существует в природе, поскольку все войсковые соединения отправлены коммодором Уорреном в Северную Америку.

Тауншенд спустился к Мартинике и решил начать блокаду французских «сахарных» островов. 11 ноября ему улыбнулась удача — он обнаружил шедший на Мартинику французский конвой в 43 торговых судна, который сопровождал отряд в составе 74-пушечного «Маньянима» и 50-пушечного «Рюби» (командир — капитан Илларион Жосселен, граф Дюгэ). Англичане пустились в погоню, «Леннокс» сбил фор-стенгю на «Рюби», однако французы все же смогли укрыться у береговых батарей. Хуже пришлось торговым судам — англичане смогли захватить 14 купцов.

Утром 20 декабря 1745 года английский конвой из 32 торговых транспортов в охранении 60-пушечных «Страффорда», «Плимута», а также 20-пушечного шлюпа «Лайм» (командир — кэптен Корнелиус Митчелл), следовавший из Порт-Ройяля (Ямайка) в Англию, в районе Антигуа наткнулся на французский караван (23 торговца), который сопровождали 74-пушечный «Инвизибль», 64-пушечный «Ясон», «Парфэт» и 36-пушечный фрегат «Аталанте» под командованием шефа д'эскадр Жана Батиста Макнамары (бежавшего во Францию якобита-ирландца). Митчелл сразу же приказал торговым уходить к Сент-Джонсу (Антигуа), а сам завязал перестрелку с «Инвизиблем» и повернул курсом на Ямайку. Французы пытались преследовать Митчелла, не выделив почему-то сил для преследования торговых судов, англичане смогли оторваться и дойти до Порт-Ройяля. В перестрелке «Страффорд» потерял 5 человек убитыми и 8 — ранеными.

Весь 1746 год Барбадосская и Ямайская эскадры не предпринимали

активных действий, все свободные силы были отосланы либо к Гудзонову заливу, либо в метрополию. Тем не менее частные приватиры и малые корабли Ямайской эскадры собрали обильную жатву. Всего в этом году англичане захватили 531 испанский приз.

В 1747-м, после того, как стало понятно, что вторжения на Британские острова не будет, англичане возобновили активные действия.

25 апреля коммодор Эдвард Легг с 70-пушечным «Кэптеном» и 60-пушечными «Дрэгоном» и «Сандерлендом» вышел с Барбадоса для охраны большого конвоя в 44 судна. Через несколько дней он довел торговцев до Антигуа и присоединился к эскадре коммодора Ли, пытавшейся блокировать Мартинику и Гваделупу. Ли, без толку простоявший у Бассе-Терре, вернулся на Барбадос лишь в октябре. В начале 1748 года его сменил переведенный из Бостона и недавно получивший титул контр-адмирала Чарльз Ноульс. 8 января 1748 года он с кораблями «Кентербери», «Норвич», «Ларк», «Фоули» и шлюпом «Ахиллес» отправился к Антигуа с торговыми судами. Купцы без приключений дошли до Сент-Джонса, а сам Ноульс присоединил к себе отряд кэптена Джорджа Покока. Крейсерство нарушила срочная депеша из Кингстона — оказывается, в английских владениях активизировались испанские корсары, особенно доставлял неудобства знаменитый Филипп Лопес де ла Флор, имевший базы на побережье Гондураса и полуострова Юкатан, постоянно атаковавший суда, идущие с Ямайки.

17 февраля Ноульс вошел на рейд Кингстона (Ямайка), а чуть позже перешел в Порт-Ройял, где по требованию губернатора Ямайки Трелони на борт были погружены войска (240 ямайских рейнджеров). Данные по эскадре Ноульса сведены в таблицу:

Наименование		Пушки	Экипаж	Примечания
Cornwall	Корнуолл	80	600	Флагман
Plymouth	Плимут	60	400	
Elizabeth	Элизабет	70	480	
Canterbury	Кентербери	58	400	
Strafford	Страффорд	60	400	
Warwick	Варвик	60	400	
Worcester	Вустер	60	400	
Oxford	Оксфорд	50	340	
Merlin	Мерлин	16	100	
Weazel	Визель	16	100	

В отместку за набеги каперов губернатор и контр-адмирал планировали атаковать и захватить какой-нибудь испанский или французский город на Сан-Доминго, Эспаньоле^[126] или Кубе.

Глава 16

Атака Сантьяго-де-Куба и погоня за «серебряным флотом»

В начале марта 1748 года Ноульс отплыл из Порт-Ройяля. Целью первоначально он определил Сантьяго-де-Куба, которую не смог взять в свое время Эдвард Вернон, однако встречные ветра помешали эскадре двигаться в восточном направлении. Ноульс изменил планы и решил захватить небольшую крепость Сен-Луи-дю-Суд, расположенную на западной оконечности Сан-Доминго. 8 марта британцы абсолютно неожиданно появились в бухте Сен-Луи. Ноульс произвел бомбардировку батарей и начал огибать остров Мутон, чтобы приблизиться к крепости, как вдруг над ней взвился белый флаг. Французский комендант, устрешенный большим количеством кораблей, решил не испытывать судьбу и сдаться на милость победителя.

Ноульс, окрыленный удачей, хотел идти к Кап-Франсуа или даже к Пти-Гоав, чтобы атаковать и захватить эти важные порты, однако его останавливало малое количество пехоты. В конце концов было решено вылавировать чуть западнее — к Сантьяго-де-Куба.

28 марта к нему присоединились вышедшие с Ямайки линейный корабль «Леннокс», фрегаты «Вэнкёр» и «Валтюр», а также тендер «Шарп». Британский отряд проследовал к Сантьяго-де-Куба. Мы уже описывали укрепления этого города, который был сильно защищен с моря. Когда эскадра находилась перед заливом, вдруг заштилело, к тому же губернатор Сантьяго Аркос Морено успел совершить необходимые приготовления. 10-дюймовый трос, протянутый на входе в бухту, не давал кораблям свободно зайти в гавань. На фарватере был затоплен 200-тонный корабль, чтобы британцы не смогли использовать большие корабли против батарей крепости.

В свою очередь, англичане смогли перехватить испанское рыбацкое судно, где нашли штурмана, хорошо знакомого с бухтой Сантьяго. Этого бедного парня, неоднократно порывавшегося удрать, силком приволокли на «Плимут», который должен был идти в авангарде. Там лоцмана поставили к штурвалу, а рядом — наряд морпехов с приказом стрелять при попытке бегства, или если вдруг «Плимут» вылетит на мель.

На кварталдеке «Кентербери» установили три 10-дюймовые мортиры,

захваченные в Сен-Луи. Задачей этого корабля была бомбардировка сильных испанских батарей в бастионе Кастильо де Сан-Педро де ла Рока, расположенном на возвышенности у входа в бухту. Кэптен Дент («Плимут») послал к натянутому тросу лодки и шлюпки, чтобы снять его и открыть проход, однако они попали под сильный обстрел испанских батарей и были вынуждены отойти. «Кентербери», также ввязавшийся в бой бастионом Сан-Педро, получил очень большие повреждения — потерял руль, грот-мачту и бушприт (Ноульс позже писал: «Испанцы быстро «Кентербери» превратили в настоящего инвалида»). Флагманский «Корнуолл» в это время вел дуэль с бастионом Эль-Кайо, находящимся чуть в глубине бухты Сантьяго, но и здесь британцам не сопутствовал успех — кораблю Ноульса испанские ядра просто разворотили корму. В общем, Сантьяго-де-Куба в очередной раз доказал свою репутацию «не берущейся» крепости.

В бою англичане потеряли 100 человек убитыми и 200 — ранеными. На следующий день Ноульс решил повернуть назад, к Ямайке. Подремонтировавшись, контр-адмирал снова вышел в море с «Кентербери», «Корнуоллом», «Ленноксом», «Оксфордом», «Страффордом», «Тилбери» и «Уорвиком». Не смирившись с поражением Ноульс хотел повторить подвиг Пита Хейна и перехватить испанский «серебряный флот», идущий из Вера-Крус в Гавану. Однако 1 октября 1748 года вместо серебряного флота в 25 милях от Гаваны он наткнулся на испанскую эскадру хефе ди эскуадра дона Андреса Реджио, которая шла в Вера-Крус для прикрытия каравана.

Состав испанского отряда приведен ниже:

Наименование		Пушки	Примечание
África	Африка	70	Флагман
Invencible	Инвисибле	70	
Conquistador	Конкистадор	60	
Dragón	Драгон	60	
Nueva España	Нуэва Эспанья	60	
Real Familia	Реал Фамилия	60	
Galga	Галга	30	Фрегат

Дул восточный порывистый ветер, эскадры начали сближение.

Испанцы, первоначально принявшие отряд Ноульса за «серебряный флот», просигналили незнакомым кораблям лечь в дрейф и предложили свои услуги в качестве эскорта. Естественно, не осознав еще, что плывут враги, испанцы не держали никакого боевого порядка. Ноульс решил использовать такое положение вещей и быстро выстроил кильватерную колону. Реджио сразу понял, что он допустил ошибку, и приказал своим кораблям отойти мористее и линию. Приняв такое решение, испанский адмирал потерял ветер, и теперь Ноульс мог диктовать условия боя. Примерно в 8.30 утра англичане были в трех милях к востоку от испанцев. Контр-адмирал приказал отставшим «Уорвику» и «Кентербери» сблизиться и вступить в бой с испанцами по способности, а сам повел оставшиеся корабли в атаку. В свою очередь, Реджио смог сформировать линию, «Галге» он приказал выйти из колонны и держаться мористее. Испанцы, зарифив паруса, поджидали врага.

Около 14.00 ветер стих и сближение замедлилось. Вскоре ост сменился на слабый норд-ост, Ноульс приказал не отвечать на огонь испанцев, которые начали обстрел с большой дистанции, и форсировать сближение. Головные англичан — «Тилбери» и «Страффорд» — не разобрали приказа флагмана и продолжили движение в прежнем направлении. Эти два корабля продолжали медленное сближение под острым углом с испанцами (в английском флоте это называлось — «по касательной», «*lacking*»), что поставило их под сильный обстрел испанских 60-пушечников. Противники распределились следующим образом — «Корнуолл» вел стрельбу по «Африке», испанский «Конкистадор» крушил «Страффорд», «Оксфорд» состязался с «Драгон» и «Нуэво Эспанья». Головной «Инвесибле» не поддержал Реджио, в свою очередь, «Уорвик» и «Кентербери» спешили на помощь своему адмиралу, но находились достаточно далеко от места сражения. Лишь к 16.30 «Кентербери» сблизился с «Конкистадором», но получил продольный залп в нос, который порвал паруса и повредил такелаж. «Тилбери» наконец сблизился с «Инвесибле» и начал с ним бой на малой дистанции. Испанец получил большие повреждения, но смог оторваться и уйти к Гаване. «Конкистадор», атакованный «Корнуоллом», «Ленноксом» и «Страффордом», к ночи был совершенно разбит, и вскоре абордажная партия британцев его захватила.

Флагман иберийского отряда — «Африка» — получил очень большие повреждения, корабль смог дойти до маленького залива, однако состояние его было столь плачевным, что Реджио решил его сжечь. Остальные испанские корабли смогли дойти до Гаваны.

Тактически бой закончился победой англичан — они смогли рассеять

довольно сильное соединение испанского флота и захватить 60-пушечный «Конкистадор». Стратегически Ноульс проиграл — он упустил «серебряный флот» и из-за повреждений не мог продолжать крейсерство. По британским оценкам, испанцы в этом бою потеряли 150 человек погибшими и в несколько раз больше ранеными, однако эти цифры требуют уточнения.

Реджио попал под суд, где с него потребовали отчета по сожжению «Африки», но был оправдан. Ноульс также попал под трибунал в 1749 году, его обвиняли в несоответствии служебному положению, упирая на неумение тактически построить бой. Страсти на суде кипели нешуточные — достаточно отметить, что несколько кэптенов, бывших в подчинении Ноульса, послали своему контр-адмиралу вызовы на дуэль и понадобилось вмешательство короля Георга II, чтобы прекратить эту вспыхнувшую ссору^[127]. Все же Ноульса оправдали, позже он дослужился до адмирала.

Глава 17

«Западная Эскадра»

Два боя у мыса Финистерре

В 1746 году, после разгрома якобитов в Шотландии и отказа французского флота от борьбы за господство на море, Британия послала к французским берегам особое соединение. Оно называлось Западная эскадра — *Western squadron*. Ее задачей был перехват французских конвоев, идущих в Вест-Индию и из Вест-Индии.

В апреле 1747 года из Портсмута к острову Рэ (месту сбора французских торговых судов) подошла Западная эскадра под командованием уже знакомого нам (получившего к тому же звание контр-адмирала) Джорджа Энсона в составе 14 кораблей, 1 фрегата, 1 брандера и 1 шлюпа. 14 мая это соединение обнаружило большой французский конвой (24 судна), о котором Энсону уже докладывала разведка.

Это были вест-индские корабли, встретившиеся в море с судами, идущими из французской Индии. Случилось так, что несколькими часами ранее конвой встретился со своим эскортом, высланным из Лориана. Силы прикрытия, которыми командовал Жан Пьер де Таффанель, маркиз де ла Жонкье, включали в себя 3 линкора — 74-пушечный «Инвизибль», 64-пушечный «Серье» (флагман) и 50-пушечный «Ясон». Французы также заметили неприятеля и начали строиться в линию фронта для отражения атаки. Жонкье не испытывал ложных надежд — поняв, что Энсон значительно превосходит его в силах, включил в эскорт конвоя несколько судов из самого каравана, в результате он смог выставить против армады Энсона всего 5 кораблей, 5 фрегатов (часть из них — мобилизованные торговцы) и 4 мобилизованных флейта.

Составы эскадр:

Английская эскадра		Французская эскадра	
Наименование	Пушки	Наименование	Пушки
Prince George (Принс Джордж, Энсон)	90	Sérieux (Серье, Жонкье)	64
Devonshire (Девоншир, Уоррен)	66	Invincible (Инвизибль)	74
Namur (Намюр)	74	Rubis (Рюби)	52
Monmouth (Монмут)	64	Jason (Ясон)	50
Prince Frederick (Принс Фредерик)	64	Gloire (Глуар) фрегат	40
Yarmouth (Ярмут)	64	Emeraude (Эмерод) фрегат	40
Princess Louisa (Принсесс Луиза)	60	Chimère (Химер) фрегат	36
Nottingham (Ноттингем)	60	Diamant (Диаман)	56 (реально — 30)
Defiance (Дифайнс)	60	Аpollon (Апполон) фрегат ОИК	30
Pembroke (Пемброк)	60	Philibert (Филибер) фрегат ОИК	30
Windsor (Виндзор)	60	Thétis (Тетис) флейт ОИК	22
Centurion (Центурион)	50	Vigilant (Вижилан) флейт ОИК	20

Английская эскадра		Французская эскадра	
Наименование	Пушки	Наименование	Пушки
Falkland (Фолкленд)	50	Modeste (Модест) флейт ОИК	18
Bristol (Бристоль)	5	Dartmouth (Дартмут) флейт ОИК	18
Ambuscade (Эмбюскад) фрегат	40	Конвой в 24 корабля	
Falcon (Фалькон) шлюп	10		
Vulcan (Вулкан) брандер	8		

Энсон, видя слабость эскорта (у французов было 524 орудия, у англичан — 885), приказал сблизиться с военными кораблями вплотную и начать бой, но этому воспротивился Уоррен (недавно вернувшийся из Северной Америки после победы у Луисбурга). Он считал, что главной задачей является захват торговых судов, тогда как Энсон предполагал заняться купцами только после разгрома эскорта. В результате «Девоншир» не выполнил приказа с «Принс Джорджа» о сближении с французскими военными кораблями, не нарушая ордера, а вышел из кильватерной колонны и начал сближаться под острым углом с французской линией, выстроенной Жонкье. За «Девонширом» последовал «Центурион», нацелившийся на последний корабль во французской линии.

Жонкье, видя такое развитие событий, повернул на 90 градусов и пошел вслед за своим конвоем, решив принять бой на отходе. Во многом поэтому вместо планируемой Энсоном «правильной» атаки в кильватерной колонне получилась настоящая свалка. Командир «Западной эскадры», чтобы как-то сохранить руководство боем, вынужден был дать сигнал общей погони. В 16.00 передовые корабли англичан вступили в бой с концевыми французов.

Английские корабли продемонстрировали фирменный прием, придуманный Энсоном: каждый из подходивших кораблей проходил за ведущим бой кораблем, используя последний, как щит, и сразу же связывал боем нового противника. Пользуясь преимуществом в скорости и вооружении «Западная эскадра» отрезала часть французского арьергарда и,

окружив его, начала систематический расстрел. Первыми не выдержали корабли ОИК — два из них смогли убежать, а два сразу же капитулировали.

Военные же корабли решили сражаться до конца. Лишь к девяти вечера англичане смогли сломить сопротивление французских линкоров ла Жонкье — сильно поврежденный «Диаман» вскоре затонул, 74-пушечный «Инвизибель», весь избитый, был окружен английскими кораблями и, словно могучий левиафан (по размеру француз был сравним с 90-пушечным английским «Принс Джорджем») яростно отбивался от наседавшего на него противника.

Вскоре все линейные корабли арьергарда были захвачены. К исходу дня Энсон смог атаковать и взять на бордаж и оставшиеся французские суда. Эскорт конвоя перестал существовать. Потери французов составили 434 человека убитыми и 358 — ранеными. Англичане потеряли 520 человек убитыми и ранеными.

Не теряя ни минуты, Энсон послал наименее поврежденные «Монмут», «Ярмут» и «Ноттингэм» в погоню за торговыми судами. Три корабля, фрегат и шлюп на полных парусах помчались в направлении торговых судов противника, на следующий день настигли их и смогли захватить 10 купцов, на «ост-индийцах» было захвачено дефицитных товаров на 300 тысяч фунтов стерлингов. Победа эта ничего не представляла в тактическом плане, но много значила в стратегическом. Французы не смогли получить столь долгожданные товары, реализация которых позволила бы им получить деньги для продолжения войны. Адмиралтейство оценило действия Энсона в этом бою очень высоко — он был произведен в вице-адмиралы и переведен в помощники Первого Лорда (мы уже упоминали об этом).

На посту командующего Западной эскадрой его сменил контр-адмирал Уоррен, который, однако, вскоре заболел цингой и так же был отозван. Вакантную должность занял контр-адмирал Эдвард Хок. Адмиралтейство сначала побаивалось назначать молодого Хока на столь ответственный пост, но Уоррен смог уговорить лордов.

В начале августа 1747 года английские разведчики донесли, что из Мартиники во Францию вышел большой Вест-Индский конвой, одновременно из Бреста отплыла эскадра для его встречи и сопровождения. Действительно, 252 торговых судна с грузом сахара, полотна, табака, серебра и мехов вышли из американских вод в начале июня. 27 октября в районе острова д'Э (у испанского побережья) они встретились со своим эскортом. Состав выделенных в помощь конвою эскортных сил был следующим: 80-пушечный «Тоннан» (флагман), 74-пушечные «Энтрепид»,

«Террибль», «Монарк», «Тридан» и «Нептюн»^[128], 64-пушечные «Фуге» и «Контэн», 56-пушечный «Северн» и 26-пушечный фрегат «Кастор»^[129], всего 8 линейных кораблей и 1 фрегат. Командовал этим отрядом шеф д'эскадр Анри Франсуа дез Эрбье, маркиз де л'Этандюэр.

19 августа 1747 года на перехват конвоя вышла «Западная эскадра адмирала Эдварда Хока в составе 64-пушечных «Девоншир» (флагман), «Ярмут» и «Монмут», 70-пушечных «Эдинборо» и «Кент», 60-пушечных «Принсесс Луиза», «Виндзор», «Лайон», «Ноттингем», «Дифайнс» и «Игл», 50-пушечных «Глостер» и «Портленд», а так же 4 фрегатов и 1 шлюпа. Всего — 13 линейных кораблей, 4 фрегата и 1 шлюп.

Утром вырвавшийся вперед английский «Эдинборо» обнаружил семь кораблей, идущих на зюйд-ост. Сразу же был отослан брандер с докладом к командующему и Хок поднял флаг об общей погоне. В 8 часов идущий вторым в колонне 60-пушечный «Принсесс Луиза» определил, что обнаруженные корабли — французские, было уточнено и количество кораблей — их было 12, причем 10 из них — линейные.

В свою очередь, в 9.00 утра впередсмотрящие французского фрегата «Кастор» обнаружили на северо-востоке группу кораблей, которые л'Этандюэр сначала принял за свои отбившиеся от конвоя суда. Поскольку эскорт следовал впереди в линии баталии, а англичане появились сзади конвоя не соблюдая какого-либо строя, такое подозрение было не лишено оснований. Вскоре неизвестные корабли были идентифицированы как английские, к тому же они принимали меры для построения в линию, поэтому французский эскорт решил принять бой.

Согласно военному кодексу французского флота командир эскорта имел главной своей задачей спасение любыми способами судов конвоя, да и сам шеф д'эскадр понимал, что этот караван слишком важен для Франции, ведь ценность его приближалась к 70 миллионам ливров. Конвою был дан приказ построиться в три колонны и взять курс на юго-запад (обратно в Вест-Индию), а сам л'Этандюэр вышел в хвост конвоя, выстроил линию с норд-оста на зюйд-вест и приготовился к сражению. Корабли противников двигались в одном направлении в кильватерных колоннах, л'Этандюэр решил принять бой на отходе. Французская линия имела большие разрывы между кораблями из-за неустойчивого зюйд-зюйд-веста, впрочем, у англичан наблюдалось то же самое, хотя и по другой причине.

Дело в том, что когда в 11.00 Хок сблизился с французами, он понял, что эскорт пытается спасти караван, поэтому поднял сигнал «Погоня», хотя

по «Инструкциям для похода и боя» это разрешалось делать только тогда, когда противник разбит и обращен в бегство. При сближении с л'Этандюэром корабли англичан в ломаной рваной линии с северо-востока шли в следующем порядке:

Наименование		Пушки	Командир
Lyon	Лайон	60	Скотт
Princess Louisa	Принсесс Луиза	60	Уотсон
Monmouth	Монмут	64	Харрисон
Gloucester	Глостер	50	Дарелл
Tilbury	Тилбери	60	Харланд
Yarmouth	Ярмут	64	Сандерс
Edinburgh	Эдинборо	64	Коутс
DEVONSHIRE	Девоншир	66	Контр-адмирал Хок и капитан Мур
Windsor	Виндзор	60	Хэнуэй
Portland	Портленд	50	Стивенс
Nottingham	Ноттингем	60	Сомарез
Defiance	Дифайнс	60	Бентли
Eagle	Игл	60	Родней
Kent	Кент	64	Фокс

При этом «Монмут», «Глостер» и «Тилбери» находились кучкой вне линии, правее остальных кораблей. В хвосте эскадры были 44-пушечный «Гектор», 16-пушечный брандер «Вулкан», 24-пушечный фрегат «Шорхэм» и 14-пушечный шлюп «Визль».

У французов впереди шел 28-пушечный «Кастор», далее следовали «Энтрепид», «Тридан», «Террибль», «Тоннан» (флагман), «Монарк», «Северн», «Фуге» и «Нептюн». Л'Этандюэр был на ветре на зюйд-зюйд-весте и занимал очень удобную позицию для обороны. Хок, увидев, что его передовые корабли уже приблизились к французским, в 11.30 поднял сигнал «Открыть огонь».

Головной «Лайон», обогнавший всех остальных, атаковал с подветра замыкающий французов «Нептюн» (корабль с высокой посадкой на воде). Дав всего пару залпов, англичанин прошел вперед и вступил в бой с его соседом «Фуге» (капитан дю Вине), а с «Нептюном», в свою очередь, схватился «Принсесс Луиза», подошедший к своему противнику на пистолетный выстрел. Эти два английских головных корабля, проходя последовательно вдоль французской линии (как сквозь строй), естественно, попали под очень массированный огонь — были сбиты несколько рей, потери экипажей в начале сражения достигли 30 человек на корабль. Подошедший «Монмут» атаковал «Нептюн» с другого борта, француз, таким образом, попал в два огня, однако это положение, на счастье француза, было недолгим. «Принсесс Луиза», пройдя вперед, атаковал «Северн» (капитан — дю Рур де Сен-Эстэв), но вскоре англичанин в этом столкновении получил существенные повреждения и через четверть часа вышел из боя на некоторое время. Его сменил «Ярмут», которому пришлось вести бой и с «Фуге», и с «Северном», последний обстенил паруса и сдрейфовал поближе к своему мателоту.

Около 13.00 подошел флагман Хока — 66-пушечный «Девоншир», положение трех концевых французских кораблей стало угрожающим. «Девоншир» быстро проскочил «Нептюн» и «Фуге», дал несколько полновесных залпов по «Северну». Тот отчаянно отбивался, но в экипаже француза уже были 100 убитых и раненых, поэтому он был вынужден спустить флаг.

Английский «Эдинборо» прорезал французскую линию между «Фуге» и «Северн» и вышел на ветер. В 13.30 он атаковал флагман французов «Тоннан» с левого борта, в бою с ним потерял фор-стенгу и был вынужден пройти вперед, к «Монарку». К 12.15 «Монарк» дрался уже с тремя кораблями противника — 60-пушечными «Лайон», «Принсесс Луиза» и «Монмут». Позже к расстрелу несчастного французского 74-пушечника присоединились «Эдинборо» и «Виндзор». Вскоре эти корабли англичан проскочили вперед, а бой с порядком поврежденным «Монарком» продолжил «Ноттингем». Французский корабль получил несколько чувствительных залпов, вода уже стояла в трюмах на 3 фута, но он не выходил из боя и продолжал сражаться.

Таким образом в первой фазе боя Хок использовал к своей пользе решение л'Этандюэра выстроить эскорт в кильватерную колонну, атакуя попеременно с двух бортов то один, то другой корабль противника. Нельзя сказать, что сражение намеренно пошло подобным образом; в том, что

«Монмут», «Глостер» и «Тилбери» не успели занять свои места в линии и атаковали французов с левого борта, присутствовал элемент бардака и случайности, однако благодаря этому англичане получили возможность громить французов по частям.

В 12.20 к сражению присоединились «Дифайнс», «Игл» и «Кент». Они атаковали уже сильно поврежденные «Нептюн» и «Фуге». «Кент» отстал, пропуская вперед «Игл» (кэптен Родней — будущий известный адмирал), который действовал против «Нептюн» с левого борта, но вдруг на правый борт англичанина навалился сильно разбитый «Фуге». Корабль Роднея оказался зажатым между французскими кораблями с двух сторон. Надежды на помощь «Кента» оказались призрачными — тот проскочил вперед, оставив «Игл» наедине с обоими противниками. Родней прибавил парусов и смог вырваться из тисков, однако от столкновения с «Фуге» «Игл» потерял часть руля и не мог держать курс. Корабль Роднея пару раз сваливался на «Девоншир», но все же смог отойти в сторону.

«Кент» же из-за ошибки вахтенного офицера пропустил вперед «Игл» и задержался. Он хотел выйти на ветер перед «Нептюном», но неожиданно обстенил паруса, у Хока сложилось впечатление, что кэптен Фокс пытается избежать боя. После недвусмысленных сигналов флагмана «Кент» все же атаковал «Нептюн» с носа, потом прошел на правом галсе от «Фуге», дав пару продольных залпов, закончил маневр и еще раз открыл огонь по французам.

Ужасно разбитый «Фуге» (без мачт, имея около 80 пробоин) беспомощно болтался среди английских кораблей. Подошедший британский фрегат «Гектор» намеревался было атаковать француза, но тот в 13.40 спустил флаг.

Примерно в это же время французский командующий отдал фрегату «Кастор» приказ уходить к конвою для его защиты, что тот и вынужден был исполнить, хотя вся команда фрегата рвалась помочь своему отряду в сражении.

С 13.30 до 14.30 из французского арьергарда продолжали бой только два корабля. Уже выдержавший жестокую перестрелку с тремя англичанами «Монарк» (капитан де ла Бедуаэ) отстреливался по мере сил от «Ноттингема», с другого борта его атаковал «Эдинборо». Француз продолжал пальбу, такая дуэль тянулась около часа, вскоре на корабле был убит капитан, потери в экипаже были огромными и француз сдался.

«Нептюн» (капитан Фромантье), сражавшийся по очереди практически со всеми кораблями Хока, к 13.00 выдержал еще схватку с «Иглом» и «Девонширом», и, хотя потерял бизань мачту, смог вырваться вперед. К

нему сразу же направился «Ярмут», сражение с этим английским кораблем длилось целый час. «Нептюн» несмотря на повреждения, пытался маневрировать, огрызаясь, однако французом были потеряны все мачты, убыль в его экипаже достигла невиданных размеров — из 580 человек были убиты и ранены 248, среди которых сам Фромантье и 7 офицеров. Вскоре корабль поднял белый флаг.

К этому моменту англичане уже перестали держать даже подобие линии, французские же корабли держались в кильватерной колонне, но на большом отдалении друг от друга.

В центре «Лайон», «Принсесс Луиза», «Монмут», «Глостер», «Тилбери», «Кент» и «Виндзор» уже вели бой с «Тоннаном» (флаг л'Этандюэра, капитан дю Шаффо), «Триданом» (маркиз д'Амблимон) и «Терриблем» (граф дю Гуэ). Флагманский «Девоншир» пытался вести огонь из пушек нижнего дека по кораблю л'Этандюэра с очень острого угла, в результате крепления тяжелых орудий гон-дека лопнули и пушки начали кататься по нижней палубе взад-вперед, круша все на своем пути. В то же время орудия верхнего дека и квартердека не могли достать до французского корабля. Идущий на помощь «Девонширу» «Тилбери» увидел, что француз бьет по судну Хока одиночными точными выстрелами, пытаясь сбить его мачты, поэтому повернул на другой галс и закрыл английского флагмана своим корпусом. Пользуясь передышкой, экипаж «Девоншира» смог исправить крепления и атаковал на близкой дистанции «Тридан», расстреливавший «Тилбери» с другого борта. Хок быстро заставил француза замолчать и увалиться под ветер.

В 15.30 «Лайон» смог поравняться с первым во французской линии «Энтрепидом», английской корабль был уже тяжело поврежден (была сбита фок-мачта), поэтому вскоре повернул к ветру и направился к «Девонширу». Француз продолжил бой с «Монмутом», который заставил «Энтрепид» повернуть на другой галс и выйти из боя для устранения повреждений. «Принсесс Луиза», так же пострадавший от огня французов, к 14.30 прекратил сражение, но в 16.00, исправив повреждения, вернулся и атаковал «Террибль», который теперь шел первым в линии.

Англичанин повернул на другой галс и дал продольный залп по носу «Террибля», который смёл часть прислуги с погонных орудий. Вскоре в дело вступил «Глостер», он подрезал с носа «Террибль», повернул вправо и атаковал соседний «Тридан». «Дифайнс» маневрировал между двумя французскими кораблями, нанося болезненные продольные залпы полным бортом. «Кент» атаковал «Тоннан» с левого борта (стреляя лагом), но продолжал вести бой на большом расстоянии. Флагман л'Этандюэра

потерял грот-стенггу, однако англичанин не стал сближаться, ушел под ветер и вышел из боя.

В 16.00 подошедший «Девоншир» вновь схлестнулся с «Тоннаном». Хок, у которого еще не были закреплены на таях орудия нижнего дека, мог вести только спорадический огонь, почти не причинявший французам никакого вреда. Поэтому он поднял сигнал, призывающий «Кент» вернуться в бой и атаковать флагман л'Этандюэра с другого борта, но этот приказ был проигнорирован, что помогло «Тоннану» отбиться и выйти вперед. Позже оказалось, что кэптен Фокс хотел исполнить приказание, но его отговорили первый лейтенант и мастер (шкипер). Они истолковали приказ флагмана по-своему — Хок хочет, чтобы «Кент» пошел вместе с «Девонширом» к «Тридану», поэтому кэптен, положившись на своих офицеров, повернул к командующему с намерением пристроиться ему в кильватер.

«Портленд» вел бой с «Терриблем», а позже, отстав, переключился на «Тридан», которому нанес обширнейшие повреждения. Отставший «Девоншир», только к 17.00 решивший свои проблемы с орудиями нижнего дека, вместе с «Глостером» еще раз атаковал «Тридан», который, не выдержав сосредоточенного огня и больших потерь экипажа, в 17.10 поднял белый флаг^[130].

Хок прошел к «Терриблю», который был уже атакован справа вернувшимся в бой «Принсесс Луиза», а затем «Дифайнсом». Упорный бой длился полтора часа, сам Хок был ранен во время этой схватки, но французский корабль все же сдался. На нем погибло более 170 матросов, еще около 150 получили ранения.

«Энтрепид», вступивший в бой только в 15.00^[131], шел в середине своеобразной карусели — впереди него был вырвавшийся вперед английский «Дифайнс», сзади — «Кент». Француз прошел за кормой «Тоннана», повернул под ветер и встал рядом с сильно поврежденным флагманом. Было уже 17.30, ветер стихал. Хок приказал «Кенту», «Лайону» и «Тилбери» повернуть на другой галс и атаковать «Тоннан», но плохая видимость помешала им увидеть этот сигнал. В 18.00 «Игл» на расстоянии пушечного выстрела преследовал французский флагман, за ним спешили «Ноттингем» и «Ярмут». Через час англичане смогли настигнуть французов, и завязалась новая стычка, которая длилась полтора часа. Во время этого боя был убит капитан «Ноттингема» Сомарез, а французы смогли нанести довольно обширные повреждения англичанам. Командир «Ярмута» Сандерс позже вспоминал: *«Наш такелаж был изодран в клочья,*

противник будто растворился в дыму. Мы и остальные корабли авангарда сквозь просветы с горечью наблюдали, как уходят французы». Хок поднял сигнал преследовать противника.

На другой день «Энтрепид» взял на буксир избитый «Тоннан», потери на флагмане были довольно большими, был ранен и сам л'Этандюэр и его флаг-капитан дю Шаффо. На утро французы провели военный совет, где решили идти в Брест кружным путем. Корабли повернули на норд-вест в 100 лигах к западу от Уэссана и, поднявшись до широты Ирландии, спокойно спустились к своей базе.

Примерно в это же время состоялся консилиум, и на английской эскадре. Хок, получивший обширные повреждения, приказал не преследовать конвой (ему это запрещалось инструкциями) и вернуться на базу. В Вест-Индию командующий решил отправить только шлюп «Визль», который нагрузил продовольствием и припасами. Этот маленький корабль смог прийти на Ямайку раньше, чем караван, и предупредил о возвращающемся французском конвое Ямайскую эскадру. В результате англичане атаковали и захватили фрегат «Кастор» и 22 (из 252) французских судна.

Что же до боя у Финистерре, потери во время боя у французского эскорта были катастрофическими — более 4000 человек ранеными, убитыми и пленными. 900 матросов британцы выловили из воды. Англичане недосчитались 170 человек убитыми и 577 — ранеными.

Первой задачей л'Этандюэра, согласно инструкциям Морского министерства, было спасение конвоя, поэтому решение связать корабли Хока боем следует признать абсолютно правильным. Но вот способ, который применил французский адмирал, вызывает удивление. Что сделал л'Этандюэр?

Он построил кильватерную колонну, параллельную англичанам, и решил принять бой на отходе. Странное решение! Ведь в этом случае он был бы принужден вступать в бой по частям, что, собственно, и произошло в реальности. Если л'Этандюэр хотел принять бой в линии, гораздо логичнее было бы выстроиться перпендикулярно кораблям Хока, чтобы иметь возможность вести по ним продольный огонь. Если же времени на такое построение не хватало, следовало перестроиться в линию фронта или уступом. В таком случае корабли Хока попадали бы сначала под продольный, а потом и под двойной огонь, что, вполне возможно, позволило бы французам нивелировать численное преимущество англичан.

Действия Хока так же заслуживают критики. Основной задачей английского адмирала был захват конвоя, однако он позволил противнику

связать себя боем и не выделил для погони за караваном ни одного корабля. В результате, благодаря самопожертвованию эскорта торговые суда пострадали гораздо меньше, чем могли бы. Весьма разумной представляется мысль английского историка Джулиана Корбетта, который считал, что Хоку нужно было выделить 6 кораблей для погони за конвоем, а с восемью оставшимися вести бой с охранением.

По приходе в Англию Эдвард Хок удостоился ордена Бани, а команды получили довольно приличные призовые. Отдельный разговор получился с кэптенем Фоксом, командиром «Кента». По требованию Хока Фокс был отдан под суд за трусость и небрежение своими обязанностями. После слушаний обвинение в трусости было снято, но его осудили за то, что он слишком положился на мнение своих офицеров, он был снят с командования «Кентом», работал на береговых должностях, а в 1749 году стал сверхштатным контр-адмиралом.

Путешествие «Глориосо»

Удивительно — но в войну из-за уха Дженкинса (плавно перетекшую в войну за Австрийское наследство) испанский флот проявил себя в самом лучшем свете. Это относится и к сражению у Тулона, и к бою испанского корабля «Принсесса», а также к путешествию «Глориосо». Связано это, на наш взгляд, с особенностями конструкции испанских кораблей и с подготовкой *«на французский манер»* экипажей иберийцев.

В 1720-х годах испанский адмирал Хастаньета совершил несколько инспекционных поездок по верфям Франции и в результате выбрал именно французскую систему кораблестроения. Взяв за основу конструкцию французского 74-пушечника Хастаньета разработал отличный проект 70-пушечника, с высоким бортом, сильным вооружением, отличной маневренностью. Гон-дек нового корабля располагался довольно высоко от уровня воды, что позволяло использовать пушки нижней палубы даже в непогоду. После смерти Хастаньеты в 1728 году испанское кораблестроение возглавил его последователь Хосе Аутран, поэтому корабли продолжили строиться по подобной системе.

Эти линкоры были сложны и дороги в постройке, однако в войне они показали все свои самые лучшие качества. «Глориосо» принадлежал как раз к данному проекту. Построен этот корабль был в Гаване в 1740 году, из знаменитого своей прочностью красного дерева. Вооружение линкора было следующим: на нижней палубе двадцать восемь 24-фунтовых орудий, на средней палубе — двадцать восемь 18-фунтовых орудий, на квартердеке и форкасле — четырнадцать 8-фунтовых пушек. Водоизмещение —

3000 тонн. Экипаж, как и на любом испанском корабле, был очень раздут — 760 человек^[132].

После сражения у Тулона в 1744 году (мы уже подробно рассказывали об этом) большая и лучшая часть испанского флота (15 кораблей и 1 фрегат) оказалась заблокирована в Картахене, около которой англичане сосредоточили до 37 линкоров под командованием контр-адмирала Уильяма Роули, которого потом сменил вице-адмирал Генри Медли (*Medley*). Поскольку Картахена была ограничена в ремонтных мощностях, о попытке прорыва в Кадис, где так нужны были испанские корабли, пришлось забыть. Наварро, получивший титул маркиза де ла Викториа, укатил ко двору, а лучшая часть испанского флота медленно гнила в заштатном порту метрополии.

Меж тем испанцам, как воздух, нужны были свободные корабли. Необходимо было возить в Америки ртуть, с помощью которой добытое в шахтах серебро очищалось от примесей, а также сопровождать «серебряные флоты» в Испанию. Вся тяжесть этих операций упала на сосредоточенные в колониях корабли. На тот момент в Гаване находились девять (70-пушечные «Инвесибле» и «Глориосо», 60-пушечные «Рейна», «Реал Фамилия», «Сан-Антонио», «Европа», «Кастилья», «Сан-Луис» и 50-пушечный «Сантьяго») кораблей под командованием лейтенант-генерала Торреса. В начале 1745 года Торрес с 70-пушечным «Глориосо» и 60-пушечными «Европой» и «Кастильей» сопровождал торговые суда «серебряного флота» в Ла-Корунью. Испанцам удалось избежать британских патрулей, и в гавани они сгрузили серебра и товаров на 9 миллионов песо. Обрато в Америку пошел один «Глориосо» под командованием капитана Педро Мессии де ла Серды, поскольку остальные корабли Торреса во время перехода из Америки получили повреждения разной степени тяжести, а те, что оставались в Гаване, были просто не готовы к выходу. На корабль загрузили товары и припасы для кубинских колонистов. В 1746 году «Глориосо» удачно прибыл в Гавану, сгрузил товары, вернулся в Кадис, где его загрузили ртутью, так необходимой на серебряных рудниках, и в начале 1747 года отправили в Вера-Крус.

В мае того же года «Глориосо», доверху загруженный серебром и колониальными товарами на общую сумму 3 миллиона песо^[133] (для этого пришлось даже снять несколько пушек с нижнего дека), взял курс на Гавану. Там он принял на борт провизию и воду и отплыл по направлению к Испании. Неудачи преследовали корабль практически с самого выхода — около Подветренных островов его обнаружил британский конвой, линкор

сумел скрыться в набежавшем шквале (как оказалось позже, англичане были предупреждены своими шпионами о выходе «серебряного галеона»^[134]).

Тем не менее де ла Серда без особых проблем довел корабль до Азорских островов, но вечером 25 июля у острова Флорэс «Глориосо» был обнаружен английским отрядом в составе 60-пушечного корабля «Варвик» (кэптен Роберт Эрскэйн) и 40-пушечного фрегата «Ларк» (кэптен Джон Крукшенкс, флагман). Английские корабли сопровождали конвой с припасами и провиантом для английского Ньюфаундленда и гарнизона Луисбурга, поэтому появление испанца спутало британцам все планы. Тем не менее англичане сразу пустились в погоню за «Глориосо». «Ларк»^[135] довольно быстро нагнал испанца и завязал перестрелку, де ла Серда смог отбиться за счет крупнокалиберных ретиральных 18-фунтовок. Фрегат отстал, поджидая линкор. К 14.00 26-го июля «Варвик» приблизился к «Глориосо», Крукшенкс решил еще раз атаковать испанца на «Ларке», а «Варвику» приказал обстегнуть паруса и немного отстать. Позже он мотивировал свое решение тем, что основной задачей эскорта было прикрытие конвоя, а не бой с испанцем^[136].

«Глориосо», грамотно маневрируя, смог отбиться от фрегата, сбив противнику две реи на грот-мачте и сильно повредив такелаж. В свою очередь, испанцы недосчитались 4 человек убитыми и 44 — ранеными. В испанца попало 4 ядра (одно из них — чиненное картечью — разорвалось на шканцах).

После поражения «Ларка» «Варвик» ринулся за испанцем, 28-го числа нагнал его и навязал бой. Де ла Серда меткими залпами повредил англичанину грот-мачту, а разыгравшийся шторм не дал британцу использовать крупнокалиберные орудия нижнего дека, тогда как испанец спокойно пользовался своими 24-фунтовками^[137]. Без улучшения погоды погоня «Варвика» за «Глориосо» не имела смысла — его 9- и 6-фунтовкам верхних деков противостояла грозная сила из 24-фунтовых и 18-фунтовых орудий, поэтому английский корабль решил не искушать судьбу и отвернул обратно, испанец же взял курс на Ферроль, поскольку де ла Серда предполагал, что англичане уже ждут его у Кадиса.

Как позже оказалось, испанский капитан ошибся только в одном — англичане выслали перехватчиков почти ко всем испанским портам.

У мыса Финистерре 15 августа 1747 года «Глориосо» обнаружил кэптен Смит Кейлис с 50-пушечным «Оксфорд», 24-пушечным «Шорхэмом» и 20-пушечным «Фэлконом». Кейлис замешкался, он

приказал фрегату и шлюпу взять испанца в два огня, а сам не поддержал их, поскольку испугался. Позже он говорил, что «Оксфорд» не атаковал испанца, так как принял его за 100-пушечник, против которого 50-пушечник не имел шансов. Де ла Серда быстро сориентировался в ситуации и отослал всех свободных марсовых к пушкам. В результате испанцы развили такой огонь, что вскоре «Шорхэм» и «Фэлкон», разбитые донельзя, спешно вышли из боя, а «Оксфорд» потерял грота-рей.

Капитан британского патруля был отдан под суд, офицеры фрегата и шлюпа свидетельствовали, что «Оксфорд» не поддержал атаки малых кораблей. Несмотря на это обстоятельство Кейлиса оправдали, что в свете решения по бою «Ларка» и «Варвика» с «Глориосо» совершенно невозможно понять, ибо Крукшенкс, отягощенный конвоем, хотя бы храбро атаковал, несмотря на разницу в размерах, тогда как трусость кэптана «Оксфорда» глупейше позволила разбить английский патруль по частям.

Но в этом бою получил повреждения и «Глориосо», «Шорхэму» удалось сбить у де ла Серды бушприт, разворотить корму, около 40 человек на испанце было убито, а более 50 — ранено.

Корабль взял курс на порт Коркубион (недалеко у Ла-Коруньи), где с него прежде всего выгрузили серебро и попытались произвести необходимый ремонт, а также пополнили экипаж.

Бушприт удалось поставить, а вот корму отремонтировать в маленьком рыбацком порту было нечем. Поэтому в начале октября «Глориосо» покинул Коркубион и направился в Кадис. Памятуя о британских патрулях, де ла Серда повел корабль подальше от португальских берегов, но 17 октября у мыса Сент-Винсент его перехватила эскадра Джорджа Уолкера в составе аж четырех 30-пушечных фрегатов: «Дюк», «Кинг Джордж» (флагман), «Принсесс Амалия» и «Принс Фредерик»^[138]. Это были зафрахтованные и вооруженные приватиры (лучше всех вооруженным из них был «Кинг Джордж», имевший на гон-деке шесть 12-фунтовых орудий). Уолкер отличился тем, что в 1745 году с 30-пушечным «Боскауэном» и 22-пушечным «Ширнесом» атаковал и захватил семь из восьми судов французского конвоя с Мартиники. Сумма захваченного оказалась равна 700 тысячам фунтам стерлингов, каждый матрос получил по 850 гиней призовых.

Узнав, что за корабль они обнаружили, Уолкер, предвкушая еще один жирный куш, кинулся в атаку. Позже на трибунале он объяснял, что вполне осознавал силу противника и слабость своих зафрахтованных фрегатов, однако *«на борту испанца — и я знал об этом — было 700 тысяч фунтов!»*

Эти слова произвели на суд впечатление, и Уолкера оправдали^[139].

Де ла Серда же, как мы знаем, уже был опытным бойцом — после 20-минутной дуэли головной «Кинг Джордж» потерял фок-рею и грот-рею, 8 орудий, а также 7 человек убитыми и 29 — ранеными. Корабль Уолкера отвернул, остальные продолжили преследование.

Утром следующего дня к «гончим» присоединились 50-пушечный «Дартмут» и 80-пушечный тяжеловес «Расселл» с 32-фунтовками на нижнем деке (однако корабль имел неполный экипаж — всего 400 человек). «Дартмут», недавно почистивший днище, быстро сблизился с «Глориосо» и затеял дуэль с испанцем. Далее произошло необъяснимое: на «Дартмуте» появились клубы дыма, и через минуту корабль взлетел на воздух. Спаслись лишь лейтенант Кристофер О'Брайан и 11 матросов, но и они не смогли объяснить, что произошло. По одной из версий, матрос с фонарем упал около мешков с порохом, что произвело возгорание в крьюйт-камере и взрыв. По другой — испанцы все же смогли нанести смертельный удар, ядро попало в разложенный около пушек порох или разбило одну из бочек с порохом; создалось пороховое облако, которое и послужило причиной пожара и взрыва. В любом случае, «Дартмут» был уничтожен. Теперь уже «Глориосо» должен был быть захвачен или потоплен хотя бы из соображений престижа.

К вечеру 18 октября англичане смогли окружить испанца. Несмотря на некоторое превосходство в силах, бой длился с полуночи аж до 9 утра следующего дня. На утро на «Глориосе» не осталось ни одной целой мачты, почти кончились порох и ядра, потери убитыми и ранеными превысили 160 человек, поэтому де ла Серда по решению военного совета поднял белый флаг.

Англичане сопроводили приз в Лиссабон. Кэптен Мэттью Бакль, командир «Рассела», рассчитывая получить за захваченного испанца большие призовые, выделил 1726 фунтов стерлингов на ремонт корабля. Португальцы, которым корабль очень понравился, предложили за него 30 тысяч фунтов, однако их предложение было отвергнуто. Весной 1748 года Бакль направился домой вместе с призом, 6 мая он прибыл в Даунс. Но — вот незадача — война уже кончалась, и Адмиралтейство весьма прохладно отнеслось к предложению Бакля приобрести «Глориосо». 13 апреля 1749 года с большим трудом Баклю удалось продать испанский корабль британскому купцу за 12 100 фунтов стерлингов. Корабль сразу же пошел на слом, поскольку купец надеялся нажиться на продаже запасных частей, сделанных из добротного красного дерева.

Что же касается капитана и экипажа «Глориосо», они были

отправлены в Лондон, где стали предметом поклонения англичан. Де ла Серда принял сам Лорд-Адмирал и выразил ему свое восхищение действиями во время путешествия «Глориосо».

Сэр Джулиан Корбетт охарактеризовал бои «Глориосо» как *«лучший пример настоящего боевого духа испанских моряков»*.

Сражение у мыса Сент-Винсент 18 марта 1748 года

На 1748 год Западную эскадру опять возглавил Уоррен, и она получила следующую диспозицию.

Хок с 70-пушечным «Кентом», 74-пушечным «Каллоденом», 60-пушечными «Энсоном», «Аугустой», «Ноттингемом», 50-пушечными «Центурионом», «Тэвистоком», «Глостером», и «Портлендом», а также с 4 фрегатами (два 40-пушечных, «Рейнбоу» и «Рамней», и два 24-пушечных, «Сюрпрайз» и «Амазон») крейсирует у Западных Подходов.

В район пролива Св. Георга и острова Мэн были отосланы «Хэмптон Корт» (64), «Принс Фредерик» (64), «Солсбери» (50) и «Фолкленд» (50).

У мыса Клир (юго-западное побережье Ирландии) в 50–60 лигах от Саудингса вывели в дозор три фрегата — 40-пушечный «Англеза», 24-пушечные «Бриджуотер» и «Соулбэй».

Остальные корабли Флота Канала (всего 27 линкоров и 12 фрегатов) распределили между портами Портсмут, Плимут, Чатэм и Депфорд.

Согласно инструкциям Уоррена, нужно было обязательно иметь в крейсерстве 2 линкора и фрегат в районе мыса Финистерре между 45 и 43 градусами северной широты и два или более кораблей между 41 и 43 градусами, соответственно. К мысу Сент-Винсент Уоррен приказывал выдвинуть не менее 4 линейных кораблей, чтобы перехватить возможные испанские конвои.

Побережье от Бордо до Лориана Адмиралтейство предполагало оставить зоной ответственности голландцев. Объяснялось это тем, что Соединенные Провинции воевали с Францией, но поддерживали нейтралитет с Испанией. Учитывая, что у французов в Бресте было всего 4 корабля, а в Рошфоре — 2, задача для 25 голландских линкоров выглядела довольно простой.

Что касается испанских сил, 8 кораблей были заблокированы, как мы помним, в Картахене, а еще 6 — в Кадисе. 30 января Уоррен решил отправить из Плимута дополнительную эскадру к испанскому побережью. Ее задачей был перехват испанских конвоев и одиночных судов в районе между мысом Кантэн в Марокко и Сент-Винсенте. Кэптен Коутс (Cotes) был отправлен туда с «Эдинборо», «Виндзором», «Принсесс Луизой»,

«Иглом» и еще одним фрегатом в феврале. Вскоре это соединение усилили за счет Хока, отослав к Лиссабону еще три линейных корабля. Однако оно не обладало постоянным составом кораблей — Уоррен сам вышел в море и в случае появления где-либо вражеских судов перебрасывал корабли с других направлений.

Морепа, в свою очередь, решил отправить два отряда в Ост-Индию, где шли упорные военные действия между англичанами и французами. Первый отряд — брестский (в составе «Маньянима», «Альсида», «Арк эн Сиэля» и приватира «Дюк оф Камберленд») — вышел в море 12 января под началом маркиза д'Альбера дю Кена, но из-за очень плохой погоды «Арк эн Сиэль» вернулся обратно, «Дюк оф Камберленд» укрылся в Ла-Корунье, а «Маньяним» 31 января был взят на abordаж 60-пушечным «Ноттингемом» под командованием кэптана Сомареца. В результате до Пондишерри дошел только «Альсид».

Это было единственное боевое столкновение у французских берегов. Что касается Коутса — 18 марта^[140] кэптен Родней на «Игл» обнаружил испанский конвой в 60 лигах от мыса Кантэн, держащий путь на Вест-Индию. Срочно вперед были посланы 24-пушечный «Инвернесс» и «Игл», которые смогли захватить два небольших торговца, отбившихся от испанского конвоя. Допрос капитанов показал, что из Кадиса вышла знаменитая Рыночная Армада (Azogues Armada) — ежегодный испанский караван, загруженный ртутью, которая применялась для очищения серебра от примесей. Состав конвоя — 17 большегрузных транспортов, эскорт — 4 линейных кораблей (частично знакомые нам по битве у Тулона перевооруженные корабли Береговой Стражи 70-пушечный «Леон», 60-пушечный «Собербио» и 50-пушечные «Ксавьер» и «Галга»), а также 9 фрегатов.

Наименование		Пушки
Gran Poder de Deus	Гранд Подер де Дье	40
Concepcion	Концепсьон	36
Soberio	Соберио	36
Santa Rosa	Санта Роза	36
San Jorge	Сан-Хорхе	34
Fuerte	Фуэрто	34
San Francisco	Сан-Франсиско	30
San Espiridion	Сан-Эспиридьон	32
Ana Maria	Анна-Мария	20

Позже Коутс писал в шканечном журнале: *«Сразу же по получении данных от Роднея я понял сигнал общей погони и начал преследование противника»*. К 11.00 «Игл», «Принсесс Луиза» и «Виндзор» смогли захватить еще один испанский приз, в то время как испанские корабли эскорта повернули на норд-вест, как показалось англичанам, чтобы атаковать маленькое английское соединение, а сам конвой отправили на запад. Однако, если верить отчету испанского лейтенант-генерала Торреса, возглавлявшего эскорт, *доны* приняли отряд Коутса за всю Западную эскадру Уоррена и решили пожертвовать лежавшими мористее 5–6 судами, а сами выстраивали линию, прикрывая оставшихся торговцев.

Вскоре англичане отвернули, и Торрес мог вздохнуть свободно — основная часть конвоя пришла в Картахену Индейскую в ноябре.

Коутс же приказал продолжить преследование «Иглу» и «Виндзору», как двум самым быстрым кораблям своего отряда с недавно почищенными днищами, а сам с призами взял курс на Лиссабон. Всего, судя по отчету Коутса, их было пять — три больших судна, имевших портом приписки Вера-Крус, и два маленьких шлюпа из Картахены.

Это был последний морской бой этой войны. Англичане по мере сил пытались держать блокаду побережья Испании и Франции, однако в мае 4 французских корабля вышли в Брест, чтобы присоединиться к эскрту конвоя в Канаду, а уже 25 мая в Аахене были заключены прелиминарные условия мира.

Глава 18

Противостояние в Ост-Индии

Положение в Индии

В Приложениях мы немного расскажем о создании французской ОИК. Сейчас же отметим, что к 1714 году она разорилась, была объявлена банкротом и объединена с компанией Катая (Китай). После 1719 года благодаря реформам Лоу, послаблению в налоговой сфере и списанию части долга ОИК воспряла и уже в 1723-м вновь организовала свое первое представительство в Янаме. Компания стала располагать сравнительно большим капиталом — 112 миллионов ливров, королевская власть ей покровительствовала и предоставила монопольные права на торговлю различными товарами. Во главе Компании по-прежнему стоял Совет директоров, его членами были, в основном, банкиры и богатые торговцы, которые могли вложить значительные средства в Компанию. Хотя устав ОИК периодически обновлялся, ее структура в общем оставалась постоянной: Совет директоров, Наблюдательный совет и собрание акционеров (не обладающее реальной властью). Что касается Наблюдательного совета, состоявшего из восьми синдиков, то он почти всегда был в контакте с Советом директоров. Компания имела два центра: в Париже, где находились ее главные ведомства, решавшие основные вопросы и подсчитывавшие прибыли и убытки, и в Лориане, собственном порту Компании, где находились ее главные склады и осуществлялось наблюдение за отправкой и получением товаров.

В 1725 году эскадра Компании захватила порт Маше (или Маэ, фр. — *Mahé*) на Малабарском берегу^[141].

С 1734-го по 1741 год Французской Индией руководил талантливый администратор Пьер Бенуа Дюма, носивший титул генерал-губернатора островов Бурбон и Иль-де-Франс, а также колонии Пондишерри, расположенной на Коромандельском берегу^[142]. В Бенгалии подданные Людовика XV владели факторией Шандернагор (Чандернагор), на Коромандельском берегу — Пондишерри, Масулипатомом и Карикалой, на Малабарском побережье — Маше, а на берегу Аравийского моря — представительством в Сурате. Официально всем руководил генерал-губернатор Французской Индии, штаб-квартира которого располагалась в Пондишерри. В реальности все зависело от распорядительности

чиновников на местах, а они были разные. Кто-то обладал талантом администратора, и его колония процветала; кто-то совершенно не имел тяги к торговле и политике, в этих случаях колония влачила жалкое существование. Главной же проблемой французов на тот момент были разбросанность колоний и отсутствие единого центра руководства ими.

Одним из самых удачливых губернаторов 30-х годов оказался Жозеф Франсуа Дюпле, ставший в 1732 году правителем Шандернагора. Этот успешный администратор родился в 1697 году в графстве Ландреси в семье мелкого королевского чиновника. В 1715 году, закончив иезуитский колледж, устроился младшим офицером на корабль, принадлежащий Компании Обеих Индий (второе название французской ОИК). С 1722 года Дюпле служит в Индии в качестве шестого советника губернатора Пондишерри. Предшественник Дюма генерал-губернатор Ленуар подозревал Дюпле в незаконных торговых махинациях, однако благодаря покровительству директора ОИК д'Арданкура Жозеф Франсуа не попал под следствие, а пошел на повышение.

В Шандернагоре Дюпле проявил себя очень хорошо — он сумел сделать город богатейшей и процветающей колонией Французской Индии. Директора ОИК восторженно отзывались о новом бенгальском губернаторе, поэтому неудивительно, что в 1741 году, после отставки Дюма, генерал-губернатором Пондишерри стал именно Жозеф Франсуа Дюпле. В свою очередь, адмиралом островов Иль-де-Франс и Бурбон — этих «портов подскока» к индийским колониям — в 1734 году был назначен Бертран Франсуа де ла Бурдонэ. В отличие от разночинца^[143] Дюпле ла Бурдонэ был сыном мелкого бретонского дворянина, его отец во время Войны за испанское наследство был капитаном корсарского судна, попал в плен к англичанам и там погиб. Бертран Франсуа, так же как и родитель, связал жизнь с морем — с четырнадцати лет он плавал на торговых и военных кораблях, прошел путь от младшего офицера до капитана, а в 1719 году был приглашен на одно из судов Компании Обеих Индий в качестве капитана. В 1725 году участвовал в нападении и захвате Маше. Бертрану Франсуа симпатизировали и оказывали содействие генеральный контролер финансов Жан Орри де Фюльви и его брат — Франсуа, который занимал место королевского комиссара ОИК.

Новый правитель островов с удивительной энергией принялся за дело. Столица Иль-де-Франс была перенесена из Гранд-Порта (*Grand Port*) в Порт-Луи (*Port Louis*), что послужило увеличению и расширению торговли. Усилиями ла Бурдонэ Порт-Луи превратился в главный морской порт острова, и Иль-де-Франс стал штаб-квартирой Вест-Индской компании в

Индийском океане. В Порт-Луи были построены важные общественные здания, некоторые из них сохранились (Дом правительства) до наших дней. При де ла Бурдонэ хорошо развивалась инфраструктура острова, были введены различные сельскохозяйственные культуры, такие как рис, хлопок, индиго и сахарный тростник. На севере острова в Вильбаге (*Villebague*) был построен первый сахарный завод и налажено производство сахара в промышленных масштабах. Это благодаря Бурдонэ Иль-де-Франс стал «Звездой и Ключом Индийского океана» для Франции.

На Бурбоне также процветали тростниковые плантации, производство кофе и хлопка. Вскоре острова покрылись сетью дорог, в невиданных масштабах осушались болота. Из Мадагаскара корабли привозили скот, из Персии виноград, из Китая — апельсиновые, а из Франции — фруктовые деревья. На островах ла Бурдонэ организовал полицию и суд, в течение года он методически прочесывал район за районом, жестоко расправляясь с беглыми рабами-неграми и их защитниками. Адмирал превращал беглых африканских рабов в солдат, его «свирепые кафры» впоследствии наводили ужас на англичан и на мирное население Индии. Через десять лет острова превратились в образцовые колонии — здесь сосредоточились все блага и пороки цивилизации XVIII века.

С этих же пор началась вражда Дюпле и ла Бурдонэ, которая позже привела Французскую Индию на грань междоусобной войны. Дюпле считал, что в 1734 году, при назначении нового адмирала Островов, его просто обошли, он сам всерьез рассчитывал управлять Иль-де-Франсом и Бурбоном. Бурдонэ же видел в Дюпле выскочку-разночинца, который только мешается под ногами. Пользуясь анархией, начавшейся с деградацией Империи Великих Моголов^[144], Дюпле присоединял целые области к французским владениям. Помимо экспансии военной, французы предприняли и экономическую — с 1736 года в Пондишерри и Шандернагоре французская ОИК начинает чеканить собственную монету, которая становится одной из самых ходовых на Коромандельском берегу. В 1741 году Дюпле женился на Жанне Альбер де Кастро, вдове одного из членов совета компании. Эта женщина, метиска, обладала не только огненной красотой, но властолюбием, неиссякаемой энергией и аналитическим складом ума. Она знала тамильский язык и вербовала агентов для французской администрации. Однако жена Дюпле, ревностная католичка, не скрывала своего отвращения к индуистской религии, что вызывало неприязнь к ней со стороны индийцев.

В 1742 году Дюпле стал генерал-губернатором всех французских

владений в Индии и ввязался в первую Карнатскую войну^[145]. Карнатака^[146] лежала между Коромандельским и Малабарским берегом, и Дюпле всерьез беспокоился, что фактории британской ОИК просто раздавят разрозненные французские *политии*^[147] и экономически, и политически. Надо сказать, что он имел для подобных опасений все основания, ведь в 1740-е годы англичане закупали в Индии товаров на 400 тысяч фунтов стерлингов золотом, причем этот их объем закупок равнялся объему закупок всех остальных ОИК (датской, голландской, шведской и французской), вместе взятых. Коромандельский берег подвергся крупнейшей торговой экспансии британцев, центром их присутствия на юго-востоке Индии стал Мадрас, где был расквартирован британский гарнизон, который насчитывал более 700 человек.

Однако и у англичан в этот момент было не все гладко, их занимали проблемы на западном берегу Индии. Хотя король Георг II в 1730 году своим рескриптом подтвердил монополию ОИК на вывоз товаров из Индии до 1762 года, часть своих сил купцы были вынуждены направить для борьбы с маратхами. Маратхский сархел (правитель) Конкана Канходжи Ангрия стал настоящей головной болью для англичан. Этот военачальник создал независимое государство с мощным военным флотом, которое сразу же стало основным противником британской ОИК и их главного порта Бомбея. С 1717 года между британцами и Ангрия началась настоящая война (которая затянулась на 30 лет), маратхи захватили два судна ОИК — «Сассекс» и «Оттер». Основными кораблями, которые использовали индусы, были гхурабы^[148] и галливаты^[149]. Хотя это были корабли прибрежного действия и оспорить господство на море кораблей ОИК они не могли, на побережье они доставили англичанам много хлопот. В 1735 году маратхи сумели захватить на abordаж корабль ОИК «Дерби», вышедший из Бомбея с грузом тика, что стало последней каплей для англичан. Они склонили португальцев и голландцев к организации морской экспедиции против главной базы Ангрия — форта Герах. В 1738 году 7 голландских судов и 2 мортирных бота подошли к Гераху, но атака была успешно отбита, голландцы потеряли 2 корабля и оба бота.

В 1743 году умер сын Канходжи — Самбхаджи и новым правителем Конкана стал Туладжи Ангрия. Нападения на британские корабли и суда продолжались и длились с завидной регулярностью.

Все более влезая в дела разных *политий* Индостана, и французы, и британцы сделали следующий шаг — они приступили к формированию туземных частей на европейский манер. Первые части *сипаев* (с

персидского — «солдат») появились во Французской Индии в 1719 году в Пондишерри. Уже к 1720 году губернатор Дюма смог создать 10-тысячный отряд сипаев, который эффективно решал проблемы с непокорными индийскими правителями.

В 1741 году губернатор английской колонии Телличери (*Tellicherry*) Уэйк использовал к своей пользе глупое, заносчивое поведение французского коменданта форта Маше Дируа и сумел натравить на конкурента нескольких индийских князей, которые осадили город. На помощь колонии срочно приплыла эскадра губернатора французских островов Иль де Франс и Реюньон Бертрана Франсуа Маэ де Ла Бурдонэ, выдвигенца Морепя. Состав отряда был следующим: королевские корабли — 64-пушечный «Марс» и 44-пушечный «Гриффон», а также вооруженные суда ОИК «Флери», «Брильянт», «Эмабль», «Реноме» и «Парфэт». Как только эскадра подошла к городу, ла Бурдонэ высадил десант, и индийские войска сразу же сняли осаду. Уэйк, ничтоже сумняшеся, послал Дируа письмо, в котором поздравлял французов с удачным окончанием осады. Бурдонэ, прочитав этот образчик эпистолярного жанра, довольно громко пробурчал: *«Думаю, англичанин поздравил нас не от чистого сердца»*. Корабли простояли на рейде Маше до ноября 1742 года, потом ла Бурдонэ взял курс на Порт-Луи. Совместно с Дюпле адмирал решил убрать Дируа подальше из Маше, а здесь поставить более способного губернатора. Дируа задвинули в благополучный Шандернагор, но там также возникли сложности — с 1742 года на территорию Бенгалии начались вторжения маратхов, которые разоряли провинцию и фактории европейцев.

Бенгальский наваб сразу же решил возместить убытки за счет европейских купцов. Налоги возросли настолько, что служащие компаний начали мечтать о новом нашествии маратхов. В 1744 году стоимость товаров, поступавших из Бенгалии в Европу, сократилась вдвое. Начавшаяся англо-французская война нанесла бенгальским компаниям новый удар.

Вести о войне дошли до Дюпле лишь в октябре 1744 года. Дюпле сразу же вышел к представителям британской ОИК с просьбой применить в колониях положения «Договора двух Сфер»^[150] и соблюдать нейтралитет, независимо от того, как идут дела в Европе. В ответ мадрасский директор англичан прислал письмо, в котором благодарил французов за дружественное предложение, но прямого ответа на просьбу Дюпле не давал, ссылаясь на *«указания свыше»*. Военные корабли обеих держав начали отчаянную охоту за торговыми, связь между отдельными портами окончательно нарушилась. В этих условиях индийский правитель Бенгалии

постоянно прибегал к вымогательству, обещая то одной, то другой компании свою поддержку за деньги. Французская Бенгалия была в самом критическом положении: в Шандернагоре едва теплилась торговая жизнь, остальные коммерческие центры перестали существовать.

В свою очередь, ла Бурдонэ, пребывавший в этот момент во французском Нанте, получил инструкции от Морепя и Орри, в которых в случае войны между Англией и Францией разрешалось нападать на колонии и торговые суда противника в Индии. Это же письмо содержало и совершенно глупую и опасную приписку: *«Если какой-либо участок земли будет захвачен, в период наступления относительного спокойствия он должен быть немедленно возвращен противной стороне»*. Отметим, что эта приписка чуть позже сыграет роковую роль в судьбе Французской Индии, Бурдонэ же понял ее следующим образом — он может совершать лишь корсарские набеги по типу атаки Картахены французами в Орлеанскую войну или набега Дюгэ-Труэна на Рио-де-Жанейро в Войну за испанское наследство. О присоединении новых земель к Французской Индии не может быть и речи. Эти непонятные шараханья очень мешали.

После смерти Флери в политику пришли временщики, мало чего понимающие в дипломатии. Министр иностранных дел маркиз Рене-Луи д'Аржансон был человеком неглупым, но мудрости ему явно недоставало. Именно он вместе со своим братом Марком Пьером, военным министром, так настаивали на открытом вступлении Франции в войну с Англией. Именно д'Аржансону принадлежала идея высадки *Молодого претендента* в Англии. Из-за поспешного вступления в войну французы совсем не успели подготовить колонии к началу военных действий.

В сентябре 1744 года Бурдонэ на 56-пушечном фрегате^[151] «Фье» (*Fiere*) пришел на Иль-де-Франс. С ним было подкрепление в Индию — 30-пушечные приватиры «Дофин», «Ясон» и «Эркюль», на самом же на Иль-де-Франсе срочно вооружались суда Компании — 600-тонный «Эрье», 650-тонный «Шандернагор» и 380-тонный «Дюпле», все они получили по восемнадцать орудий. Ла Бурдонэ так оценивал свои экипажи: *«Три четверти из этих людей никогда не нюхали моря и почти все, включая солдат, не знают, что такое пушка или ружье. Они слишком добры, чтобы защищаться, когда их атакуют, и способны только грузить ящики на корабль»*. Сразу же по выходу в море адмирал Островов всерьез занялся боевой подготовкой экипажей. Бурдонэ не обращал внимания на знатность, выдвигая в капитаны и офицеры только достойных. Сам не жалел себя, но не жалел и других. За пять месяцев из сборища кораблей была создана сплаванная, боевая эскадра, каждым кораблем командовал ретивый и

знающий капитан. Одновременно адмирал занялся тренировками и армии. Вскоре армейские части стали образцовыми, способными противостоять даже регулярным формированиям.

В свою очередь, англичане послали в Ост-Индию эскадру коммодора Кертиса Барнетта в составе 60-пушечных «Депфорда», «Мидуэя», 50-пушечного «Престона» и 20-пушечного фрегата «Долфин». Основной задачей этого соединения были защита бенгальских факторий и противодействие французам и маратхам.

Концентрация сил

Во Франции война уже отразилась на финансовом положении Компании Обеих Индий.

Если в первые месяцы войны акции ОИК стоили 2 тысячи ливров и колебания на бирже были небольшими (акционеры стабильно получали по 150 ливров дивиденда на каждую акцию), то уже 1 января 1745 года, после того, как представители ОИК объявили о приостановке выплат, цена акций сразу же упала на 200 ливров, а на следующий день — еще на 600 ливров. На Рождество во Францию вернулись несколько кораблей ОИК, и акционеры стали требовать либо произвести выплаты, либо начать банкротство компании. Поскольку самыми крупными акционерами были король и его родственники, а большинство мелких акционеров, которые и начали бузу, принадлежали к дворянству мантии (чиновники, судейские, откупщики), а также к крупной буржуазии, на их недовольство не обратили особого внимания. После доклада правления Компании в феврале 1745 года, где Совет директоров заверял, что задержка выплат — это временная мера, пайщики несколько успокоились.

Именно падение цены акций заставило короля послать Бурдонэ подкрепление. В октябре 1745 года в гавани Порт-Луи бросили якорь 70-пушечный «Ашиль» (с него сняли 4 пушки), 42-пушечный «Бурбон» (нес только 34 орудия), 44-пушечный «Феникс» (нес 38 орудий), 36-пушечный «Нептун» (нес 30 орудий), 36-пушечный «Сен-Луи» (реально 26 пушек), 36-пушечный «Лис» (реально 24 орудия), 36-пушечный «Дюк д'Орлеан» (реально 24 орудия), 28-пушечный «Реноме» (24 пушки) и, наконец, 30-пушечный «Инсуляр» (нес 20 пушек).

В свою очередь, англичане также получили подкрепления. В феврале 1745 года к Барнетту вышли 60-пушечный «Йорк», 50-пушечный «Стаффорд» и 20-пушечный фрегат «Лайвли». Кроме того, были поставлены под ружье два судна, захваченных у французов: это 28-пушечный «Фавори» и 40-пушечный «Мидуэй Прайз». Но, как это не раз

бывало в эту войну с английским флотом, жажда наживы перевесила стратегические соображения. Вскоре «Лайвли» и «Долфин» были отосланы к Батавии, поскольку коммодор решил повторить подвиг Энсона и перехватить галеон из Акапулько. Об атаке французских кораблей на Иль-де-Франсе забыли, что позволило Бурдонэ соединить силы.

Правда, чуть ранее английский патруль в составе «Депфорда» и «Престона» смог перехватить караван Компании Катая, идущий из Кантона с грузом шелка. 30-пушечные приватиры «Дофин», «Ясон» и «Эркюль», выделенные Бурдонэ для вывоза ценностей из китайской фактории, после небольшого боя были взяты на абордаж. Потери англичан были незначительны — 10 убитых, 17 раненых. Призовые составили 92 тысячи фунтов стерлингов, что резко повысило мотивацию британских моряков. Они врывались в гавани нейтральных Негопатама и Масулипатама, выискивая и пленяя французские корабли.

Что касается галеона из Акапулько, «Лайвли» и «Долфин» без толку прослонулись в треугольнике Суматра — Формоза — Гуам до сентября 1745 года и вернулись обратно. Далее Барнетт по требованию английского губернатора Мадраса Николаса Морса отплыл со своим соединением к форту Святого Давида, где взял под защиту корабль английской ОИК «Гарвич». «Винчестер» и «Мидуэй» были отосланы в Малаккский пролив для охраны торговли. 5 февраля 1746 года из Мадраса вышли 6 кораблей британской ОИК («Уоджер», «Линкольн», «Хардвик», «Куин Кэролайн», «Эдгбастон» и «Вернон»), доверху нагруженные товаром. Барнетт сопровождал их до Форто Ново, далее отправив в качестве охранения с караваном до мыса Доброй Надежды «Лайвли», а сам с остальными судами подошел к Куддалуру (где засел небольшой французский гарнизон), который обстрелял. Французы отправили ускоренным маршем из Пондишерри отряд сипаев с артиллерией, и англичане вынуждены были отступить. Вскоре все же Куддалур был сдан и стал английской факторией. 29 апреля 1746 года Барнетт умер, его заменил кэптен Эдвард Пейтон, командир «Депфорда». Смерть инициативного Барнетта сказалась на дальнейшем развитии войны в Индии.

Между тем французы также готовили караван для отправки ценностей в Европу. Бурдонэ выделил следующие суда ОИК: «Нептун», «Бурбон», «Инсуляр», «Реноме», «Элизабет» и «Сурат». Хотя конвой был готов к отплытию еще в июле 1745 года, лишь в сентябре, когда Барнетт ушел к Мадрасу, корабли смогли попасть в Пондишерри. Товары погрузили на суда и отряд взял курс на Мадагаскар. Он счастливо прибыл в Лориан в январе 1746 года.

В свою очередь, Бурдонэ и Дюпле обсуждали возможность атаки Мадраса как основной базы англичан на Коромандельском берегу. Адмирал Островов спешно готовил корабли к выходу. К февралю 1746 года были готовы «Ашиль», «Сент-Луи», «Лис», «Дюк д'Орлеан» и «Феникс». Срочно ремонтировались и остальные корабли эскадры, вербовались моряки и солдаты. Однако если Дюпле рассматривал атаку Мадраса как средство к его завоеванию, то Бурдонэ конечной целью видел лишь контрибуцию и разграбление английского торгового центра. Нельзя сказать, что Бурдонэ в этом случае был ретроградом, мыслями оставшимся во временах барона Пуанти и Дюгэ-Труэна — он всего лишь руководствовался инструкцией, врученной ему Орри и его братом. Мы помним, что там, по сути, запрещались территориальные приращения французской ОИК в ходе войны. Другое дело — Дюпле никаких инструкций подобного рода не получал, поэтому вполне логично предполагал введение в Мадрасе французского правления после его завоевания. Очевидной ошибкой Дюпле и Бурдонэ было то, что они не обсудили совместные действия после завоевания Мадраса. Первый считал, что адмирал, как разумный человек, вполне согласится с приращением Французской Индии; второй думал, что генерал-губернатор обладает такими же, как у него, инструкциями.

Мадрасский триумф

Летом 1746 года эскадра ла Бурдонэ покинула Иль-де-Франс и двинулась в Индию.

Состав ее был следующим:

Наименование		Пушки	Экипаж	Примеч.
Achille	Ашиль	70	700	Мессир ла Бурдонэ
Duc d'Orleans	Дюкд'Орлеанс	36	450	
Bourbon	Бурбон	34	400	
Neptune	Нептюн	34	400	
Phoenix	Феникс	34	400	
St. Louis	Сент-Луи	30	400	
Lys	Ли	28	300	
Insulaire	Инсуляр	26	250	
ИТОГО		292	3300	

Пейтон имел 4 линкора и 2 фрегата

Наименование		Пушки	Экипаж	Примеч.
Medway	Мидуэй	60	400	Коммодор Эдвард Пейтон, кэптен Рофьюэл
Preston	Престон	50	300	Кэптен Норфеск

Наименование		Пушки	Экипаж	Примеч.
Winchester	Винчестер	50	300	Кэптен Бертье
Harwich	Гарвич	50	300	Кэптен Картье
Medway's Prize	Мидуэйз Прайз	40	240	Кэптен Гриффин
Lively	Лайвли	20	120	Кэптен Стивенс
ИТОГО		270	1660	

Из этих данных следует, что Пейтон, несмотря на меньшее количество кораблей, обладал практически равным с Бурдонэ количеством пушек, причем, если учесть, что на четырех английских линкорах на нижней палубе присутствовали около ста 24-фунтовых орудий, тогда как у французов 24-фунтовки были только на гон-деке «Ашиль» (остальные корабли имели 12- и 8-фунтовые орудия), то станет ясно, что по весу залпа французы безнадежно проигрывали англичанам.

У форта Святого Давида 6 июля 1746 года Пейтон атаковал идущий к Пондишерри флот Бурдонэ. Дул порывистый зюйд-вест, французы находились на ветре, но шли не в колонне, а куча-мала. Пейтон, спускаясь на противника с запада, открыл огонь по кораблям французов, стреляя преимущественно по корпусам кораблей. Эскадра Бурдонэ отвечала огнем по рангоуту и такелажу противника, поскольку, как мы помним, имела пушки меньшего калибра, которые на дальней дистанции не могли причинить англичанам никакого вреда. Тем не менее французы, несмотря на большие потери, повернули на англичан и начали медленно сближаться. «Инсуляр» и «Ашиль», стараясь сойтись с британцами по касательной против ветра, вели огонь, в результате которого англичане на «Престоне» и «Мидуэйз Прайзе» потеряли 60 человек убитыми и ранеными, тогда как потери на флагмане адмирала Островов достигли 27 человек убитыми и 53 — ранеными. «Инсуляр» во время боя лишился всех мачт, его были вынуждены отослать в Шандернагор, где он позже погиб из-за навигационной аварии. Бой начался в 16.00, а к 19.00 закончился, англичане развернулись и начали на всех парусах отходить, почему-то

опасаясь ближнего боя.

На следующий день Пейтон, выстроив линию на NE, хотел еще раз атаковать французов. На этот раз англичане планировали основной удар нанести по замыкающим кораблям Бурдонэ, поскольку фрегаты французов были гораздо слабее британских 50-пушечников. Однако часть кэптенов отказалась идти в бой, мотивируя это некомплектотом в экипажах, а также плохим состоянием «Мидуэя» (в трюме этого корабля было уже 3 фута воды). В результате Пейтон взял курс на Бенгалию.

9 июля Бурдонэ, к вящей радости жителей и Дюпле, появился на рейде Пондишерри. Там французы остались на месяц, ибо генерал-губернатор и адмирал никак не могли решить, кто же будет главным.

2 августа французский флот двинулся в Негапатам. Эта голландская колония превратилась за первые годы войны в английскую военную базу, но сразу же по приходу эскадры французов голландцы объявили о нейтралитете, эскадра же адмирала Пейтона не приняла боя. Поскольку ни англичане, ни голландцы не оказывали сопротивления, ла Бурдонэ чувствовал себя хозяином всего побережья. В свою очередь, Дюпле рекомендовал Бурдонэ не атаковать второстепенные английские фактории, чтобы не испугнуть власти Мадраса.

Все побережье трепетало перед флотом ла Бурдонэ. Управляющий голландской колонией беспрекословно выполнял его приказы. Однажды во время банкета вбежал растерянный голландский офицер и закричал: «*Приближаются англичане!*» Адмирал приказал поднять паруса и идти навстречу врагу. На глазах у голландцев англичане отступили. 24 августа ла Бурдонэ вернулся в Пондишерри, но буквально на следующий день заболел.

Англичане в Мадрасе были абсолютно беспечны.

Что же представлял собой Мадрас в то время? Город раскинулся на побережье, в устье реки Кувам. «Белый город», где жили торговцы и богатые люди, располагался выше по течению на небольших холмах. У берега, часто подверженного штормам и затоплению во время приливов и отливов, стояли хижины бедняков, или так называемый черный город. Два мола, вынесенных в океан, создавали отличную бухту, в случае же штормов корабли поднимались вверх по реке, которая делилась на два рукава. В 1617 году португальцы получили разрешение от правителя здешних мест организовать колонию рядом с Мадрасом, и в 1617 году в местечке Майлапур в устье реки Адьяр был построен форт Сан-Томе (Sao Tomй). Чуть позже, в 1639 году подобное разрешение получили и англичане, которые построили цитадель Сент-Джордж в 1639 году недалеко от устья

Кувама. Следует сказать, что упомянутые форты защищали лишь входы в устья рек, но ни в коем случае сам город. На молах бастионов не было совсем.

Сама же индийская часть Мадраса в отличие от Пондишерри совсем не имела стен и оборонительных укреплений. К моменту атаки Бурдонэ в фортах были собраны 200 английских солдат и 400 сипаев при 60 орудиях, причем подготовка и вооружение этих «защитников» были, по словам Роберта Клайва, просто отвратительны. Если Дюма и его преемник Дюпле всерьез озаботились строительством бастионов в столице французской Индии, сделав к описываемому времени Пондишерри довольно защищенной крепостью, то Мадрас остался, по сути, «спелым яблоком», который упадет в руки первому же сильному противнику.

12 сентября эскадра Бурдонэ взяла курс на Мадрас. 17 сентября французы высадили десант у Сен-Томе. Во время болезни Бурдонэ небольшая французская эскадра пыталась угрожать Мадрасу, однако мало преуспела в этом, поэтому мадрасский правитель и англичане довольно спокойно взирали на прибывший флот. Позже англичане признавались — они ждали, что французы, как обычно, не смогут согласовать свои действия и вскоре уйдут восвояси. Однако на следующий день десант с суши и корабли с моря начали бомбардировку города и форта Сент-Джордж. При первых же выстрелах английские сипаи побросали ружья и малодушно разбежались. За ними последовали и английские солдаты, которые стали врываться в лавочки торговцев и армейские склады и грабить тех, кого должны были защищать. Офицеры большей частью попрятались, город просто некому стало оборонять.

Ла Бурдонэ приказал вести артобстрел непрерывно, население начало разбегаться. На следующий день англичане прислали парламентаря (португальца Франсиско Перейру), который попытался договориться с французами о прекращении огня. Бурдонэ запросил капитуляции гарнизона Сент-Джорджа. Перейра сказал, что не обладает такими полномочиями. Артобстрел продолжился.

21 сентября на одном из полуразрушенных домов медленно пополз вверх белый флаг. Затем показались два советника губернатора Мадраса, барабанщик и несколько писцов. Их немедленно провели к адмиралу. «Мы согласны на капитуляцию», — сообщил советник Монсон.

Захват Мадраса был произведен образцово. Французы не потеряли ни одного человека. Это был настоящий триумф. Но сразу же за триумфом последовал мадрасский позор.

Мадрасский позор

22 сентября Дюпле получил реляцию, в которой сообщалось, что Мадрас пал. В Пондишерри дали торжественный салют из всех гарнизонных пушек, Дюпле с балкона поздравил горожан, произнес здравицу в честь Бурдонэ и сообщил о том, что ночью будет устроена праздничная иллюминация. Празднества длились всего пять дней, 27 сентября пришло письмо от Бурдонэ, где он сообщал, что *«Судьба Мадраса уже решена, город будет возвращен англичанам за выкуп»*. Послание адмирала произвело эффект разорвавшейся бомбы. Генерал-губернатор и его Совет были просто ошеломлены, это было сильно похоже на измену. Между тем Бурдонэ, как мы знаем, поступал в точности по инструкции Орри и был уверен, что Париж его поддержит. Он наложил на Мадрас чудовищную контрибуцию — 13,5 миллиона ливров, причем 9 миллионов англичане должны были заплатить деньгами, а 3,5 миллиона — товарами.

26 сентября Бурдонэ вызвал к себе губернатора Морса и предложил ему проект договора. Морс, не веря своим ушам, узнал, что французы хотят денег, а не собственно Мадраса, более того, его, сдавшегося на милость победителя, они признают равноправной стороной, с которой заключают договор! Неуверенно Николас Морс попросил еще раз Бурдонэ подтвердить, что Мадрас останется английским. Адмирал подтвердил, Морс еще раз перечитал договор, увидел, что процедура выплаты выкупа там не оговаривается, и поспешно подписал бумаги.

В свою очередь, Дюпле, еще не знавший ни о каком договоре, прислал Бурдонэ проект ликвидации Мадраса — согласно плану, город должен был быть уничтожен, земля передавалась аркатскому навабу, все купцы и ремесленники переселялись в Пондишерри. Ответ адмирала был издевательским: *«Ваше письмо полно замечательных советов, за которые я благодарю Вас, они мне доставили настоящее удовольствие... и хотя я не всегда разделяю Ваше мнение, я всегда с большим трудом противостою Вашим взглядам»*. Бурдонэ просто отмел в сторону все проекты губернатора.

Мнения разделились не только в высшем руководстве, но и в войсках. Часть армейских и флотских поддерживали Дюпле и считали, что Бурдонэ продан англичанам. В свою очередь, соратники адмирала считали, что Дюпле пытается интригами сбросить адмирала со своего поста. Генерал-губернатор не знал, что делать. Мадрас, его многолетняя мечта, так глупо уплывал из рук!

Тем временем Бурдонэ возвратил англичанам форт Сен-Томе за

вексель на 14 миллионов ливров (11 миллионов рупий). Эти действия произвели большое впечатление на индусов, которые вообще перестали что-либо понимать: складывалось впечатление, что французы безвольно отдают завоеванное.

Приближенный Дюпле, капитан Паради умолял адмирала отказаться от своего слова. Бурдонэ к тому времени уже понял, что с выкупом сморозил глупость, и настоял на офицерском суде чести, рассчитывая, что он освободит его от данного слова. Однако капитаны кораблей подумали, что это очередной виток схватки за власть, и поддержали своего адмирала: «Господин ла Бурдонэ должен держать данное слово». Все закончилось неожиданно 8 октября 1746 года. В Пондишерри вошла эскадра мессира Дордолена и внесла новый виток в эту неразбериху.

Состав эскадры Дордолена

Наименование		Пушки	Экипаж	Примечания
Centaur	Сантор	74	700	Мессир Дордолен
Mars	Марс	56	423	
Brilliant	Бриллиант	50	400	

Оказывается, в Париже после смерти прежней фаворитки короля, мадам де Шатору, у Людовика появилась новая пассия — Жанна Антуанетта Пуассон. Эту женщину тянуло в политику, как муху на сладкое. В разгар войны она начала перетряхивать Кабинет министров, братья Орри слетели со своих постов, генеральным контролером финансов стал Машо де Арнувилль. В инструкциях, переданных Дордоленом, Бурдонэ приказывалось сдать все дела Дюпле и возвращаться во Францию.

13 октября случилось еще одно происшествие — у Мадраса разыгрался сильный шторм, корабли «Лис» и «Дюк д'Орлеан» разбились о камни, «Феникс» перевернулся, остальные фрегаты получили существенные повреждения. В один миг эскадра как боевая единица перестала существовать. Сломленный Бурдонэ 23 октября отплыл на Иль-де-Франс, Дюпле он отписал: *«Соглашение с англичанами я нахожу правильным и соответствующим нашему теперешнему положению. Если Вы думаете иначе о судьбе Мадраса, можете без колебаний следовать по Вашему усмотрению. С меня достаточно того, что я там водрузил знамя моего короля»*. На островах адмирал застал уже нового губернатора.

По возвращении во Францию он был обвинен в государственной

измене и заточен в Бастилию. Лишь в 1751 году дело ла Бурдонэ было пересмотрено, оказалось, что адмирал скрупулезно выполнил приказания Орри и Фюльви, поэтому адмирал если и виноват в чем-то, так это в субординации и подчинении приказам вышестоящих. Полностью разбитый, Бурдонэ был оправдан, но умер в 1753 году.

Окончание первой Карнатийской войны

Однако вернемся к Дюпле и Мадрасу. Генерал-губернатор, чьи полномочия Париж подтвердил, немного подправил договор, подписанный Бурдонэ: согласно правке, французские войска должны были покинуть город не 15 октября, а 15 января. Главное было оттянуть время, чтобы найти в договоре юридические или логические нестыковки.

25 октября в спор о Мадрасе вмешалась третья сила — наваб Арката^[152] Анвар-уд-Дин с подачи англичан в ультимативной форме потребовал у французов уйти из Мадраса, угрожая войной. Его сын Марфуз-хан с тремя тысячами всадников атаковал 1 ноября Пондишерри, но всего лишь небольшого гарнизона французов оказалось достаточно, горстка европейцев обратила войско индийцев в бегство.

На следующий день перед трехтысячным войском наваба в чистом поле оказались 200 французов и 300 сипаев. Несмотря на такой дисбаланс в силах, французы решили атаковать, уже знакомый нам Паради приказал отряду построиться в две шеренги и открыть огонь плутонгами. Пока первая шеренга заряжала, вторая стреляла, и наоборот. Уже первым залпом французы убили не менее 100 индусов. После третьего залпа пехота и конница Марфуз-хана постыдно бежали. Потери французов были смехотворны — три человека.

Отстояв Мадрас, французы начали претворять в жизнь план окончательного уничтожения города. Все имущество британской ОИК было арестовано. Купцам и ремесленникам предложили переехать в Пондишерри. Началось уничтожение всех укреплений города. Однако эти планы были всего лишь мечтами. Британская торговля оказалась для индусов гораздо более важной, чем французская. Купцы просто отказались от переезда. Им пригрозили полной конфискацией имущества, но и это не помогло. В свое оправдание они говорили, что в Пондишерри им просто негде будет жить, ибо там есть всего лишь несколько достойных строений, Мадрас же — это настоящий торговый город, почти весь из камня. Оказалось, что военное решение проблемы не есть решение экономическое.

Дюпле решил атаковать Куддалур, город, который после падения

Мадраса стал для англичан новым представительством ОИК на Коромандельском берегу. Для нападения он выделил 1200 сипаев, 900 морских пехотинцев из бывшей эскадры Бурдонэ и 300 «свирепых кафров» из набранного адмиралом отряда, общее командование осуществлял майор Бури. Ночью на подходе к городу бивак французов атаковала конница Муххамада-Али (около 8000 сабель). Сипаи запаниковали, бросали оружие и пушки, внесли сумятицу в общие действия, Бури с трудом смог построить кафров и морпехов в каре и отбить атаку. После этого о завоевании Куддалура не было и речи, войско развернулось и спешно отступило в Пондишерри. Англичане, имевшие значительный отряд в городе, не поддержали атаки индусов, что послужило основанием для их размолвки с Муххамадом-Али^[153].

Дюпле не пал духом и попытался произвести еще одну атаку Куддалура со стороны моря, для этого десант погрузили на большие островские лодки и катамараны. Однако ночью разыгрался шторм, часть лодок разбилось, катамараны залило водой, порох отсырел и отряд вернулся в Пондишерри.

В ноябре около 2000 французских солдат осадили Куддалур, сипаи уже рвались на стены, когда на горизонте появились английские корабли, везущие подкрепления в город. Французы опять отошли. В январе 1747-го Пейтон ушел в Калькутту, и Дюпле опять решил попытать счастья, однако англичане разослали по всему побережью блокирующие отряды и захватывали все суда французов и их союзников. Лишь в июле было решено еще раз атаковать злополучный город. Дюпле вовсю использовал шпионов, один из них должен был открыть ворота французам. Жена губернатора завербовала некоего Лоуренса, который вызвался взорвать мину и запустить французов в пролом в стене. Ночью отряд морпехов и сипаев подошел к стенам, но никакого пролома не обнаружил. Не допуская мысли, что Лоуренс может быть не перебежчиком, а английским шпионом, командующий отрядом Монвилль приказал принести штурмовые лестницы и лезть на стены. Как оказалось, британская разведка специально заслала Лоуренса к врагам, и англичане хорошо подготовились к атаке — французские войска просто расстреливались на узком пяточке из ружей и мелкокалиберных орудий. 200 сипаев было убито на месте, а остальные в панике разбежались.

8 декабря 1747 года в Индию вышел флот британского контр-адмирала Эдварда Боскауэна, который имел приказ сменить Пейтона на посту командующего. На борту эскадры были 3 миллиона фунтов стерлингов, большие запасы провианта, а также отряд из 450 солдат. После

объединения со сменившим Пейтона коммодором Гриффином англичане могли бы выставить в море 10 линкоров, 3 фрегата, одно бомбардирское судно.

Состав эскадры Эдварда Боскауэна

Наименование		Пушки	Примечания
Namur	Намюр	74	Флаг контр-адмирала Эдварда Боскауэна
Vigilant (prize)	Вижилан	64	
Exeter	Эксетер	60	
York	Йорк	60	
Deptford	Депфорд	60	
Pembroke	Пемброк	60	
Ruby	Руби	50	
Chester	Честер	50	
Harwich	Гарвич	50	
Preston	Престон	50	
Lively	Лайвли	20	
Deal Castle	Дил Кастл	24	
Swallow	Сваллоу	16	
Basilisk (бомбардирское судно)	Басилиск	8	
Apollo (госпитальное судно)	Апполо	20	

Перед отплытием контр-адмирал получил обширные инструкции, ему, ни больше ни меньше, было приказано уничтожить все морские силы французов в Индийском океане и по возможности лишить французский флот всех мест базирования в регионе.

У мыса Доброй Надежды к нему присоединились голландские силы в

составе 6 вооруженных судов голландской ОИК с 400 морскими пехотинцами на борту.

В это время у Дюпле оставались только «Лис», «Аполлон», 48-пушечный приватир «Англеза», три корабля Компании — «Сантор» (74 пушек), «Марс» (54), «Брильянт» (50), а также корвет «Сюперб» (18) и транспортное судно «Принсес Амели»^[154]. В Порт-Луи стоял завершавший ремонт 60-пушечный «Альсид».

3 июля 1748 года Боскауэн был у острова Иль-де-Франс. Англичане провели военный совет, где решили высадить большой десант с севера от Порт-Луи, в бухте Тортюс. Для поддержки морпехов был выделен 60-пушечный «Пемброк», который вступил в перестрелку с французскими бастионами, получил несколько ядер в борт и потерял несколько рей. Вдруг со стороны бухты «Пемброк» атаковал «Альсид» (капитан Кенсен), высадка была прервана и англичане поспешно отошли. В это время «Пемброк» попал под обстрел мортирной батареи, построенной еще Бурдонэ на возвышенности Пети Монтань.

Боскауэн под барабанный бой пустил в Порт-Луи шлюпку с парламентарями, которые предложили губернатору Давиду и полковнику Рестену сдать остров *«на милость победителя»*, на что французы скептически ответили, что вчерашний бой «победители» почему-то проиграли. Обескураженные парламентареры вернулись на суда.

9 июля англичане попытались десантироваться у Малой Речки. Еще при приближении к месту высадки эскадра попала под плотный огонь замаскированных с двух сторон батарей 18-фунтовок. Корабли сразу же сделали поворот оверштаг и вернулись к месту стоянки. На следующий день англичане попытались спуститься к Малой Речке на плотках и лодках, морпехам удалось войти в устье, но там они были обнаружены французским дозором, который затеял с ними перестрелку. Вскоре заговорили полевые орудия защитников. Англичане попытались причалить к берегу, но усмотрев на горизонте паруса французских малых судов, развернулись и бросились наутек. Потери составили около 150 человек погибшими и пропавшими без вести.

Боскауэн решил не искушать судьбу и отплыл к Калькутте, где принял на борт дополнительные войска, а потом проследовал к Пондишерри. Решение это может вызвать некоторое удивление, ибо Пондишерри был достаточно хорошо укреплен французами, о чем англичане, конечно же, знали. Тем не менее 15 августа британцы, имея в качестве десантников 5220 солдат, показали у столицы Французской Индии. В Пондишерри при приближении вражеской эскадры вспыхнула паника, толпы беженцев

из «черного города»^[155] рванули к городским воротам. Но сам Дюпле и администрация не поддались смятению, они знали, что город очень хорошо укреплен. Действительно, и Ленуар, и Дюма, и сам Дюпле выстроили значительные фортификационные сооружения. Город окружали две стены — первая, охватывающая «черный» и «белый» город, опиралась на десять бастионов; цитадель представляла собой звездообразный форт, построенный по системе Вобана, и прикрывала центр города, где располагались администрация колонии и дома богатых купцов. Обе стены были огорожены рвом, наполненным водой, и подъемными мостами. Город имел 130 орудий различных калибров и около 5000 человек гарнизона.

20 августа Боскауэн на юге Пондишерри высадил 450 пехотинцев, которым в поддержку отправили сводный отряд из моряков и сипаев в 900 штыков. На следующий день англичане пошли на приступ бастиона Арианкапум, который защищали 700 сипаев под командованием Ибрагим-хана. Индусы, вооруженные европейским оружием, оборонялись просто отлично — в течение двух дней атаки следовали одна за другой, форт не раз подвергался обстрелу с моря, однако сипаи держались. К 22 августа Боскауэн потерял уже 300 человек, но над фортом гордо реяло знамя с белыми лилиями. Десант был усилен еще 1200 матросами, на следующий день английские войска пошли на генеральный штурм. Несмотря на большие потери, англичане упорно шли вперед, они смогли даже преодолеть ров и поставить лестницы к стенам, но дальше им пройти не удалось. Сипаи, ведя непрерывный огонь плутонгами, производили большие опустошения среди британцев. Несколько человек выделено для уничтожения лестниц, они подрубали лестницы, сбрасывали их со стены и сжигали, обливая горячей смолой. Ибрагим-хан устоял, но из его отряда осталось в живых всего 350 человек.

Англичане перегруппировались и вскоре продолжили атаку. Приступы продолжались еще два дня, английские потери возросли до 800 человек, однако форт остался нерушимым. Тогда Боскауэн решил пойти на хитрость — он повел с Дюпле переговоры о мире, а сам подтянул тяжелые орудия и в одну из ночей засыпал ров песком. Как оказалась, французская разведка тоже не спала. Отряд в триста сипаев ночью напал на английский лагерь, заклепал все орудия, много британцев порубил, взял в плен высокопоставленных офицеров. Эта атака должна была помочь Арианкапуму продержаться еще некоторое время, но произошла одна из тех случайностей, на которые так богата история Индии. Шальной снаряд попал в повозки с порохом, стоявшие на открытой местности, последовал взрыв, который проделал в стене Арианкапума здоровенную брешь.

150 защитников форта погибло в ослепительной вспышке.

С трудом офицерам удалось восстановить дисциплину, перед отходом французы вывели из строя все орудия. Форт был покинут. В этот критический момент Дюпле не поддавался панике и срочно перебросил строителей к южному фасу, которые сейчас же начали возводить новую стену. Боскауэн необъяснимо медлил, что дало французам возможность укрепить подходы к городу с юга.

Только в начале сентября англичане снова пошли на приступ. Французы уверенно держались, а их сипаи просто покрыли себя неувядаемой славой. К 29-му числу англичане были на последнем издыхании. Их потери уже шли на тысячи погибшими и ранеными. Французы также понесли существенные потери, погиб уже знакомый нам талантливый офицер Паради, однако дух их был все также высок. Скоро начинался сезон дождей, и Боскауэн понял, что осаду пора снимать. Напоследок англичане задумали произвести сильную бомбардировку. Корабли растянулись цепочкой вдоль города и открыли огонь из всех орудий. Бомбардировка продолжалась до 17 октября, потом англичане ушли в Калькутту.

Потери Боскауэна составили 2500 человек, потери французов — 393 человека. Это был разгром. Дюпле удалось сохранить Французскую Индию и отбить сильнейшего врага. Но буквально на следующий день все обрушилось. В Пондишерри дошли вести о заключенном в Аахене мире.

Глава 19

Аахенский мир

1

Первые мирные переговоры между Францией и Англией начались еще в 1746 году в замке города Бреда (Голландия). Со стороны британцев присутствовал Джон Монтегю, 4-й граф Сэндвич, со стороны французов — маркиз де Пюизель. Тогда переговоры закончились ничем — Сэндвич, свободно читавший переписку Пюизеля и Людовика благодаря шпионам, хорошо понимал глубину финансового кризиса во Франции и ставил заранее неприемлемые условия. Он считал, что затягивая войну, можно заставить французов пойти на более выгодный для Англии мир.

В 1747 году, после поражения британских и ганноверских войск под Маастрихтом и Берген-ап-Зоомом, французы практически оккупировали все Австрийские Нидерланды, и Голландия была беззащитна перед вторжением армий Людовика.

Теперь инициатором созыва мирного конгресса стал сам граф Сэндвич. Он же и предложил французским представителям вернуться к довоенному статус-кво. Франция, замершая в шаге от падения в экономическую яму, восприняла это предложение положительно.

24 апреля 1748 года в вольном городе Аахене за столом переговоров собрались парламентарии всех воюющих сторон. После продолжительных слушаний было решено следующее:

1. Священная Римская Империя признает герцогство Силезию и графство Глац за Пруссией.

2. В Италии герцогство Пармское, Пьяченца и Гуасталла отходят инфанту Испанского королевства дону Филиппу Испанскому — сыну Филиппа V и Елизаветы Фарнезе.

3. Границы княжества Моденского и Генуэзской республики восстанавливаются в прежних рамках.

4. Французская армия покидает пределы Голландии и Австрийских Нидерландов^[156].

5. Англия передает Франции остров Кейп Бретон с крепостью Луисбург.

6. В свою очередь, Франция передает английской стороне захваченную

у нее крепость Мадрас в Индии.

7. Испания продляет с Великобританией Договор об асьенто еще на четыре года.

8. Наконец, англичане настояли еще на двух пунктах: разрушении укреплений ненавистного им Дюнкерка, а также об изгнании французами из пределов королевства Якова III Стюарта и «красавчика принца Чарли».

Как же встретили известия о мире в разных странах?

Франция негодовала. Все великолепные победы ее армии во Фландрии, где погибло много знатных дворян, оказались никому не нужными. Королевство Людовика XV не смогло извлечь из этих побед никакой пользы. Казалось, что Австрийские Нидерланды по весу гораздо значимее промозглого Кейп Бретона, подоплеку же угрозы «сахарным островам» общество либо не осознавало, либо игнорировало. Меж тем реальность была проста — без доставки провианта из метрополии Канада и острова Карибского моря были бы неминуемо потеряны. После подписания Аахенского соглашения во Франции появилась поговорка: «*Bête comme la raïx*». Или: «Глуп, как мир».

В Пондишерри весть о заключении **такого** мира стала подобна грому среди ясного неба — таким образом, все победы Бурдонэ и Дюпле оказались бессмысленными и ненужными. Удар — как по престижу, так и по экономике Французской Индии — был очень силен. Теперь французская ОИК безоговорочно уступала первенство своим британским коллегам.

Подписание соглашений холодно встретили и в североамери-канских колониях Англии. «Бравые американские парни», захватившие в 1745 году Луисбург, посчитали, что правительство метрополии за неведомые колонистам интересы просто продало их кровь, пролитую во время 46-дневной осады французской крепости, причем продало задешево.

Что касается Георга II, через шесть месяцев после подписания мира он в честь победы в войне произвел гигантскую иллюминацию в Лондоне, недалеко от Букингемского дворца, однако не совсем удачно: несколько снарядов попали в деревянный барельеф самого Георга, установленный у балюстрады, и подожгли его. К счастью — все успели оперативно потушить.

Сама же Англия потратила немислимые суммы на поддержку своих союзников на континенте (до 20 миллионов фунтов стерлингов), однако банкиры Сити не получили больших преференций от аахенских договоренностей. Воротилы финансового рынка были разочарованы — ради чего девять лет шла война? Ради того, чтобы Испания подтвердила асьенто, которое и так было у Англии? Или чтобы Пруссия получила

Силезию? Где выгода для Англии в заключенном мире? Вопросов было больше, чем ответов.

Австрийская императрица Мария Терезия также была очень недовольна соглашениями в Аахене — ее государство потеряло Силезию и территории в Италии, а англичане, по сути, предали своего союзника и кулуарно вели переговоры с французами аж с 1746 года. Британский посол, подошедший с поздравлениями по поводу мира к Марии Терезии, был жестко отчитан ею: *«Мы надеемся вернуть свое, хотя бы для этого пришло начать новую войну»*.

В Испании, уже практически свикшейся с мыслью, что Италия от нее окончательно уплыла, Аахенский мир вызвал невиданный подъем. После тяжелейшей девятилетней войны иберийцы смогли наконец получить желаемое.

В том же 1748 году стало понятно, что Аахенский мир — только передышка перед новой схваткой Франции и Англии. Столкновения в Северной Америке и Индии продолжались, так же как и экономическая экспансия французов на Карибских островах. В 1755 году в Индию в качестве заместителя губернатора форта Св. Давида вернулся переживший «мадрасский позор» Роберт Клайв — человек, которому было суждено в Семилетнюю войну полностью обрушить французское господство на полуострове Индостан.

Подписание Аахенского мира не решило того клубка проблем, которые стояли перед Старым и Новым Светом. Австрия мечтала о реванше над Пруссией, Франция лелеяла мысль о высадке в Англии, Британия же хотела окончательно изгнать Францию из Америки и Индии. Все понимали, что мирный договор стал только передышкой перед новой войной.

Отдельно хотелось бы остановиться на результатах крейсерской войны. Мы помним, что во время Войны за испанское наследство французские каперы захватили в общей сложности 6663 вражеских торговых судна (потери в торговом тоннаже Англии и Голландии составили примерно по 15 процентов). Интересно было бы сравнить этот показатель с Войной за австрийское наследство. Здесь статистические данные следующие — за период с 1744 по 1748 год французы захватили 1876 британских или союзных судов. К этим же захватам следует добавить и победы испанцев, которые с 1739 по 1748 год взяли 1360 английских

купцов. Таким образом, в войнах «из-за уха Дженкинса» и за австрийское наследство британские потери в торговом флоте составили 3236 судов^[157]. В денежном эквиваленте совокупный ущерб разными историками оценивается в 8–9 миллионов фунтов стерлингов, то есть англичане теряли торгового тоннажа примерно на 1 миллион в год. Давайте попробуем оценить эти цифры. Размер английского торгового флота в период 1739–1748 годов разными историками оценивается примерно в 40 тысяч судов^[158], таким образом, потери составили 8 % от общего количества кораблей. Величина, конечно, неприятная, но совсем не катастрофичная.

В свою очередь, английский военный флот захватил 1249 испанских торговых судов и 2185 французских, всего — 3434 корабля, общая цена призов составила 10–11 миллионов фунтов. Следовательно, захват вражеских судов перекрыл потери английского торгового флота как в кораблях, так и в деньгах. Стоит отметить, что количество захваченных кораблей с той и с другой стороны сопоставимо, то есть крейсерство ни для одной из сторон не было превалирующим занятием, просто размеры британского торгового флота при сравнительно одинаковых потерях оказались в 7 раз больше. Так же стоит отметить тот факт, что размеры британского военного флота, составлявшего совокупно до 270 судов^[159], были больше.

Испанский историк Карлос Мартинес-Вальверде сообщает, что испанцы перехватили британских товаров и судов на 2 миллиона 200 тысяч песо, тогда как британцы захватили судов и товаров идальго на 5 миллионов 164 тысячи песо. То есть англичане захватили испанских судов меньше, а прибыль получили больше. И еще один вывод — средний испанский корабль был нагружен гораздо более ценными материалами (или сам по себе был более ценен и за него давали больше денег), чем британский. Теперь становится понятной та маниакальная страсть кэптенов Королевского флота, с которой они бросали рутинные патрулирования и бросались очертя голову за испанскими или французскими призами в надежде разбогатеть.

Если же оценить потери французов и испанцев относительно их торгового флота, то картина становится совсем безрадостной. Мы уже упоминали, что на 1730 год французский торговый флот возрос до 5364 судов. К 1744-му Франция имела около 6000 судов. Соответственно, потери торгового тоннажа с 1744-го по 1748 год составили 36,4 процента — катастрофическая величина! Испанская морская коммерция понесла в процентном отношении примерно такие же потери. На основе этих

статистических данных становится понятно, почему Франция согласилась на мир.

Интересные данные приводятся в книге Айзека Шом-берга «Хронология войны на море», изданной в 1802 году. Автор сообщает, что, согласно отчетам адмиралтейства, англичанами за все время войны были перехвачены 46 больших испанских приватилов (687 пушек, 5237 человек) и 129 французских корсаров (2512 пушек, 15 761 человек). Эти данные могут дать нам ответ на вопрос о вооружении приватилов. В среднем испанский приватил имел 14 пушек, французский — 19, то есть в этой войне крейсерство и атаки на торговлю чаще всего производились малыми кораблями (корветы и шлюпы).

Главный же вывод, который можно сделать из анализа вышеприведенной статистики: такого размаха, как во время Войны за испанское наследство (когда моря бороздили целые эскадры каперов, в составе которых были фрегаты и линкоры), корсарская война 1739–1748 годов не имела.

Английское Адмиралтейство сделало определенные выводы из прошедшей войны. Изучение захваченных испанских и французских призов показало, что английские корабли были слабее своих противников. В совершеннейший восторг привел англичан захваченный при Финистерре 74-пушечный «Инвизибль». Адмиралтейство (а точнее — Энсон) просто потребовало от комиссионеров строить корабли по подобию французов. Англичане построили два таких корабля («Трайэмф» и «Вэлиант»), но потом было признано, что эти левиафаны очень дороги в постройке. Произошла очень жесткая и неприятная стычка между Энсоном и комиссионерами верфей, в результате было найдено соломоново решение — была заложена большая серия 70-пушечников по старому проекту, а также отремонтированы и введены в строй так восхитившие британских адмиралов французские призы в 64 и 74 орудия, захваченные во время обеих битв у Финистерре. И все же в 1757 году, с началом новой войны, строительство 74-пушечников на французский манер возобновилось, и они вскоре стали основной силой Ройял Неви. Некоторые из них оставались на службе аж до начала XIX века.

Испанцы также сделали свои выводы, но прямо противоположные английским. Испанские адмиралы решили, что основная причина неудач их

флота — это не плохая подготовка матросов, старшин и капитанов, а дороговизна и малочисленность кораблей. Англичане, считали они, построили корабли, может, и похуже, но подешевле испанских, поэтому (за счет большего их количества) имели возможность блокировать и Кадис, и Картахену, и колонии. Поэтому было принято принципиальное решение — строить дешевые линкоры, но числом побольше. Французские эскизы были отклонены, забыв о достоинствах высокого борта и мощного вооружения, испанские адмиралы сосредоточились на недостатках типа узких пушечных портов. Из Ирландии были приглашены кораблестроители, которые заложили новые корабли по британским проектам. К 1756 году испанский флот насчитывал 50 линейных кораблей, среди них — двадцать 74-пушечных.

Что касается французов, уже в 1749–1751 годах были заложены четыре 80-пушечника, восемь 74-пушечников и девять 64-пушечников. Ведомство Мореплавателя срочно пыталось восстановить численность флота. Однако уже в 1749 году граф Мореплавателя был отправлен в отставку из-за конфликта с мадам де Помпадур. Всесильная (к тому времени) фаворитка узнала о нелицеприятных высказываниях ^[160] морского министра в свой адрес, и во время одного из докладов графу было сказано: «*В вашем присутствии король прямо желтеет. Прощайте, господин Мореплавателя!*» Опальному министру было запрещено приближаться на 50 лье к Парижу. Вместо Мореплавателя государственным секретарем по флоту и колониям был назначен Антуан Руилльё, граф Жуи, креатура Помпадур.

О том, что подготовка английских экипажей оказалась на голову выше, ни французы, ни испанцы не задумались ни на минуту. Они решили, что все дело в технике. В результате в новой войне французский и испанский флоты выглядели также блекло, а вот британцы, реорганизовавшие работу Адмиралтейства и поставившие во главе эскадр способных адмиралов, раз за разом наголову громили противника.

В новой войне отличились выдвиженцы Энсона и Уоррена — Эдвард Хок, Эдвард Боскауэн, Сэмьюэл Худ, а также кэптены 1740-х годов — Ричард Хоу, Огастас Кеппел, Джордж Родней и Хью Пелиссер. Французы смогли противопоставить этим агрессивным командирам только 63-летнего Роллана Мишеля Баррэна де ла Галиссоньера, плававшего последний раз еще во времена Людовика XIV. Ни Жонкье, ни Конфлан, ни л'Этандюэр не смогли побороть систему, их поражения были запланированы еще в 1740-х. Бедный Конфлан, вышедший в 1759 году навстречу катастрофе в бухте Киберон, имел совершенно не подготовленные команды, паруса на его кораблях ставили офицеры!

Что касается испанцев — они для англичан так и остались мальчиками для битья. Это вполне продемонстрировал британский адмирал Джордж Покок, за два месяца взявший Гавану, которую обороняли 13 испанских кораблей и сильный гарнизон, а также контр-адмирал Сэмьюэл Корниш (Cornish) просто играючи захвативший Манилу — столицу испанской Ост-Индии. Эти примеры, так же как и взятие Бель-Иля Кеппелом, доказывают, что англичане к 1756 году полностью решили вопрос и с десантными операциями. В Семилетней войне победы сыпались на Ройял Неви одна за другой — Луисбург, Бель-Иль, Квебек, Лагуш, Киберон, Каррикфергус, Гавана, Манила и, наконец, взятие Пондишерри. Все это невозможно было бы сделать без флота. Ройял Неви сполна оправдал ожидания.

Были и неудачи. Конечно же, одним из самых знаменитых провалов английского флота стало поражение в бою при Менорке 20 мая 1756 года — адмирал Джон Бинг атаковал французский флот Галиссоньера, но часть английских капитанов не исполнили (или неправильно поняла) указаний британского адмирала (даже в Семилетнюю войну система сигналов на Ройял Неви была совершенно неудовлетворительной). Было затеяно очередное судилище, очень напоминающее «тулонские трибуналы», Бинг был осужден и расстрелян 14 марта 1757 года. И все же, несмотря на некоторые неудачи, британцы наконец-таки смогли реализовать свое преимущество в классе, превратив его в зримое преимущество в морских и десантных операциях. Результатом стала самая большая награда — вся Канада и вся Индия, жемчужины Туманного Альбиона.

Словарь морских терминов и выражений

Словарь намеренно составлен не в алфавитном, а в тематическом порядке, с некоторыми предваряющими и попутными разъяснениями.

Тактика

Во времена парусного флота возникла линейная тактика ведения боя. Все флоты в бою старались выстроиться в единую линию с малыми промежутками между кораблями (или с наименьшей дистанцией между мателотами; мателот — это первый корабль за своим передовым в кильватере). Эта линия называлась кильватерной колонной или линией баталии, поэтому корабли, которые могли вести бой в таком построении, называли линейными.

В описываемое время английский флот делился на три эскадры — Белую, Красную и Синюю. Каждой из этих эскадр командовал адмирал соответствующего флага — Белого, Красного, Синего. В свою очередь, каждая из эскадр делилась на авангард, центр и арьергард, авангардами командовали вице-адмиралы, арьергардами — контр-адмиралы, которые так же делились по флагам, соответственно, принадлежности к разным эскадрам.

Корабли открытого моря

Линейный корабль — это трехмачтовое военное судно с прямым парусным вооружением, несущее не менее 40–50 орудий. Обычно его орудия располагались на двух или трех деках (палубах), расположенных друг над другом. На нижнем деке размещали самые тяжелые, крупнокалиберные орудия, на верхнем — легкие пушки.

Линейные корабли делили на ранги — I, II, III и IV. В тексте книги мы приводили изменения взглядов на классификацию кораблей.

Фрегат — трехмачтовое военное судно с прямым парусным вооружением с одной батареейной палубой.

Шлюп — в британском Королевском флоте XVIII — середины XIX в. — корабль, не имеющий ранга, с рейтингом «24-пушечный» или ниже и потому не требующий командира в звании «кэптен». Предназначался для разведывательной, дозорной и посыльной службы.

Британские шлюпы эпохи паруса отличались друг от друга размерами, числом мачт, парусным вооружением, артиллерией и численностью команд. Соответственно, в ходу был ряд уточняющих терминов, из которых ни один не был вполне строгим: корабль-шлюп, бриг-шлюп, вооруженный бриг и т. д. Среди шлюпов в британской службе попадались шнявы, бретонские люггеры, средиземноморские шебеки и даже арабские доу. Большинство же составляли гладкопалубные шлюпы с батареей на верхней палубе, вооруженные трехмачтовым кораблем или бригом.

Аналоги трехмачтовых шлюпов с корабельным вооружением на верхней палубе во французском флоте назывались корветами. Подобные корабли, захваченные британцами в ходе англо-французских войн, именовались в английском флоте так же, как и во французском, корветами.

Флейт — трехмачтовое транспортное судно XVI — XVIII вв. Отличительной особенностью флейта была круглая корма и сильно заваленные внутрь борта, делавшие палубу довольно узкой. До начала XVIII в. несли на фок— и грот-мачте прямые, а на бизань-мачте — только косые паруса. Вооружались 6—40 мелкими пушками и могли использоваться в военном флоте в качестве транспортов или вспомогательных крейсеров.

Тендер — небольшой палубный военный корабль, предназначался для разведывательной, дозорной и посыльной службы. Оснащался одной

мачтой и длинным, горизонтально выступающим бушпритом, который при необходимости можно было втянуть на палубу. Парусное вооружение обычно состояло из косога грота, стакселя и 1–2 кливеров, однако некоторые тендеры несли дополнительно от одного до трех прямых парусов.

Бриг — двухмачтовый парусный корабль с прямым вооружением, имеющий грот-мачту несколько выше фок-мачты. В военном флоте вооружались 10–24 небольшими пушками и использовались для крейсерской, разведывательной и посыльной службы.

Шхуна — парусное судно с 2 и более мачтами, вооруженное, в основном, косыми парусами. В военных флотах XVIII–XIX вв. использовались, в основном, как посыльные суда. В Королевском флоте относились к рангу шлюпов.

Англичане относили шхуны, корветы и бриги к классу шлюпов.

Яхта — тип судна, возникший для удовлетворения потребностей в хороших прогулочных и представительских судах. Яхты для перевозки важных персон различались по рангу. К I рангу относились яхты с полным вооружением, которые могли принадлежать только суверену. Двухмачтовые яхты с такелажем кэча использовались для принцев, послов и других высокопоставленных лиц. Прочим же официальным и богатым частным лицам разрешалось иметь только одномачтовые яхты. Предназначенные первоначально только для развлечений и поездок, эти суда вскоре появились и в военных флотах — имея вооружение до 12 мелких пушек, они использовались для разведки и посыльной службы.

Кеч — небольшое двухмачтовое парусное судно. Внешне напоминает трехмачтовое судно, с которого убрали фок-мачту и заменили ее длинным бушпритом с двумя большими косыми парусами. На установленной почти по центру корабля грот-мачте и заметно меньшей по размеру бизань-мачте стояли и прямые, и косые паруса. В военных флотах существовало два вида судов с вооружением кеча: бомбардирские кечи и яхты с парусным вооружением кеча.

Тартана — небольшое судно западного Средиземноморья с одной мачтой и коротким бушпритом. Тартана несла очень большой латинский парус и небольшой кливер. При попутных ветрах вместо латинского паруса могли поднимать прямой на рее. Использовались для рыболовства и торговли, однако морские силы Неаполя имели несколько канонерских лодок с парусным вооружением тартаны.

Хоу (хой) — небольшой парусно-гребной бот, применявшийся преимущественно в Голландии для перевозки пассажиров и грузов с берега

на большие суда, а также для каботажного плавания.

Кроме деления по типам, малые корабли могли делиться и по назначению. Например, любая шхуна, пинас, бриг и т. д. могли быть переклассифицированы в такие виды кораблей, как:

Брандер — малое одно— или двухмачтовое каботажное судно с небольшим количеством легких пушек. Часто использовалось в качестве самоходного движущегося взрывного устройства, а также для разведывательной и вспомогательной службы. Нередко брандеры брали на себе те функции, которые в конце XVIII века выполняли легкие фрегаты и корветы.

Авизо — быстроходный корабль небольшого водоизмещения, выполняющий задачи разведки и посыльной службы. Это название сохранилось и в паровом флоте.

Пакетбот — быстроходный корабль для почтовой службы.

Корабли прибрежных флотов

Прам — плоскодонное артиллерийское парусное судно, имеющее как паруса, так и весла. Прамы применялись для действий на мелководье, у берегов и в реках против крепостей и береговых укреплений.

Шнява — небольшое двухмачтовое судно с прямыми парусами и бушпритом. Отличительной ее особенностью являлась шняв-мачта, стоящую непосредственно вплотную за грот-мачтой с небольшим зазором.

Галиот — мелкосидящее двухмачтовое каботажное судно с 8—10 парами весел и двумя мачтами. Чаще всего галиоты использовались на мелководьях, реках и шхерах.

Галера — гребной военный корабль с одним рядом весел (от 16 до 32 пар) и двумя-тремя мачтами с треугольными и прямыми парусами, которые использовались в качестве дополнительного двигателя.

Полугалера (скампавея) — деревянное гребное одно— или двухмачтовое судно. Имело до 18 пар весел и могло вместить до 200 человек.

Дубель-шлюпка — небольшое парусно-гребное военное судно, предназначенное для действий на реках, в лиманах и вблизи побережья. Дубель-шлюпки были предшественниками канонерских лодок, эти суда были в описываемый момент беспалубными, обладали съемным парусным вооружением (обычно — две небольшие мачты с латинскими парусами), а также 9—15 парами весел.

Ремонт

Тимберовка — капитальный ремонт судна. Многие линейные корабли за свою жизнь побывали и 100-, и 80-, и 74-пушечными. Малые корабли, требующие ремонта, чаще всего сразу пускались на слом.

Вообще финансирование Ройял Неви во второй поло-вине XVII — начале XVIII века времена стало страшным сном для Адмиралтейства. Старые корабли, построенные еще при Карле I на «корабельный налог», физически и морально изнашивались, а парламент и правительство нового короля, Карла II, видя дефицит бюджета, денег на постройку новых не выделяли. К концу правления Карла II проблема обновления флота стала во весь рост. И тут тогдашнему секретарю флота Сэмьюэлю Пипсу пришла в голову гениальная мысль — он предложил финансировать не **постройку** новых кораблей, а **перестройку** (*rebuilding*) старых судов.

Это предложение устроило всех. Вместо позорных унижений перед парламентом, где адмиралы умоляли о финансировании постройки новых кораблей I ранга, когда существующие были уже попросту негодны к использованию, британское Адмиралтейство теперь выносило в правительство вопрос о перестройке кораблей, что с давних пор проводилось как текущее финансирование флота. Таким образом, издержки включались в расходный бюджет Адмиралтейства, а проверяющие не могли отнести траты на постройку нового судна к расходам правительства. Соответственно, пропадал обычный для оппозиции повод в обвинениях правительства в перерасходе бюджетных средств.

Но «бухгалтерская инновация» правительства стала сущим кошмаром для комиссионеров и руководителей флота. При перестройке было необходимо разобрать корабль на части, тщательно проверить их и вновь собрать, используя еще хорошие элементы. Это был долгий, дорогой и нудный процесс. Просто построить новый корабль было дешевле и быстрее. (Как говорил составитель словаря Даль: «*При перестройке бери матерьялов вдвое против сметы*».) Но из прежних элементов обычно еще годились форштевень и ахтерштевень, благодаря этому стоимость перестройки обычно соответствовала стоимости постройки нового корабля, но не более. На практике выражение «перестройка» было фикцией: обычно корабль заканчивал свою карьеру в качестве блокшива, скажем, в Плимуте, а его «перестройка» начиналась в Чатэме. Разумеется, везти специально для перестройки годные части корабля из Плимута в Чатэм было бы

абсурдом, так что «перестроенный» корабль был обычно совершенно новым. Известно только немного таких случаев перевозки частей корабля на небольшие расстояния. В начале XVIII века отмечено несколько случаев, когда «перестройка» начиналась еще до того, как был разобран «перестраиваемый» корабль.

После 1714 г. в состав Ройял Неви входило фиксированное количество **названий** кораблей, одни из них были в строю, другие — разобраны в процессе «перестройки», третьи — негодные и требующие тимберовки или «полной перестройки».

Вооружение

В XV–XVIII веках использовались бронзовые или чугунные орудия. Бронзовое орудие было лучше чугунного по прочности и легче по весу, но стоило в 6–8 раз дороже. Пушки заряжали с дула ядрами, бомбами, картечью или книппелями.

Ядро — это чугунный или каменный шар. Основная его задача в морском бою — проломить борт корабля противника и нанести как можно больше разрушений. Понятно, что обычная болванка могла нанести повреждения врагу только в ограниченном пространстве. Иногда употреблялись бомбы.

Бомба — это пустотельный снаряд. Внутри загружались горючие вещества, которые при ударе о препятствие (борт корабля, мачты) разлетались вокруг и поджигали деревянные части корабля. В бомбу также вставляли запал, который вызывал взрыв.

Картечный заряд — это могла быть и бомба, начиненная дробью, и простой железный или металлический лом, забитый в дула орудий. Задача картечи — поразить живую силу противника, экипаж корабля.

Книппель — применялся против парусов и снастей вражеского корабля. Он представлял собой две половинки ядра, скрепленные штангой или железной цепью. После выстрела эта вращающаяся «карусель» ломала в щепки рей, рвала паруса и тросы, делая корабль неуправляемым.

Стрельба

Корабли могли стрелять как последовательно (каждая пушка стреляет по очереди), так и побатарейно (то есть — каждый дек с одного борта) либо лагом (то есть — полным бортом). Скорость заряжания орудий зависела от многих факторов, в том числе от обученности комендоров и их помощников, от своевременного пополнения запасов у орудий, от волнения на море, от количества человек, обслуживающих пушки.

По штатам английского флота в 1677 году на одну 42-фунтовую пушку полагалась служба в восемь человек, на 32- и 24-фунтовые орудия — пять человек, на 18-фунтовые — пять человек, на 12-фунтовые — четыре человека, на 6- и 4-фунтовые — три человека, на 3-фунтовые пушки на вертлюгах — два человека. Отдельно выделялись подносчики и упаковщики пороховых зарядов^[161], они в эти списки не включены.

Поскольку корабль вел бой чаще всего одним бортом, боевые расчеты второго борта помогали в службе своим товарищам с противоположного борта. Это позволяло сильно ускорить темп стрельбы.

Кстати, именно поэтому корабль, попавший под огонь вражеских кораблей одновременно с двух бортов, резко снижал интенсивность стрельбы и почти гарантированно проигрывал сражение.

Звания

Кораблем командовал капитан, его помощником был лейтенант, мичман возглавлял вахты. Группа кораблей возглавлялась адмиралом. Однако с увеличением количества и усложнением качества военных парусников усложнились и составы начальников. Капитану линейного корабля нельзя было обойтись одним помощником — лейтенантом, появилось звание первого лейтенанта, помощника капитана, к нему прибавились еще несколько лейтенантов — второй, третий и т. д., сколько нужно было для несения штурманской, вахтенной службы, а также для координации действий орудий в бою — стрельбы побатарейно, лагом, последовательно.

В английском флоте (официальное название с 1660-х — Ройял Неви, Королевский флот) к концу XVII века сложилась следующая система чиновпроизводства. На низшей ступеньке стояли матросы. Далее следовал энсайн, или мичман. Отличие английского энсайна от мичмана любого другого флота состояло в том, что англичанин в этом звании уже должен был иметь опыт двухлетних плаваний, тогда как, к примеру, в российском флоте звание мичмана давалось гардемаринам Морской школы, не имевшим такого опыта. Следующей ступенькой был лейтенант, потом первый лейтенант. Это звание на корабле класса «линкор» или «фрегат» чаще всего носили первые помощники командира. Наконец, командиром корабля являлся кэптен. Если моряк достигал звания кэптена и продолжал успешно служить, он мог дослужиться до контр-адмирала, вице-адмирала и, наконец, до адмирала. Примерно в это же время появилось звание коммодора. Чуть ранее это был опытный кэптен, который мог с отрядом кораблей эскортировать торговые суда в пункт назначения (иногда этот пункт был очень далеко от Англии). К описываемому периоду «коммодор» трансформировалось в контр-адмиральское звание, которое давалось кэптену либо временно (на кампанию), либо до получения звания контр-адмирала. При этом коммодор командовал не только своим отрядом, но и отдельным кораблем.

Во Франции флот делился на две эскадры — атлантическую (Флот Океана) и средиземноморскую (Флот Леванта). Этими эскадрами командовали два вице-адмирала (аналог английского адмирала). Их действия координировал адмирал Флота Франции — главнокомандующий морскими силами государства и по совместительству глава Морского

штаба. Это была высшая должность во французском флоте — она приравнивалась к коннетаблю или маршалу Франции.

Авангардом и арьергардом любой эскадры чаще всего командовали лейтенант-генералы — это тоже адмиральские звания, похожие на английских вице-адмиралов. Кроме того, дивизионами (отрядами) командовали шефы д'эскадр и шефы галер (это аналог контр-адмиралов в Ройял Неви). Командирами кораблей были капитаны линкоров, капитаны фрегатов, капитаны корветов и лейтенанты (последние командовали судами от корвета и ниже либо занимали аналогичные английским лейтенантам должности на больших кораблях).

В испанском флоте в 1713 году была принята французская система званий, правда, флот на две эскадры не делили. Во главе Морского ведомства стоял капитан-генерал. Большими соединениями командовали лейтенант-генералы. Эскадрами — хефе ди эскуадра (шефы эскадр). Командирами кораблей были капитаны и лейтенанты (последние — судами от корвета и ниже либо занимали аналогичные английским и французским лейтенантам должности на больших кораблях).

В голландском флоте три из пяти провинций, имевших выход к морю, имели и отдельные адмиралтейства: это Голландия (имевшая два адмиралтейства — северное, в Амстердаме, и южное, в Роттердаме^[162]), Фрисландия (восточная — Доккум, западная — Энкхайзен^[163]) и Зеландия (Мидельбург), которые содержали пять отдельных эскадр, возглавляемых лейтенант-адмиралами. Адмиралтейства, хотя и были организованы в различных провинциях, подчинялись напрямую штатгальтеру (изначально — главнокомандующий войсками Соединенных Провинций, позже — президент республики) и были в федеральном, а не провинциальном, подчинении. Основной задачей этих учреждений был контроль сбора денег на флот, а также вооружение и оснащение своей эскадры. В свою очередь, адмиралтейства по требованию провинциальных штатов осуществляли конвои купеческих судов своей провинции.

Каждое адмиралтейство имело своего вице-адмирала, командующего морскими силами провинции. В случае войны амстердамское Адмиралтейство, как самое главное, избирало лейтенант-адмирала — главнокомандующего морскими силами Соединенных Провинций. Дивизионами флота командовали адмиралы или шаутбенахты (изначально шаутбенахт — командир ночной дозорной эскадры, потом эта должность переросла в звание). Кораблями в голландском флоте командовали капитаны.

Иррегулярные морские силы

Торговые суда английской, голландской и французской Ост-Индских компаний иногда были вооружены гораздо лучше, чем корабли регулярного флота, поэтому сражаться с ними было довольно тяжело, однако и куш в случае победы был соответствующим, ведь они везли либо золото и серебро, либо очень дефицитные для Европы товары. Естественно, что на эти корабли часто нападали пираты и корсары.

Пираты, буканьеры или флибустьеры — это разбойники, промышленяющие грабежом на морях в целях личного обогащения.

Корсары (*фр.*), приватиры (*англ.*), или каперы (*голл.*) могли нападать на корабли только враждебного государства. Корсарский корабль снаряжался на деньги частного лица или группы лиц и получал от правительства патент (письмо на корсарство, *Letter of Marque*), разрешающий вести боевые действия против недружественных судов, а также защищавший самого корсара при его встрече с дружественным кораблем. Взятую добычу, выкупы за пленников и призы (приз — это корабль противника, захваченный корсаром) полагалось представить на призовой суд, который решал, законен ли был захват, и если — да, то определял размеры выплат. В случае неудачи патент давал еще одно преимущество — владелец его считался военнопленным, тогда как любой пират или буканьер был просто разбойником вне закона и мог быть вздернут на рее без суда и следствия.

Приложения

Приложение № 1

Реляция о благополучном и славном произхождении в Польше оружия Ея Императорскаго Величества и о взятии и о покорении города Гданска ^[164]

Когда на вспоможение городу Гданску пришла морем Французская военная эскадра, состоящая в 11 караблях больших линейных и фрегатах, и высадила на берег Гданской приморской крепости в Везельминде несколько тысяч французских военных людей, которые 16 мая учинили от Везельминда на Россииской ретранжамент обретающеися при реке Висле между города Гданска и Везельминда, жестокое неприятельское нападение; а в самое то же время и из города сильная вылазка учинена была, то с Божьею помощию оныя французы, от воиска Россиискаго мужественно с великим с их французской стороны уроном отбиты, и до самага Везельминда прогнаны, в которой акции между другими французами и Посол французской, бывшей при Дацком дворе Граф Плело, которой от туду на караблях французских к Везельминде приехал, и помянутыми французами командовал, и хотел с ними в город Гданск продратся, и сверх того еще 28 человек Офицеров французских, и несколько сот салдат убито кроме раненых, а и те вышедшия из города неприятели, по некоторой по них из пушек учиненной стрелбе, с немалым уроном в город ретироватся принуждены были. А когда по том Россииской флот под команду Адмирала Гордона, отправленную из Санктъ-петербурга артиллерию на Пилавской Рее щастливо выгрузил, и по том прямо ко Гданску пошел, то помянутая французская эскадра уведомясь о приближении того нашего флота, подняв парусы тот час ретировалась, и к Зунту пошла, но один французской фрегат, которой ко уходу способу не нашел, прямо под Везельминдскою крепостию, сам себя на мель посадил, и как артиллерия ко Гданску в лагерь привезена, и, меж тем кругом Везельминда апроши и батареи в совершенство приведены были, и из двух бомбардирских при флоте бывших Россииских Галиотов как оную крепость, так и стоящих под оною французов бомбардировать стали, то те французы не видя себе ни какого к спасению способа, на окорд здатся принуждены были, по которому они обобрава у них ружье на наш флот

посажены и в кронштат привезены, а которых Шведской нации в Везельминде находились и в службе неприятелской, и те для показания от Ея Императорского Величества к Шведскому Государству доброжелательства отпущены в отечество их. А по том и Везельминдская крепость, не ожидая последней крайности здатся принуждена была и бывшей во оной гарнизон Его Королевскому Величеству Польскому Августу III в верности присягу учинил и в лагерь принят, а она крепость Саксонскими Его Величества воиски осаждена. При котором случае от воиск Ея Императорского Величества взято.

Один Фрегат Французской с 30 пушками;

Гукор о 14 пушках,

Прам с 8 пушками;

А в крепости 103 пушки;

5 мортиров

8 Дубель гаков;

Ядер; картечев; и картузов 9148;

Пороху 1130 пуд

Свинцу 375 пуд

и протчей всякой Городовой аммуницы и правиянта не малое число;

После здачи Векселминды по некоторых днях город Гданск видя учрежденную в россиских шанцах прибавочную большую артиллерию пушки и мортиры, и сильную пушечную стрелбу и бомбардирование в город, и отчаяв своего спасения прислали к Генералу Фельдмаршалу Графу фон Миниху просительное письмо об унятии оружия и от Ея Императорского Величества милости и прощения во учиненных их противных поступках такожде» и от Поляков обретающихся во Гданску от Примаса Потоцкаго, от Епископа Плоцкаго Залутскаго, и от воевод, Рускаго, Черторинскаго, Мазовецкаго, Графа Понятовскаго, и прочих знатных. В то ж время присланы писма и реверс за их руками, что они Его Королевское Величество Польское Августа Третьяго за законнаго своего Короля и Государя признавают, и со всем отдаются в дискрецию и милосердие Ея Императорского Величества, прося о свободном из города выезде, и о принятии их в воиско Всероссийское, почему оне все и приняты, и действительно в руках воиск Ея Императорского Величества обретаются: А 26 Июня и город Гданск в совершенное Ея Императорскому Величеству покорение пришел и в милость Ея Императорского Величества здатся, и по данному ему аккорду действительно покоряется и признавает Королевского Величества Польскаго Августа третяго за своего истинаго Короля и Государя, и обещается оному как

сущим верным подданным подобает, всякую должную верность и послушание отдавать и в том должную торжественную присягу учинить. Имеет тот город отправить к Ея Императорскому Величеству немедленно торжественную депутацию состоящую из первейших онаго управителей по собственному Ея Императорского Величества определению, со всепокорным прошением о Всемилостивейшем от Ея Императорского Величества прощении, в учиненных от оного противных поступках. Полки которья пред осадю городу присягали, такожде и прочие военные люди, которые во время осады военную службу отправляли, какои бы нации ни были и французы, имеют из города выступить, и у Россиискаго Императорскаго воиска военнопленниками отданным и принятым быть. Оной город никогда не может и не имеет принять каких неприятелей Ея Императорского Величества, но паче о получении и содержании Ея Россииско императорскаго Величества дражайшей милости все удобвымышленное прилежное старание иметь обещает. За употребленные от страны Ея Императорскаго Величества при осаде того города иждивении имеет оной в Казну Ея Императорскаго Величества, миллион битых ефимков заплатить, понеже в время осады в городе Гданске в противность военному обыкновению в колокола звонили, то сверх того за сие дерзновение онои город особливо трицать тысяч червонных заплатит, понеже Станислав лещинскои то самое время, когда от Генерала Фельдмаршала Графа фон Минниха, его из города Гданска выдачи требовано, по объявлению городскому таино будто ушел, то за сие ушествие станислава, должен тот город, ежели он в четыре «недели Его станислава не поставит заплатить Ея Императорскому Величеству миллион ефимков и по силе сего аккорду, вышеупомянутые полки между которыми так называемый станиславскои драгунской полк и коронная гвардия в двух баталионах и несколько (Французского воиска из города выступили и при Россиском лагере между Ором и Сант Албрехтом; где генерал Лессий с осмью полками стоял ружье свое положили и яко военнопленные действительно приняты. И понеже сим от Всемогущаго Богаданым оружием Ея Императорскаго Величества великим благословением и сим славным сего важнаго и великаго дела произведением Его Королевское Величество Польское Август третий на престол утвержден Неприятели Россииския суще покорены, война в Польше пресечена и мир и покой в сем соседнем Государстве Польском утвержден быть имеет. Того ради да будет за сие всевышнему Богу от всех подданных Ея Императорского Величества усердное и должное благодарение».

Из Москвы Июля от «9», а в Нижнем получена «30» чисел 1734 года.

Приложение № 2

История основания французской Ост-Индской компании

1 апреля 1664 года Шарпантье^[165], протеже Кольбера, поднес королю Людовику XIV 57-страничный мемуар, названный «*Записка верноподданного Вашего Величества о создании французской торговой компании в Индии, полезной для всех французов*». Людовик благосклонно встретил подношение, и уже 21 мая по инициативе Кольбера было организовано собрание парижских купцов, где один из коммерсантов — господин Фавероль — озвучил некоторые положения о создании во Франции Ост-Индской компании. Естественно, эта речь была одобрена королем и Кольбером, ведь именно они стояли за спиной Фавероля. Лишним подтверждением этому служит присутствие на собрании мессира де Берриэ, одного из секретарей Королевского совета, и уже упомянутого Шарпантье. Результатом купеческого совещания явилась отсылка 26 мая 1664 года 9 делегатов к королю с просьбой организовать Ост-Индскую компанию по образцу английской и голландской. Делегаты были приняты Людовиком во время заседания Королевского суда с большой благосклонностью, король попросил у купцов несколько дней, чтобы ознакомиться с их предложениями.

На 5 июля назначили новое собрание с участием Луи, на которое под угрозой опалы собралось более трехсот парижских негоциантов. На собрании были озвучены королевские условия — Людовик предлагал зафиксировать уставной капитал новой компании в 15 миллионов ливров, которые должны быть выплачены пайщиками в течение 3 лет. Государство согласно внести первый взнос в 3 миллиона ливров, кроме того — 300 тысяч на оснащение первой экспедиции. Король также сообщил, что он согласен каждый раз вносить 300 тысяч ливров в случае, когда частные пайщики внесут сумму в 400 тысяч.

Было определено, что компанией будут управлять 12 директоров, которые будут выбираться среди акционеров, имеющих пай более 20 тысяч ливров. Правом голоса будут обладать вкладчики, внесшие более 6 тысяч ливров.

В августе «Декларация короля об учреждении Ост-Индской компании» была внесена в парижский парламент, а 1 сентября торжественно

апробирована депутатами. Эта декларация включала в себя 48 статей. Вот некоторые из них:

«Статья 36. Компания имеет право посылать послов и посольства к правителям Индии и Мадагаскара от имени французского короля; объявлять им войну или мир, или производить любые другие действия, направленные на упрочение и расширение французской торговли.

Статья 37. Вышеупомянутая компания может действовать в пределах от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива во всех Южных морях. Разрешение наше дается компании на 50 лет, причем отсчет времени начинается со дня выхода первых судов, снаряженных компанией, на Восток. Компания должна заниматься торговлей и навигацией в вышеупомянутых водах, в то же время защищая любые французские суда в этом регионе, для чего ей дозволяется реквизировать или захватывать нужные ей корабли, припасы, вооружения, необходимые для защиты нашей торговли и наших подданных.

Статья 38. Все земли и острова, открытые судами компании, будут навсегда оставаться в ее владении. Правосудие и Право Сеньора на землях компании отправляется представителями компании. В свою очередь, король французский имеет Право Сеньора над шахтами, золотыми месторождениями, деньгами и драгоценностями, а также любыми другими полезными ископаемыми, принадлежащими компании. Король обещает пользоваться Правом Сеньора только в интересах страны.

Статья 40. Мы, король Франции, обещаем компании, защищать ее представителей и ее интересы против всех и вся, использовать силу оружия в целях поддержки свободы торговли и навигации компании; устранять причины любых затруднений или дурного обращения со стороны кого-либо; сопровождать корабли и грузы компании за наш счет таким количеством военных кораблей, которое будет потребно компании, и не только у берегов Европы или Африки, также в водах Вест— и Ост-Индий».

Король утвердил компании и герб — на лазурном поле была расположена золотая лилия (символ дома Бурбонов), которую окаймляли оливковая и пальмовая ветви. Внизу располагался девиз: «Florebo, quousque ferar» («Расцвету там, где буду посажена»).

Таможенные пошлины на товары, ввозимые ОИК, согласно тарифу 1664 года были определены в 3 % от их оценочной экспертной стоимости, за импорт французских товаров компания получала снижение или освобождение от таможенных сборов, в том числе — и от налога на соль (если эта соль предназначалась для засолки рыбы).

Король предоставлял премию в 50 ливров за каждую тонну экспортированного товара и 75 ливров за каждую тонну импортированного товара. Колонисты и агенты компании после 8 лет пребывания в Индии могли возвратиться во Францию в звании мэтра в свои корпорации. Офицеры и директора отделений получали от короля дворянство на себя и на свое потомство.

Король и члены его семьи подали пример, вступив в акционеры ОИК, однако дело не пошло без перекосов. Члены судов и мэтры предприятий под угрозой опалы вынуждены были нести деньги в компанию. В провинциях интенданты использовали совсем уж незаконные способы сбора паев. Так, например, в Оверни сюр-интендант запер в тюрьме всех зажиточных горожан, и отпускал только тех, кто поставил подписи под долговыми расписками в пользу компании.

Отдельный вопрос стоял о штаб-квартире ОИК. Сначала она расположилась в нормандском Гавре, где Людовик повелел построить канатное производство и парильню для конопляных тросов. Потом правление перенесли в баскскую Байону (не путать с испанской Байоной, расположенной в Галисии), и лишь 14 декабря 1664 года Людовик отдает приказание построить верфи недалеко от бретонского Порт-Луи, где давно гнили склады Компании герцога ла Мельере, прозванные в народе Восточными. Верфь также решили назвать Восточной (L'Orient), отсюда началась история славного города Лориана.

* * *

7 марта 1665 года из Бреста вышла в море эскадра следующего состава

Корабль		Тоннаж, т	Командир	Пушки
Saint-Paul	Сент-Поль	250	Шевалье Вернон де Олерон (адмирал)	30
Taureau	Тауру	250	Капитан Кергадю	22
Vierge-de-Bon-Port	Виерж-де-Бон-Пор	300	Капитан Трюшо де Ла Шене	30
Aigle-Blanc	Эгль-Блан	60	Капитан Клошетери	6

На кораблях находились дополнительно 230 матросов и 288 колонистов, которых планировалось высадить на Мадагаскаре. Среди поселенцев присутствовали господин де Боссе, председатель Совета Восточной Франции (так планировали назвать будущую колонию), его секретарь мессир Сушо де Ренефор и лейтенант колонии Монтобон. Именно эти три человека должны были заменить собой власть в колонии.

Снаряжение экспедиции стоило вкладчикам ОИК 500 тысяч ливров, включая снаряжение кораблей, товары и провиант для колонистов.

3 июня корабли прошли траверз мыса Доброй Надежды, а 10 июля появились у берегов Мадагаскара — у поселка Фор-Дофин (сейчас — Таулагнару), образованного еще представителями Компании де ла Мельере в 1635 году. Председателю прежней колонии — господину Шапмаргу — было объявлено, что более Компания де ла Мельере не обладает исключительной привилегией торговли с Востоком, теперь это право принадлежит французской ОИК.

14 июля экипаж «Сен-Поля» высадился на берег, была произведена тожественная процедура принятия Мадагаскара в подданство французского короля. Де Боссе назначили управляющим колонией, Шапмаргу — начальником местного ополчения, де Ренефора — секретарем (писарем), а Монтобона — главным судьей. В Фор-Дофин были оставлены около 60 колонистов, корабли отплыли к острову Бурбон (Реюньон), где также существовала небольшая французская колония, основанная в 1642 году. Там были высажены еще 20 колонистов, объявлено о вступлении во власть представителей ОИК, суда разделились. «Сен-Поль» взял курс на северо-западный берег Мадагаскара, имея мысль выйти потом к Красному морю и Персидскому заливу, однако экипаж корабля взбунтовался, капитан обогнул

Мадагаскар Мозамбикским проливом и взял курс на Францию.

«Эгль-Бланк» от острова Бурбон также пошел к северо-западному берегу Мадагаскара, он посетил форт Галлар, основанный в 1642 году французскими купцами, где застал только двух колонистов (остальные к тому времени погибли). В форте оставили 18 колонистов (из них — 6 женщин), и взяли курс на остров Санта-Мария, а потом поплыли обратно к Фор-Дофин.

«Торо» в ноябре 1664 года вылетел на скалы острова Бурбон, выжило только 12 из 63 членов экипажа. На следующий день появившийся у острова «Виерж-де-Бон-Пор» поднял на борт выживших. Вместе с «Торо» потеряли товаров на 100 тысяч ливров (в основном — сахарные головы, кожи, кошениль).

Судно «Виерж-де-Бон-Пор» занималось закупкой колониальных товаров и золота у мозамбикских и мадагаскарских царьков. 12 февраля 1666 года переполненный товарами корабль уже был готов взять курс домой, но в гавань острова Бурбон прибыл французский 120-тонный бот «Сен-Луи», который вместе со 130-тонным «Сен-Жак» вышел из Гавра 24 июля 1665 года^[166]. Во время шторма корабли потеряли друг друга («Сен-Жак» отнесло аж к Пернамбуку, где он пробыл до 1666 года), и капитан «Сен-Луи» подошел в точку randevu, к острову Бурбон. Команды сделали несколько визитов на суда друг друга, наконец 20 февраля 1666 года «Виерж-де-Бон-Пор» снялся с якоря и пошел домой.

9 июля 1666 года недалеко от острова Герсней (Ла-Манш) корабль был атакован английским капером «Оранж» (кэптен Джон Лиш (John Lyshe)). Из отчета «Оранжа»: *«9-го числа HMS «Оранж» атаковал французский корабль, принадлежавший французской Ост-Индской компании, который шел из Мадагаскара и Красного моря. Груз сборный — золото, парча, шелк, янтарь, жемчуг, драгоценные камни, кораллы, воск и другие дефицитные товары. Владелец — мессир де Ля Шене из Сен-Мало. Объявленная ценность груза — 100 тысяч фунтов стерлингов»*. Англичане взяли на abordаж корабль ОИК, перегрузили себе все ценности, а сам корабль потопили. Из 120 человек команды «Виерж-де-Бон-Пор» 36 человек утонули (их английский капер, загруженный под завязку товарами, отказался брать на борт), погибли 2 человека (убиты во время abordаж), 33 человека (в том числе и капитан) взяты в плен, остальные отпущены на шлюпке. Капитан ля Шене умер в плену на острове Уайт, а секретарь де Ренефор (отплывший на корабле во Францию) был освобожден после окончания второй англо-голландской войны — в апреле 1667 года.

Согласно утвержденной 1 сентября 1664 года декларации об образовании Ост-Индской компании, первое собрание акционеров должно было состояться через три месяца после апробации декларации парламентом, то есть 1 декабря 1664 года. Главной целью этой ассамблеи был выбор постоянных директоров компании сроком на 7 лет. Однако собрание было перенесено на начало марта 1665 года — дел было в нежелании купцов участвовать в делах новой компании. К январю с трудом собрали 6 миллионов 800 тысяч ливров (с учетом 3 миллионов 300 тысяч, выделенных королем). При этом, многие, внесшие свои паи, отказывались вносить дополнительные деньги, *«предпочитая потерять уже отданное, чем выкинуть еще какие-то суммы на абсолютно бессмысленную затею»*. Все же 20 марта королю удалось собрать ассамблею, на места 12 директоров претендовали 104 пайщика (внесшие более 20 тысяч ливров).

Голосование проводили в королевской зале Лувра. Президентом компании был избран Жан Батист Кольбер, от дворянства — сир де Ту, от финансистов — уже знакомый нам мессир де Берриэ, от купцов — Энфен, Поклен-отец, Кадо, Ланглуа, Жабаш, Башелье, Эрен де Фэ, Шанлатт и Варренн. Решили открыть шесть отдельных представительств (палат) компании: в Париже, Руане, Бордо, Гавре, Лионе и Нанте.

Директорам поручили до мая рассмотреть возможность отправки новой экспедиции на Восток, которая на этот раз должна была дойти до индийского берега. Эта задача была поставлена королем и Кольбером, однако сильным ударом для акционеров стала гибель летом 1666 года судна «Виерж-де-Бон-Пор» вместе с ценностями на 2 миллиона 500 тысяч ливров. В результате вместо 2 миллионов 700 тысяч ливров с вкладчиков смогли собрать только 626 тысяч ливров. В результате тяжесть снаряжения второй экспедиции также упала на королевскую казну.

Новая эскадра состояла из 10 судов

Корабль		Тип	Тоннаж, т	Пушки
Saint-Jean-Baptiste	Сент-Жан-Батист	Корабль	600	36
Marie	Мари	Корабль	600	36
Saint-Charles	Сент-Шарль	Корабль	300	24
Terron	Террон	Корабль	350	24
La Mazarine	Ля Мазарин	Фрегат	200	24
Duchesse	Дюкесс	Фрегат	80	4
Saint-Denis	Сент-Дени	Гукор		4
Saint-Jean	Сент-Жан	Гукор		4
Saint-Luc	Сент-Люк	Гукор		2
Saint-Robert	Сент-Роберт	Гукор		2

Командиром эскадры назначили Франсуа де Лопи, маркиза де Мондеверга, которому король пожаловал звание «адмирала и лейтенант-генерала всех вод и земель французских за экватором». В качестве эскорта отряду был выделен дивизион шевалье де Роше в составе кораблей «Рюби», «Бофор», «Меркюр» и «Инфан».

Помимо экипажей, на кораблях присутствовали голландец Карон, принятый на французскую службу, и мессир Фэй в качестве директоров экспедиции; 4 полка пехоты; 4 французских и 4 голландских купца с товаром; 40 колонистов, 32 женщины. Всего — около двух тысяч человек. Оснащение экспедиции стоило 1 миллион ливров, еще 1 миллион 100 тысяч было принято на борт в качестве товаров и звонкой монеты.

Конвой и эскорт вышли из Ла-Рошели 14 марта 1666 года. Сначала взяли курс на Канарские острова, где сделали небольшую стоянку. Там же приобрели 120-тонный фрегат «Нотр-Дам-де-Пари», поскольку сильно опасались атак англичан (шла вторая англо-голландская война, где Франция выступала союзником Голландии). 20 мая суда возобновили путь, но на «Терроне» обнаружилась опасная течь, и Мондеверг взял курс на Бразилию, чтобы с помощью португальцев починить корабль. 25 июля он прибыл в Пернамбуку, где задержался до 2 ноября (там же экспедиция встретила отбившийся «Сен-Жак», о котором мы упоминали ранее), и через штормовую Атлантику пошел к мысу Доброй Надежды. Только 10 марта 1667 года корабли появились на рейде Фор-Дофин, где высадили 5 женщин.

Экспедиция застала колонию в ужасном состоянии, припасы почти кончились, но долгий путь конвоя в Индийский океан сыграл с Мондевергом злую шутку — на кораблях также потратили все припасы, а в Бразилии не смогли их восполнить из-за неурожая и дороговизны товаров (португальская Бразилия еще не оправилась от португальско-голландских колониальных войн). Желание Мондеверга пополнить провиант в Фор-Дофине встретила резкий отпор колонистов, которые просто отказались что-либо передать или продать экипажам. Они оправдывали такое положение дел тем, что эскадра пришла на полгода позже и все припасы, оставленные в колонии первой экспедицией, давно закончились. Поселенцам ничего не оставалось, как угонять скот у местных, на что мальгаши также стали отвечать набегам. Благодаря девяти 4-фунтовым орудиям французам удавалось отбиваться от их атак, но пороха оставалось очень мало. «Эгль-Бланк», оставшийся на Мадагаскаре, был вытасчен на берег, совсем обветшал и частью разобран на дрова.

Застав такое положение дел, Карон и Фэй настаивали на скорейшем движении к Индии, где экипажи могли бы пополнить провиант, а купцы — закупить дефицитные товары, которые бы оправдали траты на экспедицию. Мондеверг все же решил задержаться в Фор-Дофине, чтобы «*навести порядок в колонии*». Силами экипажей поселок был обнесен каменной стеной, маркиз ввел карточную систему на продукты, которые теперь все получали, независимо от званий и титулов. Он также выделил свои деньги на закупку у мальгашей скота и пшеницы, причем большую часть коров и свиней он запретил пускать под нож, создав в Фор-Дофине первые скотные дворы.

Мондеверг отправил два корабля на остров Бурбон, где реквизировал часть продовольствия для мадагаскарских поселенцев.

Осенью 1667 года в Фор-Дофин прибыло еще судно компании — грузовой флейт «Коронн» под началом Маркара Аванши, по национальности перса. Поскольку корабль пришел довольно быстро (вышел из Франции в марте 1667 года), на корабле был избыток провианта. Он был сразу же реквизирован Мондевергом для нужд колонии. Аванши пытался было возмутиться, но после того, как маркиз намекнул уроженцу Испании на виселицу, приказал выгрузить припасы.

27 октября 1667 года Карон и Аванши на судах «Сен-Жан-де-Батист» и «Сен-Дени» отправились в Индию. 24 декабря они вошли на рейд Кочина (город на юго-западе Индии, в описываемое время голландская колония), где были хорошо приняты. Потом суда взяли курс на Сурат, а далее — пошли к Суали. Во всех городах шла бойкая торговля — на «Сен-Жан-де-

Батисте» заметно убавилось золота, зато корабль был полон парчи, жемчуга, алмазов, изумрудов, индийской ткани, кораллов и многого другого. 24 апреля 1668 года Карон отправил заполненный до краев «Сен-Жан-де-Батист» в Фор-Дофин. Корабль появился на рейде мадагаскарской колонии в мае, где сгрузил продовольствие и скот, который закупил предусмотрительный голландец. 21 июня 1668 года «Сен-Жан-де-Батист» взял курс домой.

Фор-Дофин благодаря энергичным действиям маркиза Мондеверга немного воспарял, но все равно был в очень ужасном состоянии. Меж тем второй отряд под руководством Фэя ждал кораблей из Франции (о которых сообщил Аванши), чтобы также отправиться к Индии. Два корабля компании — «Эгль д'Ор» и «Форс», вышедшие из Пор-Луи 20 марта 1668 года, появились в Фор-Дофине 15 и, соответственно 30 сентября 1668 года. 19 октября второй индийский конвой («Мария», «Эгль д'Ор» и «Форс») отплыли в Сурат. Третий караван ушел из Фор-Дофина в Индию 12 августа 1669 года («Коронн», который отвозил в Фор-Дофин Карона, гукор «Сен-Жан» и фрегат «Мазарин»). Эти корабли прошли вдоль мадагаскарского берега, у северной части Мозамбикского пролива попали в сильный шторм и появились на суратском рейде только 23 сентября 1669 года. Таким образом, в Сурате теперь присутствовала настоящая французская эскадра, которая где силой, где деньгами налаживала отношения с правителями Малабара и Коромандельского берега.

Что касается Фор-Дофина, пришедший туда 2 октября 1669 года фрегат «Сен-Поль» привез письмо Мондевергу, где король выражал свое недовольство делами в колонии. Оно гласило: *«Господин Мондеверг. Я не удовлетворен той службой, которую вы мне оказали во время командования колонией Фор-Дофин. По получении этого письма вы должны сесть на первый же корабль, идущий во Францию. Молю бога, чтобы он был к вам милостив.*

...

Маркиз, будучи совершенно уверенным, что оправдается, 15 апреля 1670 года сел на «Марию» и, взяв с собой еще один корабль ОИК, «Форс», отплыл на родину. Около мыса Доброй Надежды корабли потеряли друг друга и добирались до Франции отдельно. «Форс» прибыл в Порт-Луи 10 сентября 1670 года. «Мария» же вернулась на Мадагаскар и пробыла там до ноября 1670 года, пока в Фор-Дофине не появилась еще одна

французская эскадра, которая везла нового вице-короля французской Индии. 9 февраля 1671 года Мондеверг наконец отплыл на родину, 22 июля «Мария» бросила якорь на рейде Груа (острова Кардиналов в Бретани). Сошедшего на берег маркиза именем короля арестовал лейтенант мушкетеров ла Гранж, обвиняемого препроводили в замок Сомюр, где он и умер 23 января 1672 года.

* * *

Сразу же после отплытия экспедиции Мондеверга акционеры компании начали считать убытки. Директора отмечали, что они потратили значительные суммы на вооружение и снабжение экспедиций товарами, а отдачи так и не видно. Недоверие было настолько всеобщим, что с трудом собрали 78 333 ливра вместо запланированных 2 миллионов 100 тысяч ливров. И в этот критический момент пошли одна за другой плохие новости. Сначала в ступор акционеров ввела гибель «Виерж-де-Бон-Пора», потом вести, пришедшие из Бразилии, куда занесло не частного Мондеверга. А между тем приближался 1666 год, а с ним — и выплата третьего взноса пайщиками.

Директора сообщая послали Луи XIV петицию, где просили объявить компанию банкротом. Дело могли спасти только новые инвестиции короля. Деньги король выделил. Согласно финансовым отчетам за февраль 1667 года, общие траты компании составили 4 991 000 ливров, тогда как пайщики внесли только 3 196 730 ливров. Таким образом, ОИК имела дефицит в 1 794 270 ливров, что мешало выплатить зарплату сотрудникам компании и расплатиться с поставщиками.

Материальные активы компании на тот момент составляли 18 судов в Индии и 12 кораблей во Франции, а также 7 судов в постройке. Кроме того —

- 600 тысяч ливров в испанских реалах в Пор-Луи;
- 250 тысяч ливров в товарах в Пор-Луи и Гавре;
- 60 тысяч футов канатов и запчастей для такелажа в Гавре;
- 473 000 фунтов сырой конопли;
- 100 якорей разного веса;
- 229 пушек различных калибров;
- 72 560 ольховых бревен;
- 289 мачт в разных портах Франции.

Король, ознакомившись с положением дел ОИК, собрал акционеров на

аудиенцию, где уговаривал их идти дальше. *«Нельзя бросать дело на половине пути. Я, как один из пайщиков, также несу убытки, но с такими активами мы можем попытаться вернуть свои деньги»*. Тем не менее в начале 1668 года короля также начали обуревать сомнения в правильности выбранного пути.

Наконец, 20 марта 1668 года пришли вести от Карона, который сообщал, что первая экспедиция удачно добралась до Индии, торговля довольно успешна, средняя норма прибыли по сделкам — 60 %. Также в письме рассказывалось о положении на Мадагаскаре и о мерах, предпринятых Мондевергом для улучшения ситуации. Эти вести послужили для короля стимулом вложить в дело еще 2 миллиона ливров, что спасало компанию от банкротства и позволяло акционерам закрыть самые насущные долги.

Вместе с тем Луи серьезно поговорил с Кольбером на предмет будущего финансирования компании — король напомнил, что уже вложил в дело более 7 миллионов ливров и за пять лет не получили никакой, даже самой маленькой, прибыли. Людовик вполне резонно спрашивал: есть ли смысл содержать разоренный Фор-Дофин, который не приносит никакой прибыли? Может быть, есть смысл перенести колонию в Сурат? Этот разговор заставил Кольбера на ассамблее акционеров компании признать, что *«колонизация Мадагаскара была ошибкой»*.

Наконец 12 марта 1669 года на рейд Пор-Луи пришел долгожданный «Сен-Жан-де-Батист». Согласно отчетам общая стоимость привезенного товара составила 2 796 650 ливров, из которых 84 тысячи было выплачено в качестве акцизных сборов; 10 процентов король соизволил выплатить акционерам в качестве прибыли предприятия. Это событие спровоцировало резкое увеличение желающих вступить в ряды пайщиков, за три месяца денег было собрано больше, чем за предыдущие 5 лет. Теперь купцы хвалили предусмотрительность Кольбера и короля, деньги потекли рекой — нашлось множество, желающих рискнуть ради торговли с Востоком.

* * *

31 августа 1666 года Ост-Индская компания обрела свою столицу — город Лориан.

Еще в июне этого года король своим рескриптом разрешил судам компании располагаться в Пор-Луи, в устье Шаранты. В окрестностях этого города находились склады, принадлежавшие компании де ла Мельере,

Кольберу удалось их выкупить за 120 тысяч ливров^[167]. Песчаный берег, предоставленный ОИК, образовывал нечто вроде полуострова, который выступал в море. На правом берегу по настоянию Кольбера была заложена верфь, на высоком мысу, отделявшем Шаранту и Блавэ от слияния в одну реку, расположились арсенал и несколько береговых батарей.

Денни Ланглуа, один из генеральных директоров компании, был послан в Пор-Луи и восточные склады, чтобы принять их под руку ОИК. Этому сильно противились местные сеньоры — принц Гемене и сенешаль Поль дю Вержи д'Хенебон, однако с помощью Кольбера Ланглуа удалось с ними договориться, выплатив компенсацию в 1207 пистолей. 31 августа мессир Дени от имени компании торжественно вступил во владение новыми землями. Верфи были возведены очень быстро, уже в 1667 году на воду было спущено первое 180-тонное судно, однако все рассматривали этот корабль как первый опыт. Согласно планам Кольбера, компании необходимо было построить десяток судов, водоизмещением от 500 до 1000 тонн.

Название же нового города — Лориан — появилось позже, примерно в 1669 году. До этого времени место, принадлежащее компании, называли «Лиэ л'Орьян» («Восточное» местечко) или «Л'Орьян де Пор-Луи» (то есть Восточный Пор-Луи).

Приложение № 3

История одной газетной заметки

26 января 1745 года в «Газета де Мадрид» был опубликована следующая статья.

«Меткая стрельба.

Около Азорских островов из-за тумана эскадра адмирала Торреса, следовавшая в качестве конвоя торговых судов в Испанию, потеряла часть кораблей. В их числе был и шлюп «Флеча» с шестью 6-фунтовыми пушками и экипажем из 30 матросов. Командовал маленьким корабликом лейтенант Хосе Запиан.

В 4 лигах от порта Камаринас (городок, расположенный между Ла-Коруньей и Виго) шлюп был атакован большим 24-пушечным фрегатом британцев. Капитан англичан, вышедший к «Флеча» с наветренной стороны, приказал Запиану обстенить паруса и лечь в дрейф, на что наш командир ответил бортовым залпом. Англичане также открыли огонь. Между четвертым и пятым залпом противника Запиан, грамотно маневрируя, смог выиграть у британца ветер и меткими выстрелами сбить ему фок-мачту. Мимо изумленного противника торжествующий испанец спокойно вошел в порт».

Эта заметка, очень нас заинтересовавшая, стала предметом небольшого, но настоящего расследования, к которому подключились специалисты из Испании и Соединенных Штатов Америки. Задача, поставленная перед нами, была проста — подтвердить или опровергнуть данные в газетной заметке. Не скажу, что нам удалось на сто процентов доказать бой «Флеча», также как и его отсутствие, однако данные, вскрывшиеся при расследовании, оказались довольно интересными.

Прежде всего надо было определиться с датой боевого столкновения. Шлюп «Флеча» входил в охранение большого торгового каравана адмирала Торреса. Согласно труду Хорхе Серда Креспо (*Jorge Cerdá Crespo «La Guerra de la Oreja de Jenkins: un conflicto colonial (1739–1748)», p.304*), конвой вышел из Гаваны 26 октября 1744 года. В книге же Сильвии Хилтон (*Sylvia L. Hilton. «The Indian in Spanish diplomacy, 1739–1759», 1979, p.326*) говорится, что Торрес покинул Кубу 25 ноября. Впрочем, это единственное расхождение.

Состав эскорта был следующим: линкоры — 70-пушечные «Леон», «Глориосо», 64-пушечный «Эспанья» и 58-пушечный «Кастилья»;

приватеры — 6-пушечный шлюп «Флеча», 6-пушечный шлюп «Сан Кириако», а также три торговых судна — «Сан-Хосе», «Перфекто» и «Бриллианте».

Азоры конвой прошел относительно тяжело, на «Леоне» открылась течь, и он ушел обратно в Гавану, а у мыса Финистерре из-за противных ветров Торрес потерял «Флеча». На этом данные испанских историков заканчиваются, но на помощь приходит официальный бюллетень Морского ведомства Испании. Там отмечается, что между 2 и 8 января 1745 года шлюп «Флеча» был атакован каким-то фрегатом, несшим 24 орудия и 125 человек команды. Сразу же отметим, что количество матросов говорит о том, что это мог быть либо зафрахтованный торговец либо приватир со слабым вооружением, поскольку в Королевском флоте во время войны по штату команда подобного фрегата составляла порядка 140–160 человек.

Согласно тому же бюллетеню, очевидно, составленному на основании отчета Запиана, британец приказал лечь в дрейф и сдаться, на что испанец имитировал беспорядочное бегство команды. Англичанин неторопливо приближался и даже дал пять выстрелов, требуя выслать офицеров для сдачи. Когда неприятельский фрегат оказался совсем близко, шлюп поставил все паруса и дал залп, повредив британцу мачту, а сам проскользнул в порт. Насколько правдив бюллетень, судить трудно. Например, этот же документ почему-то не упоминает о том, что чуть позже «Флеча» был-таки захвачен англичанами около Ферроля. Об этом есть данные у Франсиско де Паула Павии (*Francisco de Paula Pavia. «Biopic Gallery Marine generals», Volume III, p. 207*). В еще одном историческом журнале (*Mercury in historical and political. February 1745. Volume LXXXV. Imprenta Real, Madrid, pages 91–94*) очень подробно излагаются состав и путь конвоя Торреса, однако ни о каком бое «Флеча» не упоминается. Зато этот же журнал дает очень интересные данные о составе груза каравана, зарегистрированном в описи испанского наместника в Галисии от 19 января 1745 года. Торговые суда привезли товаров и серебра на 8 986 866 песо, из них — 8 371 564 песо в монетах, 35 510 — в серебряных слитках, а также 16 845 песо — в золоте и 1115 — в золотом песке. Кроме того, были сгружены 81 тюк кошенили, 10 бочек ароматического масла, 45 тюков красного дерева, 154 352 квинталов медного лома.

С «Кастильи» и «Глориосо», пришедших в Ла-Корунью, сняли серебряных монет на сумму 561 832 песо. С «Европы» и «Бриллианте» — 750 квинталов меди, 12 тюков какао, 1 121 095 песо монетами, 14 ящиков ванили, 13 ящиков шоколада, 20 ящиков ароматического масла, 26 ящиков

разных товаров и 250 сундуков с грузом кож.

Самое интересное, что «Флеча» в этих списках не упоминается вообще. Куда же делся шлюп? Ответ прост — уже 10 января 1745 года он был захвачен у Ла-Коруньи английским шлюпом, шедшим в Гибралтар. По заходу в Лиссабон испанский корабль был продан на дрова.

Испанские историки предоставили нам еще одни данные для размышления — оказывается, «Флеча» не значился в списках испанского флота. То есть это был торговый шлюп, мобилизованный испанцами на военную службу, или вообще корсарское судно, имевшее патент. В 1741 году «Флеча» и «Сан-Кириако» были отправлены в Вест-Индию с грузом провианта, оттуда они вышли в Испанию с конвоем Торреса.

Весь комплекс данных дает нам право задать самим себе вопрос: а был ли вообще бой, описанный в официальном бюллетене испанского Морского ведомства и в «Газета де Мадрид»? И что на самом деле произошло со шлюпом «Флеча» около порта Камаринас?

Заход с другой стороны также ничего не дал — самым добросовестнейшим образом были изучены отчеты британского Адмиралтейства, но совершенно никаких данных по заинтересовавшему нас случаю не было обнаружено. Это говорит о следующем: либо этот случай был сочтен совершенно ничтожным, рядовым, что не оставил даже упоминания, либо этого случая не было вовсе.

В общем, скорее всего, газетная история трехсотлетней давности оказалась «уткой». На наш взгляд, пять залпов, данных 24-пушечным фрегатом по 6-пушечному шлюпу, должны были просто лишить последний боеспособности. Конечно, хитрость и сноровка на войне имеют большое значение, но вряд ли это случай со шлюпом «Флеча». Тем не менее этот небольшой эпизод вновь приоткрыл нам новые подробности борьбы, ведшейся между Испанией и Англией во время «войны из-за уха Дженкинса».

Авторы хотели бы выразить благодарность испанским историкам Сантьяго Гомесу и Альфонсо Пералю, россиянину Илье Топчему, а также доктору Альберту Паркеру за предоставленные материалы.

Список основной литературы:

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783, СПб.: Terra Fantastica, 2002.

Колумб Ф. Морская война. М.: АСТ, Terra Fantastica, 2003.

Штенцель А. История войн на море». М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002.

Танстолл Б. Морская война в век паруса. 1650–1815. Сражения великих адмиралов. М.: Эксмо, 2005.

Морской атлас. Т. III. Описания к картам. — Издание Главного штаба военно-морского флота, 1959.

Бродель Ф. Что такое Франция? Т. 1–2. М., 1994.

Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота». М. —Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939.

Муравьев М.А. Действия на море в ходе войны за Польское наследство. Львов, 2001.

Материалы для истории русского флота. Балтийский флот. 1702–1725 гг. СПб... Тип. Морского м-ва, 1865–1904.

Шабо-Арно Ш. История военных флотов. СПб. Тип. Морского мин-ва при Гл. адмиралтействе, 1896.

Маклинн Ф. 1759: год завоевания Британией мирового господства. М.: АСТ, 2009.

Каплан А.Б. Путешествие в историю. Французы в Индии. М.: Наука, 1973.

Дюма А. Людовик XV и его эпоха. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001.

Bromley J.S. Corsairs and navies, 1660–1760. London, Hambledon Press, 1987.

Lyon D. The Sailing Navy List: All the Ships of the Royal Navy-Built, Purchased and Captured-1688—1860 (Conway's History of Sail). Conway Maritime Press, 1998.

Clowes W. L., Clements R. The Royal Navy: A History from the Earliest Times to the Present. Chatham Publishing; Reissue edition, 1997.

Sue, Eugène «Histoire de la marine française». Paris, 1845.

Martin, H. Histoire de France, depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789. Paris, Furne, 1855–1860.

De la Ronciere, Ch. Histoire de la marine française. Paris, 1932.

Duguay-Trouin, R. Memoires. Paris, 1740.

Anderson R. C. Naval wars in the Baltic during the Sailing-Ship Epoch 1522–1850. London, 1910.

Anderson R. C. Naval Wars in the Levant 1559–1853. London, 1911.

Marley, D. Wars of Americas: A Chronology of Armed Conflict in the New World, 1492 to Present. Denver, Colorado, 1998.

Richmond, H.W. Expedition to Sicily, 1718, Under Sir George Byng. The Journal of the Royal United Services Institute (0035–9289), 1972.

Beatson, R. Naval and Military Memoirs of the Great Britain. vol. 1–3 — London, 1804.

Love, H. D. Vestiges of Old Madras, 1640–1800: traced from the East India Company's records preserved at Fort St. George and the India Office and from other sources. London, 1913.

Île Maurice, Mahé de La Bourdonnais, documents réunis par le comité du bi-centenaire de La Bourdonnais, 11 février 1899, avec des annotations par le comité des souvenirs historiques. (2 août 1899). Port-Louis: E. Pezzani, 1899.

Dodwell, H. Dupleix and Clive: Beginning of Empire. London, 1967.

Clarín de la Rive, A. Dupleix ou Les français aux Indes orientales. Lille, 1888.

Ogle, Ch. The tryal of Sir Chaloner Ogle, Kt. Rear-Admiral of the Blue, before the chief justice of Jamaica. London, 1743.

Beatson, R. Naval and Military Memoires of the Great Britain 1727–1783. vol. 1. London, 1804.

Colin, J. Louis XV et des Jacobites. Paris, 1901.

«The Vernon Papers, 1739–1745» — Navy Records Society, 1958.

Richmond, H. W. The Navy in the War of 1739–1748», — BiblioLife, 2009.

Lapeyrouse de Bonfils, Leonard Leonce, comte de «Histoire de la marine française. Paris, 1845.

Barrington Papers — Selections from the papers of Admiral the Hon. Samuel Barrington. Navy Record Society, 1937.

Crespo, Jorge Cerdá. La Guerra de la Oreja de Jenkins: un conflicto colonial (1739–1748). Universidad de Alicante (Thesis), 2008.

Sylvia L. Hilton The Indian in Spanish diplomacy, 1739–1759. Madrid, 1979.

Mercury in historical and political. February 1745. Volume LXXXV. Imprenta Real, Madrid.

Schomberg I. The Naval Chronology. vol. V. London, 1802

Hill J.R. (Ed.), The Oxford Illustrated History of the Royal Navy. Oxford, 1995.

B. Lavery. Nelson's Navy: The Ships, Men and Organisation 1793–1815.

London, 1989.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Людовик XV. Неизвестный художник

Красавчик принц Чарли, или Молодой претендент. Художник А. Дэвид

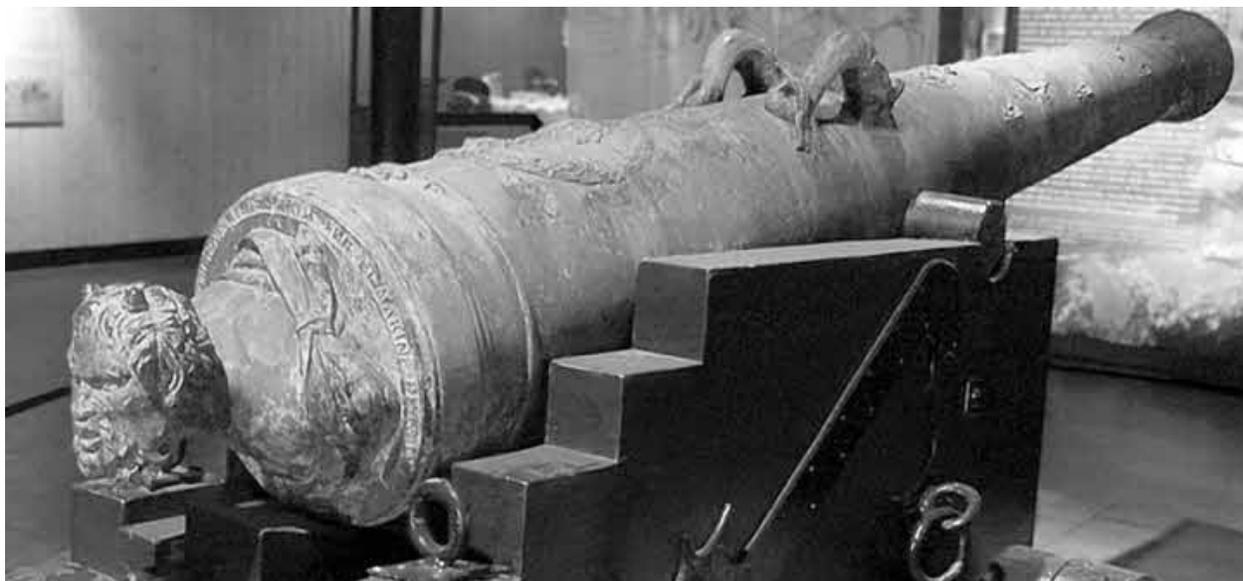
Граф де Морена. Неизвестный художник

Один из морских офицеров времен Людовика XV. Неизвестный художник

Французский флот в гавани Тулона. Неизвестный художник

Пушка с «Солей Руаяля»

Захват «Фудрояна» британскими судами. Неизвестный художник

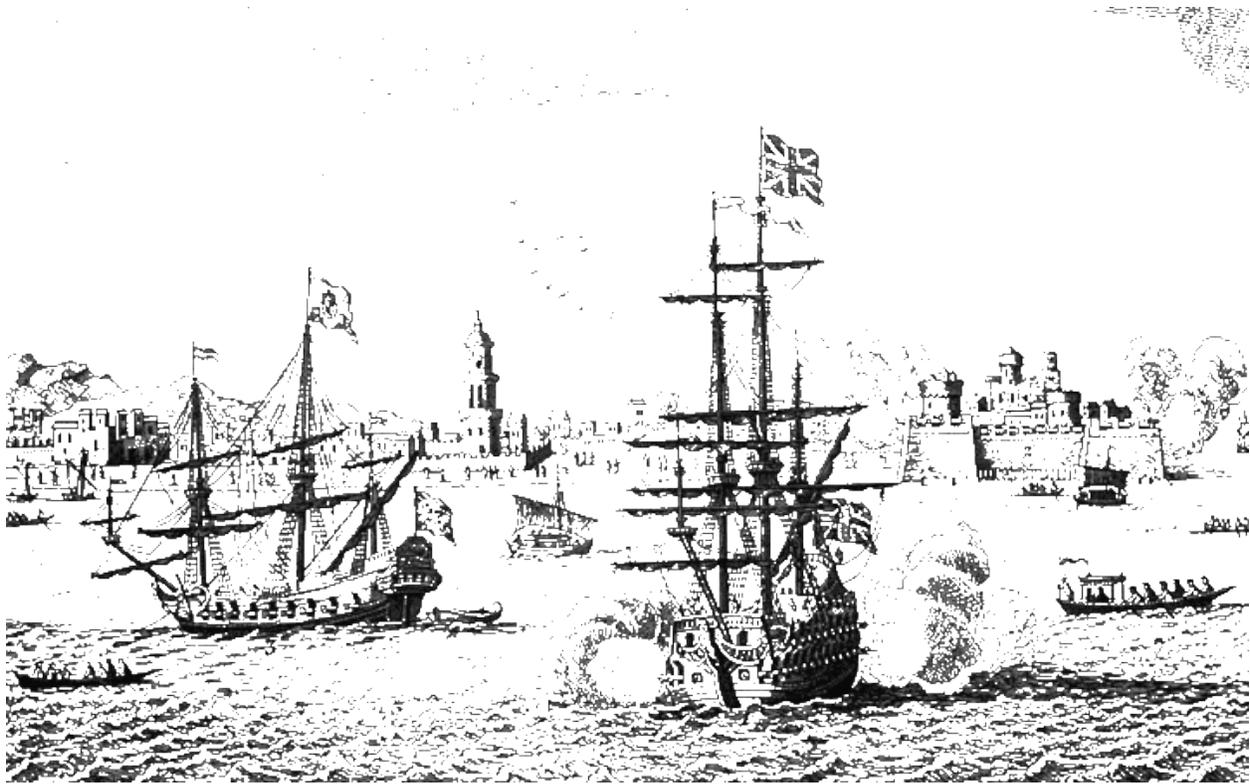
Расстрел адмирала Бинга. Гравюра XVIII в.

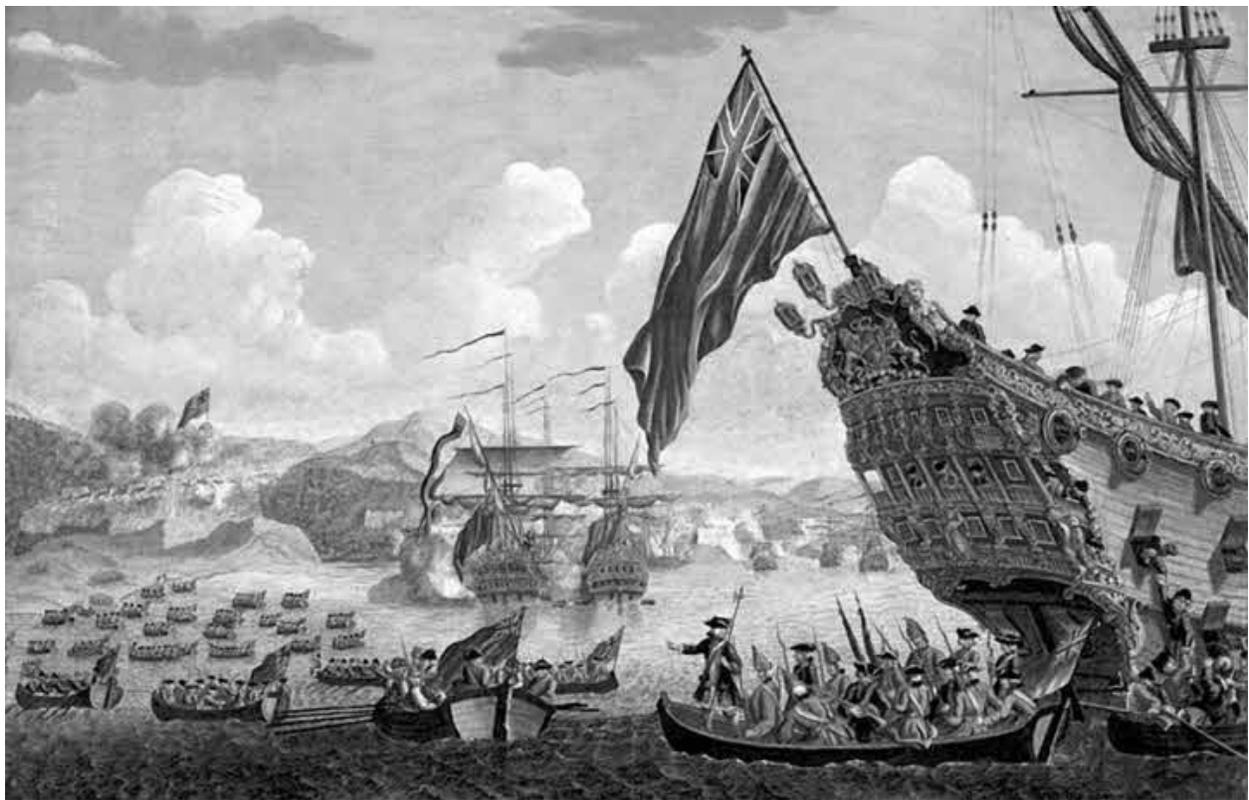
Скульптура Р. Дюгэ-Труэна в музее Сан-Мало

Захват Порто-Белло. Художник Дж. Чемберс Старший

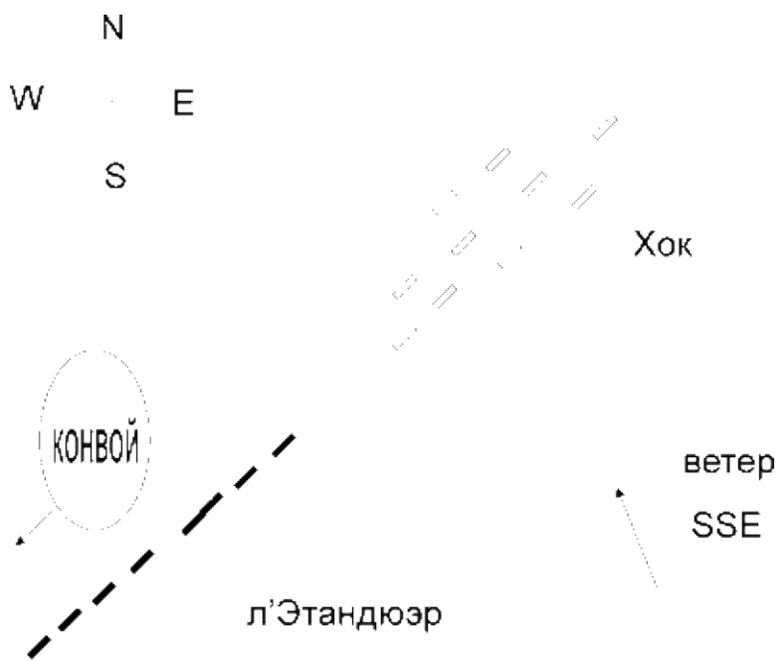
Эпизод «Войны за ухо Дженкинса». Гравюра XVIII в.

Атака на Луисбург в 1745 г. Неизвестный художник

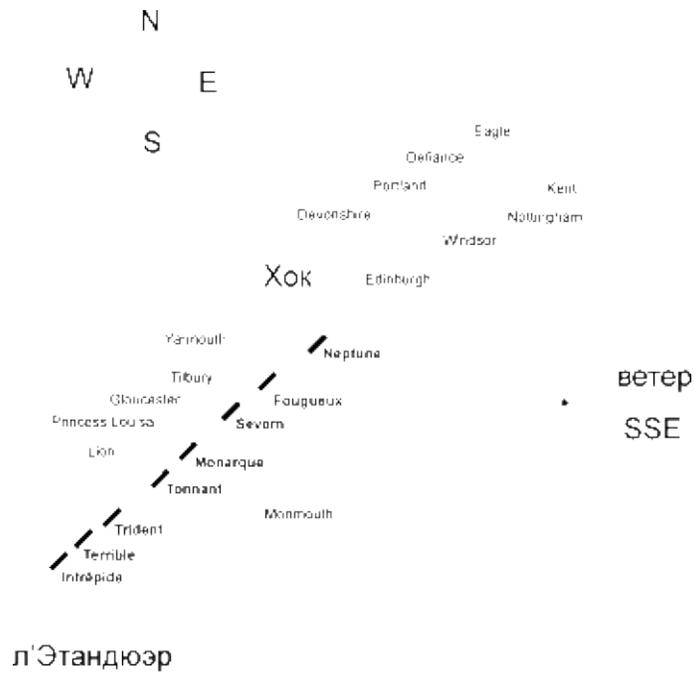

Победа лорда Ансона при мысе Финистерре. Неизвестный художник

положение сторон на 9.00

Второе сражение у мыса Финистерре. Положение сторон на 9.00

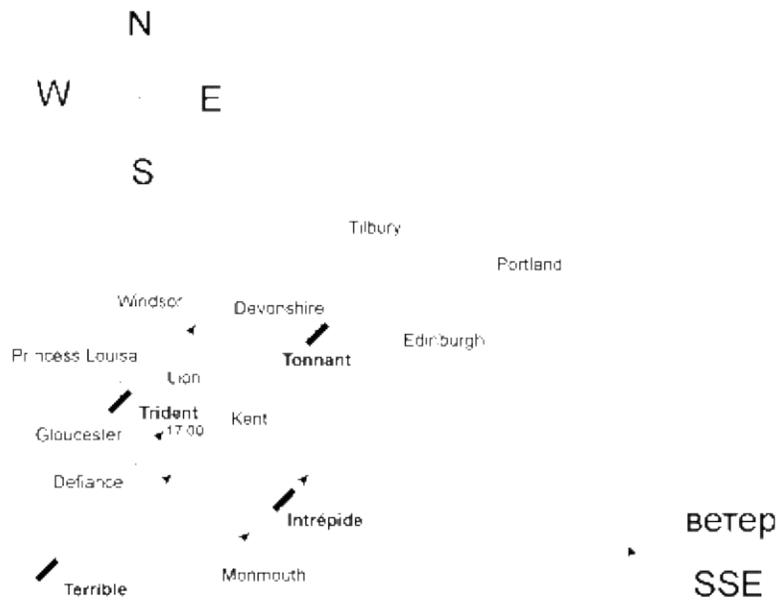

положение сторон на 12.00

Второе сражение у мыса Финистерре. Положение сторон на 12.00

Второе сражение у мыса Финистерре. Положение сторон на 14.30

положение сторон на 16.15

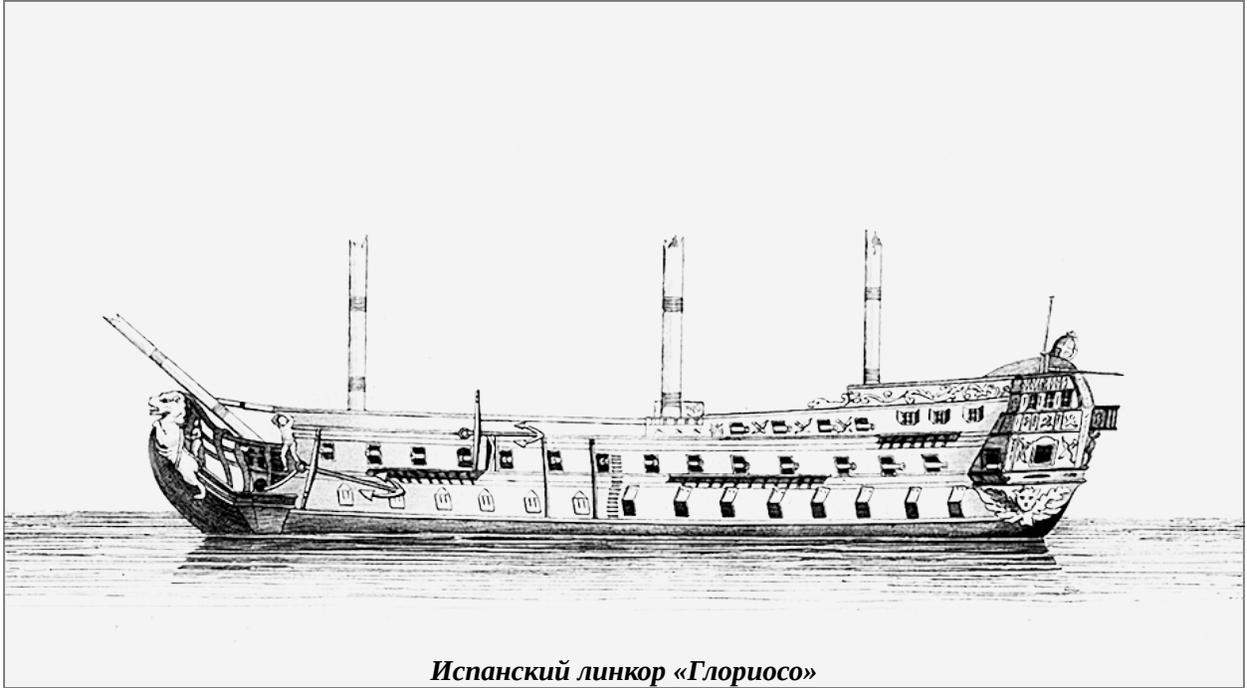
Второе сражение у мыса Финистерре. Положение сторон на 16.15

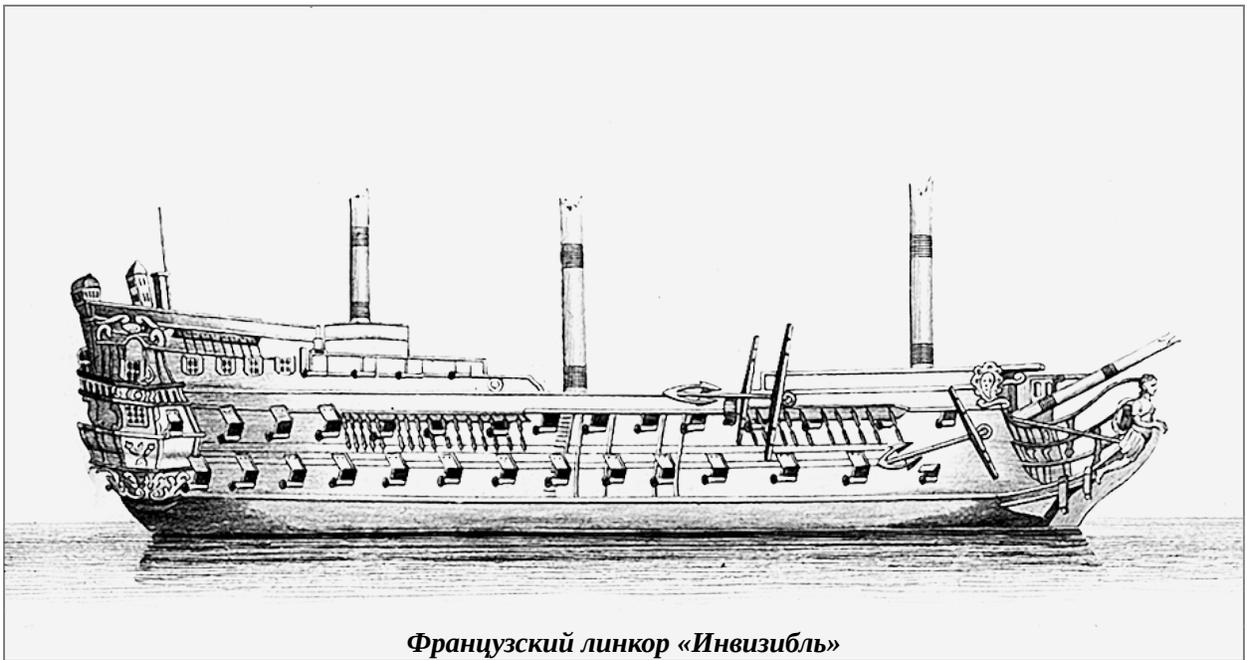
Дж. Ансон. Неизвестный художник

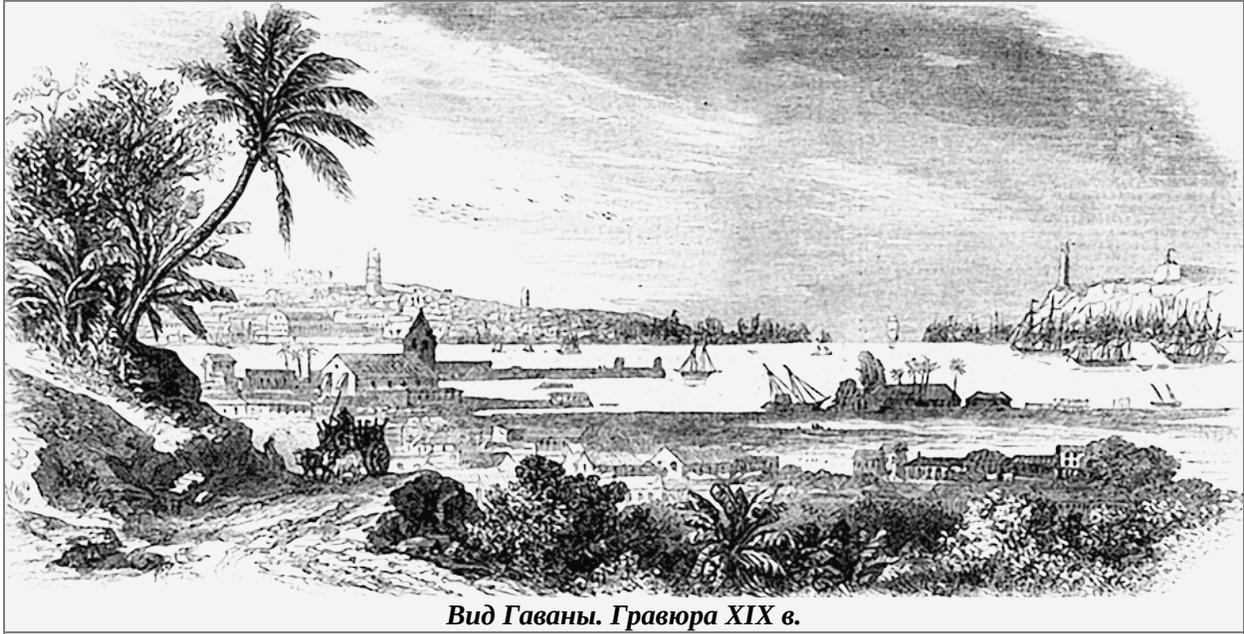
Т. Вернон. Художник Т. Гейнсборо

Испанский линкор «Глориосо»

Французский линкор «Инвизибль»

Вид Гаваны. Гравюра XIX в.

В гавани о. Менорка. Гравюра XVIII в.

Морская летопись

Регентство и царствование Людовика XV было омрачено двумя большими войнами, в которых Франция потерпела поражение на море. Первой из них была Война за австрийское наследство. Основными театрами военных действий ее были — Центральная Европа, Австрийские Нидерланды, Северная Италия. Одновременно, между Англией, с одной стороны, и Францией и Испанией — с другой, шла война на море. В новой книге историков С. Махова и Э. Созаева подробно рассказывается о состоянии французского флота первой половины XVIII в., а также о выдающихся французских адмиралах и самых известных морских операциях и сражениях Войны за австрийское наследство.

ISBN 978-5-9533-5532-2

9 785953 355322

OZON.RU

notes

Примечания

1

В указанное время корабли делились по рангам следующим образом: I ранг — корабли от 76 до 120 орудий; II ранг — от 60 до 74 орудий; III ранг — от 50 до 60 орудий; IV ранг — от 40 до 50 орудий; V и VI образовывали фрегаты и корветы, а шлюпы и брандеры шли вне рангового деления.

Реально «война из-за уха Дженкинса» началась в 1739 году с нападения адмирала Вернона на Порто-Белло в Вест-Индии. В 1741 году в Европе началась Война за австрийское наследство, в которую в 1744 году вступила Франция. По сути, все эти конфликты были одной большой мировой войной, куда постепенно втягивались новые участники.

Принимая во внимание эти расчеты, не стоит забывать и про инфляцию. Если в 1716 году серебряный турецкий ливр весил 10,3 грамма, то уже к 1726-му — всего 5,9 грамма. Кроме того, если серебро в начале XVIII века было дешевле золота в 13,66 раза, то в 1740-м — уже в 15,6 раза. Также для сравнения можно посмотреть на курс турецкого ливра по отношению к английскому фунту стерлингов: в 1701 году 1 фунт равнялся 12–13 ливрам, а в 1740-х — 23–25 ливрам. Тем не менее к 1740-м годам можно оценить рост бюджета Франции (по сравнению с началом века) примерно в два раза.

Данные из: Добролюбовский К. Кольбер и его экономическая политика
Исторический журнал, № 9. Сентябрь, 1939. С. 124–130.

Здесь дело, скорее всего, в том, что традиционно во Франции армейская служба дворянами рассматривалась как почетная обязанность, а вот служба на флоте — как презренное занятие. Конечно, были и обратные примеры, но в целом тенденция была именно такова.

Болингброк бежал во Францию, а Харли был арестован и препровожден в Тауэр, где и отсидел два года. Позже мы еще остановимся на этом. См. главу «Георг I и якобиты».

Работорговля, конечно же, не была убыточна для самих работорговцев, но государству она приносила мало прибыли. Дело в том, что большую часть чернокожих англичане (и другие) ввозили в обход квот, нелегально. Естественно, контрабанда не облагалась налогом.

Жителям Акадии, перешедшей формально под юрисдикцию Британии, согласно Утрехтскому миру, был дан один год, чтобы либо избрать для себя английское подданство, либо уйти в другие французские провинции. Франкоканадцы решили силой отстоять свою провинцию, построили пограничные форты, самым крупным из которых был Босэжур. Таким образом, де-юре принадлежа Англии, де-факто Акадия оставалась профранцузской. Только в 1755 году Акадия полностью перейдет под власть Англии.

9

Нынешнее название — Мумбаи.

10

Нынешнее название — Ченнай.

Ост-Индской компанией были куплены три деревни в устье Ганга — Сутанути, Кольката и Гобиндапур. Именно эти деревни и составили территорию будущей Калькутты. Изначально англичане в деревне Кольката построили блокгауз, который назвали Форт-Уильям. В 1727 году английский король Георг I признал Калькутту городом и туда был назначен первый мэр.

Ныне — Пондичерри.

Ныне — Чандернагор.

Итальянец Джулио Альберони прибыл ко двору Филиппа V, состоя секретарем у известного нам по предыдущим книгам маршала Вандома.

Александр Дюма, «Людовик XV и его эпоха».

Филипп V претендовал на опекунство над малолетним Людовиком XV вместо герцога Орлеанского.

Есть мнение, что это письмо — талантливая мистификация, сделанная сторонниками виггов для раскола якобитов в Шотландии. Но в любом случае бегство Якова было определяющим.

Джордж Кэммок в 1692–1693 гг. был первым лейтенантом у Рука на «Лойал Лондон», в 1702 г. — кэптен корабля «Спидвелл». Много плавал, захватил несколько французских корсаров, в 1712 г. на 60-пушечном «Монке» захватил большой французский привати́р, 40-пушечный «Комтэ де Геральден». В 1714 г. уволен из флота, после смерти королевы Анны перешел к Стюартам. Бежал в Испанию. В 1718 году получил чин испанского хефе ди эскуадра (контр-адмирала).

Корабли: 80-пушечный «Сан-Фелипе эль Реал», 60-пушечные «Санта-Роза», «Реал Мари», «Сан-Фернандо», «Санта-Круз», «Сан-Педро», «Сан-Изабель», «Сан-Карлос». Фрегаты: 52-пушечный «Перла», 44-пушечный «Воланте», 48-пушечный «Сорпресса», 38-пушечный «Джуно», 30-пушечный «Сантьяго». Госпитальный корабль «Геркулес», брандеры «Леон» и «Кастилья». Также эскадру сопровождал отряд галер капитана галер Франсиско Гримау. Более подробно — см. таблицу в конце книги.

100 осадных и 25 полевых орудий, 40 мортир, 100 000 ядер, 20 000 квинталов (1000 т) пороха и 30 000 бомб.

К этому времени в бискайских портах уже было в полной готовности 10 или 12 свежестроенных кораблей, к тому же Испания активно закупала корабли у Генуи и Венеции, да и трофеи на Сицилии и Сардинии были немаленькими. Вообще к следующему лету Альберони планировал вывести в море около 50 кораблей.

В ноябре 1718 года случайно взорвался самый крупный из испанских кораблей, захваченных во время сражения у мыса Пассаро, 80-пушечный «Сан-Филиппе эль Реал».

Бинг писал про этот отряд: «Консул в Ливорно сообщил мне, что они спасли нам более 200 000 ф. ст.».

Кэммок пытался подкупить капитанов Уолтона и Гамильтона, предложив каждому из них по 10 тыс. ф. ст., английское пэрство и звание контр-адмиралов, если они вместе со своими кораблями перейдут на службу к королю Якову III. Он также делал и Бингу аналогичные предложения. Предложения были отвергнуты с презрением и негодованием, и более в эту войну о Кэммоке слышно не было.

После войны Кэммок угодил в испанскую тюрьму в Сеуте, после отсидки изгнан из Испании и умер в полной нищете. Испанский лейтенант-генерал Хастаньета писал, что Кэммок обладал храбрым сердцем, но это было единственное его достоинство.

«Барфлер», «Орфорд», «Леннокс», «Дюнкирк», «Монтегю», «Руперт», «Кентербери» и пинк «Фoley».

По подобию Бинга (фр.).

Данные по «Юрнал» вице-адмирала Я. С. Барша. Ч. I. (1707–1725) / Публ. В. Г. Геймана // Сборник. — ГПБ. Л., 1954.

2 В конце апреля отбыл в Кронштадт. Заменен вице-адмиралом Захаром Мишуковым.

««St. Esprit» («Сент-Эсприт», 74 орудия), «Leopard» («Леопард», 62) «Tigre» («Тигр», 56) «Alcyon» («Альсион», 50) «Grafton» («Графтон», 62), «Astree» («Эстри», 30), «Nymphé» («Нимф», 14) флейт «Seine» («Сьен», 40), «Immaculee Conception» («Имасюли Консепсьон», 12)..

Эскадра Наветренных островов — испанское соединение, отвечающее за охрану вест-индских колоний.

Всего в эскадре умерли 2 контр-адмирала, 8 капитанов кораблей, 50 офицеров и 4000 матросов. Учитывая, что нормальный состав экипажей эскадры составлял 3300 человек, Хозайера спасли команды с Ямайки. Если бы на Ямайке не было достаточного количества моряков, суда которых стояли в порту из-за войны с испанцами, корабли эскадры превратились бы в «скопление неподвижных блокшивов».

«Конкеран» (74 орудия), «Инвизибль» (70), «Анри» (66), «Тулуз» (60).
Фрегаты — 40-пушечные «Весталь» и «Шеваль-Мартин».

Хронология смены морских министров такова — 1 сентября 1715 года Совет по флоту во главе с Виктором д'Эстрэ сменил Жерома Поншартрена. 24 сентября 1718 года морским министром был назначен граф Флёрё д'Армонвиль, 9 августа 1722 года на пост заступил его сын, граф Флёрё де Морвилль. 16 августа 1723 года главой Морского ведомства Людовик назначил сына Жерома Поншартрена — Фредерика Филипо, графа Морепа.

«Вэнкер» (86), «Энтрепид» (84), «Триомфан» (94), «Бизар» (70), «Диаман» (58), «Фурье» (60), «Темерэр» (60), «Вермандуа» (60).

Во время Северной войны шведский король Карл XII возвел на трон Лещинского в пику союзнику Петра I Августу Саксонскому. После поражения шведов под Полтавой Станислав бежал в Пруссию, а потом — во Францию.

Расчетливый Флери понимал: тесть короля Франции не может болтаться в Европе, как неприкаянный эмигрант, ему следовало иметь какое-либо владение. Позже этот расчет блестяще оправдался — Станислав после Войны за польское наследство получил Лотарингию (фактически сразу ставшую французской вотчиной), Флери удалось то, что не получилось ни у Ришелье, ни у «короля-солнца».

Война в Европе в 1733 г. началась при весьма странных обстоятельствах: это было торжество дипломатических фикций. Император Священной Римской империи, воевавший с Францией на Рейне и в Италии, в Бельгии оставался нейтральным ввиду взаимных обязательств, заключенных между Францией и «морскими державами» (Англией и Нидерландами), в Брюсселе даже по-прежнему находился французский посол. Прусский король сохранял нейтралитет в польском деле и поэтому запретил русской артиллерии, предназначенной для осады Данцига, пройти через его территорию, но на Рейне как князь Священной Римской империи он выставил корпус в 6000 штыков, который, впрочем, продвигался вперед крайне медленно. Георг II как король Великобритании оставался нейтральным, но, как ганноверский курфюрст, он предоставил в распоряжение императора 6000 солдат и, кроме того, задержал в Ганновере французского, испанского и сардинского посланников.

Россия формально находилась в мире с Францией, хотя послы были отозваны с обеих сторон; но, как союзница Австрии, она в конце концов послала войска на Рейн, однако ее мнимый нейтралитет обусловил возможность французского посредничества в Белграде.

Швеция разрешила французам использовать свои порты в этом конфликте.

В то время как на территории Польши было расквартировано около 34 тысяч русских солдат.

Старик любил войны, хотя до осады Данцига участвовал в военных действиях 22 года назад — в 1712 году, в битве при Денене. Миних был волонтером в войсках графа Ормонда, в сражении его ранили, и он попал в плен. В 1713 году он смог сам себя выкупить и вернулся на родину, в Гессен.

Кирасы были нужны для спешно сформированных кирасирских полков.

Томас Гордон, бежавший из Англии после смерти королевы Анны, был принят Петром I на русскую службу в 1717 году в чине капитан-коммодора. В 1718 году — шаутбенахт, в 1722-м вице-адмирал, в 1727-м — адмирал.

Наум Акимович Сенявин — первый русский адмирал. При Петре I дослужился до вице-адмирала. Победитель в сражении при острове Эзель 25 мая 1719 года.

Принят на русскую службу аж в 1698 году, любимый капитан Петра I. Однако с 1721 года не имел практики кораблевождения.

Странное заявление! Почему тогда корабли подняли французские, а не польские флаги?

Ввиду ветхости корпусов на этих кораблях стояли, в основном, легкие пушки.

Это был брат Джорджа Вашингтона — будущего первого президента США.

Изначально экспедиционным корпусом командовал генерал лорд Кэткерт, однако после его смерти командующим стал бригадир Томас Вентворт.

Странное заявление!

По воспоминаниям командира «Галисии», осадка у нее после этих усовершенствований стала, как у 80-пушечника. Если же вспомнить, что во время атаки Картахены в 1697 году Пуанти на 84-пушечном «Септре» вплотную подходил к бастиону Сан-Себастьян дель Пастелильо, становится ясно, что Вернон просто нашел отговорку. Ему стоило ввести в Картахенскую бухту хотя бы два-три 80-пушечника и помочь армии тяжелыми орудиями. Вполне возможно, тогда англичане смогли бы захватить Картахену.

Глупейшая ссора адмирала с начальником экспедиционного корпуса и стала основной причиной поражения англичан.

На самом деле их было два, но «Принсипе» успел сбежать. Командир «Принсипе» (и одновременно начальник отряда) Пинтадо, бросивший «Принсессу» на растерзание англичанам, был разжалован хефе ди эскуадра Торресом.

Командир — дон Парло Аугустино де Гера. Корабль был вооружен 24-фунтовыми, 18-фунтовыми и 8-фунтовыми орудиями, однако нес не 70, а 64 пушки и имел экипаж в 654 человека.

В Гаване стояла эскадра хефе ди эскуадра де Торреса в составе 12 кораблей.

Коммодор в описываемые времена — временное звание, даваемое кэптену в английском флоте, с функциями контр— или вице-адмирала. При этом кэптен одновременно командовал и своим кораблем, и вверенными силами. По итогам экспедиции кэптен мог вернуться на прежнюю должность либо стать контр-адмиралом.

Употреблено здесь и далее как синоним отставных ветеранов.

Командир эскадры, звание, аналогичное французскому — шеф д'эскадр.

Состав эскадры Писарро был следующим — 64-пушечный «Азия», 64-пушечный «Гипускоа», 30-пушечный «Эрмиона», 50-пушечный «Эсперанса», 54-пушечный «Сен-Эстефан» и 20-пушечный паташ.

К этому моменту фрегатом командовал лейтенант Соул, поскольку кэптен Митчелл заболел малярией и умер 31 января 1741 года.

Пролив между островами Огненная Земля и Статен Ленд.

Канал был назван так в честь корабля «Бигль», на котором Чарльз Дарвин в 1831–1836 годах исследовал Южную Америку, в том числе и архипелаг Огненная Земля. К сожалению, автору данной книги не удалось найти как назывался этот пролив в XVIII веке.

Сам Энсон пишет об острове Сан-Хуан, но, судя по приводимым координатам, он ошибается. В архипелаге Огненная Земля нет острова Сан-Хуан.

В Южном полушарии лето длится с декабря по февраль.

В нашем описании мы используем метеорологическое направление ветра, то есть которое определяется азимутом точки, откуда дует ветер.

Остров в архипелаге Огненная Земля, открытый Якобом Клерком л'Эрмитэ.

Остров Робинзона Крузо (исп. Isla Robinsón Crusoe) (96,4 км²) — наибольший из трех островов архипелага Хуана Фернандеса. Он расположен в южной части Тихого океана, 674 км западнее берегов Чили. До 1966 года он назывался испанцами Isla Más a Tierra (рус. «ближайший к земле остров»).

В 1704 году на острове был высажен шотландский моряк Александр Селькирк, который прожил на нем 4 года и 4 месяца в полном одиночестве. Писатель Даниэль Дефо использовал историю его жизни в качестве основы при написании романа «Робинзон Крузо». Имя главного его героя носит сейчас остров.

В 1680-х годах испанцы попытались заселить остров индейцами, но попытка провалилась. Однако козы и куры, взятые с собой переселенцами, расплодились в немалом количестве.

Корабль лавировал у Сокорро с 19 июня, но из-за противных ветров не мог приблизиться к острову. В отчаянии Норрис поднял флажный сигнал, что у него не хватает провизии и людей. Энсон послал шлюпку с водой и вяленным мясом, которая, несмотря на большое волнение, смогла сблизиться с кораблем и пополнить его запасы провизии. Благодаря этим мерам «Глостер» был спасен.

Фунт стерлингов в серебряном эквиваленте — на 1717 год это монета с содержанием 120 граммов серебра. Песо содержал 25,57 грамма серебра. Таким образом, 1 фунт стерлингов равен примерно 4,7 песо.

Фатом (англ. fathom) — морская сажень. 1 фатом — 6 футов, или 1,8 м.

Эти данные не соответствовали действительности и более походили на байки. Мы ниже приводим характеристики реального манильского галеона.

«Nuestra Senora de Covadonga» («Нуэстра Сеньора де Кавадонга», 50 пушек) построен в Кавите в 1730 г., размеры — длина 36 м, ширина 9 м, осадка — 5 м, водоизмещение — 700 строевых тонн (для сравнения — на «Центурионе» — 1200), вместимость — 1000 тонеладос (1 тонеладос — это около 920 кг). В 1743 г. имел всего 13 пушек — пять 12-фунтовых, восемь 6-фунтовых. На борту было 530 человек, половина — пассажиры, экипаж — 266, в том числе 43 солдата. Здесь и далее мы ведем речь о строевых тоннах, то есть о водоизмещении, рассчитанном по следующей формуле: $L0,5d0/94$, где L — длина судна по килю, а d — ширина.

В данные о большом количестве малых пушек верится мало, хотя данные взяты из отчета Энсона.

Запас серебра, привезенный командором, оказался столь велик, что Королевский монетный двор после выпуска в 1746 году новых тиражей монет с надписью LIMA (в диапазоне от шестипенсовика до кроны как раз из серебра Энсона) не возобновлял чеканки серебряной монеты до 1750 года.

Началось все с лигницкого князя Фридриха II Пяста, который после смерти бригского князя Георга I Пяста наследовал права на Лигниц, Бри и Егерсдорф в 1521 году, а герцогство Глогау просто купил за долги в 1545-м. Дети Фридриха II, Магдалена и Георг, были выданы за детей маркграфа Бранденбургского Иоахима II Гектора — соответственно, Иоганна Георга и Барбару. Таким образом, Иоганн-Георг Бранденбургский получил права на нижнесилезские герцогства, которые были объявлены приданым Магдалены.

Однако, предъявляя эти права в 1740 году, Фридрих II перечеркивал статуты Священной Римской империи времен императора Леопольда I, который в 1675 году наследовал права на Лигниц, Глогау и Бриг после смерти последнего силезского герцога из дома Пястов, Георга— Вильгельма.

Фридрих после провала в начале битвы покинул войско, но командование принял фельдмаршал Курт Кристоф фон Шверин, сумевший отбить вторую атаку австрийской конницы и довести дело до победы.

Несколько кораблей несли вместо 36-фунтовых 32-фунтовые пушки.

Из отчета Барнетта: «As we were at war with Spain, being a cruiser it was my duty to be satisfied that they were not Spaniards, and therefore desired they would shorten sail that I might send. my boat on board them».

Прирожденных артиллеристах.

Списочный состав эскадр будет приведен в конце главы.

Кордебаталия — корабли центра.

Вечером 20-го Мэтьюс дал сигнал: «Встать на якорь в линии фронта», — однако не проверил выполнения этого приказа. В результате Лесток бросил якорь сразу же после поднятия сигнала, в 5 милях от кордебаталии.

Этот диалог на английском:

— *How do you do?*

— *Do? What can I do? Look at Vice-Admiral! You'll help me at attack?*

— *Yes.*

Позже Эдвард Хок, став адмиралом, изменил его.

Из показаний капитана «Подера», взятого в плен abordажной партией с «Бервика».

Там, среди всего прочего, были такие слова: «Я не хочу беспокоить вас относительно причин этой неудачи, но для вашей лучшей информации я позволю себе направить вам подробности плавания нашего флота, начиная с момента, когда противник отплыл из Тулона, и до того момента, когда мне приказали преследовать его, после чего мы не видели его, хотя имели весьма свежий ветер в нашу пользу и наветренное положение, и, соответственно, они должны были бросить свои покалеченные корабли, особенно испанский флагман, или же принять сражение в условиях нашего превосходства, поскольку по меньшей мере 4 испанских корабля были выведены из строя, а еще один сожжен.

В заключение я хочу отметить, что, хотя во время боя было много сигналов относительно построения в линию баталии, фронтом или в кильватер, однако ее ни разу не удавалось построить, исключая только вечер после боя, когда мы остановились, перед тем, как неприятель бежал от нас».

Формулировка обвинения та же, что и адмиралу Бингу в 1756 году.

Эдмунд Уильямс — капитан с 1734 года, в 1747 году уволен из Ройял Неви в чине контр-адмирала, умер в 1752 году.

Позже он был восстановлен в звании и в 1750 году уволен с чином контр-адмирала, умер в 1771 году.

Кстати, Мэхэн и Коломб уверяют, что четверем кораблям, шедшим за «Мальборо», не на кого было спускаться, т. к. пять концевых испанских линкоров отстали, но, как следует из сообщения Эмброуза в подшивке материалов по Тулону, он, будучи предпоследним в дивизионе Мэтьюса, вел бой с испанцами, **которые от него отставали (!)**. Из этого следует, что эти пять последних испанских кораблей могли быть легко зажаты между четырьмя линкорами, шедшими за «Мальборо», и дивизионом Лестока. И, следовательно, именно на Лестоке лежит ответственность за неиспользование этой возможности.

В Англии действует прецедентное право, то есть судьи руководствуются правилом прецедента, когда сходные дела рассматриваются аналогичным образом. Сложное дело в англосаксонском праве, это когда правило прецедента не работает.

В нынешней России эту должность можно сравнить с должностью председателя Верховного Суда РФ.

Характерно, что в обвинении Мэтьюса называют «мистером», а не «адмиралом».

Приговор мало обеспокоил Мэтьюса. Тот никогда не скрывал, что пришел во флот из комиссионеров, чтобы заработать немного денег. В Леванте было взято много призов, поэтому Мэтьюс получил так необходимые ему деньги. Умер он в своем поместье в 1751 году, успев выдать замуж своих дочерей.

Разбиты были и семь крупнейших транспортов — «St. Raymond» («Сент-Раймонд», 400 т), «Barentin» («Барентин», 350 т), «Embuscade» («Эмбюскад», 225 т), «Reine des Anges» («Рейне дес Анджес», 140 т), «Victorieux» («Виксторье», 110 т), «Angelique Madeleine» («Анжелика Мадлен», 90 т), «Galere de Detroit» («Гале де Детруа», 130 т).

С давних пор принадлежал принцам де Линям. В некоторых книгах проходит как городок Антьен.

Вольтер считает, что лорд Гэй, ведя этот диалог, специально затягивал время, чтобы англичане сумели сблизиться с французами. Этот первый залп убил и искалечил многих французских аристократов, которые находились в первой линии войск.

«Forty-Five» — так в Англии назвали это восстание якобитов.

Голландцы, как обычно, опоздали и пришли в Даунс только 3 сентября. Состав их должен был быть следующим: эскадра Маасского адмиралтейства — «Дорт» (54, вице-адмирал т'Хоофт), «Дельфт» (54), «Горхум» (44), «Оут Тейлинген» (44). Амстердамская эскадра — «Харлем» (76, шаутбенахт Грейв), «Диаман» (64, приз), «Лавенхорд» (44), «Эдам» (54), «Афендельфт» (54), «Бредероде» (54), «Мидельбург» (44), «Гоудерас» (44). Зеландия выставила три 64-пушечника, но их список неизвестен. Фризское адмиралтейство внесло свой вклад — «Фризо» (60), «Фрисланд» (54); Ноорденкватерское адмиралтейство — «Медемблик» (54), а также 54-пушечник и 44-пушечник.

Однако реально пришли всего 6 кораблей, а потом еще два. Остальные так и не были готовы. Все корабли номинально числились линкорами, хотя по английской системе скорее должны были называться фрегатами или кораблями 4-го ранга.

Линкор, вооруженный «эн флюйт» (как флейт), — это линейный корабль, у которого сняты все орудия с нижней палубы. Обычно так делалось для перевозки войск на военных кораблях.

По отчету Камберленда после боя, англичане собрали всего 2320 мушкетов и 190 палашей.

Крепость была разработана самим Вобаном, однако из-за коррупции в колониях крепость была построена из негодных материалов, а часть их была просто разворована. В результате вместо планировавшейся первоклассной крепости получился заштатный колониальный форт.

«Веймут» по дороге потерпел крушение и утонул.

Это была, мягко говоря, фантазия коммодора. Читатель, уже в известной мере изучивший вместе с нами положение флотов на 1744–1745 годах, знает, что все английские силы были собраны в Канале и на Средиземном море, так же как и силы французов. Вовсю готовилась высадка французских войск на Острове, и лишних сил для перевода в Вест-Индию у Людовика просто не было. Те корабли, которые базировались на Вест-Индию, были задействованы, в основном, в сопровождении французских конвоев на «сахарные острова».

Список приватиров, зафрахтованных Ширли: 20-пушечные фрегаты «Массачусетс» и «Мулине», а также 14-пушечный бот «Принс оф Оранж», 24-пушечный шлюп «Фэйм», 12-пушечная бригантина «Бостон Пакет», 14-пушечный «Сезар», 10-пушечный хоу «Резолюшн», 6-пушечный куттер «Бонетта», 10-пушечный шлюп «Эбигейл». В качестве транспортов использовались «Хамминг Берд», «Ханна энд Мэри», «Салли», «Сифлауэр», «Элизабет-1» (шхуна) и «Элизабет-2» (шлюп).

«Gironde» (Жиронда), «Prince d'Orange» (Принс де Оранж), «Parham» (Парам), «Bristol» (Бристоль), «Saint-Esprit» (Сент-Эспри), «Fleury» (Флери), «Prudent» (Прудан), «Jean-Joseph» (Жан-Жозеф), «Pénélope» (Пенелопе), «Heureux» (Ёрьё), «Lion» (Лион), «Grand-Gédéon» (Гранд-Гедеон), «Viarme» (Вьярм), «Brillant» (Бриллиант), «Francoise-de-Grâce» (Франсуа-де-Грас), «Concorde» (Конкорд), «Jean-Baptiste» (Жан-Батист), «Heureuse-Marie» (Ёрьёз-Мари), «Grande-Amazone» (Гранд-Амазон), «Marie-Marguerite» (Мария-Маргарита), «Saint-Dominique» (Сент-Доминик), «Union» (Юнион), «Prosper» (Проспер), «Aigle-Volant» (Эгль-Волан), «Bonne-Aventure» (Бон-Авентюр).

Ныне — бухта Галифакс

Построен в 1742 году в Ширнесе корабельных дел мастерами Иеремией Рузвеллем, Джоном Холландом и Джоном Пулем.

Индейское племя.

До этого времени действовали «Боевые инструкции», утвержденные еще адмиралами Гербертом и Расселом в 1691 году.

Здесь следует сделать некие пояснения. Исторически так сложилось, что еще со времен англо-голландских войн Белая эскадра была авангардом, Красная — центром, Синяя — арьергардом. В свою очередь, первый дивизион Белой эскадры считался авангардом Белой эскадры, второй — центром, третий — арьергардом. Также на дивизионы делились эскадры и других флагов. Каждым из этих дивизионов командовали адмиралы. Всего их было девять, поэтому и адмиралов было девять.

Можно провести полную аналогию с англичанами, которые при Елизавете Английской, совсем не имея торговли, имели таких корсаров, как Дрейк, Фробишер, Хокинс, Клиффорд и др., а в более поздние времена каперов такого масштаба у них не было.

Корабль Его Величества «Нортумберленд» был построен в 1705 году на королевской верфи в Депфорде. Последний раз был перестроен в 1743-м, его удлиннили, конструктивно разгрузили, перевооружили. «Нортумберленд» нес на гондеке двадцать шесть 32-фунтовок, на опердеке — двадцать шесть 18-фунтовок, на форкасле и квартердеке — десять длинных 9-фунтовок и две короткие 9-фунтовые пушки. Водоизмещение линкора было 2273 тонны, экипаж — 641 человек.

«Эсперанс» (74), «Нортумберленд» (70), «Тридан» (64), «Диаман» (50), «Аквилон» (46).

Корнелиус Митчелл, который командовал соединением из 60-пушечных «Страффорд», «Плимут», «Уорчестер», 70-пушечного «Леннокс», 24-пушечного фрегата «Сихорс» и 14-пушечного шлюпа «Дрейк».

Ныне Кап-Аитъен, или Лё-Кап, — мыс на северо-западе Гаити. Также называли и город, расположенный на этом мысу. Английские торговые пути с Ямайки в Каролину и Джорджию проходили через Каналь де ла Тартю мимо Кап-Франсуа.

«Tonnant» (Тоннан), «Terrible» (Террибль), «St. Esprit» (Сент-Эспри), «Trident» (Тридан), «Serieux» (Серье), «Esperance» (Эспиранс), «Diamant» (Диаман), «Aquilon» (Аквилон), «Zephyre» (Зефир).

«Boree» (Боре), «Leopard» (Леопард), «Tigre» (Тигр), «Alcyon» (Альсион), «Atalante» (Атлант).

Административно-хозяйственная должность, сравнима с нынешним начальником порта. Однако во французском флоте «портовый капитан» мог быть одновременно и командиром какого-либо судна.

Звание во флоте Франции, равное маршальскому. Существовало с 1625-го по 1748 год.

В те времена марсельские китобои били кита у Гренландии и побережья Новой Шотландии.

Изначально войска, в которых существенную численность имели шотландские полки, предназначались для переброски в Северную Америку. Английское правительство после восстания 1745 года опасалось новых бунтов и решило использовать шотландских солдат за пределами метрополии.

Это тем более удивительно, что как раз в это время несчастные корабли из экспедиции д'Анвилля находились в этих водах. Лесток получил выговор от Энсона по этому поводу.

Западные подходы (англ. Western Approaches) — район Атлантического океана, омывающий с запада Британские острова. Ограничен с запада меридианом 30 градусов, а с севера и с юга — широтой острова Уэстрей и широтой мыса Лизард, соответственно.

Шеффилдская платина (Sheffield plate) — сплав меди и серебра, часто использовался для производства дорогой посуды, а также столовых приборов.

В некоторых источниках тип корабля определен как бригантина.

Хотя в Тоскане правил Франческо II Габсбург, формально Тоскана была нейтральным государством. В 1745 году Франческо II под именем Франца I был выбран императором Священной Римской империи, что заставило с ним считаться и Марию Терезию, и Людовика XV.

Испанский приз. Мы рассказывали о захвате этого корабля ранее.

Сан-Доминго и Эспаньола — две части одного острова, ныне называющегося Гаити. Сан-Доминго — французская часть, Эспаньола — испанская.

Несколько дуэлей все же состоялось, на одной из них Ноульсом был смертельно ранен кэптен «Уорвика» Томас Иннес.

На «Нептуне» было только 68 орудий, все пушки с верхней палубы были сняты

Тип «Медея». Длина 117 футов, ширина 31,6 фута, высота борта — 13,3 фута. Двадцать шесть 8-фунтовых орудий.

Раньше «Тридан» уже спускал флаг перед «Портлендом» и «Глостером», но затем опять его поднял.

Вот к чему привела французская линия! Французам следовало бы стараться идти перпендикулярным курсом или уходить фронтом.

Связано это было с низкой квалификацией испанских матросов. Ту работу, которую на английском флоте мог выполнить один моряк, в испанском выполняли два, а то и три.

700 тысяч английских фунтов стерлингов. По другим данным, «Глориосо» вез 5,7 миллиона песо, или 1,3 миллиона фунтов серебром.

Так испанцы называли испанские одиночные корабли, следующие с грузом серебра из Вест-Индии.

Вооружение «Ларка»: двадцать 18-фунтовок, двадцать 9-фунтовок и четыре 6-фунтовки.

Крукшенкс был осужден трибуналом и выгнан с флота.

Вооружение линейного корабля «Варвик»: двадцать четыре 24-фунтовки на гондеке, двадцать шесть 9-фунтовок и десять 6-фунтовок на опердеке.

Из-за названий кораблей эту эскадру в Ройял Неви прозвали «Королевским семейством».

Вообще Джон Уолкер заслуживает отдельной книги. Интересно, что все свои призовые он просадил в карты, более того, попал в долговую тюрьму и закончил свои дни капитаном бедного рыбацкого судна.

Битсон и Ричмонд дают другую дату — 8 февраля, но это несомненная ошибка, в отчете Коутса, также как и в отчете испанцев говорится именно о 18 марта (по новому стилю).

Малабарский берег — длинное и узкое побережье на юго-западе полуострова Индостан, расположенное к югу от Гоа, между Индийским океаном и Западными Гатами.

Коромандельский берег — восточное побережье полуострова Индостан, к югу от дельты реки Кришна до мыса Коморин.

Дюпле принадлежал к дворянству мантии, а не дворянству шпаги или духовенству. Слово «разночинец» употреблено именно в этом смысле.

С 1720 г. начинается распад империи. В этом году при султани Мухамеде Шахе наместник Декана Низам уль Мульк (1720–1748) образует свое независимое государство. Его примеру последовал наместник Ауда, сделавшийся из простого персидского купца визирем, а потом первым навабом Аудским.

Маратхи наложили дань на всю Южную Индию, прорвались сквозь восточную Индию на север и вынудили у Мухамеда Шаха уступку Мальвы (1743).

К внутренним раздорам добавились нападения извне. В 1739 г. персидский Надир-шах сделал набег на Индию. После взятия Дели и 58-дневного грабежа города персы возвратились домой через северно-западные проходы с добычей, оцененной в 32 миллиона фунтов стерлингов.

За персами последовали афганцы, несколько раз врывавшиеся в Индию под предводительством Ахмеда Шаха Дурани и возвращавшиеся после страшных зверств с богатой добычей. Кабул, последнее афганское владение Моголов, был отнят у них еще в 1738 году; целые области были опустошены афганцами, а их население вырезано или уведено в рабство.

От названия области в Индии — Карнатака, за которую боролись английская и французская ОИК.

Карнатака (Karnataka) — штат на юго-западе Индии.

Так называли отдельные самостоятельные области.

Гхураб — это небольшое быстроходное парусное судно, широкое и с малой осадкой, несущее от двух до четырех мачт. Вооружение: впереди — две 9- или 12-фунтовые пушки, по бортам — шесть 9-фунтовок, тоннаж примерно 150–300 т.

Галливат — это небольшая двухмачтовая галера, водоизмещение до 70 т, шесть-восемь пушек в 2–4 фунта, чаще всего — на вертлюгах, 40–50 весел.

«Договор двух Сфер» был впервые заключен в XVII веке между испанским и английским королями. Суть его заключалась в следующем — война в колониях не является поводом для войны в Европе. И наоборот — сражения в Европе не являются поводом для открытия военных действий в колониях.

Все пушки — не более 12 фунтов.

Арка́т (Арко́т) — столица княжества Карнатака (крупного вассала Хайдарабада) на восточном побережье южной Индии, правителей которого европейцы называли «Набобами Аркота».

«Когда мы пришли к вам на помощь и враг нас атаковал... вы сидели в своем форте. Ваши люди трусы, они хороши для торговли, но не для войны».

Эскадра пришедшего в мае капитана дю вэссо Бувэ де Лозье. Эскадра Дордолена в то время была в Маше, на Малабарском берегу.

Так в Индии назывались предместья, где селились бедняки.

По ходатайству Морица Саксонского Маастрихт должен был сначала сдаться французским войскам, а потом покинут французской армией вместе с другими городами Фландрии.

Beatson, R. «Naval and Military Memoirs of the Great Britain», vol. 1 — London, 1804.

Например, D.A. Baugh. «The Eighteenth Century Navy as a National Institution» in J.R. Hill (Ed.), The Oxford Illustrated History of the Royal Navy, — Oxford, 1995.

Lavery B. «Nelson's Navy: The Ships, Men and Organization 1793–1815», — London, 1989.

Говорят, что Морепа сочинил следующую эпиграмму на Людовика XV, где высмеивал фаворитизм:

Одна почти забыта, вторая стала прахом,

Сестра же третья в милости пока,

Четвертая ждет с нетерпеньем часа.

Такая страсть к семье одной —

То знак немилости к любой другой

Иль символ постоянства?

В Ройял Неви на морском сленге их называли «мартышки».

Последнее иногда называлось Маасским адмиралтейством.

Иногда называлось Норденкватерским адмиралтейством.

Цитируется по статье П. Мельникова «Реляция о действии русских в Польше и о покорении Данцига», «Отечественные записки», 1841. — Т. 14. № 1. — Отд. 7. — С. 1–5.

Будущий академик Французской академии наук.

Эта маленькая экспедиция стоила пайщикам дополнительно 60 тысяч ливров.

20 тысяч ливров — пайщикам, которые к тому времени разорились, и 100 тысяч — главе компании, герцогу Мазарини. Последнему также было предложено стать привилегированным акционером новой компании.